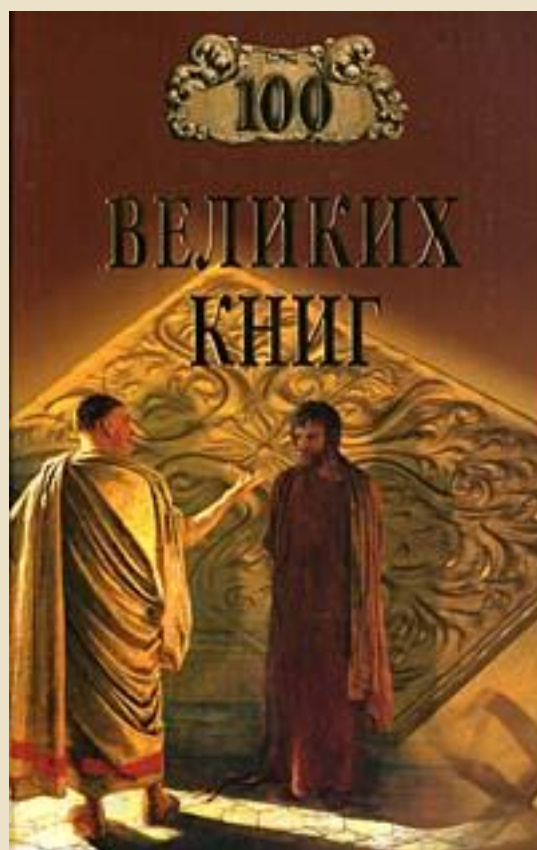

100 Великих Книг

Юрий Андреевич Абрамов, Валерий Никитич Демин
100 Великих Книг
ОТ АВТОРОВ

Мыслящий человек постоянно оценивает и отбирает. Из океана книг ему необходимо отобрать для прочтения самые, самые. Самые нужные, необходимые и, конечно же, самые талантливые. Из истории хорошо известно, как отбирал древнеримский ученый-энциклопедист Плиний Старший: из 12 тысяч доступных ему манускриптов — 2000 «томов», а уже из них составил 35 тысяч «фактов», помещенных в 37 «книгах-главах». А вот византийский патриарх Фотий признал достойными чтения и изучения 280 произведений от Геродота до Сергия Исповедника (IX век).

Проходят века, меняются нравы, знания о мире, меняется и выбор книг. Каждая книжная серия — будь то «Литературные памятники», «Жизнь замечательных людей» или «Библиотека всемирной литературы» — это отбор ограниченного числа творений по заданному признаку или критерию.

В какой-то точке этот отбор смыкается с рекомендательными списками для чтения. Такие списки создаются во всех странах (недавно 600 названий опубликовала знаменитая Энциклопедия «Британика»). Очень интересно наблюдать за тем, какие творения человеческого разума включают в число шедевров разные народы и разные исследователи...

И вот наш вариант ста великих книг — вершин человеческой мудрости. Скажем сразу: конечно, цифра эта (100) заведомо условная. Каков же в таком случае оптимум, если подойти с точки зрения современной теории библиографии? Ответ — 234 произведения! Понятно, неизбежен шквал недоуменных вопросов. Но приведенная цифра получена не случайно! Она — результат долгого и кропотливого исследования — экспертных опросов, анализа существующих рекомендательных указателей, математической обработки статистических данных, но главное, конечно, неформализованного анализа всего корпуса произведений, составляющих ядро мировой книжной культуры.

Приблизительно две с половиной сотни книг — вот первоначальный взнос (ценз) для молодого мыслящего человека, решившегося встать на стезю освоения интеллектуального богатства мира. Такое количество серьезной литературы (художественной, исторической, философской, научной) человек перерабатывает в мозгу и в душе за период средней школы и младших курсов высшего учебного заведения. Кто раньше, кто чуть позже начинает задумываться: как продвигаться по книжной тропе дальше?

Книг — океан, а времени в обрез. И вообще есть ли путеводная нить? Есть, есть тропа и путеводная нить; только до самой идеи систематического, упорядоченного постижения книжной Вселенной надо дойти, надо подняться. И это дано не каждому.

Итак, на старте человек осваивает 234 книги. Прямо скажем, что к этому времени не все указанные книги удастся прочесть. Кстати, есть и такие в этом реестре, которые никто по своей воле читать не будет. Ну,

например, «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. Однако книга эта такова, что совершенно необходимо хотя бы подержать ее в руках (чисто мистическое действо), прочитать предисловие, посмотреть стиль текста, узнать о ней — почему ей такая честь, какую роль она сыграла в умственной истории человечества. Понять величие автора, создавшего эволюционную теорию и эту книгу.

Так же и с книгой Н. Коперника «Об обращениях небесных сфер». Даже перевод труда на другой язык — всегда подвиг, который должен быть зафиксирован в памяти. (Кстати, тексты величайших астрономов мира — Клавдия Птолемея с древнегреческого и Николая Коперника с латинского перевел на русский Иван Николаевич Веселовский, профессор, в течение 50 лет преподававший теоретическую механику.)

Не трудно догадаться, что и внутри списка из 234 наименований существует свой жесткий рейтинг. На его основе и выбрана первая сотня шедевров.

По поводу каждого произведения хотелось рассказать: краткую историю его создания, максимально кратко — содержание и смысл, современное (собственное) восприятие произведения, и привести несколько отрывков — цитат, чтобы дать почувствовать текст. Если познающий индивид пойдет по этому трудному, но увлекательному пути, то к пятидесяти годам его мозг сможет вместить более двух тысяч вершин человеческого гения. Но это уже другой список.

Безусловно, у авторов выносимой на суд читателя книги есть личные вкусы и пристрастия и собственный взгляд на мир. Оба они — не просто книгочеи, но и ученые, преподаватели высшей школы, философы по складу ума (а один — и по специальности). Книги, о которых ниже пойдет речь, пережиты не только разумом, но и сердцем. Искренне бы хотелось, чтобы мысли и эмоции, порожденные прочтением шедевров мировой классики, передались и читателям данной книги. Надеемся, верим, ждем, что так оно и случится!

СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ

1. БИБЛИЯ

Библия по праву считается Книгой Книг. Она неизменно занимает 1-е место в мире по чтимости и читаемости, общим тиражам, частоте издаваемости и переводам на другие языки. О значении ее для верующих христиан вообще говорить не приходится.

Библия — это символ и знамя культуры почти двух тысячелетий. Библия — это жизнь (в полном смысле данного слова) целых народов и государств, городов и сел, общин и семей, поколений и отдельных личностей. По Библии (в соответствии с ее канонами) рождаются и умирают, женятся и выходят замуж, воспитывают и наказывают, судят и правят, учатся и творят. На Библии клянутся как на самом святом из того, что только можно отыскать на земле.

Библия давно и бесспорно вошла в плоть и кровь повседневной жизни и разговорный язык. Люди даже не замечают (а подчас и не подозревают) библеизмов, которыми насыщена их речь и которые давно превратились в поговорки:

Вавилонское столпотворение.

Власть тьмы.
В огонь и в воду.
Волки в овечьей шкуре.
Глас вопиющего в пустыне.
Да минует меня чаша сия.
Да не знает левая рука, что творит правая.
Зарыть талант в землю.
Земля обетованная.
Земля, текущая молоком и медом.
Змей-искуситель.
Знамение времени.
Имеющий уши да слышит.
Имя им - легион.
Ищите и обряцете.
Каинова печать.
Камень преткновения.
Книга за семью печатями.
Козел отпущения.
Колосс на глиняных ногах.
Красная нить.
Кто не работает - тот не ест.
Манна небесная.
Не ведают, что творят.
Невзирая на лица.
Не мечите бисер перед свиньями.
Не оставить камня на камне.
Не от мира сего.
Не сотвори себе кумира.
Не хлебом единым.
Нет пророка в своем отечестве.
Ничего нового под солнцем.
Ничтоже сумняшеся.
Око за око, зуб за зуб.
От века и до века.
От избытка чувств.
Отряхнуть прах с своих ног.
Перековать мечи на орала.
Повиснуть между небом и землей.
Поднявший меч от меча и погибнет.
Поклоняться золотому тельцу.
По образу и подобию.
Посеешь ветер - пожнешь бурю.
Посыпать голову пеплом.
Соломонов суд.
Соль земли.
Строить дом на песке.
Терновый венец.
Тьма египетская.

Умывать руки.
Фиговый лист.
Фома неверующий.
Что сверх того, то от лукавого.
Хлеб наш насущный.
Хранить, словно зеницу ока.
Яко тать в ночи.

И многое еще другое — все из Ветхого или Нового завета, двух главных частей канонической Библии. Ветхий завет почитается и в иудаизме (религии еврейского народа); Новый завет, посвященный жизни, мученической смерти и воскресению Иисуса Христа, а также деяниям и посланиям апостолов признается только в христианстве.

Ветхий завет состоит из 39 книг и традиционно подразделяется на три части: Пятикнижие (по-еврейски Тора — «Закон»), продиктованное пророку Моисею самим Богом; Пророки (Иисус Навин, Иов, Исайя, Иеремия, Иезекииль и др.); Писания (или Агиографы). Книги создавались в разное время и на протяжении многих веков редактировались и обновлялись, пока не приняли современную каноническую форму. В них содержится богатейший материал по древней философии, мифологии, идеологии, истории, праву, культуре, искусству, поэзии, проповеднической риторике и т. д.

Начало Начал — 1-я книга Библии «Бытие», неисчерпаемый источник глубокомыслия и вдохновения. В мифопоэтической форме здесь излагается история происхождения Мира и Человека. Книгу Бытия ни в коем случае нельзя воспринимать буквально, фактологически; она переполнена сакральной символикой, обобщенными мифологемами, дает неограниченный простор как для мистического прозрения, так и для научного анализа:

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. «...»

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. «...»

И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и когда он уснул, взял одно из ребер его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будет одна плоть. И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились...

Библейские книги — сплошь высочайшая поэзия. Недосыгаемой вершиной мистико-любовной лирики остается Песня песней, приписываемая царю Соломону:

Кто эта блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменем? «...» О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дочь именитая! Округление бедр твоих, как ожерелье, дело рук искусного художника; живот твой - круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино; чрево твое

- ворох пшеницы, обставленный лилиями; два сосца твоих, как два козленка, двойни серны; шея твоя, как столп из слоновой кости. «...» Как ты прекрасна, как привлекательна, возлюбленная, твоею миловидностью! Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков; уста твои, как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных...

Абсолютную ценность для верующих христиан представляет Новый завет и прежде всего Евангелия, рассказывающие о жизни Иисуса Христа. Канонических (то есть включенных в Библию) Евангелий четыре — от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна. Кроме того, существует еще множество так называемых апокрифических Евангелий. Как и другие «отреченные книги» библейского содержания они не признаются официальной церковью и включены в индекс запрещенной литературы.

Жизнь Христа — образец беззаветного служения человечеству. Его учение — алгоритм нравственного самосовершенствования личности и идеального взаимоотношения между людьми. Его проповеди несут неисчерпаемый заряд умиротворения и надежды на лучшее будущее.

Среди них и знаменитая Нагорная проповедь из Евангелия от Матфея:

Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. «...»

Вы - соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы - свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного. «...»

Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. «...»

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему верхнюю одежду. «...»

Вы слышали, что сказано: люби ближнего и ненавидь врага твоего А Я говорю вам любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас «...»

Бессмертное слово Богочеловека, принявшего мученическую смерть на кресте во имя спасения всего человеческого рода и поправшего своей смертью смерть, вот уже почти два тысячелетия наполняет души и сердца людей безграничной верой в торжество Добра над Злом

2. КОРАН

Коран — одна из самых боговдохновенных и поэтических книг человечества. Ощутить это в полной мере можно, естественно, лишь прочитав ее в подлиннике — на арабском языке. Никакой перевод не сможет передать ни тонкого лиризма, ни вдохновенного экстаза, ни молитвенного умиротворения, который передается сотням правоверных мусульман тем же мистическим путем, каким священный текст был ниспослан по воле Аллаха Пророку Мухаммеду.

И все же путь проникновения в бездну божественных откровений для тех, кто не владеет языком подлинника, существует. Его проложили поэты, окрыленные даром глубинного эзотерического видения. Для русского читателя таким распахнутым окном, позволившим увидеть безбрежную синеву неба ислама, явилось вольное переложение стихов Корана Александром Сергеевичем Пушкиным. В девяти стихотворениях, объединенных под общим названием «Подражания Корану», ему удалось схватить и передать читателю главное — дух великой книги:

Согласно каноническим мусульманским преданиям, Аллах надиктовал Пророку Божественную книгу через своего посланца — архангела Гавриила (Джабраила). Священные персонажи в Коране те же, что и в Библии, включая новозаветного Иисуса (Ису), но имена всех их арабизированы. Арабизированы и хорошо знакомые библейские истории, носящие к тому же отрывочный и несистематизированный характер. Мухаммед усваивал текст, находясь в состоянии молитвенного экстаза, а затем устно передавал его приверженцам. Таким образом Пророку было транслировано 114 глав (по-арабски — сур), написанных рифмованной прозой. Считается, что в них сконцентрировано универсальное знание и ответы на любые вопросы, которые только могут прийти на ум человеку. Недаром халиф Осман приказал сжечь Александрийскую библиотеку, где была собрана вся мудрость Древнего мира, лишь на том основании, что все необходимое, как заявил владыка, есть в одной-единственной книге — Коране: что повторяет его — излишне, что ему противоречит — попросту вредно. При жизни Мухаммеда коранические тексты, как правило, не записывались, а передавались по памяти (хотя и существовали списки отдельных сур). Первый рукописный свод Корана был составлен уже после смерти Пророка, последовавшей в 632 году, и канонизирован его преемниками.

Мусульманская традиция подразделяет все суры Корана на мекканские и мединские. Первые — более поэтичные и возвышенные — открылись Пророку до хиджры, то есть до его переселения из Мекки в Медину, последовавшего в 622 году (с этой даты и ведется мусульманское летосчисление, основанное на лунном календаре). Здесь множество проклятий в адрес язычников, страстных призывов к единобожию и принятию новой веры. Мединские суры более спокойны и выдержаны, в них заметно стремление к обстоятельной и последовательной передаче богооткровенного послания.

В Коране нет какого-то единого плана построения. Это — Откровение в полном смысле данного слова, содержащее молитвы, заклинания, проповеди, притчи, моральные предписания, элементы права и религиозных канонов. Единственная закономерность — расположение сур по убывающей величине: самые обширные — в начале, самые короткие — в

конце. Исключение составляет лишь заглавная сура — 1-я сура Корана — знаменитая «аль-Фатиха» — «Открывающая книгу»:

*Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Хвала Аллаху, господу миров
Милостивому, милосердному,
Царю в день суда!
Тебе мы поклоняемся и просим помочь!
Веди нас по дороге прямой,
по дороге тех, которых Ты благодетельствовал, —
не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.*

(Перевод — здесь и далее — Игнатия Крачковского)

Даже прозаический перевод способен передать внутреннюю экспрессию и пафос Божественного слова, пророческую страстность и экзальтированность. Начало самой древней 96-й коранической суры «Сгусток» дает прекрасное представление об энергетическом потенциале устного и печатного коранического текста — независимо от того, на каком языке он воспроизведен:

*Во имя Аллаха милостивого, милосердного!
Читай! Во имя Господа твоего, который сотворил —
Сотворил человека из сгустка. Читай!
И Господь твой щедрейший,
Который научил каламом [с помощью откровения. — В. Д.],
Научил человека тому, чего он не знал.
Но нет! Человек восстает
Оттого, что видит себя разбогатевшим.
Ведь к Господу твоему — возвращение!..*

Аллах — мусульманское Первобожество — главное действующее лицо священной книги ислама. Он — Бог единственный, вечный и всемогущий. «Слово Его — истина. Ему принадлежит власть в тот день, как подуют в трубу; ведающий тайное и явное. Он — мудр, знающ» (6:73). Аллах — творец Вселенной и человека, всего живого и неживого, прошлого, настоящего и будущего. Он сотворил небеса и землю — «семь небес, рядами — одно над другим» (67:3; 71:14). «И сделал Месяц на них светом, а Солнце сделал светильником» (71:15). Ближнее к земле небо Аллах украсил звездами и планетами. Небу велено было также производить ночь, день, утренние и вечерние зори. С небес на землю спущена невидимая и недоступная для людей лестница; по ней перемещаются ангелы и духи, но для людей она запретна. Трон самого Аллаха возвышается над иерархией небес, где на самом верху находится рай, а в самом низу, как и полагается, — ад. Неудивительно, что самые главные и вдохновенные суры Корана обращены к Первоотцу мира и человека (55:1-25):

*Милосердный. —
Он научил Корану,*

*Сотворил человека,
Научил его изъясняться.
Солнце и луна — по сроку,
Трава и деревья поклоняются.
И небо Он воздвиг и установил весы,
Чтобы вы не нарушали весов.
И устанавливайте вес справедливо и не уменьшайте весов!
И землю Он положил для тварей.
На ней — плоды, и пальмы с чашечками,
И злаки с травой, и благоуханные травы.
Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?
Он сотворил человека из звучащей глины, как гончарная,
И сотворил джинов из чистого огня.
Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?*

Он разъединил моря, которые готовы встретиться. Между ними преграда, через которую они не устремятся. Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным? Выходит из них обоих жемчуг и коралл. Какое же из благодеяний Господа вашего вы сочтете ложным?

Человек, по учению Корана, был вылеплен Аллахом из «звучащей глины» в качестве своего «заместителя» (халифа) на земле. Затем Бог сделал потомство — весь остальной род людской — «из капли жалкой воды». Потом вдул в человека «от Своего духа» и устроил всем слух, зрение и сердца (32:7–8). Однако появлению человека предшествовало создание других человекоподобных существ — ангелов и джинов. Аллах сделал ангелов «посланниками», обладающими крыльями двойными, тройными и четверными (35:1). Из сонма ангелов и джинов появился мусульманский Князь тьмы — дьявол Иблис. Коран не дает однозначного ответа относительно родословной шайтана Иблиса: согласно 38-й суры, он — падший ангел, но в 18-й суре утверждается, что он из джинов. В любом случае человеку от сатаны не поздоровилось. Именно он совратил человека в раю. Ему помогали змея и павлин. История эта во многом калькирует ветхозаветную. Первочеловека в Коране тоже зовут Адам, его эпитет — «отец человечества». Имя жены вообще не указывается, хотя в устных преданиях ей присвоено иудейское имя Хавва. Вся история грехопадения в Коране излагается схематично и без захватывающих подробностей. После того, как первые мужчина и женщина вкусили от запретного дерева (7:19);

Аллах изгнал их с небес на землю.

Но единый и всемогущий Бог не бросил своих детей на произвол судьбы. Жизнь каждого из них заранее предопределена и находится под личным покровительством Аллаха. Потому-то мусульманину так легко живется на белом свете. Он знает:

все его поступки от рождения до смертного часа заранее записаны в Книгу Судеб, и он не в силах что-либо изменить. Это простая, но надежная философия.

Коран — праотец и первотолчок всего мощного и неповторимого пласта мусульманской культуры, которая доказала на протяжении многих веков развития мировой цивилизации свой неисчерпаемый потенциал и

неиссякаемую жизнестойкость.

3. ТАЛМУД

Талмуд — священная религиозная книга еврейского народа и иудейского вероисповедания — известна остальному миру прежде всего своим невероятным многотомным объемом, схоластичностью содержания, книжной ученостью и малопригодностью для легкого чтения. Талмуд, безусловно, ценен как памятник древней и средневековой истории (многие важнейшие талмудические комментарии, или мидраши, были созданы именно в средние века, хотя основная часть написана в древности).

Однако еще больше Талмуд впечатляет как памятник жизнестойкости самого еврейского народа и незыблемости его традиций, позволивших на протяжении тысячелетий сохранять язык, веру, нравственные устои и уникальную культуру, которой, гонимые всегда и всюду евреи, тем не менее, щедро и бескорыстно делились с любыми народами, с которыми им приходилось сосуществовать. Не приходится сомневаться, что не последнюю роль в сохранении и консервации традиционного еврейского и иудаистического менталитета сыграл именно Талмуд.

Формально Талмуд представляет собой огромный сборник, куда включена масса самых разнообразных и к тому же канонизированных сведений — богословско-догматических, ритуальных, философских, юридических, нравственных, бытовых и даже фольклорных, поскольку в разные части Талмуда включены практически все главные устные предания евреев и комментарии к ним. Структурно Талмуд подразделяется на Мишну — толкование Ветхого завета (всего 63 трактата, распределенных по 6 разделам) и Гемару — толкования к толкованиям Мишны.

Богословско-догматические части Талмуда являются типичными образцами схоластической казуистики, представляющей интерес лишь для иудейских ортодоксов и специалистов по гебраистике. Да и те нередко тонут в утомительных рассусоливаниях вокруг малосущественных деталей и тонкостей догматики и предписаний. Характерным образчиком талмудического высокоумствования может служить небольшой отрывок из 31-й главы трактата «Авот» раби Нафана (1-я версия):

Десятью речениями создан мир. Какая была в этом надобность для людей? - чтобы показать тебе, кто исполняет одну мицву [заповедь], соблюдает одну субботу или спасает одну душу Израильскую, - тому Писание вменяет это, как если бы он спас целый мир, созданный десятью речениями; а кто совершает один грех, - оскверняет одну субботу или губит одну душу Израильскую, - тому писание вменяет это, как если бы он губил целый мир, созданный девятью речениями; ибо как мы находим о Каине, убившем брата своего, как сказано (Быт. 4, 10): «голос кровей (русский синодальный перевод Библии: крови) брата твоего вопиет во мне»: ведь он пролил одну кровь, откуда же явилось много «кровей»? Это показывает, что крови его сыновей, внуков и всех имевших произойти потомков его до конца поколений встали и кричали перед Господом. Следовательно, ты заключаешь, что один человек равнозначен всему созданному вначале. [Далее, как это и присуще Талмуду, следуют обширные комментарии на данную тему трех ученых раби.]

Но Талмуд потому и является одной из великих книг человечества, что он вобрал в себя богатство культуры целого народа во всех ее аспектах и гранях. Для массового читателя несомненный интерес представляют драгоценные подробности, относящиеся к библейским событиям и сюжетам. Вот, к примеру, как описывается в Талмуде ветхозаветная история создания мужчины и женщины (по сложившейся традиции комментарии связываются с именем конкретного иудейского богослова):

Раби Симон учил:

Когда Всевышний решил создать человека, между духами небесными произошел раскол. Одни говорили: «сотвори человека», другие: «не твори его».

- Сотвори его, - говорил дух Милосердия, - он будет творить милость на земле.

- Не твори его, - говорил дух Правды, - он ложью осквернит душу свою.

- Сотвори его, - говорил дух Справедливости, - добрыми делами он жизнь украсит.

- Не твори, - говорил дух Мира, - землю враждою наполнит он.

Поверг Господь Правду на землю. И взмолились Ангелы Служения, говоря:

- Владыка миров! Зачем пятнаешь Ты Правду, печать величия Твоего?

Подними ее с земли, Господи!

И пока духи вели спор между собою, осуществилось дело божественного творчества.

- Для чего, - сказал Господь, - пререкания ваши? Сотворение человека уже совершилось!

В немногих фразах талмудического диалога перед нами разворачивается целая мистерия, не уступающая по выразительности и чеканности лучшим образцам данного жанра. Такая же Драматическая напряженность ощущается и во фрагменте, комментирующем сотворение женщины:

«И Господь образовал Еву из ребра Адама» [текст Торы]. Рассудил Господь так:

- Не сотворю ее из головы его, дабы она не была высокомерной; не из глаз его - чтобы она не была любопытной; не из уха - чтобы не подслушивала; не из уст - чтобы не была болтливой? Не из сердца - чтобы завистливой не была; не из рук - чтобы не была любостяжательной; не из ног - чтобы не была праздношатающейся.

Из ребра - скоромной и скрытой части тела - сотворил Господь женщину и, по мере образования каждого из членов тела ее, приговаривал: «Будь кроткою, женщина! Будь добродетельной, женщина!»

Однако же ни от одного из перечисленных недостатков не свободна женщина!

Духом величайшего трагизма наполнен фрагмент, описывающий отчаяние и беспомощность Адама и Евы, увидавших тело Авеля, убитого Каином:

Истерзанное тело Авеля лежало в поле; кровью его обрызганы были кусты и камни. Верная собака его, овчарка, стерегла убитого, отгоняя хищных птиц и зверей. Полными ужаса глазами глядели Адам и Ева на убитого сына, не зная, что сделать с этим похолодевшим, неподвижным телом. Недалеко от

места лежал павший ворон. И вот, бывший тут другой ворон подумал: «покажу этим людям, что следует сделать с трупом», разгреб землю и закопал в ней мертвого товарища. Видя это, Адам и Ева вырыли могилу и похоронили Авеля.

Поэтические жемчужины, подобные приведенным, не столь уж и редки в Талмуде. Есть здесь и другие изумительные по красоте и философской глубине высказывания. К таковым относится и гениальное изречение, которое в свободном переводе звучит так: «Не время проходит — проходим мы». Философская ценность данного вывода во много превосходит убогую значимость многих пухлых научных трактатов, специально посвященных проблеме времени. Талмудический же тезис утверждает: нет времени абстрактного, нет времени «вообще», а есть только конкретные объекты, в том числе и живые люди, которым присуща реальная временная длительность. Пьер Ронсар — самый знаменитый поэт французского Возрождения — написал на эту тему не менее знаменитый сонет, заканчивающийся такими словами:

*Проходит жизнь, проходит жизнь, мадам,
Увы, не дни проходят — мы проходим —
И нежность обреченную уводим
Навстречу сокрушающим годам.
Все наши ночи — забытья кануны.
Давайте же любить, пока мы юны.*

(Перевод Г. Кружкова)

Так незримо и неотвратимо осуществляется связь времен, культур и людей, творящих культуру. Последняя — всегда связующее звено между прошлым и будущим. Вот почему в любой великой культуре прорастают зерна, зароненные в том числе и Талмудом.

4. РИГВЕДА

Ригведа — первая по значимости, самая обширная и наиболее знаменитая книга ведийского канона, уходящего своими корнями в глубокую древность и по-прежнему почитаемого в современном индуизме как Божественное Слово. Ригведа состоит из 1028 архаичных гимнов в честь главных Богов арийского пантеона. Вот уже несколько тысяч лет священные тексты без малейшего изменения изустно передаются от поколения к поколению, дожив до наших дней по существу в первозданном виде, то есть такими, какими их распевали древние арии еще до своего вторжения в Индостан, где они осели, частично уничтожив, частично впитав предшествующую культуру. До этого арии обитали далеко на Севере. Резкое похолодание вынудило их, как и других прапредков современных народов, мигрировать на Юг.

Память о былых полярных реалиях сохранилась во многих священных книгах. Среди них — Библия, Авеста и, разумеется, Ригведа в которой северная прародина человечества воссоздана особенно подробно и образно. Полярные ночь и день, полярные зори и сияния, звездная картина северного неба описаны в Ригведе столь точно, что это позволило выдающемуся индийскому ученому и общественному деятелю Б. Тилаку создать теперь уже ставший классическим труд с характерным названием

«Полярная родина в Ведах», где на основе скрупулезного лингвистического и исторического анализа доказывается: до своего появления на территории современной Индии (не ранее 111 тысячелетия до н. э.) арии жили в полярных и приполярных областях, где они соседствовали с другими индоевропейскими и неиндоевропейскими народами, составлявшими в еще более отдаленные времена единую этнолингвистическую и социокультурную общность. Исходя из сказанного, становится совершенно очевидным, что Ригведа — памятник, принадлежащий не только народам, говорящим на языках индийской группы, но и всем индоевропейским народам, которые не могут не найти в архаичных ведийских текстах первоосновы и своего собственного мировоззрения.

Ригведа — это и первоисточник первобытного космизма, поэтического видения Вселенной и управляющих ею законов, неисчерпаемого знания о запредельном мире Богов и обыденном мире людей, живших в той далекой эпохе, о которой иных устных и письменных свидетельств почти не сохранилось. Считается — и не без оснований, — что именно в Ригведе содержится один из древнейших философских текстов, формулирующих систему взглядов на мир и его происхождение:

*Тогда не было ни сущего, ни несущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды непроницаемые, глубокие?
Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было. «...»
Из чего возникло мирозданье, создал ли
[Кто его] или нет?
Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. [А] если не знает?*

(X, 129. Перевод В. А. Кочергиной)

Здесь больше вопросов, чем ответов. Но от того древний текст еще больше становится близким современному человеку. Ибо сегодня нас так же, как наших прапредков, волнуют все те же вопросы. И все так же трепещет душа перед безднами мироздания. И мы мучаемся все теми же сомнениями: а правильно ли мы познаем законы мира и дано ли нам вообще познать их до конца. Творческий экстаз людей прошлого абсолютно ничем не отличается от творческого экстаза людей настоящего.

Не может оставить равнодушным современного читателя и вдохновенный гимн Звездной ночи, в котором угадываются и отблески памяти о далекой Полярной прародине:

*Ночь-Богиня нисходит, озирая мир своими звездами-очами;
Она облеклась во все свое великолепие.
Бессмертная Богиня заполнила пространство, его глубины и высоты,*

Сиянием прогоняет Тьму.
Явившись, Богиня затмевает свою сестру Зарю;
Но и Тьма теперь исчезла.
Ты пришла теперь к нам, и мы возвращаемся в свои дома,
Как птицы в гнезда на дереве.
Народ возвращается домой, и звери идут домой, и птицы,
И даже ястребы, жаждущие добычи.
Охрани нас от волчицы и от волка, охрани нас от вора, о Ночь,
Будь благою для нас.
Обступила меня тьма, черная и густая, стоит;
Рассей ее, Заря, как мои долги...
(X, 127)

Здесь — и восторг, и страх, и надежда, и грустный вздох о долгах, которые абсолютно так же беспокоили древних ариев, как и нас — грешных детей дня нынешнего. Зеркальным контрастом к «ночному» гимну выступают многочисленные хвалебные песнопения в честь светлой Богини Зари — Ушас.

«...»Не нарушая обетов бессмертных. но сокрушая поколения смертных,
сияет Ушас первой из грядущих, придя на смену последней из бывших.
Вот Неба дочь явилась облаченна в сиянье, неизменна на восходе;
как должно следуя путем закона, провидица не путает стран света.
Открылась грудь ее, как у блудницы,
являя прелести свои, как Нодхас [имя неидентифицировано. — В. Д.],
она, как муха, пробуждает спящих, заря — родоначальница грядущих...

(1, 124. Переложение — здесь и далее — В. Тихомирова)

Считалось, что Ушас одновременно и мать и жена Бога Солнца — Сурьи: ежедневно рождая Краснотелное Божество, как курица сносит яйцо, Ушас-мать немедленно вступает с Сурьей-сыном в кровосмесительную связь, и так продолжается вечно. Культ Зари, так красочно и многосторонне восхваляемой в Ригведе, — характернейшая особенность общеарийской культуры, откуда он перешел в славяно-русское языческое мировоззрение и, в частности, в русский фольклор. Сын-муж Богини Зари — Краснотелный Сурья (отсюда, кстати, и русское «красное солнышко») — не менее сочная и смыслозначимая фигура ведийского пантеона:

Вот возносится вездесущий Бог, лучами ввысь возносимый, чтобы миру был виден Сурья.

Прочь, как тати, спешат обратно тьмы ночные и с ними звезды от всевидящего светила. «...»

Людам виден идущий в выси Сурья, ты - создатель света - Озаряешь пространства света. «...»

Семь кобылиц по крутым небесам влекут твою колесницу, Пламенновласый, ты тьму сжигаешь радостно и легко, И все дышит, видит и слышит, к свету - к тебе стремится,

О славный Сурья, о наш Солнцебог, о Видящий далеко!..

(Последняя строфа переложение С. Северцева)

Кроме вышеупомянутых, колоритными «персонажами» Ригведы являются верховные Боги индоевропейцев — Индра, Агни, Рудра, Варуна, Митра и др. Все они — первозданно буйные, непредсказуемые, грозные и одновременно милостивые — своими чертами напоминают неистовых людей той далекой эпохи с их необузданными страстями, склонностью к бесконечным попойкам (вот они истинные истоки современного пьянства!) и непрерывно возбуждающей подпиткой своего неподдельного восторга перед жизнью наркотическим (или галлюциногенным?) напитком Сомой, обожествленного и постоянно поминаемого в Ригведе, которому здесь как равноправному Божеству посвящено великое множество гимнов. И все же несомненным любимцем древних ариев остается Бог-громовержец, разрушитель Индра, своим грозным величием не уступавший ни одному другому Божеству:

Индры ныне мы возгласим деянья, что сделал в начале громовержитель. Он, змея убивший, он пробуравил ради вод текущих горные лона. «...»

Он — бык разъяренный. Он выбрал Сому, выжатого выпил из трех сосудов, щедрый ухватился — метнул дубину и убил перворожденного змея.

Ты убил первоначального змея, хитрости хитрейших перехитривший. Ты Солнце зачал. Зарю и Небо, И подобных нет соперников Индре...

(1,32)

Множество гимнов Ригведы посвящены Богу огня Агни (и у современного русского слова, и у древнеиндийского — один общий корень):

Ты Агни-Бог с денницей радостно-яркий, ты из воды восходишь, ты из камней, ты из травы восходишь, ты из деревьев, ты же чисторожденный людьми владычишь.

Ты Агни-Бог — первожрец, ты — очиститель, Ты — женоводитель, ты — огнедатель...

В целом же впечатление таково, что у любого гимна Ригведы — огненное начало. Все они пронизаны священным пламенем, вместе с которым устремляются ввысь, к Небу-Космосу, наши молитвы, наши помыслы и наши надежды. Ригведа — подлинная Поэма огня. Его отблески до сих пор полыхают в глазах и сердцах потомков ариев.

5. АВЕСТА

Священная книга древних иранцев — младшая сестра Ригведы. У них общий источник происхождения, сходное мировоззрение, общие Боги (например, Митра), но судьбе было угодно развести их идеологически. В Авесте также поминается древняя Полярная прародина иранцев (и всех индоевропейцев) — Арийан Вэджа (дословно «Арийский простор») Постигшее ее несчастье — ужасающее похолодание (оно вынудила прапредков иранцев уйти из полярных и приполярных областей) — с ледяющей душу бесстрастностью описывается именно в Авесте:

Там - десять зимних месяцев и два летних месяца, и они холодны - для воды, холодны - для земли, холодны - для растений, и это середина зимы и сердцевины зимы,

- а на исходе зимы - чрезвычайные паводки.

(Перевод — здесь и далее — И. С. Брагинского)

В дальнейшем некогда единая индоиранская этнолингвистическая общность окончательно распалась и возникли совершенно самостоятельные народы, языки, культуры, религии. Последние — с диаметрально противоположными ориентирами: иранские светлые Божества ахуры у индийцев превратились в злобных демонов асуров, и наоборот — индийские Богини деви у иранцев стали кровожадными дэвами. Но таковы сложные и непредсказуемые перипетии этногенеза.

Авторство Авесты приписывается легендарному пророку Спитамене Заратуштре (Зороастру) — его проповеди легли в основу канонизированного текста священной книги зороастрийской религии. Сам Заратуштра (в европейской традиции именуемый Заратустрой — в такой вокализации он вошел и в знаменитую книгу Фридриха Ницше) — реальное историческое лицо. Вот только относительно места и времени его рождения мнения ученых — и древних и современных — никак не совпадают. Местами рождения Заратуштры назывались Азербайджан, разные районы Средней Азии (Древней Бактрии или Маргионы), а в последнее время — Аркаим, древний оборонительный, производственный и культовый комплекс на Южном Урале, перевалочный пункт на пути миграций ариев вообще и индоиранцев в частности.

По традиционной пехлевийской хронологии, великий пророк и основатель зороастризма жил за 258 лет до Александра Македонского (в VII–VI веках до н. э.). Но есть и другие сведения. Так, античные источники сообщают, что Зороастр прибыл из северных краев (именуемых у греков и римлян гиперборейскими), из-за «мировой реки», то есть из-за Океана: «Говорят, что Зороастр на 6000 лет старше Платона, «...» будто он переправился на материк через большое море».

Первоначально полный свод Авесты насчитывал два миллиона стихов, разделенных на тысячу двести глав, написанные несмываемой золотой краской на двенадцати тысячах дубленых коровьих кож особой тонкой выделки. Тяжелые свитки хранились в главном зороастрийском храме столицы персидских царей. Когда Александр Македонский разбил Дария и разграбил Персеполь, он приказал стереть с лица земли главной святыни огнепоклонников, на его развалинах сжечь Авесту а пепел развеять по ветру. Существовал ли второй экземпляр книги — не известно. Легенда говорит о нескольких списках один из которых среди прочих трофеев был даже якобы вывезен в Грецию.

Когда же спустя много лет жрецы-маги задумали по памяти заново воссоздать сожженную книгу, утраченный текст восстановили лишь ценой невозвратимых потерь: новая Авеста оказалась вчетверо короче первоначальной. Однако и этот вариант не сохранился. Жрецы не раз дополняли и переделывали текст, уродовали древние стихи до неузнаваемости. Живое и поэтичное безжалостно выбрасывалось. Мертвое, наносное канонизировалось и насильственно насаждалось. Наивные вдохновенные верования древних иранцев в руках клерикалов превращались в сухую безжизненную догму.

В конце VII века на Персию и Среднюю Азию обрушились арабы. Все, что противоречило Корану и противилось новому порядку, беспощадно

сжигалось и уничтожалось — люди, храмы, книги. Арабское нашествие положило конец древней религии Зороастра. На смену поклонению огню, свету, правде и мудрости пришла вера Мухаммеда. Монголы, посланные Чингисханом «к последнему морю» на завоевание мира, пополнили черный список губителей древней культуры: в пыль обращались города, в прах — бесценные книги и манускрипты.

Не сразу и не до конца удалось ордам завоевателей вытоптать огонь зороастрийского учения. Пламя пророчеств Зороастра и учения Авесты не в силах были задуть ни македонцы, ни арабы, ни монголы. Тлеющие искры веры в светлое и доброе неизбежно побеждающее зло и тьму, вспыхивали вдруг в самых неожиданных местах.

Античная Греция и Рим не избежали влияния зороастрийских идей. Авестийское учение оплодотворило мистику некоторых иудейских и христианских сект. В средние века воинствующие еретики — несториане и павликиане, богомилы, катары и альбигойцы, — поднимая под религиозными лозунгами народные массы на борьбу против угнетателей, черпали, сами того не зная, из манихейства крамольные мысли языческого пророка Зороастра.

Религиозные общины зороастрийцев, чахлые и вырождающиеся, также сумели выстоять кое-где под натиском времени. Вплоть до начала XX века в Баку действовал храм огня. Поныне малочисленные группы огнепоклонников живут в Индии и Иране. Именно через парсов, индийских зороастрийцев, бежавших из Персии после кровавой резни, учиненной мусульманскими фанатиками, и поселившихся в окрестностях Бомбея, попали в Европу XVIII века списки Авесты, вернее, жалкие и куцые остатки, которые чудом уцелели и дожили до наших дней, по сути — одна из тысячи двухсот навсегда утраченных глав. Но даже и в таком виде пламенные гимны Зороастра и суровая мудрость безымянных авторов вошли в сокровищницу человеческой мысли и мировой поэзии. С ними-то и имеет дело современный читатель.

Философско-мировоззренческая концепция Авесты — дуалистическое понимание устройства мироздания, выражающееся в вечном противоборстве противоположных первоначал и первосущностей Вселенной: борьба между ними — главная движущая сила космической, планетарной, людской и божественной эволюции. В Космосе это борьба Света и Тьмы, на Земле — Жизни и Смерти, среди людей — Истины и Лжи (в русском народном мировоззрении последнее положение трансформировалось в представление о борьбе Правды и Кривды). Сформулированная концепция лейтмотивом проходит через многие гимны Авесты:

А теперь обращусь я к тем, кто хочет слушать. «...» Прислушайтесь ушами своими к наилучшему, Проникнитесь ясным пониманием двух верований, Дабы каждый перед Судным днем сам избрал одно из них:

Оба Духа, которые уже изначально в сновидении были подобны близнецам, И поныне пребывают во всех мыслях, словах и делах, суть Добро и Зло. Из них обоих благомыслящие правильный выбор сделали, но не зломыслящие.

Когда же встретились оба Духа, они положили начало Жизни и тленности и тому, чтобы к скончанию веков
Было бы уделом лживых — наихудшее, а праведных — наилучшее.
Из этих двух Духов избрал себе Лживый — злодеяние,
Праведность — избрал для себя Дух Священный, чье облачение — небесная твердь.

Верховное Божество зороастризма — Ахура-Мазда (буквальный перевод: Господь премудрый).

Он творит мир усилием мысли, требуя молитвы перед возожженным огнем.
Ахура-Мазда — главный вдохновитель, наставник и собеседник Заратуштры.
К нему обращены молитвы пророка и паствы.

Он же — центральная фигура Символа веры зороастризма:

Проклинаю дэвов. Исповедую себя поклонником Мазды, зороастрийцем, врагом дэвов, последователем Ахуры. «...»

Доброму, исполненному благу Ахура-Мазде я приписываю все хорошее, и все лучшее — ему, носителю Арты [Правды] «...»

Отрекаюсь от сообщества с мерзкими, вредоносными, неартовскими, злокозненными дэвами, самыми лживыми, самыми зловонными, самыми вредными из всех существ, [отрекаюсь от дэвов и их сообщников; от тех, кто насильничает нас живыми существами.

Отрекаюсь в мыслях, словах и знамениях «...»

Именно так, как Ахура-Мазда учил Заратуштру на всех беседах, на всех встречах, на которых Мазда и Заратуштра говорили между собой...

(Перевод В. И. Абаева)

Среди других Божеств Авесты — Митра. Его образ многозначен и в разных конкретных ситуациях имеет различный смысл. Он — и Солнце, и — спутник, сопровождающий Солнце, и — что наиболее характерно — воплощение общественного Согласия. В последнем смысле русское слово «мир» напрямую произошло от авестийского имени Митры и отобразило его функции. Митра — гарант мира между людьми:

Страну разрушит подлый,
Тот, кто не держит слова, —
Он хуже ста мерзавцев Благочестивых губит.
Будь верен договору Ты данному Спитама «...»
Пусть нам придет на помощь,
Придет ради простора,
Придет нам на поддержку,
Пусть нам придет на милость,
Придет на исцеленье,
Придет нам на победу.
Пусть нам придет на счастье,
Придет на благочестье,
Победоносный, мощный,
Обману неподвластный,
Достойный восхвалений Всего мирского — Митра,
Чьи пастбища просторны.

(Перевод — здесь и далее — И. Стеблина-Каменского)

Но и солнечная ипостась Бога не может не впечатлять современного читателя своей поэтической насыщенностью:

*Мы молимся Солнцу,
Бессмертному Свету,
Чьи кони быстры.
Когда Солнце светит,
Когда Солнце греет,
Стоят Божества
Все сотнями тысяч
И счастье вбирают,
И счастье дарят
Земле, данной Маздой,
Для мира расцвета,
Для Истины роста «...»
Помолимся Митре,
Луга чьи просторны,
Тысячеухому,
Чьих глаз мириад,
Который бьет метко
Своей булавою
По дэвов башкам.
Помолимся связи,
Из всех наилучшей,
Меж Солнцем с Луной.*

Малая, практически ничтожная часть Авесты дожила до нынешних времен. Но и эти дошедшие до нас священные осколки подчас сияют так, что слепит глаза!

6. «ДХАММАПАДА»

Полная версия буддийского канона «Типитака» («Три корзины [законар), написанного в I веке до н. э. на языке пали, содержит сведения на все случаи жизни. В каждой «корзине» можно отыскать ответ на любой вопрос, волнующий верующего человека: правила поведения и жизни в буддийской общине, нравственный кодекс, метафизические, космологические и эсхатологические основы учения Будды и т. д. Каждая часть «Типитаки» распадается на множество разновеликих трактатов, имеющих достаточно самостоятельное значение. Каждый из них — не просто священный текст, но также исторический и литературный памятник. Среди них немало шедевров, входящих в сокровищницу мировой мысли и поэзии. Шедевр из шедевров — «Дхаммапада» («Путь добродетели»), своего рода компендиум буддийской мудрости и догм, изложенных в краткой афористичной форме.

Для буддиста «Дхаммапада» — как Евангелие для христианина. По существу же она представляет собой 423 рифмованных изречений, сгруппированных в 26 главах. Постигающие истины буддизма используют священную книгу как учебник, заучивая ее наизусть. Им можно только

позавидовать: осмысливать, запоминать и при каждом удобном случае озвучивать «мудрость веков» — сплошное удовольствие. Ведь речь идет, как говорится, об истинах на все времена. Главные принципы мировой религии буддизма (1 — существует страдание; 2 — его причина; 3 — возможность освобождения; 4 — путь к нему ведущий) присутствуют в «Дхаммападе», так сказать, в снятом виде и в художественно отшлифованной форме.

Философия «Дхаммапады» — непротивление злу насилием. Лев Толстой, не задумываясь, подписался бы под ее емкими выводами:

Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. «...»

Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу же прекращаются ссоры.

(1, 5–6. Перевод - здесь и далее - В. Н. Топорова)

Буддийская мораль, правила поведения и взаимоотношения между людьми зиждутся на самоограничении чувств и подавлении желаний. Отсюда чеканные установки, вдохновляющие лишь тех, кто разделяет идеалы буддийского самосовершенствования:

Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение. Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение.

(1, 13–14)

«Плохо развитый ум», конечно, никому не нужен, но и без разумного «вожделения» тоже не проживешь. Тем не менее «Дхаммапада» шаг за шагом, настойчиво и беспрекословно проводит эту — и только эту! — идею: *Серьезность - путь к бессмертию. Легкомыслие - путь к смерти. Серьезные не умирают. Легкомысленные подобны мертвецам. «...»*

Избегайте легкомыслия, чуждайтесь страсти и наслаждения, либо лишь серьезный и вдумчивый достигает великого счастья.

(11, 21;27)

Сумевшие обуздать страсти и преодолеть достижимые или несбыточные желания достигают высшей степени мудрости и свободы:

У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, у сбросившего все узы нет лихорадки страсти. Мудрые удаляются; дома для них нет наслаждения. Как лебеди, оставившие свой пруд, покидают они свои жилища. Они не делают запасов, у них правильный взгляд на пищу, их удел - освобождение, лишнее желаний и необусловленное. Их путь, как птиц в небе, труден для понимания.

(VII, 90–92)

Поскольку искомый идеал достигается с помощью несущего истину Слова, постольку в «Дхаммападе», как и подобает священной книге, устанавливается подлинный культ «мысли изреченной»:

Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов.

(VIII, 100)

Победивший зло, низменные страсти, победивший себя в себе самом — достигает просветления и состояния нирваны (безмятежного самоуглубления и самосозерцания, в результате которых постигается высшее знание):

*Здоровье - величайшая победа; удовлетворение - величайшее богатство;
доверие - лучший из родственников; нирвана - величайшее благо.*

В одном из величайших произведений восточной и мировой литературы — поэмы Асвагоши «Жизнь Будды», созданной в начале новой эры и почитаемой верующими адептами наравне с другими священными буддийскими текстами, содержится обширная глава, прославляющая нирвану:

*И, проникаясь великим
Мученикам состраданием,
Будда им всем завещал:
«Вот достигну я Нирваны,
Чтите ее, — и за мною
Вы достигаете Нирваны,
Это светильник в ночи.
Камень ее самоцветный —
Клад человеку, что беден.
Что повелел вам, блюдите,
Путь ваш — дорога моя.
Не избирайте другого.
Тело, и мысли, и слово
Вы в чистоте соблюдайте,
Жизнь вашу чисто храня...»*

(Перевод Константина Бальмонта)

Конечно, если бы все следовали заветам великого Будды, изложенным в «Дхаммападе», мир давно бы приблизился к состоянию, близкому к Золотому веку. Но, увы, праведников как всегда не хватает, а грешников по-прежнему в избытке. Идеального состояния общества достичь пока что никому не удавалось — ни с помощью религиозных доктрин, ни с помощью утопических теорий. И, похоже, никогда не удастся.

**7. ЛАО-ЦЗЫ
«ДАО ДЭ ЦЗИН»**

Лао-цзы считал, что человек должен жить в уединении и чуждаться славы. Сам же он, прежде чем стать отшельником, служил хранителем архива императорского двора. Однажды его посетил другой величайший китайский мудрец — Конфуций, и между ними состоялась галантная и глубокомысленная беседа. Любопытна реакция Конфуция на эту встречу. Когда он вернулся домой к своим ученикам, то сказал буквально следующее: «Я знаю, что птица летает, зверь бежит, рыба плавает, бегающего можно поймать в тенета, плавающего — в сети, летающего можно сбить стрелой. Что же касается дракона — то я еще не знаю, как его можно поймать! Ныне я встретился с Лао-цзы, и он напомнил мне дракона».

Народная фантазия наделила Лао-цзы и историю его жизни самыми невероятными подробностями. Он — предтеча Будды, в которого в конце концов и превратился. Но задолго до того, также подобно Будде, он постоянно являлся в этот мир то в одном, то в другом облике. Рождению Лао-цзы предшествовало непорочное зачатие, что предвосхищает историю

появления на свет другого величайшего Пророка и Учителя человечества — Иисуса Христа. Согласно китайским легендам, когда мать будущего мудреца — Юн-нуй — вдыхала однажды аромат цветущей сливы, в ее приоткрытый рот проникла светящаяся капелька Солнца. В итоге чудесным образом зачалось дитя, которое счастливая мать носила в своем чреве — ни много ни мало — ровно 81 год. Когда ребенок родился, ему было именно столько лет. Потому-то и имя ему было дано Старый Ребенок (впоследствии интерпретированное как Старый Учитель).

Лао-цзы написал только одну книгу, в которой, как любят подчеркивать комментаторы, всего лишь пять тысяч слов. Название трактата — «Дао дэ цзин», переводится примерно так — «Книга о дао-пути и благой силе — дэ». «Цзин» означает «книгу» (это слово входит в состав названий многих китайских литературных, исторических и философских шедевров), а дао и дэ — центральные категории древнекитайской философии и религии, введенные в оборот Лао-цзы.

Особенно емко и многозначно понятие «дао». Это и путь, и метод, и закономерность, и учение, и правда, и истина и еще многое и много другое. По существу весь объективный и субъективный мир можно свести к одному текущему первоначалу — дао. Дао предопределяет весь ход событий во Вселенной и человеческом обществе. Оно соединяет в себе потенции двух других универсальных движущих сил мирового процесса — инь и ян. Первое — темное, женское, пассивное, мягкое, внутреннее; второе — светлое, мужское, активное, твердое, внешнее. Самостоятельно они не существуют, весь смысл космогенеза и антропогенеза — в их взаимодействии, взаимопроникновении, взаимодополнении. Лао-цзы обладал поразительной способностью уместать все эти мысли, выражающие суть его учения, в краткие и образные тексты:

Когда все в Поднебесной узнают, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все узнают, что доброе является добром, возникает и зло. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяют, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенно-мудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится. Поскольку он не гордится, его заслуги не могут быть отброшены. «...» Превращения невидимого [дао] бесконечны. [Дао] - глубочайшие врата рождения. Глубочайшие врата рождения - корень неба и земли. [Оно] существует [вечно] подобно нескончаемой нити, и его действие неисчерпаемо.

«Дао дэ цзин» была впервые полностью переведена на русский язык при непосредственном участии Льва Толстого, он же — редактор перевода. Переведенные фрагменты неоднократно включались Толстым в его знаменитые собрания афоризмов. Так, в обширном компендиуме «Круг чтения», где мысли великих людей распределены по месяцам, неделям и дням на каждый год, Лао-цзы принадлежит 32 изречения, а в «Путь жизни», где афоризмы распределены по проблемам, включено 11

изречений китайского мудреца. Одна из величайших заслуг последнего — бесценный вклад в копилку мировой этической мысли. Именно эта сторона его учения была наиболее привлекательна для Льва Толстого.

Безусловно, интересно взглянуть на все это глазами современного читателя. Что же именно привлекало великого русского писателя в книге, написанной две с половиной тысячи лет тому назад? Прежде всего, идеи, близкие по духу самому Толстому, созвучные с его собственными убеждениями:

Честные люди не бывают богатыми. Богатые люди не бывают честны. «...» Умные не бывают учены, ученые не бывают умны. «...» не погибает только то, что живет для себя. Но для чего жить тому, кто живет не для себя? Не для себя можно жить только тогда, когда живешь для всего. Только живя для всего, человек может быть и бывает спокоен. «...» Слабейшее в мире побеждает сильнейшее; низкий и смиренный побеждает высокого и гордого. Только немногие в мире понимают силу смирения. «...» Все в мире растет, цветет и возвращается к своему корню. Возвращение к своему корню означает успокоение, согласное с природой. Согласное с природой означает вечное. «...» Тот, кто знает, что, умирая, он не уничтожается, - вечен.

Лао-цзы — одновременно афористичен и поэтичен, мудр и прост, как сама мудрость. Многие (если не большинство) изречений в «Дао дэ цзин» — жемчужины глубокомыслия и поэтической прозы. Например, такие: *Вода - это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твердого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного. Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твердое. Это знают все, но люди не могут это осуществлять. Поэтому совершенномудрый говорит: «Кто принял на себя унижение страны - становится государем, и, кто принял на себя несчастья страны - становится властителем». Правдивые слова похожи на свою противоположность. «...»*

Верные слова не изящны. Красивые слова не заслуживают доверия. Добрый не красноречив. Красноречивый не может быть добрым. Знающий не доказывает, доказывающий не знает.

Совершенномудрый ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим. Небесное дао приносит всем существам пользу и им не вредит. Дао совершенного - это деяние без борьбы.

Провозглашением принципа недеяния и завершается «Дао дэ цзин». Она в одинаковой мере является философско-этическим, литературно-художественным и религиозным произведением. Книга о дао стала первоисточником даосской религии. Потому-то вечна в веках священная книга, состоящая из пяти тысяч слов. Ее автор из нашего суетного и прагматичного времени представляется каким-то нездешним пришельцем. Но он не инопланетянин. Он плоть от плоти людской, но стремился постичь, главным образом, человеческий дух. И сумел сделать это раньше других и намного лучше других. Читая «Дао дэ цзин», нам и самим хочется стать лучше, чем мы есть на самом деле.

8. КОНФУЦИЙ

«Лунь Юй»

Для всего мира Конфуций — почти что символ Китая, для самих китайцев — больше чем символ. Неспроста во времена пресловутой «культурной революции» с Конфуцием боролись, как с живым врагом, не

колеблясь вовлекали многомиллионные массы в изнурительную (и надо добавить — абсолютно безрезультатную) кампанию по разоблачению «чуждого элемента» и истерично призывали разбить «собачьи головы» тех, кого заподозрили в симпатиях к великому соотечественнику.

Действительно, Конфуций — тогда, сейчас и всегда — олицетворял незыблемость устоев Поднебесной и менталитета ее подданных, независимо от того, какие силы и люди находились у власти.

Конфуций учил и служил, проповедовал и скитался, предпочитая (как впоследствии Сократ у эллинов) устное слово письменному. После смерти Учителя его ученики собрали и систематизировали все сколь мало-мальски известные высказывания. В итоге получилась ставшая сразу же канонической священная книга «Лунь юй» («Суждения и беседы») — один из величайших и известнейших памятников человеческой мысли. Величие его — в простоте. Пять понятных всем и каждому принципов: 1) мудрость; 2) гуманность; 3) верность; 4) почитание старших; 5) мужество. На их основе выстраивается логически безупречная система идей, призванных упорядочить общественную жизнь, связать воедино интересы государства и личности.

Что необходимо для достижения всеобщего блага?

- Процветание государства.

Что необходимо для процветания государства?

- Благосостояние народа.

Что необходимо для благосостояния народа?

- Благоустройство в семье.

Что необходимо для благоустройства в семье?

- Умиротворение сердца, успокоение самого себя.

Достижение подобного идеала вполне возможно, если только не изменять правдивости и постоянно стремиться к высшей премудрости.

Этические взгляды Конфуция опираются на естественное стремление человека к счастью. Такой подход в поисках первофундамента нравственности присущ многим философским учениям Запада и Востока. Конфуций в этом не оригинален. Он лишь внес специфический «китайский аромат» в копилку общечеловеческих ценностей.

Нравственные принципы вытекают из всей сути учения Конфуция. Само же учение, как оно формулируется в классическом каноне «Лунь юй», представляет собой собрание кратких (по преимуществу) изречений и лаконичных диалогов с учениками, распределенных на 20 небольших глав. Каждая из них распадается на ряд самостоятельных эпизодов, связанных с тем или иным высказыванием Конфуция. В этом случае обязателен зачин: «Учитель говорил (сказал)»:

Учитель говорил:

- Не радостно ль учиться и постоянно добиваться совершенства? И не приятно ли, когда друзья приходят издалека? Не тот ли благодороден муж, кто не досадует, что неизвестен людям? «...»

Учитель сказал:

- Правитель, положившийся на добродетель, напоминает северную полярную звезду, которая замерла на своем месте среди сонма обращенных к ней созвездий.

В обычной практике изложения конфуцианских идей приведенные рефрены опускаются. Зато каждое изречение, каждая фраза, каждое слово подвергается разностороннему толкованию и выявлению содержащейся в них многозначности — сообразно с подходом самого Конфуция:

Три сотни песен заключены в одной строке, гласящей:

«Его мысль не уклоняется».

Есть такое философское понятие — «абстрактный гуманизм», когда о человеколюбии рассуждают вообще, как правило, высокопарно и без всякой практической направленности. Гуманизм Конфуция не имеет ничего общего с подобным идеологическим и теоретическим фантомом — он конкретен, обращен к живым людям — его современникам, а от них через головы многих поколений — к нам с вами:

— Прекрасно там, где человечность. Как может умный человек, имея выбор, в ее краях не поселиться?

- Лишенный человечности не может долго оставаться в бедности, не может постоянно пребывать в благополучии. Кто человечен, тому человечность доставляет удовольствие, а умному она приносит пользу.

- Лишь тот, кто человечен, умеет и любить людей, и чувствовать к ним отвращение.

- Устремленность к человечности освобождает от всего дурного. «...»

- Каждый ошибается в зависимости от своей пристрастности. Вглядишься в ошибки человека, и познаешь степень его человечности.

Когда же у Царя всех китайских мудрецов однажды поинтересовались, как наилучшим образом выразить суть понятия «человечность», он ответил: «Это — любовь к людям». Конфуций не был ни отшельником, ни аскетом. Однако, Воздержание и Умеренность были возведены им почти что в идеал:

— Я радость нахожу и в том, когда живу на отрубях с водой, сплю, положив ладошку вместо изголовья. Богатство, знатность, обретенные нечестно, мне кажутся проплывшим мимо облаком. «...» Расточительность ведет к непослушанию, а бережливость - к захудалости. Но лучше захудалость, чем непослушание.

Ориентир же в человеческих отношениях таков:

— Главное будь честен и правдив; с теми, кто тебе не равен, не дружи и не бойся исправлять свои ошибки.

Во всем мире известен и другой афоризм Конфуция:

— Бывают три полезных друга и три друга, приносящих вред. Полезны справедливый друг, чистосердечный друг и друг, который много знает. А вредны льстивый друг, двуличный друг и друг красноречивый.

Самосовершенствование должно быть направлено не на самого себя, а на всеобщее благо, или, говоря словами самого Конфуция: «Совершенствовать себя, — чтобы тем самым обеспечить благоденствие других». В «Лунь юй» сохранилось немало драгоценных свидетельств о характере самого Учителя, бережно и с любовью собранных его учениками:

В своей деревне Конфуций казался простодушным и косноязычным, а при дворе и в храме предков он говорил красноречиво, хотя и мало. В ожидании аудиенции, беседуя с низшими чинами, он казался ласковым, в беседе с низшими чинами

- твердым. В присутствии князя он двигался с почтительным и важным видом. «...» Он носил черный кафтан с халатом из каракуля. Белый - с дохой из пыжика и желтый - с лисьей шубой. Для дома у него был длинный меховой халат с коротким правым рукавом. Во время сна всегда пользовался коротким одеялом в половину своего роста. Сидел на коврике из толстых шкур лисицы и енота. «...» Он не отказывался от облущенного риса и мелко нарезанного мяса. «...» Ел немного «...» Даже когда ел грубую простую пищу, то всегда приносил из нее немного в жертву и при этом выражал всем своим видом строгую почтительность.

Уже здесь содержится намек на одну из характернейших черт традиционного китайского мировоззрения — культ предков и почитание родителей. Конфуций много сделал для укрепления данного устоя социального бытия и общественной гармонии. Ритуал — вообще одна из центральных категорий «Лунь юй». Регламентация знаменитых «китайских церемоний» во многих своих в последствии канонизированных моментах восходит именно к Конфуцию и основанному на его учении конфуцианству, не без основания названному религией ученых. Конфуцианская концепция этикета неотделима от общих гуманистических установок:

— Быть человеческим к ритуалу — значит победить себя и возвратиться.

Если однажды победишь себя и возвратишься к ритуалу, все в Поднебесной согласится, что ты человек. От самого себя, не от других, зависит обретение человечности.

Знание и ученость возведены Конфуцием в подлинный культ. Достичь их вершин невозможно без изнурительного ученического труда и учета тех многочисленных опасностей, что подстерегают подвижников на этом пути:

— Когда стремятся к человечности, но не хотят учиться, то это заблуждение приводит к глупости. Когда стремятся проявить свой ум, но не хотят учиться, то это заблуждение ведет к распущенности. Когда стремятся быть правдивым, но не хотят учиться, то это заблуждение приносит вред. Когда стремятся к правоте, но не хотят учиться, то это заблуждение приводит к грубости. Когда стремятся быть отважным, но не хотят учиться, то это заблуждение приводит к смуте. Когда стремятся к непреклонности, но не хотят учиться, то это заблуждение приводит к безрассудству.

Китай велик и могуч. Потенциал китайского народа неисчерпаем. Главной заботой великих сынов Поднебесной во все времена было — процветание государства. Из недр народных, из самых глубин народного духа вышло немало великих мудрецов. Конфуций на две головы выше любого из них. Его фигура заметна из любого уголка земли. Так было, так есть и так будет всегда!

НАУКА И ФИЛОСОФИЯ

9. ГЕРОДОТ

«ИСТОРИЯ»

Не так уж много на свете ученых и писателей, кто заслужил бы звание «отца». Геродот — из числа этих немногих. С легкой руки Цицерона ему было присвоено имя «отец истории», таковым он остался до наших дней. Других нет. И, видимо, больше не будет.

Геродот не был первым, кто написал обширное историческое сочинение. Но до него не существовало летописей такого масштаба, такой

степени глубины анализа эмпирического материала. Ему первому удалось с высоты птичьего полета охватить орлиным взором почти всю Ойкумену, прошлое практически всех народов и стран, известных тогдашнему античному миру.

Знаменитый труд создавался в «золотой век» расцвета афинской демократии (век Перикла, который был личным другом историка) и состоит из 9 глав. Название каждой из них звучит божественно — в полном смысле данного слова, ибо названы они именами девяти муз — дочерей Зевса-Олимпийца и титаниды Мнемозины (Богини памяти): Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа. Такая необычная для научного труда структура — заслуга не самого «отца истории», а позднейших александрийских систематизаторов, присвоивших каждому из девяти свитков (книг) Геродота имя одной из девяти муз. И это симптоматично. Потому что великая книга воспринимается равно и как серьезное научное, и как художественное произведение.

Формально летописный шедевр Геродота посвящен истории греко-персидских войн. Таков, по всей вероятности, был первоначальный замысел, а возможно, и заказ властей или друзей. Но историк обращается непосредственно к избранной теме лишь примерно с середины своего труда. Его кругозор и энциклопедичность никак не вмещаются в прокрустово ложе — пусть одного из впечатляющих, но, с точки зрения вечности, достаточно локального — события общемирового исторического процесса. Вот почему первоначально в Геродотовой «Истории». Дается панорамный обрис всего мира.

Для такого решения научной и литературной задачи у будущего «отца истории» был и личный опыт, и накопленные традиции логографов (первых составителей эллинских хроник, ТРУДЫ которых дошли до наших дней в незначительных отрывах). Кроме того, за плечами автора были многолетние странствия по сопредельным с Элладой странам, изучение их особенностей и исторических корней. Мало кто в те времена мог похвастаться столь разнообразными маршрутами на юг, север и восток: Египет, Малая Азия, Финикия, Вавилон, Балканы и Прибалканье, Северное Причерноморье, где более всего любознательного эллина интересовали загадочные скифы. Именно благодаря Геродоту дожили до наших дней наиболее полные и достоверные сведения о народах, населявших в древности территорию нашей Родины — вплоть до северной Гипербореи.

Хрестоматийно-чеканная начальная фраза бессмертного литературного памятника точно навечно высечена на граните звучит, как торжественная увертюра:

Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения чтобы прошедшие события с течением времени не пришли забвение, и великие, и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.

За этим следует по существу всемирный исторический очерк занимающий пять с половиной книг, то есть более половины всего труда. В центре внимания Геродота оказываются лидийский, египетский, киренский, скифский, ливийский, фракийский и, разумеется, персидский фрагменты мировой истории Последнему, исходя из генеральной задачи книги, отдается несомненное предпочтение. Более того, сквозь призму

исторических событий в Персидской державе рассматриваются по большей части и события в других странах. При этом Геродот допускает обширные, имеющие самостоятельное значение отступления. Именно так преподносится история скифов: она дается в связи с описанием неудачного похода персидского царя Дария против причерноморских кочевников. Здесь же содержится краткая характеристика других народов, населявших Евразию, включая и обширные территории современной России.

Геродот, лично общавшийся со скифами во время своего путешествия по Северному Причерноморью, приводит их автохтонное самоназвание — сколоты, в котором легко прочитывается русское слово с[о]колоты (от тотемного имени «сокол» — одного из главных символов прапредков русского народа и всех славян). (Эллинское наименование «скифы» также, судя по всему, имеет протославянское происхождение: с учетом греческой фонетики оно всегда писалось, читалось и произносилось через «тету», то есть как «скиты», где без труда угадывается хорошо знакомый корень «скит» и, следовательно, сам этноним означает «скитальцы-кочевники».) Отсюда недвусмысленно вытекает, что те скифы, с которыми общался Геродот, имели несомненные славяно-русские корни.

Сам «отец истории» приводит две главные версии происхождения скифов — одну их собственную, услышанную, надо полагать, своими ушами; другую — на основе эллинской традиции. По рассказам самих скифов, их первопредком был Таргитай, рожденный от любовной связи громовержца Зевса и дочери реки Борисфена (Днепра). Три сына Таргитая разделили между собой бескрайние скифские земли. Ее, по Геродоту, у скифов так много, что каждый желающий может взять себе ровно столько, сколько сможет за день объехать на коне. Области, лежащие к северу от страны скифов, зимой сплошь покрыты снегом. Не зная, как его описать, чтобы стало понятно для южных жителей, Геродот использует образ летающих перьев (пуха). На Севере, пишет он, «нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает видеть».

По эллинской версии, прародителем скифов был не кто иной, как сам Геракл. Во время одного из своих многотрудных странствий он оказался в Приднепровье, где вступил в любовную связь с полуженщиной-полузмеей. Одним из троих сыновей Геракла от этого брака и стал легендарный Скиф — родоначальник всего скифского племени, у которого змееногая женщина-мать почиталась как Богиня.

Истинный сын своего времени, Геродот прославлял Афины и другие греческие полисы, а также всю Элладу. Как и подобает эллину, он презирал варваров, но, будучи подлинным гуманистом (насколько это было допустимо в античную эпоху), оказался выше предрассудков своего времени и признавал за каждым народом право на свое законное место в историческом процессе. Последний для «отца историк-результат божественной воли, деяний выдающихся личностей и народных масс, в особенности когда те вовлекаются в водовороты событий, призванных повлиять на ход общественного Развития.

К таковым в первую очередь относится служение на благо Отечества и его защита от посягательств врагов и недругов. Все Эти позитивные идеалы эллинам представилась возможность реализовать в

ходе отражения нашествия персов, вздумавших поработить Элладу и поставить на колени ее свободолюбивый народ. Но греки, проявив чудеса храбрости и стойкости, сумели нанести захватчикам ряд сокрушительных поражений и отстоять свою независимость.

Образцом героизма, который всегда вдохновлял борцов за свободу, может служить спартанский царь Леонид. С отрядом воинов всего лишь в 300 человек он сумел остановить многомиллионную персидскую армию у входа в Фермопильское ущелье, открывавшего вторгшимся ордам путь на Элладу. Описание беспримерного сражения и гибели героев во славу Отечества — один из самых замечательных эпизодов Геродотовой книги, вершина литературного и летописного мастерства историка-патриота:

Наконец полчища Ксеркса стали подходить. Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется. Ибо в прошлые дни часть спартанцев защищала стену, между тем как другие бились с врагом в самой теснине, куда они всегда отступали. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев. «...» За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартанцами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). «...» Спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон.

Геродот не делает никаких назидательных выводов. Выводы вот уже почти два с половиной тысячелетия делает сам читатель бессмертного труда. А главным учителем многих поколений в разные времена и в разных странах выступает сама история.

10. ТАЦИТ «АННАЛЫ»

О жизни Тацита нет никаких достоверных сведений. Дата его рождения и смерти устанавливается приблизительно и по косвенным данным (известно, с кем он общался и состоял в переписке, например, со своим близким другом Плинием Младшим, от которого сохранилось обширное эпистолярное наследие). Никаких изображений Тацита до нас также не дошло. От написанного им дожила до нынешних дней также далеко не большая часть: из 16 книг знаменитых «Анналов» — чуть больше половины. И, тем не менее, в ряду историков всех времен и народов Тацит прочно входит в первую десятку; осколки его исторических трудов впечатляют никак не меньше, чем многотомные произведения иных

римских авторов.

Все дело в том, что до Тацита писаная история была только либо что-то констатирующая, либо кого-то восхваляющая. С Тацита начинается история обличительная. Существует даже такое выражение — «негодующая суровость Тацита». Действительно, время его жизни пришлось на эпоху Империи, порочные нравы которой нельзя было не осуждать. Но ведь нужно было еще иметь и личное мужество (впрочем, последнее относится ко всякой эпохе). Несмотря на то, что сам автор принадлежал к высшим слоям римского общества и занимал в ранге сенатора при разных императорах далеко не рядовые государственные должности, гневными филиппиками и отступлениями пронизаны все его произведения (а кроме «Анналов», им были написаны еще и другие важные исторические сочинения, среди них бесценный труд и по существу главный письменный источник по древней истории германских народов, кратко именуемый «Германия»).

Горестные размышления Тацита не просто убедительны — они как будто обращены ко всем временам (известно, например, что непосредственным поводом для ареста, суда и гильотинирования Дантона и его соратников в годы Великой французской революции послужила публикация в газете Камиля Демулена «Старый кордельер» — просто так, без комментариев — нескольких отрывков из Тацита, в которых Робеспьер усмотрел прямой намек на свой собственный деспотизм). Не составляет особого труда провести аналогии и с нашим временем, и с недавним прошлым:

Мы же явили поистине великий пример терпения; и если былые поколения видели, что представляет собою ничем не ограниченная свобода, то мы - такое же порабощение, ибо нескончаемые преследования отняли у нас возможность общаться, высказывать свои мысли и слушать других. И вместе с голосом мы бы утратили также самую память, если бы забывать было столько же в нашей власти, как безмолвствовать.

Конечно, Тацит критикует не устои жизни и не аристократию, плоть от плоти которой он был сам. Историк бичует пороки, падение нравов, распущенность императорского двора и всего общества, отступление от возвышенных идеалов недавнего прошлого. Причем делает это с таким неподдельным пафосом, что его негодование передается через головы многих поколений и эпох современному читателю. Представление об обличительном стиле Тацита дают многие ставшие хрестоматийными фрагменты, описывающие жизнь императорского Рима. В беллетристику, живопись, кино переключалось немало разоблачительных сцен, овеянных в «Анналах» священным гневом Тацита. Достаточно показательно в этом отношении описание оргий Нерона:

Стараясь убедить римлян, что нигде ему не бывает так хорошо, как в Риме, Нерон принимается устраивать пиршества в общественных местах и в этих целях пользуется всем городом, словно своим домом. Но самым роскошным и наиболее отмеченным народной молвой был пир, данный Тигеллином, и я расскажу о нем, избрав его в качестве образца, дабы впредь освободить себя от необходимости описывать такое же расточительство. На пруду Агриппы по повелению Тигеллина был сооружен плот, на котором и происходил пир и который все время двигался, влекомый другими судами.

Эти суда были богато отделаны золотом и слоновою костью, и гребли на них распутные юноши, рассажены по возрасту и сообразно изощренности в разврате. Птиц и диких зверей Тигеллин распорядился доставить из дальних стран, а морских рыб - от самого Океана. На берегах пруда были расположены лупанары, заполненные знатными женщинами, а напротив виднелись нагие гетеры. Началось с непристойных телодвижений и плясок, а с наступлением сумерек роща возле пруда и окрестные дома огласились пением и засияли огнями. Сам Нерон предавался разгулу, не различая дозволенного и недозволенного; казалось, что не остается такой гнусности, в которой он мог бы выказать себя еще развращеннее: но спустя несколько дней он вступил в замужество, обставив его торжественными свадебными обрядами, с одним из толпы этих грязных распутников (звали его Пифагором); на императоре было огненно-красное брачное покрывало, присутствовали присланные женихом распорядители: тут можно было увидеть приданое, брачное ложе, свадебные факелы, наконец все, что прикрывает ночная тьма и в любовных утехах с женщиной.

Далее следует не менее знаменитое описание пожара Рима (поджог приписывался самому ненормальному Цезарю) и последовавшее вслед за тем гонение на христиан. Данный эпизод стал фабулой известного романа Генрика Сенкевича «Камо грядеши?», за который писатель получил одну из первых Нобелевских премий по литературе. Да разве на одних писателей, художников и политиков оказал влияние Тацит? Русский историк Грановский недаром именовал своего римского предшественника «Микеланджело литературы» и подчеркивал, что его творения доставляют такое же наслаждение, как и трагедии Шекспира. Любая история любого народа, распадаясь на деяния героев и злодеев, достойна пера великого драматурга, писателя или историка. Но, к сожалению, не у всякой эпохи есть свой Шекспир и свой Тацит.

11. ПЛУТАРХ

«СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ»

Имя этого древнегреческого писателя давно уже стало нарицательным. Существует серия книг с названиями: «Школьный Плутарх», «Новый Плутарх» и т. д. Это когда речь идет о биографиях замечательных людей, избранных по какому-либо принципу, а весь цикл связан какой-либо стержневой идеей. Конечно, чаще всего эта идея «добрых дел, которые должны остаться в памяти благодарных потомков».

Плутарх из Херонеи (Беотия) родился в 46 году и происходил из старинного состоятельного рода. После обучения в Афинах был верховным жрецом Апполона Пифийского в Дельфах. Во время путешествий, в том числе в Египет и Италию, иногда с возложенной на него политической миссией, он встречался и общался с выдающимися людьми своего времени (среди других с императорами Трояном и Адрианом). В дружеском кругу он предавался изысканному общению, вел беседы на самые различные темы, в том числе и научные. Эта насыщенная духовная жизнь нашла отражение в его трудах. Из преподавания собственным детям, а также детям своих состоятельных сограждан, возникла своего рода частная академия, в которой Плутарх не только обучал, но и занимался творчеством. Из огромного писательского наследия Плутарха (250 трудов) сохранилась лишь некоторая его часть — примерно одна треть.

На русском языке «Сравнительные жизнеописания» занимают более 1300 страниц плотного текста. По содержанию охватывают всю историю античного мира до II века нашей эры. Автор нашел такие живые и яркие краски, что в целом создается необыкновенно реалистическая картина, какой нет ни в одном специальном историческом произведении.

«Сравнительные жизнеописания» — это биографии выдающихся исторических лиц, греков и римлян, сгруппированные попарно, так что в каждой паре одна биография грека, другая — римлянина; каждую пару представляют лица, между которыми есть сходства в каком-либо отношении, после биографии каждой пары дается небольшое резюме — «Сопоставление», где указываются их сходные черты. До нас дошло 23 пары таких биографий; в четырех из них «Сопоставлений» нет. Кроме этих 46 парных (параллельных) жизнеописаний есть еще 4 отдельные биографии. Таким образом, всего биографий 50. Некоторые биографии не сохранились. В наших изданиях биографии греческих полководцев и государственных деятелей расположены по большей части (но не вполне) в хронологическом порядке; но этот порядок не соответствует тому, в котором они были изданы Плутархом. Биографии эти следующие:

1. Тесей и Ромул.
2. Ликург и Нума.
3. Солон и Попликола.
4. Фемистокл и Камилл.
5. Перикл и Фабий Максим.
6. Гай Марций Кориолан и Алкивиад.
7. Эмилий Павел и Тимолеонт.
8. Пелопид и Марцелл.
9. Аристид и Катон Старший.
10. Филопемени и Тит.
11. Пирр и Марий.
12. Лисанд и Сулла.
13. Кимон и Лукулл.
14. Никий и Красс.
15. Серторий и Эвмен.
16. Агесилай и Помпей.
17. Александр и Цезарь.
18. Фокион и Катон Младший.
- 19-20. Агид и Клеомен и Тиберий и Гай Гракхи.
21. Демосфен и Цицерон.
22. Деметрий и Антоний.
23. Дион и Брут.

Отдельные 4 биографии: Артаксеркс, Арат, Гальба, Отон.

Все биографии имеют огромное значение для историков: многие писатели, у которых Плутарх заимствовал сведения, не известны нам, так что в некоторых случаях он остается для нас единственным источником. Но у Плутарха есть много неточностей. Однако и для него самого при составлении биографии главной целью была не история, а мораль: описанные им лица должны были служить иллюстрациями нравственных принципов, отчасти таких, которым следует подражать, отчасти таких,

которых следует избегать. Свое отношение к истории Плутарх сам определил во введении к биографии Александра:

Мы пишем не историю, а биографии, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживает характер человека, чем сражение с десятками тысяч убитых, огромные армии и осады городов. Поэтому, как живописцы изображают сходство в лице, и в чертах его, в которых выражается характер, очень мало заботятся об остальных частях тела, так и нам да будет позволено больше погружаться в проявления души и посредством их изображать жизнь каждого, предоставив другим описания великих дел и сражений.

В биографии Никия (гл.1) Плутарх также указывает, что он не намерен писать подробную историю:

События, описанные Фукидидом и Филистом, конечно, нельзя совсем пройти молчанием, потому что они заключают в себе указания на характер и нравственный облик Никия, затемненный многими великими несчастьями, но я кратко коснусь лишь того, что безусловно необходимо, чтобы пропуск их не приписали моей небрежности и лени. А те события, которые большинству людей неизвестны, о которых у других писателей имеются лишь отрывочные сведения или которые находятся на памятниках, пожертвованных в храмы, или в постановлениях народных собраний, те события я постарался соединить вместе, так как я не собираю бесполезных исторических сведений, а передаю факты, служащие для понимания нравственной стороны человека и его характера.

Пожалуй, лучше всего впечатления о личности Плутарха выражены трудягой-переводчиком, которому принадлежит две трети русского перевода гигантского текста «Дорога доброты Плутарха, его отвращение к жестокости, к зверству, к коварству и несправедливости, его человечность и человеколюбие, его обостренное чувство долга и собственного достоинства, которое он не устает внушать своим читателям, его легкий скепсис трезвого реалиста, понимающего, что совершенства ждать от природы, в том числе и от человеческой, нечего и что приходится принимать окружающий мир с этой необходимою поправкой».

12. ПЛАТОН ДИАЛОГИ

Платон — не собственное имя великого философа, а прозвище, данное ему за широкий лоб (греч Platos означает «ширина»; отсюда же и «плато» — «возвышенная равнина»). Родителями же он был наречен Аристоклом. Человечеству невероятно повезло: если от других знаменитых античных мыслителей — Фалеса, Анаксимандра, Гераклита, Эмпедокла, Левкиппа, Демокрита и других — до наших дней не дошло ни одного полного произведения, а лишь незначительные фрагменты, — то практически все наследие Платона уцелело. Монблан шедевров, написанных в форме диалогов. Почти во всех главным действующим лицом выступает величайший мудрец Древности — Сократ, который сам никогда и ничего не записывал и все свои идеи излагал устно.

Платону принадлежит не менее двух десятков абсолютно Достоверных диалогов и, кроме того, множество таких, авторство которых постоянно подвергается сомнению, но тем не менее они, как правило,

включаются в состав собрания его сочинений. Каждый из них по своему прекрасен — и с философской, и с эстетической точки зрения — какой бы мы ни выбрали: один ли из самых обширных и энциклопедически насыщенных — «Государство», самый ли поэтический и вдохновенный диалог о любви — «Пир», или самый высокомудрый, излагающий космологию Платона — «Тимей» (правда, сюда же вкраплен и беллетристический рассказ о гибели Атлантиды).

Диалоги Платона давно уже вошли в золотой фонд мировой литературы, а его идеи представляют вершину философской мысли. Но и философия в изложении Платона — это не сухой и нудный теоретический материал, а живые образы, прописанные к тому же в высокохудожественной форме. Достаточно обратиться к, пожалуй, самой известной философской притче, призванной, по Платону, проиллюстрировать ограниченность нашего знания и невозможность прямого постижения сущности вещей. Это — знаменитый образ пещеры в диалоге «Государство»:

— После этого, — сказал я, — ты можешь уподобить нашу человеческую природу в отношении просвещенности и непросвещенности вот какому состоянию... посмотри-ка: ведь люди как бы находятся в подземном жилище наподобие пещеры, где во всю ее длину тянется широкий просвет. С малых лет у них там на ногах и на шее оковы, так что людям не двинуться с места, и видят они только то, что у них прямо перед глазами, ибо повернуть голову они не могут из-за этих оков. Люди обращены спиной к свету, исходящему от огня, который горит далеко в вышине, а между огнем и узниками проходит верхняя дорога, огражденная — глянь-ка — невысокой стеной вроде той ширмы, за которой фокусники помещают своих помощников, когда поверх ширмы показывают кукол.

— Это я себе представляю.

— Так представь же себе и то, что за этой стеной другие люди несут различную утварь, держа ее так, что она видна поверх стены; проносят они и статуи, и всяческие изображения живых существ, сделанные из камня и дерева. При этом, как водится, одни из несущих разговаривают, другие молчат.

— Станный ты рисуешь образ и странных узников!

— Подобных нам. Прежде всего? разве ты думаешь, что, находясь в таком положении, люди что-нибудь видят, свое ли или чужое, кроме теней, отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры?

— Как же им видеть что-то иное, раз всю свою жизнь они вынуждены держать голову неподвижно?

— А предметы, которые проносят там, за стеной? Не то же ли самое происходит и с нами?

— То есть?

— Если бы узники были в состоянии друг с другом беседовать, разве, думаешь ты, не считали бы они, что дают названия именно тому, что видят?

— Непременно так.

— Далее. Если бы в их темнице отдавалось эхом все, что бы ни произнес любой из проходящих мимо, думаешь ты, они приписали бы эти звуки чему-нибудь иному, а не проходящей тени?

- Клянусь Зевсом, я этого не думаю.
- Такие узники целиком и полностью принимали бы за истину тени проносимых мимо предметов.
- Это совершенно неизбежно.
- Понаблюдай же их освобождение от оков неразумия и исцеление от него, иначе говоря, как бы это все у них происходило, если бы с ними естественным путем случилось нечто подобное.

Когда с кого-нибудь из них снимут оковы, заставят его вдруг встать, повернуть шею, пройтись, взглянуть вверх — в сторону света, ему будет мучительно выполнять все это, он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше. И как ты думаешь, что он скажет, когда ему начнут говорить, что раньше он видел пустяки, а теперь, приблизившись к бытию и обратившись к более подлинному, он мог бы обрести правильный взгляд? Да еще если станут указывать на ту или иную мелькающую перед ним вещь и задавать вопрос, что это такое, и вдобавок заставят его отвечать! Не считаешь ли ты, что это крайне его затруднит и он подумает, будто гораздо больше правды в том, что он видел раньше, чем в том, что ему показывают теперь?

Некоторые философско-художественные открытия Платона предвосхищают Дантов «Ад». Сюда прежде всего следует отнести рассказ, как принято считать, «очевидца» Эра о странствиях его души по загробному миру — один из самых загадочных текстов в истории мировой мысли. Сама история завершает последнюю книгу «Государства», как бы венчая это величественное произведение. Эр был убит в бою, в одном из многочисленных сражений Пелопоннесской войны. Когда по прошествии десяти дней начали собирать разлагавшиеся трупы, дабы предать их погребальному огню, тело Эра оказалось нетронутым тлением. А когда его положили на костер, он ожил и поведал невероятную историю:

Он говорил, что его душа, чуть только вышла из тела, отправилась вместе со многими другими, и все они пришли к какому-то божественному месту, где в земле были две расселины, одна подле другой, а напротив, наверху в небе, тоже две. Посреди между ними восседали судьи. После вынесения приговора они приказывали справедливым людям идти по дороге направо, вверх по небу, и привешивали им спереди знак приговора, а несправедливым — идти по дороге налево, вниз, причем и эти имели — позади — обозначение всех своих проступков. Когда дошла очередь до Эра, судьи сказали, что он должен стать для людей вестником всего, что здесь видел, и велели ему все слушать и за всем наблюдать.

Он видел там, как души после суда над ними уходили по двум расселинам — неба и земли, а по двум другим приходили: по одной подымались с земли души, полные грязи и пыли, а по другой спускались с неба чистые души. И все, кто бы, ни приходил, казалось, вернулись из долгого странствия: они с радостью располагались на лугу, как это бывает при всенародных празднествах. Они приветствовали друг друга, если кто с кем был знаком, и расспрашивали пришедших с земли, как там дела, а спустившихся с неба — о том, что там у них. Они, вспоминая, рассказывали друг другу — одни, со скорбью и слезами, сколько они чего натерпелись и насмотрелись в своем странствии под землей (а странствие это

тысячелетнее), а другие, те, что с неба, о блаженстве и о поразительном по своей красоте зрелище.

И далее Платон кистью великого мастера рисует сцены воздаяния за прошлую греховную жизнь. Чем больше человек совершил злодеяний при жизни, тем большее наказание ждет его после смерти. Особенно незавидна судьба тиранов: за сотворенные злодеяния их не принимает к себе потусторонний мир. Какие-то дикие существа с огненным обликом сдирают с тиранов кожу и волокут их в петле по острым камням, чтобы сбросить в Тартар.

Но праведникам дано добраться до конечного пункта, где лучи света соединяют небесный свод и землю. Здесь висит сияющее веретено Ананки-Необходимости — первооснова всего Мироздания. Его вращают три дочери Ананки — Богини Судьбы мойры: Лахесис (Дающая жребий) воспекает прошлое, Клото (Прядущая) — настоящее, Атропос (Неотвратимая) — будущее. Они-то и распоряжаются участью людей — как при жизни, так и после смерти, вручая им заранее уготовленный жребий. Все это Эр увидел собственными глазами. Но ему не суждено было получить свой жребий. Его душа неожиданно вернулась на землю и вновь соединилась с телом...

Таков Платон. Когда-то Ломоносов выразил уверенность, что и в России должен скоро появиться мыслитель подобного ранга, «что может собственных Платонов «...» Российская земля рождать». Русский народ действительно породил немало великих мыслителей и ученых. Но Платон остался Платоном. Его не нужно превосходить. Да и невозможно. В веках и тысячелетиях он всегда останется самим собой.

13. АРИСТОТЕЛЬ «МЕТАФИЗИКА»

Самое удивительное, что Аристотель книги под таким названием, обессмертившим великого философа и науку, которую он представлял, никогда не писал и даже не подозревал о существовании подобного слова. Парадокс истории! Более чем через три века после смерти Стагирита (прозвище — по месту рождения — города Стагиры), когда составлялся и канонизировался корпус его произведений, систематизаторы собрали воедино все, что было когда-то написано по «первой философии» — завершённые и незаконченные трактаты, заметки, наброски, тексты лекций, их конспекты, планы — и поместили их вслед за сочинениями по физике, пометив чисто формально: «*ta meta ta physica*» (то, что [стоит] после «Физики») Так родился новый термин, который моментально прижился, более того — стал синонимом философии, а самый труд Аристотеля превратился в Библию для бесчисленного числа его почитателей и последователей.

Читать «Метафизику» — занятие не из легких, зато — необходимое. Ибо этим сочинением (впрочем, как и многими другими) почти на полтора тысячелетия было определено направление всей европейской науки. Именно здесь были сформулированы основные философские проблемы и во многом сформирован категориальный аппарат, который небезуспешно работает и поныне.

Символична и симптоматична первая же фраза «Метафизики», определяющая тему книги: «Все люди от природы стремятся к знанию».

Аристотель как бы задает тон и собственным теоретическим изысканиям, и каждому, кто берется за их освоение. По существу вся книга от начала до конца — о Знании, путях его возникновения, трудностях развития и каналах постижения. Обретение знания, по Аристотелю, начинается с удивления — оно, как искра, зажигает огонь в груди тех, кто устремляется к раскрытию сокровенных тайн Космоса, Природы и Жизни. На этом зиждется и научное и обыденное познание. Путеводная же звезда на этом многотрудном пути — Наука наук философия, то есть «любовь к мудрости».

Так как мы ищем именно эту науку, то следует рассмотреть, каковы те причины и начала, наука о которых есть мудрость. Если рассмотреть те мнения, какие мы имеем о мудром, то, быть может, достигнем здесь больше ясности. Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь воспринимание чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудр во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и, [в-четвертых], что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а [в-пятых], та, которая главенствует, — в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему — тот, кто менее мудр.

Как всякий великий философ Аристотель строит и обосновывает собственную концепцию Мироздания, опираясь на идеи предшественников и тщательно их анализируя. Именно из книг Стагирита, в том числе — и «Метафизики», мы по сей день получаем наиболее достоверные сведения о концепциях натурфилософов, труды которых не сохранились. Каждый из античных мыслителей настаивал на каком-то одном первоначале, лежащем в основе природы. Для Фалеса — это вода, для Анаксимандра — беспредельное, для Анаксимена — воздух, для Гераклита — огонь, для Анаксагора — ум (нус), для Левкиппа и Демокрита — атомы и пустота. Аристотелю ближе всего множественный подход Эмпедокла, который в качестве первоначал брал не один, а целых четыре стихии — воду, воздух, землю и огонь. Аристотель дополнил эту четверицу пятой первосущностью — квинтэссенцией («пятым элементом») — нематериальной субстанцией, перводвигателем всего существующего.

Аристотелю приписывается крылатое изречение: «Платон мне друг, но истина дороже». (Любопытно, что в аналогичной ситуации Платон в отношении своего учителя Сократа ничего подобного не заявлял, хотя во многом был с ним не согласен. Афоризм «Сократ мне друг, но истина дороже» на свет так и не появился. Интересно, почему?) Во имя какой же истины отрекся Аристотель от своего учителя Платона, у которого проходил в учениках почти 20 лет? Прежде всего, он дает развернутую критику (и именно в «Метафизике») теории идей своего великого предшественника. Стагириту не нравится слишком большая самостоятельность и определяющая роль, которую отводил идеям Платон. По Аристотелю, идеи не могут образовывать самостоятельный мир,

независимый от вещей и тем более им предшествующий. Они — скорее, внутренняя сущность, наличествующая в каждой вещи и отображаемая в процессе познания в виде соответствующего образа.

Правда, если быть последовательным, то и Платон не мыслил столь примитивно, как это иногда пытаются изобразить. Создается впечатление, что и Аристотель не вник (или не захотел вникнуть) как следует в суть Платоновой концепции. Платоновские идеи («эйдосы») — это, прежде всего, своего рода глубинные схемы, образцы, чертежи, на основании которых строится и развивается реальный мир. Они — одновременно и закон (наподобие китайского дао), без которого не может быть никакой гармонии ни в мире вещей, ни в мире людей.

Аристотель настоящий служитель Истины. Он — ее жрец.

Исследовать истину в одном отношении трудно, в другом легко. Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина. Поэтому если дело обстоит примерно так, как у нас говорится в пословице:

«Кто же не попадет в ворота [из лука]?», то в этом отношении исследовать истину легко; однако, что, обладая некоторым целым, можно быть не в состоянии владеть частью, — это показывает трудность исследования истины.

Аристотелю же принадлежит и наиболее известное, точное и работоспособное определение истины как знания, соответствующего действительности. Он же — главный провозвестник целой науки, дающей любому человеку мыслительные инструменты для постижения истины и оперирования знанием, а также достоверные приемы аргументации и способы доказательства. Наука эта получила названия логики. Соответствующие трактаты на данную тему составляют отдельный блок в корпусе Аристотелева канона и получили в истории науки звучное название «Органона». Но и «Метафизика» насквозь пронизана той же проблематикой. Это относится и к формулировке логических законов — противоречия и исключенного третьего, и к анализу апорий — логических затруднений, возникающих при попытке решить некоторые теоретические проблемы.

Аристотелю подчас казалось, что он нашел единственно возможное и правильное решение вопросов, стоявших перед человечеством. На самом деле он больше поставил новых вопросов, чем дал однозначных ответов. Но, может быть, в этом и есть смысл и ценность настоящей науки, когда при решении какой-то одной проблемы возникает множество других, требующих все новых и новых усилий в продвижении к истине. И процесс этот не прервется никогда!

14. ЕВКЛИД «НАЧАЛА»

Евклид, пожалуй, единственный великий ученый, который ни при жизни, ни после смерти не подвергался критике, травле или инсинуациям. Он одинаково чтился представителями любых, даже самых непримиримых между собой направлений — и в математике, и в естествознании, и в философии. Написанная им книга с весьма распространенным в античные

времена названием — «Начала» — настолько проста, стройна и убедительна, что с ходу обезоруживает любого противника. Сказанное вовсе не означает, что знакомство с великим творением александрийского математика напоминает чтение апулеевского «Золотого осла». Известен даже анекдот: когда царь Птолемей поинтересовался у своего ученого, нельзя ли ему как царю освоить премудрости математики побыстрее и без лишних усилий, Евклид ответил, что в геометрии «царского пути» не существует.

Общепризнанно, что в истории мирового научного книгопечатания — особенно на первых его порах — «Начала» Евклида занимают первое место. Известно более тысячи изданий знаменитого трактата, переведенного на разные языки, а до изобретения книгопечатания он распространялся в бесчисленных списках и долгое время служил самым распространенным и популярным учебником математики. Современные школьные учебники геометрии почти буквально повторяют первые шесть книг (а всего их — пятнадцать) Евклидовых «Начал». Изложение в них строится по безупречной логической схеме: из минимального набора определений, постулатов и аксиом по строго определенным правилам последовательно выводится ряд теорем. Знаменитые аксиомы Евклида, как они сформулированы в 1-й книге «Начал», даны в такой последовательности:

1. Равные тому же суть и взаимно равны.
2. Если к равным приложены равные, то и остатки равны.
3. Если от равных отнять равные, то и остатки равны.
4. Если к неравным приложены равные, то и целые неравны.
5. Если от неравных отнять равные, то и остатки неравны.
6. Двукратные того же суть взаимно равны.
7. Половины того же суть взаимно равны.
8. Совмещающиеся взаимно суть взаимно равны.
9. Целое больше своей части.
10. Все прямые углы взаимно равны.
11. Если на две прямые падает третья прямая и делает углы

внутренние и по ту же сторону меньше двух прямых, то оные две прямые линии, продолженные беспрестанно, взаимно встретятся по ту сторону, по которую углы меньше двух прямых.

12. Две прямые не заключают пространства.

(Перевод Ф. Петрушевского)

Большинство исходных дефиниций современной математики также заимствовано из книги Евклида. Так, прямая линия определяется как «та, которая равно расположена по отношению к точкам на ней», а плоская поверхность как «та, которая равно расположена по отношению к прямым на ней». В свою очередь, соответствующее отношение плоскостей (или линий) образует трехмерный евклидовский объем.

В далеком прошлом, на заре математики практические потребности пастушества и земледелия вывели на первое место измерение длин и расстояний (а не, скажем, объемов и емкостей). Развитие строительной и землемерной практики обусловило переход к измерению углов и поверхностей. Абстрактная геометрическая наука, отражая логику развития практики и производства, двигалась от изучения линии через

поверхность — к объему. Одно измерение прибавлялось к другому, в результате в классической евклидовой геометрии объем оказался трехмерным (и соответственно плоскость — двухмерной, а линия — одномерной).

Однако в повседневной практике долго еще оставались измерения с помощью реальных объемных тел. Так, у древних индийцев одной из наиболее употребительных мелких единиц измерения (причем одновременно — веса и длины) выступала величина ячменного зерна (привлекались и еще более мелкие, по существу мельчайшие из видимых частицы — например, пылинки в солнечном луче). Длины измерялись в следующих единицах: восемь ячменных зернышек приравнялись к толщине пальца, четыре пальца — к объему кулака, а двадцать четыре составляли «локоть», четыре локтя — величину индийского лука и т. д. — вплоть до мили, содержащей четыре тысячи локтей. Современные каменщики, как еще строители в Древнем Египте, измеряют толщину кладки в кирпичах (так, толщина стен оценивается в полкирпича, в кирпич, полтора, два и т. д.). И кирпич, и ячменное зерно используются в обоих приведенных случаях как одномерные (т. е. недифференцированные по измерениям) объемы для измерения одномерной же длины, ширины, толщины. Понятно, что в тех же «одномерных единицах» можно измерить площадь или емкость (например, кувшина, мешка — с помощью ячменя, а вагона, кузова — с помощью кирпичей).

Принципиально допустимо, опираясь на понятие одномерного объема, построить сколько угодно-мерную воображаемую геометрию, где площади и длины будут определяться в порядке, обратном логике геометрии Евклида. Фундаментальным, основополагающим понятием геометрической науки могли стать не линии и плоскости, а объем как непосредственное отражение реальной пространственности.

Например, говорят, какая-то комната (зал, дом, резервуар и т. п.) больше, чем другая; или: новый прибор (машина) более компактен и занимает меньше места (меньшее пространство), чем прежняя модель. При всей приблизительности приведенных сравнений реальная пространственная объемность выражена здесь в одном измерении — в отношении «больше — меньше». Разве при измерении линейкой поверхности стола одномерная линия получается не при помощи операций с двумя объемами (поскольку объемны и линейка, и стол, поверхность которого как сторона реальной объемности подвергается измерению)? Полученная линия и измеренная длина, а так же их численные величины и являются результатом определенного сопоставления реальных объемных предметов.

Если бы в результате аналогичных сравнений были выработаны единицы измерений одномерных объемов, а само понятие одномерного объема было положено в основание геометрии, — то в этом случае понятие линии естественно могло бы быть представлено в виде научной абстракции, вытекающей из одномерного объема, а именно: как кубический корень из единицы одномерного объема. Гипотетическая геометрия, построенная на таком основании, была бы отнюдь не менее полной, чем традиционная евклидова, и также бы отражала объективные свойства пространства.

Однако представлять одномерность в этом случае в качестве сущности реальной пространственной объемности было бы так же недопустимо, как и отождествлять с пространственностью трехмерность и четырехмерность.

Пример того, как одни и те же математические понятия выражаются в различном числе измерений, можно найти, сравнивая традиционную геометрию с аналитической. В аналитической геометрии точка описывается в системе координат на плоскости — двумя числами (абсциссой и ординатой), а в пространстве — тремя числами (абсциссой, ординатой и аппликатой), — в результате чего точка может выступать и как двухмерная, и как трехмерная точка. Дополнив три координаты четвертой (временем), Герман Минковский сформулировал понятие Провой точки, выразив ее в четырех измерениях. При этом она не просто стала четырехмерной, но и обрела движение, превратившись в мировую линию. Открытие Минковского, сыгравшее значительную роль в развитии физики, вовсе не явилось открытием четырехмерной сущности материального мира, но выступило одним из возможных опытов построения четырехмерной геометрии и описания в понятиях такой геометрии пространственности реальных вещей.

Здравый смысл и космистско-целостное понимание бесконечности и неисчерпаемости Вселенной предполагают совершенно иной подход: не математическая модель предписывает, какой должна быть Вселенная, а сам объективный мир и законы его развития являются критерием правильности любых теоретических предположений, объяснений и выводов. В этом смысле и вопрос: «В каком пространстве мы живем — евклидовом или неевклидовом?» — вообще говоря, некорректен. Мы живем в мире космического всеединства (в том числе и пространственно-временного). А в каком соотношении выразить объективно-реальную протяженность материальных вещей и процессов и в какой степени сложности окажется переплетение таких отношений (то есть в понятии пространства какого типа и скольких измерений отобразятся, в конечном счете, конкретные отношения), — во-первых, диктуется потребностями практики, а во-вторых, не является запретительным для целостной и неисчерпаемой Вселенной.

Так, в интерпретациях же различных космологических моделей, построенных на фундаменте разных геометрий, достаточно типичным является неправомерное овеществление (субстанциализация) пространственно-временных отношений. Между тем искать субстратно-атрибутивный аналог для евклидовости или неевклидовости и экстраполировать его на Вселенную — примерно то же самое, что искать отношения родства на лицах людей, отношения собственности — на товарах или недвижимости, а денежные отношения — на монетах или бумажных купюрах. Поэтому пространство, в котором мы живем, является и евклидовым, и неевклидовым, ибо может быть с одинаковым успехом и равноправием описано на языках геометрий и Евклида, и Лобачевского, и Гаусса, и Римана, и в понятиях любой другой геометрии, — уже известной или же которую еще предстоит разработать науке грядущего. Ни двух- ни трех- ни четырехмерность, ни какая-либо другая многомерность не

тождественны реальной пространственной протяженности, а отображают лишь строго определенные аспекты объективных отношений, в которых она может находиться.

И все же Евклид бессмертен. Над входом в античную академию была выбита надпись: «Не знающий геометрии — не входи!» Евклида тогда еще и на свете не было. Но с появлением его великой книги можно уже было с полным основанием сказать: «Не читавшему Евклидовых «Начал» в науке делать нечего!»

15. ПЛИНИЙ «ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Грандиозный, энциклопедический по сути своей, труд древнеримского ученого Кая Плиния Секунда Старшего (23–79 год до н. э.) является вершиной античной культуры. Плиний поставил себе вполне осознанно почти фантастическую задачу: изучить все книги мира, отобрать из них наиболее информативные, сжать до предела имеющиеся в них сведения, и систематически все это компактно изложить для обучения грядущих поколений, чтобы они не теряли времени на повторы и «вторичные» книги. Еще более фантастично то, что замысел удалось осуществить.

Из необозримого океана античных текстов он отобрал примерно две тысячи «томов» (в начале собственного обобщающего труда он приводит список этих книг с указанием авторов и выражением чувства признательности своим предшественникам и «информаторам») Сам Плиний говорит о 100 авторах и 20 тысячах научных фактов, включенных в книгу. Современные исследователи выделяют примерно 35 тысяч «фактов», более 160 римских и 350 греческих и других иноземных авторов — от Гомера до современников Плиния. Современный исследователь творчества Плиния Старшего Г. А. Таросян настойчиво предлагает в качестве более адекватного перевода названия главного труда Плиния — «Естествознание» (1997 год). По существу и по содержанию такое заглавие более релевантно, но ведь есть и многовековая традиция латинского наименования — «*Historia naturalis*», ее, наверное, невозможно сломать. Итак — «Естественная история».

Гай Плиний Секунд родился в 23 (или в 24) году н. э. в небольшом городе Коме (Кимы) в северной Италии, в зажиточной семье. Он получил отличное образование (вероятнее всего, в Риме), многое испытал и видел: командовал конницей в Германии, был начальником флота в Мизене, прокуратором в Испании и римской Африке, вместе с императором Титом вел осаду Иерусалима в 70 году. Покровителем и другом Плиния был Публий Помпоний Секунд, государственный военный деятель и сочинитель трагедий. При «врагах и бичах человечества» — Калигуле и Нероне Плиний вел частную жизнь и писал книги. Обширное литературное наследие (6 названий) Плиния до нас не дошло — и это потеря невозполнима для человеческой цивилизации. Например, «История всех германских войн» в 20 книгах, или «История Нерона и его преемников», 31 книга. Благодарение небесам, что сохранился главный труд — «*Historia naturalis*»

Есть нечто знаменательное в том факте, что из величайших порождений человеческого гения одной только «Естественной истории» до сих пор нет в издании на русском языке. Существуют около 20 частичных

изданий по отдельным разделам науки, а полного текста — нет. Вообще-то есть тривиальное объяснение этому пробелу, не нашлось энциклопедиста на Руси, который бы знал латынь и обхватывал все науки. Текст «Естественной истории» занимает в изданиях на современных европейских языках примерно 1000 страниц большого формата (плюс текст латинского оригинала). Но самое трудное — комментарий. Иностранные издания в зависимости от пространности комментария занимают от 3 до 10 томов. Изданные по-русски тексты и фрагменты Плиния об искусстве занимают 124 страницы и сопровождаются 800 страницами вспомогательного аппарата (комментарий, указатель и т. п.).

Действительно, комментировать приходится практически каждое значимое слово. Ведь мы отстали от Плиния Старшего без малого на 2000 лет.

Вот состав 37 книг труда Плиния Старшего. 1-я: содержание всего труда и перечень использованных источников. 2-я: описание Вселенной; здесь речь идет о небе и подвижных звездах, о том, что между небом и землей: о планетах, затмениях Луны и Солнцах, кометах, метеорах, явлениях природы (ветрах, молниях, радуге, граде, снеге и т. д.); следующий раздел этой книги — учение о Земле: форма Земли, антиподы, воды, ойкумена (населенная часть Земли), климаты, землетрясения, приливы и отливы и т. д.; заключение книги, в которой приводятся данные о расстояниях в ойкумене и о величине всей Земли, служит введением в географию. 3-6-я книги — география (физическая, политическая и экономическая): страны света (Европа, Африка, Азия), народы, моря, острова, города, порты, реки, измерения. Книга 7-я — антропология и физиология человека. Книги 8-11-я — зоология (8-я — млекопитающие; 9-я — рыбы; 10-я — птицы; 11-я — насекомые). Книги 12-27-я — ботаника; 28-32-я — лекарства, добываемые из животных; 33-37-я — минералогия и прикладные ремесла (33-я — золото и серебро; 34-я — медь; 35-я — краски и живопись; 36-я — камни и их обработка; 37-я — драгоценные камни и их применение).

Мировая наука знает много выдающихся ученых-энциклопедистов. Навсегда в первом ряду этой когорты славных останется Плиний Старший — автор первой естественнонаучной энциклопедии Древнего мира.

185. Лишь в окрестностях Мероз, сообщили преторианцы, появляются более зеленая трава и кое-какие леса, а также следы носорогов и слонов. Сам город Мероз отстоит от места, где начинается остров, на 70 миль, а поблизости — другой остров, Таду, в правом русле для плывущих вверх, который образует гавань.

186. Зданий в городе немного; царствует [здесь] женщина Кандака¹⁶⁴, каковое имя уже многие годы переходит [от цариц] к царицам; [имеется] храм Аммана, который почитается и там, и небольшие святилища по всей области. Что касается прочего, то, когда эфиопы владели здесь верховной властью, это был остров великой славы. Передают, что он обычно поставлял 250 000 вооруженных воинов, 3000 ремесленников¹⁶⁵. Как передается другими, царей эфиопов и поныне 45.

187. Весь же народ в целом назывался [вначале] Этерия, потом Атлантия, далее — по Эфиопу, сыну Вулкана. И несколько не удивительно, что в дальних пределах страны эфиопов [вечно] изменчивым огнем,

который искусно создает там формы тел и «чеканит» образы, порождаются диковинного вида животные и люди. Во всяком случае, сообщают, что в самой внутренней части [страны] на востоке существуют племена [люди которых] без носов, все лицо их ровная плоскость, другие якобы лишены верхней губы, третьи без языка.

188. [Имеется] также разновидность [эфиопов] со сросшимся ртом и лишенных ноздрей, которые дышат только через одно отверстие и через него же втягивают влагу при помощи стебля тростника, а семена того же дикорастущего тростника [употребляют] в пищу. У некоторых из [эфиопов] вместо речи знаки и жесты; у некоторых до Птолемея Латира, царя Египта¹⁶⁶, было неизвестно употребление огня. Некоторые сообщают о племени пигмеев [живущих] среди болот, из которых берет начало Нил.

16. ЛУКРЕЦИЙ «О ПРИРОДЕ ВЕЩЕЙ»

Автор наиболее яркой и значительной книги во всей древнеримской литературе жил, по всей видимости, в первой половине I века до н. э. Вот и все, что мы о нем знаем. Полное его имя Тит Лукреций Кар. Недостовверные вести сообщают, что родился он в 98 году до н. э., а кончил жизнь самоубийством в 55 году до н. э. Но зато нам известны историческое время и события этого времени, а кроме того, — есть сама поэма «О природе вещей».

Такой отточенности мысли, прозрачности стиля, глубин идей, поэтической образности «без завитушек» — по силе впечатления во всей античной литературе поэме Лукреция нет равных. Кажется, что это творение уже эпохи Возрождения.

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры, С твердой земли наблюдать за бедою, постигшей другого, Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны, Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко. Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой Битве, когда самому не грозит никакая опасность. Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно Светлые выси, умом мудрецов укрепленные прочно: Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду, Как они бродят и путь, заблуждался, жизненный ищут;

Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде, Ночи и дни напролет добиваясь трудом неустанным Мощи великой достичь и владыками сделаться мира. О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые! В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках Этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно, Что об одном лишь природа вопит и что требует только, Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась Чувством приятным вдали от сознания заботы и страха? (Перевод Ф. А. Петровского)

В политическом смысле время, в которое жил Лукреций, может быть названо временем тяжелой агонии Республиканского Рима и предвестием принципата. Это было время апогея завоевательной политики Рима и глубокого внутреннего кризиса республики, которая оказалась по своим политическим формам неприспособленной к управлению огромной державой, образовавшейся в результате завоеваний. Разорение римского и итальянского крестьянства, жестокая борьба внутри господствующего класса послужили основой ожесточенных гражданских войн.

Обратимся к исследованию выдающегося филолога-классициста и знатока этого шедевра Ф. А. Петровского. «Очень характерно уже самое начало поэмы Лукреция, где он обращается со страстной мольбой к Венере и Марсу об умиротворении Римского государства. Не менее знаменательно в этой же связи и вступление ко второй книге поэмы, где Лукреций изображает мудреца, поднявшегося над миром страстей и повседневных тревог и не без некоторой холодности взирающего на несчастных и слепых людей, отравляющих свое существование бесплодной борьбой. Из этого не следует, что «трудные Родины дни» оставляли Лукреция безучастным, но его интересовала не победа той или другой из боровшихся политических группировок (которые к концу Республики быстро превращались в мало чем друг от друга отличавшиеся клики), а прекращение истощавшей Италию борьбы.

Вдохновителем Лукреция, как он сам неоднократно заявляет, был знаменитый греческий философ-материалист Эпикур, живший на рубеже II и III веков до н. э.

Основным положением этики Эпикура было утверждение, что начало и конец счастливой жизни и первое прирожденное благо есть удовольствие, которое заключалось в отсутствии страданий. Целью счастливой жизни, по Эпикуру, является здоровье тела и безмятежность души, а это достигается устранением телесных страданий и душевных тревог. Но никакого грубого стремления к удовольствиям в учении Эпикура нет: «Так как удовольствие есть первое и прирожденное нам благо, — пишет Эпикур, — то поэтому мы выбираем не всякое удовольствие, но иногда обходим многие удовольствия, когда за ними следует для нас большая неприятность; также мы считаем многие страдания лучше удовольствия, когда приходит для нас большее удовольствие, после того как мы выдержим страдание в течение долгого времени. Таким образом, всякое удовольствие, по естественному родству с нами, есть благо, но не всякое удовольствие следует выбирать, равно как и страдание всякое есть зло, но не всякого страдания следует избегать».

Поэма «О природе вещей» — единственное полностью дошедшее до нас поэтическое произведение, в котором проповедуется учение Эпикура убежденным и страстным его последователем. Однако Лукреций не воспроизвел в своей поэме всего учения Эпикура. Он изложил главным образом Эпикурову физику; что же касается учения о критериях (каноники) и этики, то он затрагивает их лишь попутно. В подробном изложении физики Эпикура заключается огромная заслуга Лукреция, потому что именно эта сторона Эпикурова учения представляет совершенно исключительный интерес для истории научной мысли и материализма.

Поэма Лукреция состоит из шести книг. В первых двух книгах излагается атомистическая теория мироздания, отвергающая вмешательство богов в мирские дела.

Книга третья посвящена учению Эпикура о душе, причем приводятся доказательства, что душа материальна, смертна и что страх перед смертью нелеп. В четвертой книге мы находим изложение вопросов о человеке, а также о чувственных восприятиях, в которых Лукреций видит основу наших знаний. В пятой книге Лукреций занимается проблемами космогонии, объясняя происхождение земли, неба, моря, небесных тел и живых

существ. В конце этой книги дается блестящий очерк постепенного развития человечества и человеческой культуры и разбирается вопрос о происхождении языка. Основное содержание шестой книги — уничтожение суеверных страхов путем естественного объяснения явлений природы, поражающих человека. Здесь говорится о громе, молнии, облаках, дожде, землетрясениях, извержении Этны, разливах Нила, о разных необыкновенных свойствах источников и других явлениях природы. Кончается эта последняя книга рассуждением о болезнях и описанием повального мора в Афинах во время Пелопоннесской войны в 430 году до н. э.

Этот финал образует эффектный контраст со вступлением к поэме, представляющим патетическое прославление Венеры как символа творческой и животворной силы.

В своей поэме Лукреций дает объяснение всего сущего, стараясь прежде всего освободить человеческую мысль от всяких суеверных и лживых представлений о чем-либо сверхчувственном, мистическом, таинственном, поскольку:

*... род человеческий часто
Вовсе напрасно в душе волнуется скорбной тревогой.
Ибо как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.
Ибо изгнать этот страх из души и потемки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.*

(VI, 33–41) (Перевод Ф. А. Петровского)

Этот несколько раз повторяющийся Лукрецием рефрен (I, 146–148; II, 59–61; III, 91–93; VI, 39–41) указывает на основную философскую цель поэмы «О природе вещей»: дать Рациональное и материалистическое истолкование мира. В произведении Лукреция мы находим как бы смутное предчувствие многих научных открытий и проблем.

Так, в книге I он высказывает закон, впоследствии научно сформулированный Ломоносовым, о неразрушимости, вечности материи. Ничто не возникает из ничего и ничто не возвращается в ничто. Капли дождевой воды преобразуются в листья деревьев, в хлебные зерна, в траву, которые в свою очередь питают различные породы животных и самого человека — посредством непрерывного круговорота поддерживается и возобновляется мировая жизнь.

Глубокая страстная уверенность Лукреция в правоте проповедуемой им философии, исключительное поэтическое дарование и мастерство, с которым он излагает свои мысли, стараясь их сделать не только убедительными, но и понятными для каждого человека, делают его поэму «О природе вещей» одним из крупнейших произведений мировой литературы. Это сознавали уже сами римляне:

*«Счастливы тот, кто сумел вещей постигнуть причины,
Кто своею пятой поправил все страхи людские,
Неумолимый рок и жадного шум Ахеронта».*

(Вергилий. Георгики, II. Перевод С. Шервинского)

17. МАРК АВРЕЛИЙ «НАЕДИНЕ С СОБОЙ»

Был такой император: жил счастливо, не злоупотреблял никакими излишествами, имел крепкую семью, возлагал большие надежды на сына-наследника, укреплял границы Римской империи, не без успеха участвовал в непрерывных войнах и отражал натиск варваров, умер неожиданно в походе неподалеку от современной Вены. На досуге делал краткие записи о продуманном и пережитом; писал не на латинском, по древнегречески. В итоге получилась книга-шедевр, которую обнаружили после смерти императора, разбирая его архив.

После Марка Аврелия беды и несчастья государства стали лавинообразно нарастать. Сын — император Коммод — оказался подонком. Варвары прорвались сквозь священные границы империи. Два века спустя Аларих взял штурмом и разграбил Рим, позже его полное разрушение довершили вандалы. От Вечного Города остались одни развалины. Книга императора-философа — единственного из монотонной череды властителей Рима — по-прежнему сверкает немеркнущим драгоценным камнем в короне мировой культуры.

В какой-то мере Марк Аврелий сумел реализовать хрустальную мечту Платона, по мнению которого управление государством только тогда достигнет оптимального совершенства, когда к власти придут философы. Император Марк за всю долгую мировую историю оказался единственным философом на троне. Настоящим философом — его имя стоит в одном ряду с другими великими мыслителями в любом учебнике истории философии в разделе, посвященном стоикам. Жизненная позиция и нравственный идеал стоиков были всегда связаны с углубленным самосовершенствованием, направленным на достижение общего блага. Марк Аврелий, как мог, пытался на практике воплотить данную философскую установку.

Какие же проблемы волновали римского императора, властителя полумира, которому было доступно любое желание? Да все то же, что волнует любого человека — вчера, сегодня, завтра. Царственный философ лишь углубил, систематизировал и обобщил мысли, которые наверняка приходили в голову и другим. Но начинается он с почтительного и искреннего выражения благодарности родителям, предкам, друзьям, учителям и Богам (всем по порядку) за то, что научили его философскому видению мира, искусству самосовершенствования и таинствам самоуглубления:

Деду Веру я обязан сердечностью и незлобивостью.

Славе родителя и оставленной им по себе памяти — скромностью и мужественностью.

Матери — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества.

Прадеду — тем, что не посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств. «...»

Отцу своему — кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имевшим внести какое-либо общепольное предложение, неуклонным воздаванием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. «...»

Богам — тем, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я при случае и мог сделать что-нибудь подобное; но по милости богов не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить.

Слог автора «Наедине с собой» — чеканный, стиль — лапидарный, формулировки — афористические:

Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит.

Устрани убеждение — устранится и жалоба на вред. Устрани жалобу на вред — устранится и самый вред.

Лучший способ оборониться от обиды — это не уподобиться обидчику.

Смотри внутрь себя. Внутри источник добра, который никогда не истощится, если ты не перестанешь рыть. Люди рождены друг для друга. Поэтому или вразумляй, или же терпи.

Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бrenно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе — сновидению и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии.

Нередко мысль Марка Аврелия достигает высот поэтического совершенства:

Ну что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя же жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, которой они сообразовали бы, всецело все стремления и представления.

Центр притяжения философских размышлений императора-стоика — Человек во всех его неисчерпаемых оттенках и загадках. Писатель пытается отыскать ключ к гармонии человеческой души, к источникам личного и всеобщего блага. Он ищет высшую истину, с помощью которой намерен достичь идеала самосовершенствования. Марк Аврелий много размышляет о смерти, которая, по его мнению, уравнивает Александра Македонского с погонщиком его мулов:

Постоянно думай о смерти. «...» Лишь одно действительно ценно: прожить жизнь, блюдя истину и справедливость и сохраняя благожелательность по отношению к людям лживым и несправедливым. «...»

Представь себе, что ты уже умер, что жил только до настоящего момента, и остающееся время жизни, как доставшееся тебе сверх ожидания, проводи согласно с природой.

Но смерть для него всего лишь ступень перехода в вечность:

Все материальное очень скоро исчезнет в мировой сущности, каждое причинное начало очень скоро поглощается мировым разумом. И память обо всем не менее скоро находит свою могилу в вечности. «...»

Неизменен круговорот мира «...» из вечности в вечность. «...» Скоро всех нас покроет земля, затем изменится и она, и то, что произойдет из нее, будет изменяться до бесконечности. И кто, пораздумав над набегаящими друг на друга с такой быстротой волнами изменений и превращений, не преисполнится презрения ко всему смертному?

Посреди Вечного Города вот уже скоро восемнадцать веков возвышается бронзовый конный памятник императору Марку Аврелию. Над памятником оказались невластными ни время, ни идеологии. Его пощадили варвары, грабившие и палившие Рим, не тронули римские папы, искоренявшие все, что хоть как-то напоминало о язычестве (правда, здесь Марку Аврелию повезло: его спутали с другим императором — Константином — покровителем христианства). Но, быть может, такова воля судьбы. Ведь маленькая книжечка, написанная для души и в уединении философом и писателем, носившим императорское звание, принадлежит всем. Так он хотел — так оно и случилось.

18. БОЭЦИЙ

«УТЕШЕНИЕ ФИЛОСОФИЕЙ»

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций — «последний римлянин» — родился на самом деле через четыре года после величайшего события в мировой истории — падения Западной Римской империи. Произошло это удивительно прозаично, в 476 году.

К двадцати годам будущий философ изучил все доступные ему науки, а к тридцати стал универсальным ученым, достигшим вершин и в гуманитарных и в математических науках. Кроме того, Боэций был теологом, поэтом, переводчиком, оратором, государственным деятелем. Вот перечень наук, где был приложен его высокий интеллект: математика, логика, музыка, грамматика, риторика, механика, философия, теология, астрономия.

Боэций родился около 480 года в Риме; его предки входили со времен республики в число наиболее знатных римских семей. Среди Анициев были и консулы, и императоры, и даже папа. Рано лишившись отца (а Флавий Манлий был консулом при Одоакре), Боэций воспитывался в знаменитой семье Квинта Аврелия Мемлия Симмаха — консула, потом главы сената и префекта города Рима. Симмах был одним из образованнейших людей того времени, а вся линия Римских Симмахов многократно упоминается на страницах истории Вечного города. В 493 году Италию завоевали остготы Теодориха, и началась эпоха странного совместного существования «последних римлян» и «варваров».

Бозэций получил самое совершенное образование, которое только можно представить в конце V века. К его услугам были и лучшие латинские школы, и лучшие наемные греческие учителя, преподававшие в приватном порядке за достаточно высокую плату. Учителей подбирал опекун — Симмах-сенатор. Но главное — это необыкновенный энциклопедический мозг самого Бозэция.

В 510 году Бозэций стал консулом и вошел в большую политику с ее интригами, страстями, идеологическими спорами (в религиозной, конечно, оболочке). Вершиной государственной карьеры оказался 52 год, когда король Теодорих назначил его на пост «магистра всех служб» — по существу, премьер-министром, два его сына были назначены консулами.

Бозэций боролся с беззаконием за права и честь сената и отдельных граждан с прямотой и достоинством истинного римлянина. Это его и погубило. Не прошло и двух лет, как первый министр (и одновременно принцепс сената) Аниций Бозэций был заподозрен в изменнических сношениях с византийским Двором, обвинен в причастности к заговору, посажен в заключение в городе Павли, а еще через год казнен вместе с Симмахом.

В тюрьме Бозэций сумел написать свою знаменитую книгу — «Утешение философией» — глубокое размышление, состоящее из пяти частей (книг), перемежающихся прозой и стихами. По форме это как бы мысленный диалог автора с прекрасной дамой, олицетворяющей возвышенную науку философию:

*Песни, что раньше слагал в пору цветенья и силы,
Вынужден ныне теперь петь я на горестный лад...*

В «Утешении...» затронуты множество философских проблем, актуальных и для V–VI веков, и для последующих эпох. Три — главные из них — темы Судьбы, Фатума, Фортуны. Как понимать «везение» в жизни, как понимать несчастье? Почему добрые и честные не вознаграждаются судьбой, а мерзавцы благоденствуют, и Бог не наказывает их за злодейство?

Откуда берутся хорошие и плохие люди. Особенно, почему много злых, недобрых людей?

Наконец, свобода воли человека и божественное предопределение. Как они совмещаются? Вопросы — актуальные для всех времен. Ответы госпожи Философии и самого Автора понять не всегда просто. Изложение подчас изобилует многочисленными метафорами, аналогиями, философскими и нравственными отступлениями. Но в целом перед читателем открывается синтез мудрости античной и мудрости первых веков христианства — эпохи отцов церкви.

И главное: несмотря на общий пессимистический тон всего «Слова перед казнью», финал «Утешения» все-таки звучит как возвышенный призыв творить добро, вопреки всем невзгодам, не думать о воздаянии. Оно будет, не может не быть под оком всевидящего Судьи.

Через пятнадцать веков к нам обращен призыв Бозэция, вложенный в уста Философии:

— Теперь мне понятна другая, или, точнее сказать, главная причина твоей болезни. Ты забыл, что есть сам. Так как я полнее выяснила причину твоей

болезни, то придумаю, как найти средство, чтобы возвратить тебе здоровье. Ведь тебя сбило с пути забвение, поэтому ты печалишься о том, что сослан и лишен всего имущества. А поскольку ты, действительно, не знаешь, какова конечная цель всего сущего, то и считаешь негодяев и злодеев могучими и счастливыми, ибо предал забвению, посредством каких установлений управляется мир. Ты полагаешь, что перемены фортуны совершаются без вмешательства управителя. В этом и кроются причины, ведущие не только к болезни, но и к гибели. Но, благодарение создателю, твоя природа еще не совсем повреждена. У меня есть средства, которые исцелят тебя, — это прежде всего твое правильное суждение об управлении мира, которое, как ты считаешь, подчинено не слепой случайности, но божественному разуму. Не бойся ничего. Из этой маленькой искры возгорится пламя жизни. Но так как время для более сильных лекарств еще не наступило, и уж такова природа [человеческой] души, что она отступает от истины, увлекаясь ложными суждениями, а порожденный ими туман страстей препятствует ясному видению вещей, то я попытаюсь немного развеять его легкими целительными и успокоительными средствами, чтобы, когда рассеется мрак переменчивых страстей, ты мог увидеть сияние истинного света.

Философия исцеляла во все времена. Любого и каждого. Исцеляет она и теперь всякого, кто к ней обратится. И так будет всегда, пока жив будет трепетный, мятущийся и жаждущий познания человеческий дух.

19. МАКИАВЕЛЛИ «ГОСУДАРЬ»

Вот уже более четырех веков небольшой трактат флорентийского мыслителя, как магнит, притягивает властителей и политиков всех мастей и калибров. Книга одинаково интересна сторонникам монархии и республики, жестокосердным деспотам и мягкотелым либералам, профессионалам и дилетантам, демократам, патриотам, космополитам и вообще — всем кому угодно. Нетрудно предсказать и будущее удивительной книги: ее будут читать всегда, пока люди не устанут заниматься увлекательной и опасной игрой под названием «политика». А так как человек — «животное политическое» (Аристотель), ничего подобного никогда не случится.

И современным «Государь» останется в любую эпоху, ибо он посвящен самому вожделенному — хотя и не для всех достигаемому и благополучно решаемому — вопросу о власти. Причем — о самых сокровенных ее пружинах, тех, что прячутся в самых отдаленных тайниках человеческой души. Простые, всем и любому понятные истины (из тех, что именуются прописными) Макиавелли преподносит бесстрастно и бесхитростно, с первой же страницы подкупая читателя открытостью и откровенностью:

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в безвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета. Я желал бы также, чтобы не сочли дерзостью то, что человек низкого и ничтожного звания берется обсуждать и направлять действия государей. Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы

охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу.

Будучи не только известным общественным деятелем и политическим мыслителем, но также признанным поэтом и драматургом, — Макиавелли развертывает перед читателем подлинное театральное действо, авансценой для которого служит реальная история, а актерами и статистами выступают живые люди. Писатель хорошо знает их пороки и слабости. Он понимает, что людскую психологию не изменишь. Ее нужно принимать такой, какая есть, и изучать тщательнейшим образом, ибо в конечном счете именно она создает типы и стереотипы поведения великих и малых властителей или же тех, кто только претендует на подобную роль. Самые неприглядные и отвратительные черты (такие, как лживость, жестокость, бессердечность, необязательность в соблюдении данного обещания и т. п.), по Макиавелли, — совершенно естественные, более того — необходимые, атрибуты политического деятеля, без которых он вообще таковым не может считаться. Это прекрасно показано в главе XVII, названной «О жестокости и милосердии и о том, что лучше внушать — любовь или страх»:

По этому поводу может возникнуть спор, что лучше: чтобы государя любили или чтобы его боялись. Говорят, что лучше всего, когда боятся и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь им добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно.

Макиавелли просвечивает подноготную власти точно на рентгене. Даже более того, ибо во все времена рентген мысли был посильнее самой совершенной техники. Вот философский вывод и мудрый совет на тему, как государь (читай — любой властитель) должен держать данное слово:

Излишне говорить, сколь похвальна в государе верность данному слову, прямоту и неуклонная честность. Однако мы знаем по опыту, что в наше время великие дела удавались лишь тем, кто не старался сдержать данное слово и умел, кого нужно, обвести вокруг пальца; такие государи в конечном счете преуспели куда больше, чем те, кто ставил на честность. Надо знать, что с врагом можно бороться двумя способами: во-первых, законами, во-вторых, силой. Первый способ присущ человеку, второй — зверю; но так как первое часто недостаточно, то приходится прибегать и ко второму. Отсюда следует, что государь должен усвоить то, что заключено в природе и

человека, и зверя. Итак, из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса — волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана. Из чего следует, что разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание. Такой совет был бы недостойным, если бы люди честно держали слово, но люди, будучи дурны, слова не держат, поэтому и ты должен поступать с ними так же. А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. «...» Отсюда следует, что государю нет необходимости обладать всеми названными добродетелями, но есть прямая необходимость выглядеть обладающим ими. Дерзну прибавить, что обладать этими добродетелями и неуклонно им следовать вредно, тогда как выглядеть обладающим ими — полезно. «...» Поэтому в душе он [государь] всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть, как было сказано, по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла.

Достаточно спроецировать вышеприведенные размышления на нынешних «государей», и сразу станет ясно, насколько современна книга Макиавелли. Разве что-нибудь изменилось с тех пор, как были написаны эти слова? Ничего абсолютно! И никогда не изменится! Потому что такова природа власти, вытекающая из природы человека.

Все 26 сравнительно небольших глав «Государя», точно новогодний карнавал, искрятся энциклопедичностью, афористичностью, тончайшими наблюдениями и глубокомысленными выводами. Главный из них читается между строк: эффективность и действенность власти во все времена зависят не от ее формы и структуры (монархии, республики, олигархии, деспотии, наличия парламента или его отсутствия и т. п.), а от личных качеств того, кто владеет и осуществляет власть. Один политик XX века, достойный продолжатель идеи Макиавелли, формулировал эту мысль еще короче: «Кадры решают все!»

20. КОПЕРНИК «О ВРАЩЕНИЯХ НЕБЕСНЫХ СФЕР»

Историю человеческой цивилизации можно разделить на две неравные части — до этой книги и после. Поставив в центр планетной системы Солнце, земной разум совершил самый большой переворот в понимании Вселенной и места человека в ней. Это место оказалось намного скромнее в пространственном смысле — не в центре мира, но оказалось намного величественнее в мыслительном плане. Человек — единственное во Вселенной существо, осознающее самого себя и весь бесконечный мир.

Изданную книгу принесли к постели умирающего Коперника за день до его смерти 24 мая 1543 года. С этого дня началась коперниканская эра в истории науки, в истории астрономии, в истории философии.

Гордая Польша может по праву гордиться тремя умами супермирового класса — Коперник, Шопен, Складовская-Кюри. Правда, на Николая Коперника время от времени претендуют немцы, но это — зря. Зря по двум причинам. Во-первых, у Германии и без Коперника море

великих имен, а во-вторых, — Николай Коперник — поляк.

Он родился 19 февраля 1473 года в Торуни на Висле; сын купца из Кракова после смерти отца (1483) был взят на попечение дяди — Луки Вацельроде. Некоторое время учился в Краковском университете, но затем на десять лет уехал постигать науки в Италию. Формально целью его было изучение права и медицины (богословие он изучал еще в школе), но Николай увлекся математикой и астрономией.

В 1493 году вернулся обогащенный огромными знаниями в разных науках — от латыни до финансов, вел аскетический образ жизни, лечил бедных, утешал людей в несчастьях и изучал астрономию. В городе уже было известно, что Коперник излагает новую доктрину о движении Земли вокруг Солнца, о неподвижности Солнца и звезд.

Это полностью противоречило господствующей тогда Птолемеевой системе мира, согласно которой в центре Вселенной находится Земля, а вокруг нее вращаются Луна, планеты, Солнце и так называемые неподвижные звезды.

Николай Коперник убедительно показал: все видимые движения небесных светил объясняются проще, если предположить, что центральным светилом является неподвижное Солнце, вокруг которого вращаются все планеты, в том числе и Земля со спутником-Луной, и что, таким образом, Земля есть не что иное, как планета. Мартин Лютер назвал Коперника за высказанные им идеи глупцом, а Меланхтон прямо указал, что такое учение не может быть терпимо, так как подрывает авторитет Библии.

Многие из друзей предлагали Копернику напечатать его сочинение. Но наибольшее влияние на него оказал восторженный его поклонник Ретик, прибывший к Копернику во Фромборке, чтобы подробно ознакомиться с сочинением Коперника. Было решено, что Ретик будет руководить процессом печатанья великого астрономического труда. К несчастью, Ретик вручил рукопись для печатанья К. Осиландеру, лютеранскому проповеднику, который добавил свое не совсем удачное предисловие. В нем говорилось, что все основные идеи коперниканского сочинения «О вращениях небесных сфер» суть только гипотезы и способы, удобные для производства вычислений. Ученый же нашел иной выход — послал в Нюрнберг посвящение книги — главе Католической Церкви папе Павлу III.

Святейшему повелителю Великому Понтифику Павлу III. Предисловие Николая Коперника к книгам «О вращениях».

Я достаточно хорошо понимаю, Святейший Отец, что, как только некоторые узнают, что в этих книгах, написанных о вращении мировых сфер, я придал земному шару некоторые движения, они тотчас же с криком будут поносить меня и также мнения. Не до такой уж степени мне нравятся мои произведения, чтобы не обращать внимания на суждения о них других людей. Но я знаю, что размышления человека-философа далеки от рассуждений толпы, так как он занимается изысканием истины во всех делах в той мере, как это позволено Богом человеческому разуму.

Я полагаю также, что надо избегать мнений, чуждых правде. Наедине сам с собой я долго размышлял, до какой степени нелепой моя гипотеза покажется тем, которые на основании суждения многих веков считают твердо установленным, что Земля неподвижно расположена в середине неба,

являясь как бы его центром. Поэтому я долго в душе колебался, следует ли выпускать в свет мои сочинения, написанные для доказательства движения Земли, и не будет ли лучше последовать примеру пифагорейцев и некоторых других, передававших тайны философии не письменно, а из рук в руки, и только родным и друзьям.

Мне кажется, что они, конечно, делали это не из какой-то ревности к сообщаемым учениям, как полагают некоторые, а для того, чтобы прекраснейшие исследования, полученные большим трудом великих людей, не подверглись презрению тех, кому лень хорошо заняться какими-нибудь науками, если они не принесут им прибыли. Когда я все это взвешивал в своем уме, то боязнь презрения за новизну и бессмысленность моих мнений чуть было не побудила меня от продолжения задуманного произведения. Но меня, долго медлившего и даже проявлявшего нежелание, увлекли мои друзья. Они говорили, что чем бессмысленнее в настоящее время покажется многим мое учение о движении Земли, тем больше оно покажется удивительным и заслужит благодарности после издания моих сочинений, когда мрак будет рассеян яснейшими доказательствами. Побужденный этими советчиками и упомянутой надеждой, я позволил, наконец, моим друзьям издать труд, о котором они долго меня просили...

Труд был посвящен папе Павлу III и состоял из шести книг. Первая дает понятие о трех движениях Земли и новом порядке распределения планет в солнечной системе. Во второй книге изложена так называемая «сферическая астрономия» и помещен каталог неподвижных звезд, отличающийся от каталога Птолемея вековыми изменениями небесных долгот. В третьей книге объяснена прецессия и дана новая теория годичного движения. Четвертая книга излагает теорию движения Луны. В двух последних книгах помещена теория движения планет, основанная на центральности Солнца в солнечной системе, а также показано, как можно определить относительные расстояния планет от Земли и от Солнца.

Судьба отнеслась к Н. Копернику благосклонно: ему лично не пришлось страдать за высказанные им убеждения; при его жизни еще не проявилось то враждебное отношение церкви к гелиоцентрической системе мира, которое обнаружилось уже вскоре после 1543 года.

21. ГАЛИЛЕЙ

«ЗВЕЗДНЫЙ ВЕСТНИК»

По существу вся история мировой астрономии и космологии делится на две не равные по времени части — до и после изобретения телескопа. Революционному внедрению последнего в науку и практику мир обязан Галилео Галилею. Он не был изобретателем «небозрительной трубы». Подлинный ее создатель остался неизвестным. Изготовленные разными шлифовальщиками линз и торговцами очков, первые телескопы демонстрировались то в одном, то в другом научном центре Европы, а то попросту на ярмарках. На основании устных сведений уже в 1607 году Галилей изготовил самостоятельно свой первый еще не вполне совершенный телескоп. Вот как он позднее описал этот «звездный час» своей жизни в знаменитом трактате «Звездный вестник», ставшем рубежным для опытного и теоретического естествознания Нового времени:

Сначала я сделал себе свинцовую трубу, по концам которой я приспособил два оптических стекла, оба с одной стороны плоские, а с другой первое было

сферически выпуклым, а второе — вогнутым; приблизив затем глаз к вогнутому стеклу, я увидел предметы достаточно большими и близкими; они казались втрое ближе и в девять раз больше, чем при наблюдении их простым глазом. После этого я изготовил другой прибор, более совершенный, который представлял предметы более чем в шестьдесят раз большими. Наконец, не щадя ни труда, ни издержек, я дошел до того, что построил себе прибор до такой степени превосходный, что при его помощи предметы казались почти в тысячу раз больше и более чем в тридцать раз ближе, чем пользуясь только природными способностями. Сколько и какие удобства представляет этот инструмент как на земле, так и на море, перечислить было бы совершенно излишним. Но, оставив земное, я ограничился исследованием небесного...

Перед изумленным ученым воистину открылась «бездна, звезд полна»: Млечный Путь оказался состоящим из бесчисленного множества маленьких звездочек, а между знакомыми звездами виднелись десятки и сотни новых, доселе незаметные для невооруженного глаза. На Луне Галилей обнаружил горы и долины. Были открыты спутники Юпитера и фазы Венеры. «Звездный вестник» производит впечатление книги, написанной на одном дыхании, с ее страниц так и брызжет ликование первооткрывателя:

В этом небольшом сочинении я предлагаю очень многое для наблюдения и размышления отдельным лицам, рассуждающим о природе. Многое и великое, говорю я, как вследствие превосходства самого предмета, так и по причине неслыханной во все века новизны, а также и из-за Инструмента, благодаря которому все это сделалось доступным нашим чувствам.

Великим, конечно, является то, что сверх бесчисленного множества неподвижных звезд, которые природная способность позволяла нам видеть до сего дня, добавились и другие бесчисленные и открылись нашим глазам никогда еще до сих пор не виденные, которые числом более чем в десять раз превосходят старые и известные.

В высшей степени прекрасно и приятно для зрения тело Луны, удаленное от нас почти на шестьдесят земных полудиаметров, созерцать в такой близости, как будто оно было удалено всего лишь на две такие единицы измерения, так что диаметр этой Луны как бы увеличился в тридцать раз, поверхность в девятьсот, а объем приблизительно в двадцать семь тысяч раз в сравнении с тем, что можно видеть простым глазом; кроме того, вследствие этого каждый на основании достоверного свидетельства чувств узнает, что поверхность Луны никак не является гладкой и отполированной, но неровной и шершавой, а также что на ней, как и на земной поверхности, существуют громадные возвышения, глубокие впадины и пропасти.

Кроме того, уничтожился предмет спора о Галактии или Млечном Пути и существо его раскрылось не только для разума, но и для чувств, что никак нельзя считать не имеющим большого значения; далее очень приятно и прекрасно как бы пальцем указать на то, что природа звезд, которые астрономы называли до сих пор туманными, будет совсем иной, чем думали до сих пор.

Но что значительно превосходит всякое изумление и что прежде всего побудило нас поставить об этом в известность всех астрономов и философов, заключается в том, что мы как бы нашли четыре блуждающие

звезды, никому из бывших до нас неизвестные и ненаблюдавшиеся, которые производят периодические движения вокруг некоторого замечательного светила из числа известных, как Меркурий и Венера вокруг Солнца, и то предшествуют ему, то за ним следуют, никогда не уходя от него далее определенных расстояний. Все это было открыто и наблюдено мной за несколько дней до настоящего при помощи изобретенной мной зрительной трубы по просвещающей милости божией.

Казалось, мир должен был немедленно обомлеть от восторга. Но даже бесспорные опытные данные вызвали неприятие и обвинения в фальсификации. Очевидное — еще не значит общепризнанное. Хрестоматийным фактом до сих пор считается показательное демонстрирование Галилеем своего телескопа 24 ученым в Болонь. Ни один из них не увидел спутников Юпитера, хотя в расположении звезд и планет разбирались прекрасно.

Даже ассистент Кеплера, горячего сторонника гелиоцентрической системы, который был специально делегирован великим ученым на публичную демонстрацию, не смог толком ничего разглядеть. Вот что он сообщал в письме Кеплеру по горячим следам: «Я так и не заснул 24 и 25 апреля, но проверил инструмент Галилео тысячью разных способов и на земных предметах, и на небесных телах. При направлении на земные предметы он работает превосходно, при направлении на небесные тела обманывает: некоторые неподвижные звезды [была упомянута, например, Спика Девы, а также земное пламя] кажутся двойными. Это могут засвидетельствовать самые выдающиеся люди и благородные ученые... все они подтвердили, что инструмент обманывает... Галилео больше нечего было сказать, и ранним утром 26-го он печальный уехал... даже не поблагодарив Маджини за его роскошное угощение...».

Маджини писал Кеплеру 26 мая: «Он ничего не достиг, так как никто из присутствовавших более двадцати ученых не видел отчетливо новых планет; едва ли он сможет сохранить эти планеты». Несколько месяцев спустя Маджини повторяет: «Лишь люди, обладающие острым зрением, проявили некоторую степень уверенности». После того как Кеплера буквально завалили отрицательными письменными отчетами о наблюдениях Галилея, он попросил у Галилея доказательств. «Я не хочу скрывать от Вас, что довольно много итальянцев в своих письмах в Прагу утверждают, что не могли увидеть этих звезд [лун Юпитера] через Ваш телескоп. Я спрашиваю себя, как могло случиться, что такое количество людей, включая тех, кто пользовался телескопом, отрицают этот феномен? Вспоминая о собственных трудностях, я вовсе не считаю невозможным, что один человек может видеть то, что не способны заметить тысячи... И все-таки я сожалею о том, что подтверждений со стороны других людей приходится ждать так долго... Поэтому, Галилео, я Вас умоляю как можно быстрее представить мне свидетельства очевидцев...».

Галилей как раз-таки и ссылался на таких очевидцев, подтверждавших открытие великого итальянца. Но смысл этой Удивительной переписки в другом: мало, оказывается, смотреть в телескоп — нужно обладать не столько хорошим зрением, сколько зоркостью ума.

Под прицельным огнем инквизиции, только что отправившей на костер Джордано Бруно, Галилей всеми доступными ему средствами

продолжал отстаивать гелиоцентрическую концепцию Вселенной, подкрепляя ее все новыми и новыми астрономическими и физическими фактами. Затасканный по судам и тюрьмам, больной, полу ослепший, но не сломленный, — великий ученый явился открывателем новой эры в наблюдательной астрономии. С момента, когда Галилей направил сделанную собственноручно «трубу» в небо, начался отсчет практической революции — переворот в экспериментальном естествознании. Отныне телескоп сделался неотъемлемым и мощнейшим средством научного познания и в какой-то мере олицетворением прогресса самой науки. И именно с Галилея и его небольшой книжицы под названием «Звездный вестник» данный процесс сделался необратимым.

Чем дальше проникали ученые в глубь Вселенной, тем более интригующими становились тайны Мироздания. Конечно, Тайна была всегда, и она, как спасительный огонек надежды, манила подвижников науки, больных и одержимых этой Тайной. Каждому чудилось: вот сейчас он распахнет дверь и человечество шагнет из темноты незнания и заблуждения на широкий и светлый простор. Но действительность оказывалась совсем иной. За первой дверью обнаруживалась другая, столь же наглухо захлопнутая, за ней — третья, четвертая, десятая, сотая. И так — без конца. Познание поневоле и необходимости превращается в непрерывное преодоление тайн. Каждый настоящий исследователь — царь Эдип, который ищет ответы на все новые и новые загадки Сфинкса-Природы.

22. ТОМАС МОР «Утопия»

Сколько же людей мечтало во все времена о том, чтобы сделать мир лучше, а человека превратить в гармонически целое и совершенное существо. Эти мечты, облаченные в философскую беллетристику, составили имя многим чудакам-гениям и даже — безумцам, как окрестил их Беранже в известном стихотворении именно с таким названием.

*Господа! Если к правде святой
Мир дороги найти не умеет —
Честь безумцу, который навевает
Человечеству сон золотой
По безумным блуждая дорогам,
Нам безумец открыл Новый Свет,
Нам безумец дал Новый Завет —
Ибо этот безумец был Богом
Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь*

Автор фантастического (иначе не назовешь) трактата, давшего название целому направлению социально-политической мысли, был не только выдающимся писателем-гуманистом и «безумцем-мечтателем», но, кроме того, еще и известным общественным деятелем своего времени. Лорд-канцлер при дворе Генриха VIII, он кончил жизнь на плахе за отказ

признать короля главой англиканской церкви и несогласие с очередным браком монарха. Знаменитый роман писался, как принято выражаться, в свободное от основной работы время и сразу же принес ее автору всеевропейскую славу.

Утопия означает «место, которого нет», «несуществующее место». Вообще-то оно существует, но только в воображении автора и читателя. Задача Мора — обрисовать модель идеального государства, свободного от пороков и недостатков ранее известных социальных структур. Мысль не нова. Мор отнюдь не пионер утопической мысли. До него и после него таких проектов было сколько угодно — и на Западе, и на Востоке. Но всем им присвоили искусственное название, изобретенное английским мыслителем-гуманистом. Уже одно это делает его имя бессмертным.

Рассказ путешественника, посетившего загадочный остров Утопия, начинается буднично, бесстрастно и с мельчайшими подробностями — как будто речь идет о доброй старой Англии. Многие комментаторы, которых особенно волновал вопрос о прототипе утопического государства, как раз и склонялись к такому решению. Впрочем, другие размещали его где угодно, в самых различных уголках земли.

Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на двести миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается.

Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они придают острову вид нарождающегося месяца. Рога его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль. На всем этом огромном расстоянии вода, окруженная со всех сторон землей, защищена от ветров наподобие большого озера, скорее стоячего, чем бурного, а почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей, к большой выгоде людей, по всем направлениям корабли.

Но главное, конечно, в другом. Главное — это детализированное описание устройства государства утопийцев, основанного на принципах справедливости и равенства. Здесь нет бесчеловечного угнетения и потогонной системы труда, резкого разделения на богатых и бедных, а золото вообще употребляется для наказания за определенные проступки провинившиеся должны носить тяжелые золотые цепи. Культ утопийцев — гармонически развитая личность.

«...» Так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем.

Между собою они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не питает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не приходится требовать насильно. «...»

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что им представляются недостаточными бесчисленные томы законов и толкователей на них.

«...» По мнению утопийцев, нельзя никого считать врагом, если он не сделал нам никакой обиды; узы природы заменяют договор, и лучше и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями, сердцем, а не словами. «...»

Утопийцы сильно гнушаются войною как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека, вопреки обычаю почти у всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной. «...»

Томас Мор воссоздал столь привлекательную модель общественного устройства, что, казалось, каждый, кто прочитает его книжку, должен незамедлительно взять на вооружение прогрессивные идеи и попытаться реализовать их на практике. Но этого не произошло ни в XVI веке, ни в любом последующем. Сказанное в равной степени относится и к бессчетной веренице социалистов-утопистов, которые жили и творили после автора самой «Утопии» Придуманый им несбыточный образ, однако, оказался столь притягательным, что порой стало казаться — любые надежды на радужные перспективы общественного развития и улучшение общественных отношений — сплошная утопия.

23. БЭКОН «НОВЫЙ ОРГАНОН»

С Фрэнсиса Бэкона начинается отсчет европейская философия Нового времени. В определенной и вполне закономерной мере он даже стал ее символом. Родоначальником — точно. Для философии Бэкон — примерно то же, что Коперник и Галилей для астрономии и естествознания. Любопытное совпадение: как и Томас Мор — его великий соотечественник — Бэкон тоже был лордом-канцлером, но при другом короле — Якове I, также попал в жесточайшую опалу (правда, со стороны парламента). Обвиненный во взяточничестве, он недолго пробыл в заключении и умер своей смертью, не пережив унижения.

Чем же обязана мировая культура Бэкону? Он первым с протестантской решительностью и безоглядностью на церковные авторитеты порвал со схоластическим прошлым и аристотелизмом как главным тормозом дальнейшего развития теории и практики. «Истина — дочь Времени, а не Авторитета», — провозгласил барон Веруламский (таков был дворянский титул философа). Он был первым, кто четко обозначил магистральный путь науки, по которому она движется по сей день: опора на достоверные факты, на опыт и эксперимент. Главный труд Бэкона, обессмертивший его имя, называется «Новый Органон» (хотя и является составной частью более обширного, грандиозного и незавершенного сочинения с более чем характерным названием — «Великое Восстановление Наук»). Даже название демонстративно и вызывающе пикируется с корпусом методологических и логических работ Аристотеля, вошедших в историю под названием «Органон». Бэконовское название — воистину революционный лозунг на знамени тех, кто, не боясь ничего, отважился решительно порвать с мертвым наследием прошлого и вывести науку на новые рубежи. И повел вперед на штурм обветшавших твердынь — поначалу лишь горстку отважных смельчаков — сам Фрэнсис Бэкон.

Какова же логика его рассуждений. Наука, какой она была на пороге начавшейся революции в естествознании, представляла собой не столько систему достаточно скромных опытных и экспериментальных результатов, сколько нагромождение всевозможных ошибок и несуразиц, подкрепленных ссылкой на авторитеты. Имени Аристотеля было достаточно, чтобы подписать смертный приговор любому вопросу да заодно и тому, кто решился его задать. В мире науки царит не истина, а заблуждение. Поэтому, считает Бэкон, необходимо прежде всего указать на источники человеческих заблуждений.

Таковых четыре. Философ называет кратко и емко — идолы (в распространенных переводах — призраки, хотя в оригинале текста стоит *idold*). Они, как жаждущие крови языческие идолы, встают на пути каждого, кто пытается творчески и непредвзято осмыслить действительность. Первыми идут призраки рода: они обусловлены самой природой человека, ограниченностью чувственных каналов, связывающих его с объективным миром, да и несовершенством самого ума. В результате «ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде».

Далее следуют призраки пещеры — заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого, утверждает Бэкон, помимо ошибок, свойственных роду человеческому, «есть своя особая пещера, вторая разбивает и искажает свет природы» (образ явно навеян пассажем из «Государства» Платона). Причина данного рода заблуждений, как правило, коренится в неправильном воспитании, излишнем доверии прочитанным книгам и разного рода авторитетам, навязывающим свою волю и ошибочное мнение.

Призраки рынка обусловлены некритическим восприятием мнения толпы, неправильным словоупотреблением, непониманием истинного смысла научных терминов и т. п. Наконец, призраки театра — универсальный балаган, царящий повсюду — в политике, науке, философии: это — те бесконечные спектакли, которые разыгрывают на сцене житейской суеты политические паяцы, жрецы от науки и заклинатели от философии, отвлекая тем самым обалдевших от их галиматии людей от истинных ценностей и их правильного понимания. В результате подобных «призрачных комедий» создаются целые вымышленные и искусственные (сейчас бы еще добавили — виртуальные) миры, в которых по существу и приходится жить одуроченному человечеству.

Итак, кошмарные призраки-идолы повсюду преследуют искателя истины. Но ему можно не опасаться этой нави, если только он вооружен научно отточенным методом познания. И тут Бэкон переходит к главной части своего трактата. Дословно по-гречески «метод» означает «путь» (в точности, как и китайское дао). Но ведь возможны различные пути. Какой из них выбрать? Какой окажется правильным? Каждый вправе выбрать из трех основных путей познания — паука, муравья и пчелы.

«Путь паука» — это попытка выведения истин из чистого разума, наподобие того, как паук выделяет из себя паутину. Такой путь Бэкон считает поспешным, оторванным от реальности. Он заманчив, ему следуют

многие ученые, но в результате приходят к очень шатким и ненадежным гипотезам. Главная причина ошибок приверженцев «пути паука» — полное игнорирование фактов, что неизбежно ведет к построению спекулятивных конструкций логического порядка, и свободное жонглирование ими.

«Путь муравья» — прямая противоположность первому: ему следуют те, кто рабски привязан к фактам, но не умеет их правильно обобщать. Такие ползучие эмпирики, как труженики-муравьи, собирая разрозненные факты, оказываются неспособными сделать из них правильные теоретические выводы.

«Путь пчелы», по Бэкону, — единственно правильный путь, способный привести к достижению истины: ему присущи достоинства первых двух путей, и вместе с тем он позволяет преодолеть все очерченные выше недостатки и добиться гармонического единения эмпирического и теоретического в познании.

«Новый Органон» написан сочным, образным языком, каким писали во времена Шекспира. Бэкон, кстати, был почитателем и покровителем великого драматурга; некоторые литературоведы, свихнувшиеся на так называемом «шекспировском вопросе», даже утверждали, что «Шекспир» — это псевдоним самого Бэкона. По существу книга — собрание афоризмов. У нее даже имеется подзаголовок — «Афоризмы об истолковании природы и царства человека». Всего таких афоризмов в книге, которая при жизни философа увидела свет так и незаконченной, — 182 (правда, иные занимают по несколько страниц). Любой фрагмент дает прекрасное представление о стиле философской прозы лорда-канцлера барона Веруламского.

Жаден разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается все дальше. Но тщетно! Поэтому мысль не в состоянии охватить предел и конец мира, но всегда как бы по необходимости представляет что-либо существующим еще далее. Невозможно также мыслить, как вечность дошла до сегодняшнего дня. Ибо обычное мнение, различающее бесконечность в прошлом и бесконечность в будущем, никоим образом несостоятельно, так как отсюда следовало бы, что одна бесконечность больше другой и что бесконечность сокращается и склоняется к конечному. «...» Но легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины для всеобщего, равно как и тот, кто не ищет причин низших и подчиненных. «...»

Человеческий разум не сухой свет, его окропляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому. Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает. Он отвергает трудное — потому что нет терпения продолжать исследование; трезвое — ибо оно неволит надежду; высшее в природе — из-за суеверия; свет опыта — из-за надменности и презрения к нему, чтобы не оказалось, что ум погружается в низменное и непрочное; парадоксы — из-за общепринятого мнения. Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум.

Оптимальной методологией научного познания Бэкон считал индукцию, постепенное накопление и скрупулезный анализ собранных фактов, постепенные, чуть ли не пошаговые, выводы из обобщенного материала. Основу такого подхода составляют так называемые «таблицы открытия». Как они работают? Собирается достаточное количество

разнообразных случаев, относящихся к конкретному явлению, и ищется их причина (таблица присутствия). Затем анализируется достаточное множество случаев, где изучаемое явление не наблюдается (таблица отсутствия). Наконец, исследуются происходящие изменения (таблица степеней). В итоге устанавливается причина изучаемого явления или выявляются присущие ему закономерности.

Оговоримся сразу: по разработанным Бэконом таблицам, которыми он так гордился, никто, никогда и ничего не открыл. Но и не в них вовсе заслуга великого английского мыслителя. Он положил начало тому бурному половодью философской и научной мысли, которое освежающим весенним потоком обрушилось на одряхлевшее европейское мировоззрение, смывая замшелое наследие схоластики и умозрительной физики.

Бэкон всюду стремился быть первым — и в жизни, и в политике, и в науке. Неслучайно он и умер из-за им самим проведенного опыта-экспромта. Во время остановки на постоялом дворе зимой ему вдруг пришла в голову мысль: попробовать сохранить мясо курицы, набив тушку снегом. Азарт привел к серьезной простуде. Вскоре последовала смерть. Знаменательна реакция умирающего экспериментатора. «И все же опыт превосходно удался!» На надгробном памятнике философу высечено: «Разрешив все задачи тайн природы и гражданской мудрости, он умер, повинувшись естественному закону, все сложное подлежит разложению». Всех тайн бытия, безусловно, не разрешит никогда не только отдельно взятый мыслитель, но и вся наука в целом. Но пока существует философия, она никогда не перестанет гордиться, что среди ее сынов был блистательный служитель истины и отважный первопроходец Фрэнсис Бэкон, вдохновивший не одно поколение ученых, пришедших вослед.

24. ГОББС «ЛЕВИАФАН»

Жизнь и деятельность Гоббса совпали с одной из первых европейских смут — Английской революцией XVII века, когда человеческие головы ценили не более капустного кочана и секли, как кочерыжки, бесстрастно и нещадно. Автор «Левиафана» был чрезвычайно знаменит на европейском континенте, а в его родной Англии кличка «гоббист» сделалась синонимом «атеиста». Это ему принадлежит и до сих пор бросающая в дрожь безжалостная характеристика первичного и естественного состояния любой общественной формации — «война всех против всех».

Как и многих других великих мыслителей, Гоббса непрерывно травили при жизни и не оставили в покое после смерти. Дело всей его жизни трактат «Левиафан» был публично сожжен — и ни где-нибудь, а в центре всеевропейской науки и культуры — Оксфордском университете, который когда-то окончил и сам автор крамольной книги.

Левиафан — библейский персонаж. В Библии так именуется огромное и страшное морское чудовище невыясненного происхождения: *Кто может отворить двери лица его? Круг зубов его — ужас. «...» От его чихания показывается свет; глаза у него, как ресницы зари. Из пасти его выходят пламенники, выскакивают огненные искры. Из ноздрей его выходит дым, как из кипящего горшка или котла. Дыхание его раскаляет угли, и из пасти его выходит пламя. «...» Он кипятил пучину, как котел, и море*

претворяет в кипящую мазь; оставляет за собою светящуюся стезю; бездна кажется сединою. Нет на земле подобного ему; «...» он царь над всеми сынами гордости. (Иове 1,6-26)

Страх и трепет, по замыслу Гоббса, должен непременно вызывать и другой Левиафан — Государство. Книга, в заголовок которой вынесено сие устрашающее название, имеет логически безупречную структуру. Исследователи не устают отмечать прямо-таки железную логику английского философа, для которого, как и для многих других его современников, образцом научной строгости и доказательности выступали «Начала» Евклида.

Государство — государством, но оно ничто без образующих его людских отношений и первичной клеточки любой общественной структуры — Человека. Для Гоббса это аксиома. Собственно, и Левиафан-Государство изображается им как «искусственный человек» — только более крупный по размерам и более сильный, чем человек естественный, для охраны и защиты которого и создаются государственные структуры. В природе и обществе все действует по простым механическим законам. И человеческий организм, и государственный — всего лишь автоматы, движущиеся при помощи пружин и колес, наподобие часов. В самом деле, говорит Гоббс, что такое сердце, как не пружина? Что такое нервы, как не связующие нити? Суставы — как не такие же колеса, сообщающие движение всему телу? Аналогичным образом обстоит и с государством, где верховная власть, дающая жизнь и движение всему телу, есть искусственная душа; должностные лица, представители судебной и исполнительной власти — искусственные суставы; награды и наказания представляют собой нервы; благосостояние и богатство — силу; государственные советники — память; справедливость и законы — разум и волю; гражданский мир — здоровье; смута — болезнь; гражданская война — смерть и т. д.

Симптоматично, что как свидетель братоубийственной гражданской войны Гоббс объявил ее смертью для государства. Общество вообще переполнено злом, жестокостью и своекорыстьем. «Человек человеку — волк», — эту латинскую поговорку особенно любил повторять автор «Левиафана». Дабы обуздать низменные человеческие страсти и упорядочить общественный хаос, к которому они могут привести, и необходима государственная власть:

Такая общая власть, которая была бы способна защищать людей от вторжения чужеземцев и от несправедливостей, причиняемых друг другу, и, таким образом, доставить им ту безопасность, при которой они могли бы кормиться от трудов рук своих и от плодов земли и жить в довольстве, может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке, или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю. Иначе говоря, для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый

подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни — *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана, или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой.

Государственник до мозга костей — Гоббс всесторонне обосновывает естественность и неизбежность появления самого феномена государства. Естественность — вообще тот девиз, который начертан на знамени английского философа. Естественное право, естественный закон, естественная свобода ~ его излюбленные категории, нередко определяемые одна через другую. Так, естественное право определяется как свобода всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, то есть собственной жизни. При этом свобода подразумевает «отсутствие внешних препятствий, которые нередко могут лишить человека части его власти делать то, что он хотел бы, но не могут мешать использовать оставленную человеку власть сообразно тому, что диктуется ему его суждением и разумом».

В своем духовном подвижничестве Гоббс сумел на деле реализовать свой идеал свободы. Он прожил почти до 92-х лет, до конца дней своих сохраняя ясность ума и занимаясь переводом Гомера. На могильном камне он велел выбить им же самим сочиненную эпитафию: «Здесь лежит истинно философский камень».

25. ДЕКАРТ **«РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ»**

Время жизни Картезия (под таким латинизированным именем он вошел в историю науки и культуры) — эпоха «Трех мушкетеров». Он и сам вполне мог бы стать героем одного из романов Дюма. Отважный, хотя и нелюдимый, офицер-доброволец, он принял непосредственное участие во многих событиях Тридцатилетней войны. Однако больше чем к рукопашным схваткам Декарта тянуло к теоретическим размышлениям. И он использовал для этого малейшую возможность, каждую свободную минуту.

Уединение всегда привлекало его больше, чем всяческая светская суэта. Особенно это проявилось, когда он наконец смог без остатка предаться любимым занятиям. И преуспел так, что его имя и поныне звучит во многих областях знания. В Математике он ввел понятия переменной величины и функции, а также предложил метод прямоугольных координат в аналитической геометрии. В физиологии ему принадлежит открытие и описание механизма безусловного рефлекса. В психологии заметный след оставила его концепция «психофизического параллелизма». По физике и космологии он написал «Трактат о свете», «Диоптрику», «Метеоры». В философии эпохальную славу снискали многие его произведения и среди

них — самый драгоценный камень в наследии, завещанном мыслителем, — книга «Рассуждение о методе».

Лучше всего о том, как были сделаны его главные философские открытия, рассказывает сам Декарт:

Я находился тогда в Германии, где оказался призванным в связи с войной, не кончившейся там и доныне. Когда я возвращался с коронации императора в армию, начавшаяся зима остановила меня на одной из стоянок, где, лишенный развлекающих меня собеседников и, кроме того, не тревожимый, по счастью, никакими заботами и страстями, я оставался целый день один в теплой комнате, имея полный досуг предаваться размышлениям. Среди них первым было соображение о том, что часто творение, составленное из многих частей и сделанное руками многих мастеров, не столь совершенно, как творение, над которым трудился один человек. «...» Подобным образом мне пришло в голову, что и науки, заключенные в книгах, по крайней мере, те, которые лишены доказательств и доводы которых лишь вероятны, сложившись и мало-помалу разросшись из мнений множества разных лиц, не так близки к истине, как простые рассуждения здравомыслящего человека относительно встречающихся ему вещей. К тому же, думал я, так как все мы были детьми, прежде чем стать взрослыми, и долгое время нами руководили наши желания и наши наставники, часто противоречившие одни другим и, возможно, не всегда советовавшие нам лучшее, то почти невозможно, чтобы суждения наши были так же чисты и основательны, какими бы они были, если бы мы пользовались нашим разумом во всей полноте с самого рождения и руководствовались всегда только им.

Так, практически в виде озарения, были открыты, сформулированы и записаны четыре знаменитых методологических правила:

Первое — никогда не принимать за истинное ничего, что я не признал бы таковым с очевидностью, т. е, тщательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению.

Второе — делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить.

Третье — располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу.

И последнее — делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено.

Декарт был уверен, что нет такой твердыни, которая могла бы устоять перед натиском человеческого ума, если только последний вооружен правильным методом познания, ясными и отчетливыми суждениями — исходными точками любого теоретического обобщения. Такая позиция (или концепция) в истории науки получила название рационализма (от лат. ratio — «разум»).

Картезий не побоялся бросить вызов самому Творцу Вселенной. Разрабатывая оригинальную вихревую космогонию, он дерзновенно провозглашал: «Дайте мне материю и движение, и я построю мир!» Кстати,

философское учение французского мыслителя получило в науке название картезианства.

Рациональный подход в науке начинается, по Декарту, с методологического сомнения. Сомнению должно подвергаться все, и нет такого положения, которое не могло бы быть рассмотрено сквозь призму сомнения. Кроме одного: абсолютно несомненен лишь факт самого сомнения, то есть тот мыслительный акт, в процессе которого рождается и протекает сомнение. Это и есть единственное бесспорное основоположение, с которого следует начинать и саму науку и любое конкретное исследование. Данное положение Декарт сформулировал в виде чеканного афоризма, одного из самых известных в истории мировой философии: *Cogito ergo sum* — Мыслю — следовательно, существую!

Из этих трех слов Декарт делает далеко идущие выводы: мышление не просто существует — оно существует, как разлитая повсюду субстанция. Последняя определяется как вещь, которая для своего существования не нуждается ни в чем, кроме самой себя. Данный тезис послужил отправным пунктом для многих последующих теоретических разработок и, в частности, для грандиозной философской системы Спинозы. Однако, по Декарту, наряду с мыслящей и непротяженной субстанцией существует еще и независимая от первой протяженная телесная субстанция — материя. Такое двойственное миропонимание в философии именуется дуализмом.

«Рассуждение о методе» не похоже на традиционные философские трактаты еще и потому, что в качестве подкрепления метафизическим выводам и озарениям здесь помещены результаты трех совершенно конкретных исследований в различных областях знания: «Диоптрика» (посвященная теоретическим вопросам оптики), «Метеоры» (здесь анализируются атмосферные явления и, в частности, дается научное объяснение, что такое радуга) и «Геометрия» (чисто математическая работа — название говорит само за себя).

Ученый полагал, что после земной жизни душа расстается с телом и продолжает свое шествие по миру. «Пора в путь, душа моя!» — были последними словами умирающего философа. Дальше открывалось бессмертие. И сегодня он по-прежнему общается с нами через свои произведения, многие из которых до сих пор составляют гордость и славу человечества. Декарт не может быть не понятен или не близок любому из нас, всякому, в ком бьется мысль и не иссыхает жажда познания — безотносительно к уровню образованности или идеологической ориентации. Потому что пока мы живы, пока не призовет нас природа в иные свои миры — каждый из нас никогда не устанет повторять простую, как все гениальное, истину: *Cogito ergo sum* — Мыслю — следовательно, существую!

26. СПИНОЗА

«ЭТИКА»

Задумчивый еврей из Амстердама с утонченными чертами лица и миндалевидными глазами — Спиноза — внешне производил впечатление совершенно бесстрастного отшельника. В действительности же это был человек величайших страстей и невероятной силы воли. Аналогичным образом обстоит с главным делом его жизни — «Этикой» — книгой внешне сухой и нарочито формализованной. Спиноза поставил перед собой цель:

придать философской мысли математическую строгость и перевести абстрактную прозу на язык геометрии. В результате получилась не имеющая в истории мировой философии прецедентов книга, разбитая по пунктам на аксиомы, теоремы, доказательства да еще и разные комментарии к ним. Ни дать — ни взять, учебник геометрии! Однако за кажущейся абстрактностью здесь всюду проступает испепеляющий жар пламенного» сердца философа.

Правоверный иудей, он смолоду прослыл вольнодумцем и был отлучен от синагоги и едва избежал ножа наемного убийцы. Христиане — как протестанты, так и католики — относились к нему с не меньшей неприязнью. Спиноза прожил до конца дней своих уединенно и аскетически, зарабатывая на жизнь шлифовкой оптических линз и весьма преуспев в этом искусном ремесле. Скончался он от чахотки, не дожив до 45 лет.

«Этика» была опубликована только после смерти философа, а до того имела хождение по всей Европе в рукописном виде. Ее формулировки звучат торжественно, как органнй хорал:

Аксиомы

1. Все, что существует, существует или само в себе, или в чем-либо другом.

2. Что не может быть представляемо через другое, должно быть представляемо через само себя.

3. Из данной определенной причины необходимо вытекает действие, и наоборот — если нет никакой определенной причины, невозможно, чтобы последовало действие.

4. Знание действия зависит от знания причины и заключает в себе последнее.

5. Вещи, не имеющие между собой ничего общего, не могут быть познаваемы одна через другую; иными словами — представление одной не заключает в себе представление другой.

6. Истинная идея должна быть согласна со своим объектом.

7. Сущность всего того, что может быть представляемо не существующим, не заключает в себе существования.

Спиноза — продолжатель философского рационализма Декарта. Он всегда считал последнего своим учителем. Для обоих разум был бесценной святыней. Для обоих главной целью было проникновение в самые сокровенные тайники природы и совершенствование человека. Однако, отправные пункты философских систем обоих философов разные: Декарт начинает с «Я», Спиноза — с объективного мира. Центральной теорией его философской системы стала субстанция (от лат. substantia — «сущность») — неизменная основа всего существующего, сохраняющаяся при всех и любых превращениях — в отличие от постоянно изменяющихся конкретных предметов и явлений:

Под субстанцией я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться.

Для Спинозы субстанция — это прежде всего природа. Но одновременно он объявлял ее Богом. Такой подход в истории философской мысли получил название пантеизма (от греч. pan — «все» и theos — «Бог»),

согласно которому Бог — некое безличное начало, находящееся не вне природы, не за ее пределами, а целиком и полностью растворяющееся в ней самой. Наиболее важное свойство субстанции заключается в том, что она является причиной самой себя (*causa sui*), то есть существует в силу, собственной потенции и не нуждается ни в какой дополнительной силе, ни в каком первотолчке:

Под причину самого себя (*causa sui*) я разумею то, сущность чего заключает в себе существование, иными словами то, чья природа может быть представляема не иначе, как существующею.

Итак, субстанция — первопричина всего существующего. Но сказать только это — значит, сказать очень и очень мало. Требуется объяснить, как же из этой бесконечной и нерасчлененной субстанции рождается все многоцветие природных вещей и явлений, включая человека, наделенного сознанием и страстями. Спиноза решает данную проблему путем введения атрибутов (неотъемлемых свойств субстанции). Таких атрибутов два — протяженность и мышление. Из последнего выводится все многообразие мыслящих существ. Но одновременно приходит к выводу об одушевленности всей природы, любого входящего в ее состав тела.

Мысль — крамольна даже по современным меркам. И все же в ней не может не быть известной доли истины. Это хорошо видно из диалога, который состоялся спустя более чем два столетия после смерти голландского философа. В разговоре участвовали молодой русский революционер Плеханов и его, идейный вождь Энгельс. «Так, по-вашему, — спросил Плеханов, — старик Спиноза был прав, говоря, что мысль и протяжение не что иное, как два атрибута одной и той же субстанции?» — «Конечно, — ответил Энгельс, — старик Спиноза был вполне прав».

То, что главный труд Спинозы назван «Этикой», означает: в первую очередь он обращен к человеку и имеет явственно выраженную гуманистическую направленность. На абстрактном языке XVII века, идеалом которого служили «Начала» Евклида, Спиноза сумел дать развернутую картину духовной жизни людей и психологии индивида, а также разносторонне обосновать тезис о единстве Макро- и Микрокосма, то есть Природы и Человека. Никто из философов Нового времени не сделал для осмысления проблемы свободы человеческой личности столько, сколько Спиноза. Ему принадлежит одно из самых взвешенных и выстраданных определений: свобода — это познанная необходимость. Выводы, касающиеся этого аспекта социального бытия, отточены и афористичны:

Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни.

Душевная сила и добродетель свободного человека одинаково усматривается как в избежании опасностей, так и в преодолении их.

Одни только люди свободные бывают наиболее благодарными по отношению друг к другу.

Человек свободный никогда не действует лживо, но всегда честно.

Человек, руководствующийся разумом, является более свободным в государстве, где он живет согласно с общими постановлениями, чем в одиночестве, где он повинует только самому себе.

Прав был Генрих Гейне, который с поэтическим мастерством и чутьем так охарактеризовал язык философской прозы голландского мыслителя: *«При чтении Спинозы нас охватывает то же чувство, что и при созерцании великой природы в ее пронизанном жизнью покое. Лес возносящихся к небу мыслей, цветущие вершины которых волнуются в движении, меж тем как неколебимые стволы уходят корнями в вечную землю. Некое дуновение носится в творениях Спинозы, поистине неизяснимое. Это как бы веяние грядущего»*. Приведенную характеристику творчества Спинозы хорошо дополняют слова Герцена: *«Можно с ним ни в чем не соглашаться, но нельзя не остановиться с уважением перед этой мужественной и открытой речью, и вот разгадка, почему его вдесятеро более ненавидели, чем других мыслителей, говоривших то же, что и он»*.

Мы, современные читатели Спинозы, и спустя четверть тысячелетия после его смерти не остаемся равнодушными от его страстной доктрины. Так было — так будет. Никакой общественный строй или формация не изменит глубинной природы людей, обусловленной законами Вселенной. И всегда человека будут обуревать аффекты и страсти, которые как будто с помощью точнейшего оптического прибора, смонтированного на основе линз, самим же философом и отшлифованных, так скрупулезно исследовал голландский еврей из Амстердама с блестящими, как маслины, глазами.

27. НЬЮТОН

«МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА НАТУРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ»

Книга Ньютона — беспримерная и недостижимая вершина теоретической мысли. В истории развития науки до сих пор не было ничего подобного. Сформулированные в ней выводы явились фундаментальной базой и для промышленной революции, и для последовавшими за ней — научно-технической и космической. «По Ньютону» работают станки и механизмы, Двигается транспорт, летают самолеты и ракеты. Сама Вселенная — и та устроена по Ньютону: законы тяготения обуславливают хорошо предсказуемое движение небесных тел и объектов — планет, звезд, метеоров, комет.

Собственно, комета, как ни странно, и явилась поводом для написания «Начал» (точнее — для оформления в целостную книгу тех идей, которые давно занимали ученого). Комета Галлея, получившая название по имени автора, глубже других исследовавшего и досконально объяснившего ее движение, как раз и заставила Ньютона превратить ворох (нет, целую гору) валявшихся повсюду в его кабинете листков в один из непревзойденных шедевров научной мысли. Воспоминания современников чудом сохранили свидетельство, как это случилось.

Эдмонд Галлей — известный и дотошный астроном — никак не мог понять, по какой траектории перемещается наблюдаемая им комета (не говоря уже о законах, обуславливающих данное движение). Своими сомнениями он поделился с Ньютоном. Тот, как громом, поразил его своим ответом: «Мне давно это известно. Траектория — эллипс. Вычисления где-то среди моих бумаг». Нужный листок в кипах черновиков отыскать не удалось. И Ньютону пришлось писать все заново. Его рассеянность не знала предела: однажды в глубокой задумчивости он опустил в кипящую воду свои часы вместо яйца, которое намеревался сварить.

Зато после разговора с Галлеем Ньютон бросил все и засел за книгу. Полтора года напряженного труда — и человечество обогатилось творением, совершенство и доказательность которого сравнимы только с другим научным трактатом под аналогичным названием — с «Началами» Евклида. Случилось это чуть больше трех столетий назад — в 1687 году. Колоссальное умственное напряжение привело автора к нервному расстройству; к счастью, оно вскоре прошло. В названии Ньютонова труда слово «философия» не пустой звук: Мироздание не просто описывалось, но также и осмысливалось. Хотя девизом великого ученого явился знаменитый лозунг «Гипотез не измышляю!», его главный труд — образец того, как следует подходить к объяснению известных и неизвестных явлений природы:

Вся трудность физики, как будет видно, состоит в том, чтобы по явлениям движения распознать силы природы, а затем по этим силам объяснить остальные явления. Для этой цели предназначены общие предложения, изложенные в книгах первой и второй. В третьей же книге мы даем пример вышеупомянутого приложения, объясняя систему мира, ибо здесь из небесных явлений, при помощи предложений, доказанных в предыдущих книгах, математически выводятся силы тяготения тел к Солнцу и отдельным планетам. Затем по этим силам, также при помощи математических предложений, выводятся движения планет, комет, Луны и моря. Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы, рассуждая подобным же образом, ибо многое заставляет меня предполагать, что все эти явления обуславливаются некоторыми силами, с которыми частицы тел, вследствие причин покуда неизвестных, или стремятся друг к другу и сцепляются в правильные фигуры, или же взаимно отталкиваются друг от друга. Так как эти силы неизвестны, то до сих пор попытки философов объяснить явления природы остались бесплодными. Я надеюсь, однако, что или этому способу рассуждения, или другому, более правильному, изложенные здесь основания доставят некоторое освещение.

Ньютон выражается предельно деликатно и скромно, хотя знал истинную цену своим открытиям. Для ученого вряд ли являлось секретом, что его «Начала» опередили эпоху и одновременно задали направление движения науки на много столетий вперед. Вскоре это стало понятным любому и каждому. Теорию Ньютона не без оснований сравнивали с актом божественного творения в Библии, прибегая к терминологии Священного писания:

*Был этот мир глубокой тьмой окутан.
Да будет свет! И вот явился Ньютон.*

«Начала» и в самом деле иначе, чем Библией классической механики, не назовешь. Здесь сформулированы основные понятия, которые и по сей день украшают любой учебник физики. Здесь же впервые даны четкие формулировки законов движения (знаменитые законы Ньютона):

Закон I. Всякое тело продолжает удерживаться в своем состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние.

Закон II. Изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует.

Закон II. Действию всегда есть равное и противоположное противодействие, иначе взаимодействия двух тел друг на друга между собой равны и направлены в противоположные стороны.

А был еще и Закон всемирного тяготения. И была всемирная слава и триумф книги, изданной первоначально в количестве всего 250 экземпляров. Автор слыл нелюдимым и мизантропом, хотя состоял в переписке чуть ли не со всеми знаменитыми учеными мужами Европы. Он отличался тяжелым и неуживчивым характером, остерегался женщин и не терпел конкурентов. Но его заслуги перед мировой наукой столь велики, что все это кажется незначительными мелочами по сравнению с бесценным вкладом, внесенным в копилку мировой цивилизацией. Гению прощается все!

28. АДАМ СМИТ

«ИССЛЕДОВАНИЕ О ПРИРОДЕ И ПРИЧИНАХ БОГАТСТВА НАРОДОВ»

Из авторов XVIII века книга «Богатство народов» оказалась самой значительной и влиятельной в грядущих веках и десятилетиях. Все помнят, что Евгений Онегин «... читал Адама Смита и был глубокий эконом...». Полное же название этого великого экономического труда может произнести один из двадцати, имеющих высшее образование; а фактов из биографии автора не знает практически никто. А между тем в его не очень яркой биографии много удивительного и поучительного.

Шотландец, родился через три месяца после смерти отца — Адама Смита — Старшего, достаточно богатого и уважаемого человека — в 1723 году в городе Керколди (Шотландия). Адам рос хилым, болезненным, но необычайно любознательным, понятливым мальчиком. Запоем поглощал книги.

В 15 лет принят на учебу в университет города Глазго — отделение нравственной философии, через 3 года получил степень магистра искусств и стипендию в Баллиопольский колледж Оксфорда. В трудных материальных и политических условиях (восстание шотландцев) за 6 лет обучения в Оксфорде студент накопил поистине энциклопедические знания: латынь, греческий, французский язык, философия, этика, античная и современная литература, математика, физика, логика, право, экономия, астрономия, история, география, ремесла и торговля и еще бог весть что. По каждому из этих предметов он мог читать целый курс лекций. После двух лет мучительных раздумий о том, что сделать со своим жизненным поприщем, А. Смит принимает приглашение читать публично лекции по литературе и естественному праву в Эдинбургском университете (1748). Но постепенно, под влиянием вопросов слушателей, Смит от художественной литературы перемещался к более актуальным темам: справедливость, бедность, богатство, бесправие и т. п. Публика ходила на лекции, как на спектакли; особенно хорош был языковой стиль... без конспектов, без каких-либо записей — непрерывный экспромт.

Любовь к девушке, про которую известно только, что ее звали Джин, еще более вдохновила молодого ученого. В 1751 году А. Смит занимает в Глазговском университете кафедру логики, а на следующий год — кафедру нравственной философии. Тогда же он познакомился со знаменитым философом Давидом Юмом. Весной 1759 года в Лондоне

вышла книга А. Смита «Теория нравственных чувств» — она принесла ему известность. Два с половиной года (1764–1766) А. Смит в качестве воспитателя живет на континенте (Франция, Швейцария), общается с Вольтером, Кене, Тюрго, Гельвецием, Гольбахом, Дидро, Д'Аламбером, Морелли. Здесь, во Франции, после длительных бесед с экономистами-«физиократами», Смит начал писать свою главную книгу «Богатство народов». Вернувшись в Англию, он еще год занимался государственными делами. Но мечтою его было уединиться и закончить свой труд. Это удалось — шесть лет одиночества в родном Керколди, но только в 1776 году великая книга была напечатана, наконец, в Лондоне. Последние годы жизни прошли в Эдинбурге. Умер он в 1790 году. «Богатство народов» состоит из пяти частей (книг). Принципиальные основы системы экономической теории Смита изложены по существу в первых двух книгах. Вот главнейшие идеи, открытые классиком политической экономии.

1. Законы экономики действуют объективно подобно законам природы (прекрасным образцом которых служат законы Ньютона).

2. Разделение труда увеличивает производительные силы, но создает необходимость введения обмена результатами труда и цен.

3. Стоимость создается только трудом.

4. Стоимость товара раскладывается на естественную заработную плату, естественную прибыль и естественную ренту.

5. Фактическая рыночная цена может быть выше или ниже стоимости.

6. А где же стоимость материалов, потраченных на изготовление товара? А она, если рассуждать последовательно, в конечном итоге сведется к заработной плате работников, которые эти материалы изготовили.

7. Тезис, оказавшийся в последующие два века наиболее содержательным, острым, дискуссионным. Это о так называемой «невидимой руке» рынка. В условиях рыночного обмена каждый человек, руководствуясь своими эгоистическими побуждениями о выгоде и преследуя свой интерес, на самом деле участвует в великом разделении труда и увеличивает не только свое, но и общее благосостояние. Двухвековое обсуждение этой идеи породило целые направления в экономической науке: либерализм и фритредерство, дирижизм, монетаризм и т. д.

Значение труда А. Смита в развитии экономической науки неоценимо. Его считают своим предшественником практически все школы и направления (даже начисто отрицающие друг Друга). Происходит это в силу того, что «Богатство народов» было первым систематическим изложением науки о хозяйстве за три предшествующих века. И как у всех первопроходцев, терминология у Смита не отработана, многое противоречиво, что-то совсем неправильно. Многие можно понять по-разному. Но подкупает искренность ученого, блестящий стиль, несмотря на длинные фразы, глубокое проникновение в суть явлений (этому у него учились и Д. Рикардо, и К. Маркс).

«Богатство народов» стоит в веках как утес, о который дробятся бушующие волны любых экономических идей.

29. КАНТ

«КРИТИКА ЧИСТОГО РАЗУМА»

Жизнь Канта бедна яркими событиями. Он родился и умер в Кенигсберге (нынешнем Калининграде), прожив 80 лет. Около трех лет даже считался российским подданным — после того как русские полки в ходе Семилетней войны вступили в Кенигсберг, а Восточная Пруссия была в первый раз (тогда еще временно) присоединена к России. Кант никогда не выезжал за пределы родного города, никогда не был женат, никогда не вставал позже пяти часов и никогда не нарушал размеренного распорядка жизни. Хорошо известно, что соседи определяли время не по часам городской ратуши, а по регулярным прогулкам философа. Лишь однажды он озадачил добродушных бюргеров: профессор не вышел на традиционную, почти что ритуальную прогулку — он зачитался только что изданной книгой Руссо «Об общественном договоре» и забыл все на свете, пока не дочитал до последней страницы.

Маленький, сухонький, хрупкий, как фарфор, вечно погруженный в себя философ был похоронен у стены кафедрального собора, где была возведена скромная колоннада с чугунной решеткой. Теперь это место паломничества именуется мавзолеем Канта. Ранней весной 1945 года, когда советские войска штурмом взяли Кенигсберг, какой-то «любитель философии» нацарапал штыком на стене под памятной доской: «Ну что, Кант! Теперь ты веришь, что мир материален?» Кощунственно, но, согласитесь, апокалиптично: переключка двух эпох на фоне горящих руин Восточной Пруссии. Я собственными глазами видел эту надпись в конце 50-х годов, мне показал ее отец, неназойливо прививавший вкус и интерес к философии. Позже, во время реставрации могилы Канта, надпись зашлифовали, и теперь рассказ о ней перешел в разряд местных легенд.

«Критика чистого разума» — главный труд родоначальника классической немецкой философии и одно из величайших достижений человеческого гения. По образной характеристике Генриха Гейне, эта книга есть меч, отрубивший голову Богу. Никто и не сказал о Канте лучше, чем немецкий поэт: *«Прочь, призраки, — я буду говорить о человеке, одно имя которого звучит, как заклинание, я буду говорить об Иммануиле Канте!»* И далее Гейне сравнивает Канта с Робеспьером. Оба они по природе своей и происхождению — мещане, мелкие буржуа. Случись иначе — они бы отвешивали в лавке кофе и сахар. Но у истории свои законы: судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, а другому — Бога.

В чем же величие Канта и его знаменитой книги? До Канта европейская философия, хотя и считалась традиционно «наукой наук» и царицей мудрости, — все же как бы скользила по поверхности, ограничиваясь кругом строго определенных проблем, заданных еще Аристотелем. Кант был первым, кто осмелился заглянуть в такие глубины человеческого разума и разглядеть там такие вещи, какие до этого не удавалось никому.

В принципе Канта всегда и во всем интересовали два гносеологических вопроса — почему и как. Позже он спроецирует их на все сферы общественной жизни, особенно его интересовали мораль и искусство. Но в «Критике чистого разума» речь идет исключительно о

познании. Итак, почему существуют наши знания о мире и, главное, почему возможно новое знание? Как оно появляется, на чем основывается, каков конкретный механизм познавательного процесса от его первого до последнего шага. С одной стороны, рассуждает философ, все знание черпается из окружающего мира и берется из чувственного опыта. С другой стороны, в структуре самого знания, которым оперирует любой человек, — в понятиях, идеях, суждениях, умозаклчениях, теориях, гипотезах и т. п. — нет ничего такого, что можно было бы отыскать и пощупать, так сказать, в окружающем мире. Что же это за феномены? Откуда они берутся? И каковы законы их формирования?

С самым объективным миром тоже не все так просто. Конечно, он существует, но совсем не таков, как это нам представляется. Более того, чувства человека — единственные каналы связи с окружающей действительностью — не дают возможности познать этот мир таким, каков он есть на самом деле. Говоря простым (и современным) языком, мы видим окружающие предметы, но не видим образующие их молекулы, атомы, поля, флуктуации вакуума, другие глубинные природные явления, находящиеся к тому же в неразрывной взаимосвязи. И нам — в силу природной же организации — никогда не дано все это увидеть. Мы имеем дело только с феноменами нашего собственного сознания. Почему и как — вот и давайте разберемся. Но сначала условимся: все что не в нас, за пределами наших чувств и разума, это — вещь в себе. Она существует, но она не познаваема. И не стоит по этому поводу стенать и рыдать — есть проблемы гораздо поинтереснее. (Знаменитая кантовская «вещь в себе» — не точный, но закрепившийся в науке перевод понятия, которое означает «вещь сама по себе», то есть такая, какой она существует без соприкосновения с человеком, его органами чувств и всем механизмом познания.)

Старая докантовская философия вообще оказалась не способной заглянуть в те бездны, которые открылись кенигсбергскому философу: *Я не уклонился от поставленных человеческим разумом вопросов, оправдываясь его неспособностью [решить их]; я определил специфику этих вопросов сообразно принципам и, обнаружив пункт разногласия разума с самим собой, дал вполне удовлетворительное решение их. Правда, ответ на эти вопросы получился не такой, какого ожидала, быть может, догматически-мечтательная любознательность; ее могло бы удовлетворить только волшебство, в котором я не сведущ. К тому же и естественное назначение нашего разума исключает такую цель, и долг философии состоял в том, чтобы уничтожить иллюзии, возникшие из-за ложных толкований, хотя бы ценой утраты многих — признанных и излюбленных фикций. В этом исследовании я особенно постарался быть обстоятельным и смею утверждать, что нет ни одной метафизической задачи, которая бы не была здесь разрешена или для решения которой не был бы здесь дан, по крайней мере, ключ.*

Предметом философии отныне, согласно Канту, становится область чистого (то есть независимого от опыта) разума. И далее начинается пиршество мысли. Как ученого, сделавшего, кстати, немало в области конкретных наук (достаточно вспомнить, что он одним из первых дал правильное объяснение морских приливов и отливов под воздействием

притяжения Луны, разработал оригинальную гипотезу происхождения Солнечной системы и т. д.), Канта интересует, прежде всего, вопрос: как возможны в принципе такие науки, как математика, естествознание и философия. Но как философ он ставит вопрос еще шире: откуда вообще берется всякое знание, содержащее истины, и как оно формируется на основе первичных и ненадежных чувственных данных.

Скруплезному обоснованию видения данной проблемы и посвящены почти 700 страниц текста «Критики чистого разума». Кант шаг за шагом проводит изумленного читателя над бездной неизведанного. Показывает, как на фундаменте чувственных первоощущений пространства и времени возникают простые и сложные понятия, которыми оперирует человек в своей повседневной жизни. Среди них научные идеи и категории, находящиеся в диалектической субординации. Понятийный синтез, точно в химической реторте, целиком и полностью свершается в нашем сознании. Кант поименовал этот жизненно, важный и таинственный даже для него самого акт превращения простого в сложное — трансцендентальной апперцепцией, положив тем самым начало не слишком отрадной традиции — облекать свои мысли и выводы в трудно постижимые и неудобоваримые категории, чем так прославилась классическая немецкая философия. Логически безупречно Кант подводит читателя и к парадоксальному выводу: любые законы — природы в том числе — находятся в нас самих: «... *Рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей*».

Но и на этом головокружительные приключения «чистого разума» не заканчиваются. Пытаясь осмыслить сущность и целостность окружающего мира, мы неизбежно впадаем в неразрешимые противоречия, названные Кантом антиномиями. Философ неопровержимо доказал, что с одинаковой степенью достоверности можно логически непротиворечиво обосновать взаимоисключающие друг друга тезисы и антитезисы: мир конечен или бесконечен, он причинен или беспричинен, состоит из простых частей или не состоит из них и т. д. Точно в такие же неразрешимые противоречия мы впадаем, пытаясь понять, что такое Бог, и Кант последовательно опровергает все канонические доказательства бытия Бога (вот он «меч», о котором писал Гейне).

Однако Бог, хотя и непостижим, необходим как постулат нравственности. Без веры в Бога не прожить, ибо иначе невозможно примирить стремление к благу с существованием зла. Без веры в Бога не будет никакой уверенности в том, что можно осуществить хоть какой-то нравственный порядок. (Достоевский впоследствии скажет еще проще: «Если Бога нет — то все дозволено!») В дальнейшем эти выводы легли в основу кантовской концепции категорического императива — нравственного правила для каждодневных поступков. Сама идея проста, как все гениальное, и имеет длительную историю. Пророки и проповедники разных народов и разные времена облекли ее в форму «золотого правила нравственности»: «Поступай с другими так, как бы хотел, чтобы они поступали с тобой». Кант придал этой общечеловеческой истине сугубо философское звучание:

«Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства».

Данная формула и есть знаменитый категорический императив.

Вообще великий немецкий мыслитель считал, что в мире существуют только два явления, заслуживающие действительного восхищения и достойные внимания настоящего ученого: это — звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. В конце прошлого — начале нынешнего веков, когда философия и наука стали с беспокойством осознавать пагубность традиционной методологии и неизбежность замаячивших впереди тупиков, раздался спасительный лозунг: «Назад к Канту!». Может, и был он чересчур паническим, но рациональное зерно здесь налицо: ни наука, ни философия не могут сделать ни одного шага вперед без тех открытий, которые были совершены в тиши кенигсбергского кабинета и получили свое воплощение в великой книге «Критика чистого разума».

30. ГЕГЕЛЬ «ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА»

Это — не единственная знаменитая книга в обширном наследии великого немецкого мыслителя. Есть и позnamenитее и пообъемнее. И все же именно она — «истинный исток и тайна» гегелевской системы — остается эпохальной точкой отсчета мировой философии. С «Феноменологии духа» начинается «настоящий» Гегель (до того он шел в фарватере предшественников). И для него книга также стала самым дорогим детищем. Когда 13 октября 1806 года после массированного артобстрела в Иену, где проживал философ, ворвались наполеоновские войска, в городе начался небывалый пожар и тотальный грабеж. Единственное, что удалось спасти Гегелю, была только что завершенная рукопись «Феноменологии духа», которую он рассовал по карманам, спасаясь от очередного «визита» французских мародеров. Автор остался бездомным нищим, но мировая культура стала на голову выше.

Необходимая закваска для развития собственного учения и всех последующих школ диалектики чудом была спасена. Книга вскоре увидела свет и на долгое время (вместе с другими работами Гегеля) завладела лучшими умами человечества. В России большая часть интеллектуальной элиты быстро превратилась в гегельянцев, меньшая часть продолжала оставаться шеллингианцами (то есть последователями другого великого немецкого философа — Шеллинга). Крупнейшие русские мыслители — Белинский, Герцен, Бакунин, Хомяков, братья Киреевские и братья Аксаковы в разное время в той или иной степени испытали на себе неотразимое влияние Гегеля, а значит — и «Феноменологии духа».

«Былое и думы» Герцена, точно это случилось вчера, заразительно передают атмосферу незабываемого времени. Бессонные ночные споры в густом табачном дыму и не менее густом тумане сложнейших философских категорий, которые молодые любомудры щелкали, как семечки. Спекулятивные конструкции въедались даже в сознание дремлющих слуг: как-то раз один из них, по свидетельству Аполлона Григорьева, очумело выбежал на крыльцо и отчаянно выкрикнул: «Карету Гегеля!»

Все это будет потом, но отправным пунктом останется книга, название которой начинается с загадочного и труднодостижимого слова — «феноменология». Впрочем, не такое уж оно и трудное: означает «учение о явлениях [сознания]». И скрывается за ним простая истина, ничто не стоит

на месте, все развивается, включая и мир человеческих чувств, мыслей, потребностей, интересов. Дабы обосновать это, Гегелю необходимо было решить три тесно взаимосвязанные между собой задачи подвести черту под прошлым, спрогнозировать будущее и дать истолкование настоящему. С первыми двумя проблемами было достаточно просто: с прошлым покончено навсегда, а будущее виделось эдаким гармоничным царством разума, где безраздельно властвует его собственная гегелевская философия, ибо только он — и никто другой — достиг наконец абсолютного знания и дальше, вообще говоря, делать нечего.

Сложнее, как всегда, обстояло с «проклятым» настоящим:

Оно никак не хотело укладываться в прокрустово ложе абстрактных схем и преподносило один сюрприз за другим. Иного не Могло и быть: живая жизнь, живая история, живые люди — одним словом, Гераклитов «живой огонь», который непрерывно вспыхивает и угасает. Но это и есть та самая диалектика, вторая составляет душу объективного и субъективного мира. Познай душу — и ты постигнешь все! Но и само познание невозможно без диалектики. Как душа — котел кипения страстей, так и познание — клубок противоречий, взаимоисключающих противоположностей, движения по спирали — путем отрицания отрицания, зигзагообразных отклонений в сторону и тем не менее — всегда прогрессивное продвижение вперед, несмотря на неудачи и поражения.

В предельно абстрактной и одновременно систематизированной форме Гегель указал путь к познанию: вооруженное факелом диалектики, оно преодолевает потемки незнания и заблуждения, рано или поздно прорываясь к свету Истины. Диалектика — не просто знание, а знание в действии — метод. Он — теоретический посох в руках кабинетного ученого или просветителя, вещающего с кафедры. Он — и надежнейшая опора в руках практика, преобразователя жизни. Алгебра революции — так метко охарактеризовал диалектику Александр Герцен, увидевший в философии Гегеля заряд необычайной силы. Нужно только суметь им воспользоваться. Охотники быстро сыскались. Среди них революционеры всех оттенков и направлений — от государственника-созидателя Карла Маркса до разрушителя-анархиста Михаила Бакунина.

«Феноменология духа» — вдохновенный гимн диалектике и ее праматери — философии. По Гегелю, наука без философии — ничто:

Философия часто считается формальным, бессодержательным знанием, и нет надлежащего понимания того, что все, что в каком-нибудь знании и в какой-нибудь науке считается истиной и по содержанию, может быть достойно этого имени только тогда, когда оно порождено философией: что другие науки, сколько бы они ни пытались рассуждать, не обращаясь к философии, они без нее не могут обладать ни жизнью, ни духом, ни истиной.

Основные персонажи гегелевской философской мистерии — дух, идея, понятие, разум и более экзотические категории, например, в-себе-сущее или для-себя-бытие. В филигранном анализе этих и других феноменов сознания немецкий мыслитель достиг таких глубин, какие до него не были доступны никому. «Феноменология духа» (впрочем, как и все последующие книги грандиозной философской эпопеи) построена по трехчленной схеме: в основе ее самой, каждого раздела, главы, параграфа, подпараграфа лежит триада, то есть какие-то три устойчивых понятия. В

ранних работах Гегеля данный принцип проводится не всегда жестко, и здесь, как правило, немало прямых обращений к «живой жизни». Так, «Феноменология духа», несмотря на предельную сгущенность ее языка, переполнена образными сравнениями, нетривиальными категориями («ужас», «сердце», «светлое существо», «несчастное сознание» и др.), запоминающимися философскими притчами, которые вошли в золотой фонд человеческой мысли. Среди них рассуждение о господине и рабе.

Стремление к господству — вообще одна из важнейших побудительных сил человека (и, добавим, до сих пор одна из наименее изученных социальных категорий). Властный инстинкт лежит (подчас в скрытом виде) в самом фундаменте людских поступков, психологии, морали, правовых, идеологических, религиозных и иных отношений, политических акций и т. п. Каждый, так сказать, по природе своей и по существу бессознательно стремится к господству над другими, пытается подавить волю противоположной стороны, утвердив собственную, и властвовать в той или иной степени: родители — над детьми, муж — над женой (и наоборот), учитель — над учениками, проповедник — над паствой, начальник — над подчиненными; монарх — над подданными, президент — над страной, сверхдержава — над остальным миром и т. д. Крайний случай — отношения господина и раба, но именно здесь, как в капле воды, обнаруживается диалектическая взаимосвязь между ними. Господин владеет и повелевает рабом, может сделать с ним что угодно — даже убить безнаказанно, он, говоря словами Гегеля, — «его цепь». Но наслаждаясь неограниченной властью и благами, создаваемыми рабом, господин неизбежно попадает в прямую зависимость от последнего. Не будет раба — не будет никакой власти и у господина (не над кем!), не будет ни праздности, ни наслаждений. Выходит, что раб такой же господин, как и его хозяин. И сознание у обоих одинаковое — Рабское. Вот она — реальная диалектика реальной человечески жизни!

Подозревал ли сам Гегель, какого джинна запечатал до поры до времени в сосуде под названием «Феноменология духа»? Есть все основания предполагать, что он прекрасно осознавал и неисчерпаемые потенции утверждаемого им мощного метода и то могущество, которое приобретает вооруженные им личность, группа, сообщество, партия, класс. Ведь Гегель был сыном той эпохи, начало которой положила Великая Французская революция, пробудившая к жизни новые общественные силы и задавшая направление развитию всей мировой цивилизации. Классическая немецкая философия в лице ее главных представителей — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха — явилась своеобразной теоретической реакцией на революционную ситуацию в Европе, философским осмыслением вопросов, поставленных самой жизнью, которая без диалектики превращается в сухое древо и чахнет!

31. ФЕЙЕРБАХ «ЭВДЕМОНИЗМ»

Трактат Людвиг Фейербаха ценен (точнее — бесценен) тем, что явился своеобразным итогом мощного культурно-этического учения, провозглашавшего главной движущей силой общественного развития стремление человека к счастью (диковинный термин «эвдемонизм» как раз и образован от соответствующего греческого слова, означающего

«счастье»). Венцом и стержнем данной концепции, европейские традиции которой восходят еще к Эпикуру, является теория разумного эгоизма. Фейербах внес наибольший вклад в ее философское обоснование. В России самым горячим последователем немецкого мыслителя стал Чернышевский

Сравнительно небольшой трактат «Эвдемонизм», если говорить честно, — скорее всего, своеобразный памятник-символ, олицетворяющий философское лицо Фейербаха. При его жизни по Европе гремели совсем другие произведения — «Основные положения философии будущего», «Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии», «Сущность христианства» и др. «Эвдемонизм» вобрал все главное и лучшее из них и подвел черту под всем философским направлением. Книга наполнена гениальными прозрениями, понятными всем истинами, афористическими формулировками, написана доступным и сочным языком.

Итак, счастье. Да, оно осеняет всю нашу жизнь:

То, что живет, — любит, хотя бы только себя и свою жизнь; хочет жить, потому что оно живет; хочет быть, потому что оно есть; но, заметьте, хочет быть, только здоровым и счастливым, ибо только счастливое бытие есть бытие с точки зрения живого, ощущающего, желающего существа, только оно является желанным, любимым бытием... Счастье «...» есть не что иное, как здоровое, нормальное состояние какого-нибудь существа, состояние хорошего здоровья, или благополучия; такое состояние, при котором существо может беспрепятственно удовлетворять и действительно удовлетворяет его индивидуальным, характерным потребностям и стремлениям, относящимся к его сущности и к его жизни.

По Фейербаху, в основе всех без исключения поступков и действий человека лежит одно простое и понятное для всех побуждение — стремление к счастью:

Стремление к счастью — это основное, первоначальное стремление всего того, что живет и любит, что существует и хочет существовать, что дышит и что не воспринимает в себя с «абсолютным безразличием» углекислоту и азот вместо кислорода, мертвящий воздух вместо живительного.

И не один лишь род людской — все живое основывается на стремлении к счастью. Гусеница, после долгих неудачных поисков и напряженного странствия, успокаивается, наконец, на желанном растении, к которому она так стремилась. Что привело ее в движение, что побудило к этому трудному странствию? Что заставило ее мускулы попеременно сжиматься и разжиматься? Только воля, — считает Фейербах, — только боязнь не умереть от голода, другими словами, — любовь к жизни и инстинкт самосохранения, а это и есть — стремление к счастью.

Счастье, как бы это парадоксально ни звучало, подчас доказывает свое всемогущество в несчастьи. Например, трагический факт самоубийства, как правило, является закономерным концом недостижения счастья, к которому так стремилась и которого так и не добились жертва. Ибо, покушаясь на самоубийство, человек избирает смерть, противоречащую стремлению к счастью, только потому, что она видится ему концом всех его зол и несчастий, и потому, что она в его представлении является единственным лекарством от вереницы нестерпимых бед и

страданий, мешающих достижению счастья.

По той же схеме Фейербах строит свое знаменитое объяснение сущности и происхождения религии (именно данное открытие вознесло его на пьедестал мировой славы). Любая религия — иллюзия, но верующий человек сознательно стремится к этой иллюзии, так как она оказывается для него тождественной тому счастью, без которого он не может существовать. Реальная повседневная действительность не удовлетворяет большинство людей — она полна невзгод, разочарований и болезненных противоречий. В реальной жизни счастья очень и очень мало, а его всегда хочется очень и очень много. Зато религия (в первую очередь это относится к мировым религиям — христианству, исламу и буддизму) обещает бесконечное и вечное счастье после смерти — в потустороннем мире. И бедные люди, не найдя удовлетворения для своей естественной потребности счастья в повседневной жизни, как в омут, устремляются в иллюзорный мир религиозных идеалов, надеясь на обретение полного счастья и успокоения в райских куцах.

Открытие Фейербаха имеет исключительно важное значение для понимания и других социальных феноменов и психологии человека, обуславливающих его поведение и объясняющих, каким именно образом он реализует свои не востребованные потенции. Неудовлетворенность безрадостной действительностью, беспросветные перспективы на ближайшее и отдаленное будущее, невозможность получить хотя бы чуточку счастья, но незамедлительно и всякий раз, когда того хочется (а хочется постоянно!), — вынуждает людей искать забвения в иллюзорном мире не одной только религии. Именно здесь коренятся глубинные причины алкоголизма, наркомании, увлечения мистикой, фантастикой, уход от активной жизни и ориентация на негативные ценности.

Философия Фейербаха учит и призывает не уходить от жизни, а открывать ее красоту и полноту в любви. Другого пути нет, ибо счастье в одиночку невозможно. Я не существует без Ты. А Я и Ты — это, прежде всего, — Мужчина и Женщина. Человек эгоистичен по своей натуре. Стремление к личному счастью как раз и выражается в эгоизме. Но эгоизм этот должен быть разумным. Природа сама установила путь для достижения взаимного счастья и недвусмысленно подсказывает пути его обретения. Это — обусловленное объективными законами отношение между полами. Половая любовь — единственное изобретение природы, где одно существо, доставляя удовлетворение самому себе, доставляет одновременно точно такое же удовлетворение и своему партнеру. В акте соития мужчины и женщины не только обретаются высшее наслаждение и ощущение личного счастья, но и создается первичная матрица, позволяющая преодолеть барьер индивидуально-эгоистического самоудовлетворения, которое одновременно порождает удовлетворение другой стороны, и подняться на высшую ступень общего и — в перспективе — всеобщего счастья. Вот почему половая любовь между мужчиной и женщиной является естественным и единственно возможным отправным пунктом для достижения индивидуальной, парной, коллективной и общественной гармонии. На этом основании строится семья — первичная ячейка всякого общества, а значит — и само общество. На том же базируется и мораль — как существующая, так и та, которую еще

предстоит создать в будущем, вне всякого сомнения, более совершенном обществе:

... Для духовного происхождения, для возникновения морали нужны по меньшей мере два человека — мужчина и женщина. Больше того, половое отношение можно прямо характеризовать как основное нравственное отношение, как основу морали. «...» Обязанности в отношении к себе только тогда имеют моральный смысл и ценность, когда они признаются косвенными обязанностями в отношении к другим; когда признается, что я имею обязанности по отношению к самому себе только потому, что у меня есть обязанности по отношению к другим — к моей семье, к моей общине, к моему народу, к моей родине.

В фамилии Фейербаха кроется слово «огонь» (Feuerbach переводится как «огненный ручей»). Его страстная философия от начала до конца наполнена таким огнем — огнем любви к человеку, человечеству и всему этому бесконечно сложному, противоречивому и все же такому прекрасному миру. Его гуманизм во многом опередил свое время и доньше во многом остается недостижимым идеалом. Долгое время в умах идеологов доминировала точка зрения, согласно которой человек есть продукт среды. При этом упускалась или отодвигалась на второй план не менее важная мысль: социальная среда есть всецело продукт человека. По существу все в этом мире и нашей жизни зависит именно от него!

32. МАРКС «КАПИТАЛ»

Во втором отечественном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса «Капитал» занимает 4 тома, или 7 книг. 1-й том — 1 книга, 2-й том — 1 книга, 3-й том — 2 книги и 4-й том — 3 книги.

Итак, семь объемных фолиантов по 700 страниц в каждом.

*Маркс устарел, говорит кое-кто, смеясь.
Век усмотрел в нем отсталость и старость...*

Так, пожалуй, можно перефразировать слова известного романса.

Не скроем, что в наше время (последние годы XX века) многие так искренне полагают. И тем не менее «Капитал» — это величайший экономический труд, его влияние на судьбы человечества сравнимо только с Новым заветом.

Это самая серьезная книга о самых серьезных на Земле вещах. Как должны жить люди на Земле, как должно быть устроено общество. Откуда все бедствия и трагедии. Спокойно, как в классической симфонии, разворачивается неспешное объяснение, с повторами, вариациями, лирическими отступлениями, житейскими и историческими примерами.

Чтение «Капитала» — занятие не из простых. Вообще, на это надо решиться. Людей, целиком одолевших этот огромный и сложнейший текст, совсем не много. Подавляющее большинство даже профессионалов в лучшем случае читали и конспектировали отдельные главы и разделы, а отечественная образованная публика ограничивалась изучением вузовского учебника «Политическая экономия» в части «Капитализм». А это есть не что иное, как приблизительные изложения идей «Капитала».

Огромность, сложность, даже, можно сказать, громоздкость конструкции «Капитала» уже давно вызывали к жизни мысль о кратчайшем или оптимальном изложении, максимально передающем все основные идеи в их движении и развитии. И видимо, не случайно, еще при жизни Маркса не кто иной, как его друг — Энгельс — создал краткий конспект первого тома. Любопытно, как сильно можно сжать насыщенный текст? Из 510 страниц тринадцати первых глав I тома Энгельс получил 49, почти в 10 раз меньше. Следовательно, три основных тома можно было бы гипотетически вложить в 250–300 страниц. Но ведь это Энгельс!

«Капитал» является поистине квинтэссенцией и энциклопедией философских, политических, исторических наук, образцом применения диалектического метода к исследованию конкретных проблем: количества новых идей, подмеченных закономерностей, парадоксов неисчислимо. Уместно выделить Цепочку из 12 главных экономических постулатов, которые в сумме и составляют содержание трех великих томов.

1. Трудовая теория стоимости утверждает, что стоимость создается трудом и есть общественно-необходимые затраты труда на производство единицы продукции. Один этот тезис породил тысячи книг и десятки тысяч статей. Дискуссия продолжается и сейчас.

2. Стоимость есть диалектическое внутренне противоречивое единство потребительной стоимости (ценности) и меновой стоимости.

3. Вводятся категории абстрактного и конкретного труда.

4. Двойственный характер труда порождает принципиальную возможность для капиталиста не полностью оплачивать труд рабочего.

5. Вновь созданная стоимость раскладывается на оплату труда рабочих и на прибавочную стоимость.

6. Вся вновь созданная стоимость и прибавочная стоимость создается только живым трудом, переменной частью капитала (тезис вызвал полемику, которая до сих пор продолжается).

7. Капитал есть общественное отношение, выражающее эксплуатацию наемного рабочего вследствие того, что он вынужден продавать капиталисту особый товар — свой труд.

8. Капитал функционирует в разных формах, переливаясь из одной в другую. В процессе кругооборота капитала происходит его самовозрастание.

9. Подмечено, что увеличение удельного веса прошлого (овеществленного) труда и постоянного капитала в общем объеме капитала ведет к уменьшению нормы прибыли.

10. Происходит перелив капиталов из одной отрасли хозяйства в другие (более прибыльные), выравнивание нормы прибыли и усреднение прибыли на каждую единицу вложенного капитала.

11. Из предыдущего тезиса возникает идея модификаций, (трансформаций) стоимости — в конкурентной экономике — в цену производства, а при несовершенной конкуренции — в монопольную цену. Могут быть и другие модификации стоимости, в частности, до машинной индустрии преобладающей была «естественная» цена, или «цена работы». Западная экономическая наука этот (одиннадцатый) тезис не признает и нещадно критикует. Видно, он берет за живое!

12. Бриллиантом сверкает Марксова схема воспроизводства и кругооборота капитала. Изложенный в 3-м томе числовой пример, где все общественное производство разделено на два подразделения.

I — производство средств производства;

II — производство предметов потребления, — являет собой величайшее открытие, значение которого постепенно раскрывалось в XX веке и будет продолжено в третьем тысячелетии. Оно связывает в единый поток гениальной экономической мысли «Экономическую таблицу» Франсуа Кенэ, дифференциальное уравнение Огюста Курно, схему К. Маркса, уравнения Вальраса, схемы В. И. Ульянова-Ленина, величайшее открытие В. К. Дмитриева о матрице полных затрат, межотраслевой баланс П. И. Попова, матрицы В. В. Леонтьева (лауреат Нобелевской премии по экономике), оптимальные цены Л. В. Канторовича (лауреат Нобелевской премии по экономике) и систему национальных счетов Р. Стоуна (лауреат Нобелевской премии по экономике). Вот что такое настоящее открытие в науке! Четвертая, постмонополярная, стоимость для XXI века вытекает из межотраслевого баланса, следовательно, из схемы воспроизводства К. Маркса.

Ошибался ли в каких-либо своих теоретических построениях К. Маркс? Да, но совсем не в том, на чем его «ловят» пигмеи от экономической науки. Спокойный, непредвзятый анализ гигантского труда всей жизни титана показал, что ошибки, небрежности несколько не влияют на конечные научные выводы. А выводы все подтвердились, даже такой печальный тезис, что нельзя построить социалистическое общество в одной, отдельно взятой и не самой развитой в промышленном отношении стране.

Предисловие к первому изданию 1-го тома своей великой книги Маркс закончил провидческими словами Данте:

Я буду рад всякому суждению научной критики. Что же касается предрассудков так называемого общественного мнения, которому я никогда не делал уступок, то моим девизом по-прежнему остаются слова великого флорентийца: «*Segui il tuo corso. E lascia dir le geni!*» [«Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно!»]

Похоже, сегодня слова поэта и намек мыслителя столь же актуальны, как и в прошлом.

33. ДАРВИН «ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ»

Впервые у Дарвина зародилась идея исследовать вопрос о происхождении теперь живущих видов животных и растений во время кругосветного путешествия на британском корабле «Бигль». Его особое внимание привлекли некоторые явления в географическом распространении органических существ, а именно, близкое родство ряда ныне существующих обитателей Южной Америки с вымершими животными, найденными в сложениях того же континента. Дарвин убедился, что эти явления могут быть объяснены только в том случае, если предложить, что ныне живущие существа, хотя бы и значительно сменившиеся, произошли от существовавших ранее и что, таким образом, закон постоянства или неизменяемости видов, закон, признававшийся всеми светилами естествознания того времени, несправедлив.

Обратившись к изучению изменчивости домашних животных (голубей) и культурных растений под влиянием искусственного отбора, Дарвин собрал с большой осмотрительностью бесконечный ряд фактов, послуживших ему точками опоры для дальнейшего изучения изменчивости. На основании этих фактов он решил, что в живой природе должен существовать двигатель, который, действуя подобно искусственному отбору, сохраняет из числа всюду свободно образующихся разновидностей животных и растений такие особенно характерные формы, которые переживают остальных. Убедившись, что принцип этот найден в «естественном отборе» как результате «борьбы за существование», Дарвин не высказал публично своих взглядов и долго бы, может быть, еще не печатал своего труда, если бы его друзья Лайель и Хукер не побудили летом 1858 года к изданию уже давно им написанного и давно знакомого узкому кругу единомышленников сочинения о происхождении видов. Поводом к изданию послужило то обстоятельство, что путешественник У. Р. Уоллес собирался обнародовать свои взгляды, которые были весьма сходны со взглядами Дарвина.

Влияние Дарвина на естествознание было так велико, что его называли «Коперником или Ньютоном органического мира». В продолжение немногих десятилетий произошел единственный в истории исследования органического мира переворот во взглядах, методах и целях естествоиспытателей, как ботаников, так и зоологов. Объявив человека членом живой природы, Дарвин привел науки о человеке во взаимодействие с естественными науками, и, таким образом, генетический метод, изучение создающегося и развивающегося, для того чтобы лучше понять создавшееся, стали основанием самых разнообразных областей знания. Ему выпало редкое счастье видеть полный триумф своего учения. Первых приверженцев и горячих почитателей он нашел, главным образом, в Германии.

Бурная, сначала не свободная от личных нападков, борьба с Дарвином его противников давно утихла. Даже наиболее ярые его враги были обезоружены мягкой и миролюбивой формой, с которой он отстаивал свои взгляды. Но еще с большим успехом побеждал он умы силой и глубиной своего ума, осторожностью, никогда не покидавшей его при оценке своих собственных умозаключений. А сердца побеждал он своей мягкостью и справедливостью в суждениях, своей преданностью друзьям и искренней скромностью по отношению к своим заслугам:

Любопытно созерцать густо заросший берег, покрытый многочисленными, разнообразными растениями, с поющими в кустах птицами, порхающими вокруг насекомыми, ползающими в сырой земле червями, и думать, что все эти прекрасно построенные формы, столь отличающиеся одна от другой и так сложно одна от другой зависящие, были созданы благодаря законам, еще и теперь действующими вокруг нас. Эти законы, в самом широком смысле: Рост и Воспроизведение, Наследственность, почти необходимо вытекающая из воспроизведения, Изменчивость, зависящая от прямого или косвенного действия жизненных условий и от употребления и неупотребления, Прогрессия возрастания численности — столь высокая, что она ведет к Борьбе за жизнь и ее последствию — Естественному Отбору, влекущему за

собой Дивергенцию признаков и Вымирание менее улучшенных форм. Таким образом, из борьбы в природе из голода и смерти непосредственно вытекает самый высокий результат, какой ум в состоянии себе представить, — образование высших животных. Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с ее различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и между тем как наша планета продолжает вращаться согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм.

Никто не должен удивляться тому, что многое, касающееся происхождения видов, остается еще необъясненным, если только отдавать себе отчет в глубоком неведении, в котором мы находимся по отношению к взаимной связи бесчисленных живых существ, нас окружающих. Кто объяснит, почему один вид широко распространен и представлен многочисленными особями, а другой мало распространен и редок? И, тем не менее, эти отношения крайне важны, так как они определяют современное благосостояние и, как я полагаю, будущий успех и дальнейшее изменение каждого обитателя этого мира. Еще менее знаем мы о взаимных отношениях бесчисленных обитателей нашей планеты в течение прошлых геологических эпох и ее истории. Хотя многое еще темно и надолго останется темным, но в результате самого тщательного изучения и беспристрастного обсуждения, на какое я только способен, я нимало не сомневаюсь, что воззрение, до недавнего времени разделявшееся большинством натуралистов и бывшее также и моим, а именно, что каждый вид был создан независимо от остальных, что это воззрение неверно. Я вполне убежден, что виды изменчивы и что все виды, принадлежавшие к одному роду, непосредственные потомки одного какого-нибудь, большей частью вымершего вида, точно так же, как признанная разновидность одного какого-нибудь вида, считаются потомками этого вида. И далее я убежден, что естественный отбор был самым важным, хотя и не единственным фактором, которым было осуществлено это изменение.

Исследования Н. И. Вавилова и его школы (закон гомологических рядов наследственной изменчивости, теория линнеевского вида), С. С. Четверикова и его учеников (экспериментальная генетика популяций), Р. А. Фишера, С. Райта, Дж. Холдейна, А. И. Колмогорова (математическая теория популяций) И. И. Шмальгаузена, Б. Ренша, Дж. Г. Симпсона (закономерности макроэволюции), О. Клайншмидта, Э. Майра, Н. В. Тимофеева-Ресовского (теория видов), Ф. Г. Добржанского (учение об изолирующих механизмах эволюции), Г. Ф. Гаузе и В. Вольтерра (математическая теория отбора) создали предпосылки для формирования в 30-х годах XX века «синтетической теории эволюции», объединяющей достижения дарвинизма и современной генетики. Эта теория в 1940-х годах была признана подавляющим большинством естествоиспытателей. Классический дарвинизм вошел в синтетическую теорию эволюции в качестве важнейшей составной части. Новейшие открытия в области молекулярной биологии значительно видоизменяют концепцию современного дарвинизма.

Подводя итог своей жизни, сам Дарвин полусхотливо охарактеризовал ее так: «Я учился, потом совершил кругосветное путешествие, а потом

снова учился: вот моя биография». Хорошо бы, если б каждый прожил такую жизнь!

34. НИЦШЕ «ТАК ГОВОРИЛ ЗАРАТУСТРА»

Судьба Фридриха Ницше не баловала при жизни, но оказалась еще более трагичной после смерти. Сыскав славу человеконенавистника (в особенности в отношении прекрасной половины рода людского), он постоянно жил на грани безумия и под конец действительно сошел с ума. Написанные им книги — яркие, как огонь в ночи, — также производят впечатление гениального помешательства: нормальному человеку такое никогда не написать.

Но и после смерти Ницше не знал покоя. Он был объявлен предтечей немецкого фашизма со всеми вытекающими отсюда последствиями: на его произведения было наложено табу и цитировать их в положительном ключе считалось больше чем дурным тоном. Выглядело все это явной натяжкой, ибо в свои Предтечи идеологи Третьего рейха записывали и философа Фихте, и поэта Гете, и композитора Вагнера. Никому, однако, не пришло в голову запретить их творения.

С Ницше случилось все наоборот: его книги не только перестали издаваться, но и изымались из библиотек или же переводились в спецхраны, хотя названия некоторых из них давно превратились в поговорку (например, «По ту сторону добра и зла»), не говоря уже о многочисленных афоризмах. Ницше писал живым и образным языком. Его трактаты и близко не напоминают тяжеловесные философские опусы. Это, скорее, художественные произведения, любое из них смело может быть включено в разряд беллетристических. Таково и одно из самых знаменитых творений философа-поэта «Так говорил Заратустра», имеющее подзаголовок: Книга для всех и ни для кого.

Заратустра (Зороастр) — легендарный древнеиранский пророк, основатель религии огнепоклонников — зороастризма; ему приписывается авторство многих гимнов священной книги Авесты. Ницше осовременил и самого Заратустру, и окружающую его среду, превратил их в некие живые и действующие символы. Вся книга, состоящая из небольших философских притч (так называемых речей Заратустры) — возвышенный и вдохновенный гимн Сверхчеловеку, целая четырехчастная симфония под названием «Сверхчеловек»:

Слушайте, я учу вас о Сверхчеловеке!

Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же и воля ваша скажет: Да будет Сверхчеловек смыслом земли!

Заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и верьте тем, кто говорит вам о неземных надеждах! Они отравители; неважно, знают ли они сами об этом.

Они презирают жизнь; это умирающие и сами себя отравившие, это те, от которых устала земля: да погибнут они!

Прежде величайшим преступлением была хула на Бога, но Бог умер, и эти преступления умерли вместе с ним. Теперь же самое ужасное преступление — хулить землю и чтить непостижимое выше смысла земли! «...»

Поистине, человек — это грязный поток. Надо быть морем, чтобы принять его в себя и не стать нечистым. И вот — я учу вас о Сверхчеловеке: он —

это море, где потонет великое презрение ваше.

Сверхчеловек для Ницше — это, прежде всего, преодоление собственного Я во имя высшего идеала: стремиться к нему могут все, но достигнут лишь избранные. Дабы стать Сверхчеловеком, необходимо превзойти в себе самом наносное, низменное и закомплексованное. Подобный подход вызвал бешеное неприятие со стороны тех, кто сразу понял: Сверхчеловеком ни одному из них никогда не стать, ибо сверхчеловеческое не имеет ничего общего ни с мелкими страстями, ни с повседневными заботами. Ненависть обывателя к Сверхчеловеку — это бессильная злость Ужа к Соколу. Рожденный ползать — летать не может, поэтому он только шипит и злорадствует. Сверхчеловек же — удел избранных: аполлонов духа, титанов мысли, прометеев воли.

Воля — вообще одна из центральных категорий философии Ницше. Она направляющий стержень всего жизненного потока, пронизывающего мир. Ни полнота переживания, ни мало-мальски значимые результаты не возможны и не имеют никакого смысла без мобилизации воли. Сверхчеловек — концентратор, носитель и излучатель воистину космической «волевой энергии». Высшим проявлением активного волевого начала, заложенного природой в человека, является воля к власти. В интерпретации Ницше она должна проявляться во всем — в любом поступке, в любви, в познании: *«Что хорошо? Все, что укрепляет сознание власти, желание власти и саму власть человека. Что дурно? Все, что вытекает из слабости»*. Исходя из данного критерия, Ницше призывает к *«переоценке всех ценностей»* — моральных и религиозных норм, общественных обязанностей и обязательств, которые при ближайшем рассмотрении оказываются химерами.

В книге о Заратустре это особенно выпукло проиллюстрировано на примере отношения к государству и общественному строю:

Государством зовется самое холодное из всех чудовищ. Холодно лжет оно; и вот какая ложь выползает из уст его:

«Я, государство, я — это народ». «...»

Те же, кто расставил западни для людей и назвал это государством, — разрушители: меч и сотню вожделений навязали они всем.

Там, где еще существует народ, не понимает он государство и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи. «...»

... Государство лжет на всех языках добра и зла: и в речах своих оно лживо, и все, что имеет оно, — украдено им, «...»

Государством зовется сей новый кумир; там все — хорошие и дурные — опьяняются ядом; там все теряют самих себя; там медленное самоубийство всех называется жизнью. «...»

Посмотрите на этих лишних «...» они приобретают богатства и становятся еще беднее. Они, немощные, жаждут власти и, прежде всего, рычага ее — денег! [Господи! Насколько все это провидчески! Написано более ста лет назад, а как будто о днях нынешних и охватившем все и вся безумии! — В. Д.]

Только там, где кончается государство, начинается человек — не лишний, но необходимый...

Туда, где государство кончается, — туда смотрите, братья мои!

Воля Человека, восходящего к идеалу Сверхчеловека, способна преодолеть ложные ценности, навязываемые суперхимерой, именуемой государством. Человек, преодолевающий себя во имя высших идеалов, может и должен считаться свободным от каких-либо моральных и социальных обязательств. Он вырывается на простор необузданных чувств, свободы воли и творчества и, воспаряя высоко над «рожденными ползать», превращается в дитя природы, лишенное невинной совести, более того, — в «хищного зверя, великолепную, жадно ищущую добычи белокурую бестию». Отсюда уже совсем легко сделать следующий шаг. И Ницше-Заратустра превращается во вдохновенного певца очистительной силы войны. Именно во время войны мобилизуются главные — космические по своей природе — потенции людей:

Любите мир как средство к новой войне, и мир короткий — сильнее чем, мир продолжительный.

Не к работе призываю я вас, но к борьбе; не к миру, но победе. Да будет труд ваш — борьбой, а мир ваш — победой

«...»

Вы утверждаете, что благая цель освещает даже войну Я же говорю вам: только благо войны освящает всякую цель.

*Война и мужество совершили больше великого, чем любовь к ближнему. «...»
Так живите жизнью повиновения и войны! Что толку в долгой жизни! Какой воин захочет пощады!*

Я не щажу вас, я люблю вас всем сердцем, собратья по войне!

Философ последовательно доказывает, что Зло также естественно и неискоренимо, как и Добро. Собственно, смысл зороастрийской (а в дальнейшем ее наследницы — манихейской) религии, провозвестником и пророком которой был Заратустра, заключается в космизированном представлении о непрерывной борьбе Добра и Зла. Это — неопровержимая истина, ее бессмысленно оспаривать, нужно просто научиться приспособливаться.

Жестокие законы природы наглядно проявляются и во взаимоотношениях противоположных полов. Здесь Ницше явно идеализирует мужчин:

Мужчина должен быть воспитан для войны, а женщина — для отдохновения воина: все остальное — безумие. «...»

Повиноваться должна женщина и обрести глубину для поверхности своей. Ибо неглубока она — беспокойно бурлящая пена на мелководе.

Напротив, мужчина глубок, в подземных пещерах бушует бурный поток его: женщина лишь смутно чувствует, но не постигает силу его.

И, наконец, один из самых знаменитых афоризмов из «Заратустры»: «Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!» Эти две Фразы дорого стоили Ницше: раз и навсегда (и, в общем-то, поделом) к нему был приклеен ярлык женоненавистника.

Лейтмотивом через все творчество Ницше проходит идея вечного возвращения. В «Заратустре» ее символом выступает само Солнце: заходя по вечерам за горизонт, оно неотвратно возвращается назад, каждое утро восходя на востоке. С молитвы пророка Солнцу начинается книга, и с надеждой на его завтрашнее восхождение она заканчивается. Идею непрерывного космического круговорота, известного, вообще говоря, еще в

древнеиндийской мифологии и философии, Ницше попытался обосновать, опираясь на естественнонаучные данные. Порции энергии, которые в скором времени получают наименование квантов, беспрестанно возникают и исчезают в бесконечном мировом пространстве. Образованные ими устойчивые структуры, частицы, тела по прошествии определенного времени, также разрушаются и умирают, но только затем, чтобы возродиться вновь. Данный процесс, связанный в конечном счете с клокочущим котлом целостной Вселенной, непрерывен и вечен. И все возвращается на крути своя: и вещи, и мысли, и настроения. Древний мудрец, сидевший когда-то на берегу бескрайнего океана и размышлявший о сути бытия и превратностях судьбы, не однажды еще вернется на то же самое место.

Русская культура достаточно ощутимо испытала на себе влияние философских идей Ницше, что подчас обнаруживается самым неожиданным образом. Так, идея вечного возвращения была подхвачена очень многими писателями и поэтами серебряного века русской литературы. Под ее непосредственным воздействием находится, к примеру, гениальный блоковский цикл «На поле Куликовом». В примечании к заглавному стихотворению «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» поэт писал: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Сказанное означает: в будущем у России не одна Куликовская битва!

35. ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ **«СМЫСЛ ЛЮБВИ»**

Проблема любви постоянно находилась в центре внимания крупнейших мыслителей всех времен и народов. В русской философии никто не сделал так много для ее глубочайшего теоретического осмысления, как Владимир Соловьев. Продолжая линию, идущую от древних, он возвел Любовь в ранг универсального вселенского Начала, не просто управляющего миром, но обуславливающего его как самый Мир. Без любви нет ни жизни, ни смысла существования, ни Бога, ни Человека. Обоснованию данного тезиса фактически посвящено все творчество поэта и мыслителя.

Мирозозерцание Соловьева с полным правом можно назвать Философией любви. (Так, кстати, и названа вступительная статья Арсения Гулыги к первому переизданию — после многих лет отлучения и забвения — трудов русского философа). О том же говорил и сам Соловьев — и в философской прозе, и в стихах:

*Смерть и Время царят на земле,
— Ты владыкам их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

«Смысл любви» — рубежное произведение Соловьева. Первоначально оно было напечатано в виде пяти статей в русском философском журнале, что позволило автору достаточно основательно изложить суть своего учения. В одной из энциклопедических статей он

определял любовь как «влечение одушевленного существа к другому для соединения с ним и взаимного восполнения жизни». В знаменитом трактате он наполняет данную дефиницию конкретным содержанием.

Главный вопрос, который волнует философа: сводится ли половая любовь исключительно к продолжению рода или же она нечто большее. Вывод однозначен: половая любовь ведет, прежде всего, к человеческой целостности, где любящие существа — мужчина и женщина — в акте соития образуют некое новое сверхсущество в соответствии с законами, предписанными высшими космическими законами:

Задача любви состоит в том, чтобы оправдать на деле тот смысл любви, который сначала дан только в чувстве; требуется такое сочетание двух данных органических существ, которое бы создало бы из них одну абсолютную идеальную личность. «...» В эмпирической действительности человека как такового вовсе нет — он существует лишь в определенной односторонности и ограниченности, как мужская и женская индивидуальность (и уже на этой основе развиваются все прочие различия). Но истинный человек в полноте своей индивидуальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих.

Именно в такой абсолютной целостности и преодолевается эгоизм, от природы присущий всему живому и в особенности — человеку:

Эгоизм как реальное основное начало индивидуальной жизни всю ее проникает и направляет, все в ней конкретно определяет. «...» Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма. «...» Эгоизм есть сила не только реальная, но основная, укоренившаяся в самом глубоком центре нашего бытия...

«Преодоление эгоизма» — задача, которую провозгласил еще Шеллинг, — возможна только в сфере любви. Во имя нее — сознательно или бессознательно — и приносится в жертву эгоизм. Людвиг Фейербах показал, почему это происходит: любовный акт и половое соитие по своей природе таковы, что, удовлетворяя свои в общем-то всегда эгоистические половые потребности и достигая личного чувственного наслаждения, одна сторона (безразлично какая — мужчина или женщина) одновременно и неизбежно доставляет точно такое же удовлетворение и наслаждение другой стороне. Соловьев также подходит к аналогичному выводу, но формулирует его в сугубо абстрактной форме.

Философа больше волнуют совершенно другие проблемы. Например, насколько связан «пафос любви» с продолжением рода. Ответ: очень незначительно и несущественно. Совсем не редкость, когда продолжение рода, то есть деторождение, происходит не только без какого бы то ни было «пафоса», но даже и без любви как таковой — просто как естественное отправление потребности. Это, с одной стороны. С другой, — можно привести сотни, если не тысячи, примеров, когда любовь достигала высшего, прямо-таки нечеловеческого развития, не сопровождаясь при этом никакой половой близостью, а потому не завершаясь, естественно, и никаким продолжением рода. Любовь Данте к Беатриче и Петрарки к Лауре являются высочайшими образцами того, чего может достигнуть человек в возвышенной любовной страсти и «пафосе». Но хорошо известно также, что ни Данте, ни Петрарка не прикасались к объектам своего

вожделения даже кончиком мизинца.

Соловьев продолжил и в определенной мере завершил решение грандиозной философской задачи — дать всестороннее обоснование космической сущности любви. Человеку всего лишь кажется, что он является единственным источником любовной потенции, заложенной в его половых клетках и подкрепленной гаммой эмоций. В действительности же сексуальная энергия (то, что древние именовали Эросом) имеет вселенско-космическое происхождение. Говоря современным языком, она рассеяна в звездно-вакуумном и информационно-энергетическом мире, взаимодействуя в прямом смысле со всей Вселенной (Соловьев предпочитал подчеркивать ее божественную ипостась). Конкретные индивиды — мужчины и женщины — лишь временно аккумулируют и ретранслируют то, что в природе существует извечно. Получая порцию или заряд космической по своей природе сексуальной энергии, они реализуют ее в акте любовного соития, дабы дать продолжение роду и удовлетворить свои потребности носителей любви.

Космизированный образ любви получил у Соловьева и поэтическое оформление в образе-символе Софии-Премудрости Божьей, которая лучезарным светом разливается по всей Вселенной. В отличие от абстрактно-философского «всеединства» (центральная категория в космистской концепции Соловьева) София-Премудрость доступна чувственному восприятию, но только подвижникам и только в минуты наивысшего вдохновения (экстаза). Сам Соловьев трижды испытал соприкосновение с вселенским символом Любви в образе премудрой Софии. Эти встречи описаны русским философом и первоклассным поэтом в хрестоматийной поэме «Три свидания».

Первый раз София-Премудрость явилась Соловьеву — девятилетнему ребенку, впервые испытывшему чувство любви:

София предстала перед ним, пронизанная лазурью золотистой и лучистой улыбкой:

*Пронизана лазурью золотистой,
В руках держа цветок, нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман.*

Точно такой же он — уже доцент и магистр — увидел ее во второй раз, находясь в Британском музее. Но наиболее полное впечатление (описание) осталось от третьей встречи, когда Соловьев ночью оказался в египетской пустыне неподалеку от Каира. Пережив потрясение и забывшись, он проснулся от яркого света, который сливался с утренней зарей:

*И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.*

Знаменательно, что в чувственно воспринимаемом образе «вечной женственности» Соловьев четко уловил и глубинный вселенский смысл:

*Что есть, что было, что грядет вовеки —
Все обнял тут один недвижный взор...*

Софийность как символ высшей Любви к Богу, Миру и Человеку испокон веков была знаменем и знамением русского народа. Слитая с просветленным образом Богородицы — Пречистой Девы Марии, избравшей Россию «своим последним домом», софийность не только вдохновляла богословов и философов, но и оберегала и обогревала сердце каждого русского человека. Софийские соборы — главные храмы в двух главных городах Древней Руси — Киеве и Новгороде — точно навеки закрепляли своей рукотворной вещественностью и нерукотворной красотой покровительство и сбережение со стороны высших космических начал, воплощенных в Софии-Премудрости.

Через Владимира Соловьева София — этот космоорганизующий и земноустроительный принцип — была воспринята всей плеядой его последователей — главных представителей русского философского Ренессанса: С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, П. А. Флоренским, Л. П. Карсавиным, А. Ф. Лосевым.

36. ФРЕЙД **«Я И ОНО»**

Философия (точнее — психологическая концепция) Зигмунда Фрейда — один из закоренелых мифов XX века. А все потому, что он просто оказался человеком без предрассудков и не побоялся бесстрастно и совершенно откровенно назвать хорошо всем известные и понятные вещи своими именами. Со всей решительностью, на какую был способен этот в общем-то очень скромный человек, он подчеркнул решающее значение сексуальности для социальной жизни в целом и для каждого отдельно взятого индивида в частности.

Одни недолюбливали Фрейда до безразличности. Другие пожимали плечами. Третьи заходились от восторга. К последним принадлежал, к примеру, Стефан Цвейг. С присущим ему мастерством он создал в честь Фрейда настоящий панегирик — одно из лучших своих биографических эссе и одновременно — гимн психоанализу: *«Зигмунд Фрейд — великий подвиг одного, отдельного человека! — сделал человечество более сознательным: я говорю более сознательным, а не более счастливым. Он углубил картину мира для целого поколения, я говорю углубил, а не украсил. Ибо радикальное никогда не дает счастья, оно несет с собою только определенность. Но в задачу науки не входит убаюкивать вечно младенческое человеческое сердце все новыми и новыми грезами; ее назначение в том, чтобы научать людей ходить по жесткой нашей земле прямо и с поднятой головою. В неустанной работе своей жизни Фрейд явил прообраз этой идеи; в его научных трудах его твердость превратилась в силу, строгость — в непреклонный закон».*

На самом деле все далеко не так. Писал Фрейд на редкость нудно и косноязычно, постоянно теряя главную мысль (если таковая вообще присутствовала) и перескакивая без всякой логики от одного тезиса к

другому. Аргументы его зыбки и малоубедительны, зачастую они попросту уводят в сторону от основных вопросов. Несмотря на пухлость отдельных работ, в них нет и намек на истинную систематичность, которой так прославилась германоязычная научная и философская литература. Какое каноническое произведение мэтра ни возьми — оно больше производит впечатление конгломерата неотшлифованных идей и набора разношерстных фактов, чем стройного и совершенного по своей внутренней архитектонике здания научной теории.

Таково и одно из наиболее известных и чаще всего цитируемых произведений Фрейда из написанного им великого множества — с интригующим названием «Я и Оно». Что такое Я вроде бы понятно каждому, что такое Оно — никому (без знакомства с психоаналитической концепцией, естественно). В действительности же Оно — один из трех составных элементов любого человеческого существа. Если Я — обыденный лик бытия индивида, то Оно — его подсознательный фундамент, имеющий сексуальную природу и транслирующий безудержную сексуальную энергию во все сферы общественной жизни и обуславливающий каждый шаг человеческой личности. Но есть еще и Сверх-Я — некоторая цензурная установка в форме моральных запретов и ограничений; порожденная исключительно доминирующими общественными традициями, она оформляется в виде совести и не дает каждому из нас утратить свой человеческий облик. Соотношение Я и Оно хорошо иллюстрирует сам Фрейд:

Большое функциональное значение Я выражается в том, что в нормальных условиях ему предоставлена власть над побуждением к движению. По отношению к Оно Я подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник пытается совершить это собственными силами, Я же силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошадью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает обыкновенно волю Оно в действие, как будто бы это было его собственной волей.

Для сексуальной энергии, разлитой по всему миру и дискретно проявляющейся в половом влечении и сексуальных побуждениях индивидов, Фрейд придумал ныне хорошо прижившееся и широко распространенное понятие либидо (от лат. *libido* — «влечение, желание, страсть»). Естественно, этот вопрос достаточно подробно освещается в «Я и Оно»:

*Первоначально все *libido* сосредоточено в Оно, в то время как Я находится в состоянии развития или еще немощно. Оно вкладывает часть этого *libido* в эротические стремления к обладанию объектом, после чего окрепшее Я пытается овладеть этим объектным *libido* и навязать Оно в качестве любовного объекта себя самое. Нарциссизм Я, таким образом, является вторичным, отнятым у объектов.*

При этом Фрейд различает два рода влечений: собственно сексуальные влечения, или эрос, и влечение к смерти, «задачей которого является возвращение организмов в безжизненное состояние». Вопрос о происхождении жизни сохраняет в данном смысле космологический характер, а на вопрос о смысле и цели жизни психоанализ дает

двойственный ответ. Все другие проблемы, — например, знаменитый «Эдипов комплекс» — неосознанное половое влечение детей к собственным родителям и бессознательная ревность сыновей к отцам и дочерей к матерям — также находится в центре проблематики книги Фрейда «Я и Оно»:

Упрощенный случай для ребенка мужского пола складывается следующим образом: очень рано ребенок обнаруживает по отношению к матери объектную привязанность, которая берет свое начало от материнской груди и служит образцовым примером выбора объекта по типу опоры; отцом мальчик овладевает с помощью отождествления. Оба отношения существуют некоторое время параллельно, пока усиление сексуальных влечений к матери и осознание того, что отец является помехой для таких влечений, не вызывает комплекса Эдипа. Отождествление с отцом отныне принимает враждебную окраску и превращается в желание устранить отца и заменить его собой для матери. С этих пор отношение к отцу амбивалентно; создается впечатление, точно содержащаяся с самого начала в отождествлении амбивалентность стала явной. «Амбивалентная установка» по отношению к отцу и лишь нежное объектное влечение к матери составляют для мальчика содержание простого, положительного комплекса Эдипа.

При разрушении комплекса Эдипа необходимо отказаться от объектной привязанности к матери. Вместо нее могут появиться две вещи: либо отождествление с матерью, либо усиление отождествления с отцом. Последнее мы обыкновенно рассматриваем как более нормальное, оно позволяет сохранить в известной мере нежное отношение к матери. Благодаря исчезновению комплекса Эдипа мужественность характера мальчика, таким образом, укрепились бы. Совершенно аналогичным образом «эдиповская установка» маленькой девочки может выливаться в усиление ее отождествления с матерью (или в появление такого), упрочивающего женственный характер ребенка.

Конечно, можно соглашаться или не соглашаться с Фрейдом, признавать или не признавать те ли иные выводы психоаналитической теории. Нельзя отрицать лишь одно: Фрейд — один из тех, кто и по сей день определяет лицо науки XX века.

37. МЕНДЕЛЕЕВ «ОСНОВЫ ХИМИИ»

Дмитрий Иванович Менделеев — один из величайших ученых земной цивилизации. Он открыл периодический закон химических элементов. И этим все сказано. Существует химия до Менделеева и современная химия. Так же как существует додарвиновская биология и современная наука о живом веществе.

Менделеев (1834–1907) был, «несомненно, самой яркой и, быть может, наиболее сложной фигурой в русской науки XIX века, — писал С. П. Капица. Он родился в старинном сибирском городе Тобольске, в семье директора гимназии был младшим ребенком. Исключительную роль в формировании его личности как ученого сыграла его мать, происходившая из образованной и предприимчивой купеческой семьи. В посвящении к работе «Исследование водных растворов по удельному весу» (1887) Дмитрий Иванович писал:

Это исследование посвящается памяти матери ее последышем. Она могла его взрастить только своим трудом, ведя заводское дело; воспитывала примером, исправляла любовью и, чтобы отдать науке, вывезла из Сибири, тратя последние средства и силы. Умирая, завещала: избегать латинского самообольщения, настаивать в труде, а не в словах, и терпеливо искать божескую или научную правду, ибо понимала, сколь часто диалектика обманывает, сколь многое еще должно узнать и как при помощи науки без насилия, любовно, но твердо, устраняются предрассудки, неправда и ошибки, а достигаются: охрана добытой истины, свобода дальнейшего развития, общее благо и внутреннее благополучие. Заветы матери считаю священными.

В гимназические годы Менделеев особым прилежанием не отличался. Высшее образование он получил в Петербурге в Главном педагогическом институте. На физико-математическом факультете математику преподавал Остроградский, физику — Ленц, педагогику — Вышнеградский, впоследствии министр финансов России, химию — Воскресенский, «дедушка русских химиков». Его учениками были также Бекетов, Соколов, Меншуткин и многие другие ученые. Институт Менделеев окончил в 1855 году с золотой медалью. Через год в Петербургском университете он получил звание магистра химии и стал Доцентом. Вскоре Менделеев был командирован за границу и два года работал в Гейдельберге у Бунзена и Кирхгофа. Большое значение для молодого Менделеева имело участие в съезде химиков в Карлсруэ (1860), где обсуждалась проблема атомности элементов.

Вернувшись в Россию, Менделеев стал профессором Петербургского практического технологического института, позднее — профессором Петербургского университета по кафедре технической химии и, наконец, — общей химии.

Профессором университета Менделеев был в течение 23-х лет. За это время он написал «Основы химии», открыл периодический закон и составил таблицу элементов. «Периодический закон стал важнейшим обобщением в химии и значение этого открытия выходит далеко за пределы одной только этой науки», — писал С. П. Капица.

Открытие Менделеевым периодического закона датируется 17 февраля (1 марта) 1869 года, когда он составил таблицу, озаглавленную «Опыт системы элементов, основанной на их атомном весе и химическом сходстве». Это было результатом долголетних поисков. Однажды на вопрос, как он открыл периодическую систему, Менделеев ответил: «Я над ней, может быть, 20 лет думал, а вы думаете: сидел и вдруг... готово». Менделеев составил несколько вариантов периодической системы и на ее основе исправил атомные веса некоторых известных элементов, предсказал существование и свойства еще неизвестных элементов. На первых порах сама система, внесенные исправления и прогнозы Менделеева были встречены сдержанно. Но после открытия предсказанных элементов (галлий, германий, скандий) периодический закон стал получать признание. Периодическая система Менделеева явилась своего рода путеводной картой при изучении неорганической химии и исследовательской работе в этой области. Периодический закон стал фундаментом, на котором ученый создал свою книгу «Основы химии».

Приступив к чтению курса неорганической химии в Петербургском университете, Менделеев, не найдя ни одного пособия, которое он мог рекомендовать студентам, начал писать свой учебник «Основы химии». Вот какую оценку дал этом труду А. Ле Шателье: «Все учебники химии второй половины XIX века построены по одному образцу, но заслуживает быть отмеченной лишь единственная попытка действительно отойти от классических традиций — это попытка Менделеева; его руководство по химии задумано по совершенно особому плану».

По богатству и смелости научной мысли, оригинальности освещения материала, влиянию на развитие и преподавании химии этот учебник не имел равного в мировой химической литературе. В год смерти Менделеева вышло восьмое издание его «Основ химии»; на первой странице он писал: *«Эти «Основы» — любимое дитя мое. В них — мой образ, мой опыт педагога, мои задушевные научные мысли».*

Круг интересов Менделеева был исключительно широк и разнообразен; достаточно назвать его работы по растворам, исследования поверхностного натяжения, приведшие Менделеева к понятию критической температуры. Он всесторонне занимался нефтяным делом, предвидя важнейшее значение нефтехимии, глубоко интересовался вопросами воздухоплавания. Во время полного солнечного затмения 1887 года он должен был вместе с аэронавтом подняться на воздушном шаре за облака. Перед стартом, из-за дождя, шар намок и двоих поднять не мог. Тогда Менделеев решительно высадил летчика и полетел один — это был его первый полет. Менделеев был блестящим лектором и страстным пропагандистом науки.

В 1890 году Менделеев выступил в поддержку требований либеральных студентов и после столкновения с министром просвещения оставил университет. В последующий год он недолго, но с успехом занимался технологией производства бездымного пороха. В 1893 году стал смотрителем Главной палаты мер и весов, совершенно преобразив деятельность этого учреждения. Работы по метрологии Менделеев связывал как с чисто научными задачами, так и с практическими потребностями торгово-промышленного развития России. Будучи близок к руководителям финансовой политики России — Вышнеградскому и Витте, ученый стремился через нарождавшуюся крупную буржуазию влиять на индустриализацию страны. Экономическое исследование Менделеева «Толковый тариф» (1890) стало основой таможенной политики протекционизма и сыграло важную роль в защите интересов русской промышленности.

Менделеев написал более 400 работ. Слава его была всемирной: он являлся членом более 100 научных обществ и академий, за исключением Петербургской: выбирали его дважды и дважды забаллотировали из-за влияния и интриг «немецкой» партии Императорской Академии.

Американские ученые (Г. Сиборг и др.), синтезировавшие в 1955 году элемент № 101, дали ему название Менделевий «... в знак признания приоритета великого русского химика, который первым использовал периодическую систему элементов. Для предсказания химических свойств тогда еще не открытых элементов». Этот принцип был ключом при

открытии почти всех трансурановых элементов.

В 1964 году имя Менделеева занесено на Доску Почета науки Бриджпортского университета (США) в число имен величайших ученых мира.

38. ЦИОЛКОВСКИЙ

«ИССЛЕДОВАНИЕ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА РЕАКТИВНЫМИ

Мечтами о полетах рождены легенда о Дедале и Икаре, сказка о ковре-самолете. Этой же мечтой, выражавшей потребность людей, рождены первые аэропланы, современные реактивные самолеты и космические корабли. Чтобы фантазия стала былью, чтобы Юрий Гагарин вырвался в Космос, К. Э. Циолковский совершил беспрецедентный научный подвиг. Многим он известен как выдающийся исследователь, крупнейший ученый в области воздухоплавания, авиации и космонавтики, но мало кто знает, что диапазон его интересов был почти безграничен. Даже трудно назвать проблемы, которыми он не занимался. Влияние его трудов на прогресс цивилизации будет оценено грядущими поколениями людей. Но одно бесспорно — имя К. Э. Циолковского будет сиять вечно рядом с именами Леонардо да Винчи, Ньютона, Галилея, Коперника, Ломоносова, Менделеева и других корифеев мировой культуры.

Константин Эдуардович Циолковский родился 5 (17) сентября 1857 года в селе Ижевском Спасского уезда Рязанской губернии.

О себе К. Э. Циолковский кратко рассказал в автобиографиях и «Знаменательных моментах жизни». «Моя биография состоит из мелочей жизни и работ». «Она не обильна внешними впечатлениями... Она бедна лицами и столкновениями, она исключительна...» «Я постоянно в области идей, далеко от жизни. Меня влечет к трудам, новым выводам — остальное меня тяготит». «Я рвусь вперед к новым работам и достижениям...» «Я работаю — в этом жизнь и утешение». «Вся она (моя жизнь) состоит из работ... Труды мои — моя биография».

Заметив большие изобретательские наклонности сына, отец отправил его в Москву для поступления в ремесленное техническое училище. Это было в 1873 году, когда это учебное заведение было уже преобразовано в Высшее техническое училище (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана).

Поступить туда К. Э. Циолковский не смог из-за своей глухоты, но он остался в Москве, чтобы заниматься самообразованием. В московских публичных библиотеках он находил всю нужную ему литературу. В 1876 году Константин Эдуардович вернулся к отцу в Вятку, где тот тогда проживал. К этому времени у Циолковского были хорошие знания математики, механики и астрономии. Здесь он стал давать частные уроки отстающим гимназистам. Одновременно повышал и свое образование.

В течение двенадцати лет (с 24 января 1880 года по 4 февраля 1892 года) Циолковский жил и работал в Боровске — учительствовал, занимался научной работой, писал статьи. Первой его, работой была статья «Графическое изображение ощущений», написанная в 1880 году. «Попытка пристроить эту работу в «Русской мысли» не удалась». Рукопись не сохранилась.

Круг научных интересов все время расширялся. Его увлекали самые разнообразные вопросы естествознания и техники, астрономия и небесная

механика, энергетика и астробиология, Физика и геохимия, социальные проблемы и философия. Но особое место в его деятельности занимали исследования в области воздухоплавания, аэродинамики, авиации и космических полетов.

С 1896 года К. Э. Циолковский приступил к углубленному теоретическому решению проблемы космических полетов. Он уже уяснил, на каком летательном аппарате можно развить большую скорость и по какому принципу надо построить такой аппарат. Это — ракета.

Вычисления могли указать мне и те скорости, которые необходимы для освобождения от земной тяжести и достижения планет, — писал Циолковский. — Но как их получить? Вот вопрос, который всю жизнь меня мучил и только в 1896 году был мною определенно намечен, как наиболее осуществимый.

Увлеченный идеей математического обоснования возможности полета ракеты в среде, свободной от атмосферы и сил земного притяжения, Циолковский приступил в 1896 году к двум работам — к повести «Вне Земли» и к «Исследованию мировых пространств реактивными приборами», которые окончательно оформил в 1898 году. Этими двумя работами ученый дал серьезное научное обоснование ракеты как космического снаряда.

В 1897 году Циолковский вывел формулу, в которой дана зависимость скорости движения ракеты от скорости истечения газов и отношения начальной массы ракеты к ее конечной массе (в идеальных условиях, без учета тяготения и сопротивления воздуха).

Значение работы «Исследование пространств реактивными приборами» трудно переоценить. Заслуга Циолковского состоит в том, что он внес огромный вклад в новый раздел механики — в механику тел переменной массы, создал теорию полета ракеты с учетом изменения ее массы в процессе движения, строго научно обосновал возможность достижения космических скоростей, доказав, что человеку под силу совершать межпланетные полеты.

Работа «Исследование мировых пространств реактивными приборами» впервые была напечатана в 1903 году в журнале «Научное обозрение» (№ 5). Она определяла научный приоритет Циолковского в этой области. Наиболее ранняя из зарубежных работ по данному вопросу (автор ее Р. Эсно-Пельтри) появилась во Франции в 1913 году. Циолковскому удалось напечатать лишь первую часть работы «Исследование мировых пространств реактивными приборами», так как журнал в 1903 году был закрыт.

Уже в первой своей работе по реактивным аппаратам Циолковский наметил ряд конструктивных элементов ракеты, которые нашли применение в современной ракетной технике. В этом же труде им были высказаны мысли об автоматическом управлении полетом с помощью гироскопического устройства, о возможности использования солнечных лучей для ориентации ракеты и др.

В 1911–1912 годах «Исследование мировых пространств реактивными приборами» была напечатана в «Вестнике воздухоплавания». В статье приведено продолжение расчетов, начатых в 1903 году, дано описание воображаемой картины полета ракеты в мировом пространстве,

нарисована перспектива развития реактивных летательных аппаратов. В ней представлено исследование сопротивления атмосферы, дан расчет наиболее выгодного угла подъема ракет, а также высказана мысль о возможности использования для межпланетных полетов энергии распада атомов.

В 1914 году ученый издал отдельной брошюрой «Дополнение» к «Исследованию мировых пространств реактивными приборами» 1903 и 1911–1912 годов.

В этой брошюре он сформулировал свои теоремы о реактивном движении, обосновал использование наиболее подходящих веществ для взрывания. Ученый признавался, что мечтал о радиации, но перестал, потому что «хотелось стоять, по возможности, на практической почве».

В 1926 году в Калуге были переизданы «Исследования мировых пространств реактивными приборами» с некоторыми изменениями и дополнениями.

Эта брошюра обобщает все предыдущие работы по этому вопросу, значительно дополняя и уточняя их. Ставится вопрос о возможности использования «внешней» энергии, то есть передаче энергии на ракету с Земли или использования ракетой энергии Солнца. Много внимания уделяется исследованиям наивыгоднейших условий старта ракеты, ее конструктивным элементам. Предлагается последовательный план исследования космоса и его завоевания. Многие из этого плана претворены теперь в жизнь. Освоение космоса продолжается. В своей практической работе ученые используют идеи Константина Эдуардовича Циолковского.

И наступит день, когда его научные предвидения сбудутся и дадут людям «горы хлеба и бездну могущества», о чем всю жизнь мечтал великий ученый.

39. ЭЙНШТЕЙН «СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ»

На самом деле переворот в современной науке был произведен в другой, самой первой и совсем небольшой статье с тусклым названием, где не было даже слова «относительность» — «К электродинамике движущихся тел». В дальнейшем Эйнштейн лишь развивал сказанное однажды. Это полностью распространяется и на курс лекций для студентов Принстонского университета, прочитанный в мае 1921 года и быстро изданный в виде отдельной книги. Именно ей и суждено было стать самой многотиражной, переведенной на разные языки Европы и Азии (только принстонских изданий, вышедших одно за другим, оказалось четыре да еще пять лондонских).

В собственно физических работах Эйнштейна формул и Уравнений нередко больше, чем текста. Хотя есть счастливые исключения, например, капитальный историко-научный труд «Эволюция физики», написанный в годы второй мировой войны совместно с польским эмигрантом-математиком Леопольдом Инфельдом — главным образом с целью заработать денег на пропитание. Но слава Эйнштейна все же в другом, и она довольно-таки равномерно распределена в цикле работ по теории относительности, оставляющих два увесистых тома. «Сущности теории относительности» отводится в этом двухтомнике почетное место.

Как и все великие естествоиспытатели Эйнштейн в большинстве своих работ не ограничивается чисто физическим рассмотрением проблемы и нередко сопровождает изложение философским анализом и пространными экскурсами в историю науки. Цикл принстонских лекций в данном плане ни исключение. Блестящий лектор и методист — Эйнштейн старался сделать понятными студентам архисложнейшие специальные проблемы, но заодно и привить им вкус к философскому видению мира. В одинаковой степени это касается и общих теоретико-познавательных вопросов, и специфического релятивистского подхода:

Наши понятия и системы понятий оправданы лишь постольку, поскольку они служат для выражения комплексов наших ощущений; вне этого они неправомерны. Я убежден, что философы оказали пагубное влияние на развитие научной мысли, перенеся некоторые фундаментальные понятия из области опыта, где они находятся под нашим контролем, «в недостижимые высоты априорности. Ибо, если бы даже оказавшись, что мир идей нельзя вывести из опыта логическим путем, а что в определенных пределах этот мир есть порождение человеческого разума, без которого никакая наука невозможна, все же он столь же мало был бы независим от природы, наших ощущений, как одежда — от формы человеческого тела. Это в особенности справедливо по отношению к понятиям пространства и времени. Под давлением фактов физики были вынуждены низвергнуть их с Олимпа априорности, чтобы довести их до состояния, пригодного для использования.

В принстонских лекциях Эйнштейн позволил себе порассуждать о многих сокровенных вещах и, в частности, именно о сущности релятивистской теории (согласно названию книги), точнее, о ее действительных основаниях, к коим относится, процесс распространения света, превращенный в универсальную константу. Вот ход и логика мысли самого Эйнштейна:

Теорию относительности часто критиковали за то, что она неоправданно приписывает центральную теоретическую роль явлению распространения света, основывая понятие времени на его законах. Положение дел, однако, примерно таково. Чтобы придать понятию времени физический смысл, нужны какие-то процессы, которые дали бы возможность установить связь между различными точками пространства. Вопрос о том, какого рода процессы выбираются при таком определении времени, несущественен. Для теории выгодно, конечно, выбирать только те процессы, относительно которых мы знаем что-то определенное. Распространение света в пустоте благодаря исследованиям Максвелла и Лоренца подходит для этой цели в гораздо большей степени, чем любой другой процесс, который мог бы стать объектом рассмотрения.

Вообще-то в науке во все времена такой подход и независимо от степени ее развития именовался абсолютизацией. В Аристотелевой физике абсолютизировались пять первоэлементов Мироздания, в Птолемеевой космологии — Земля как неподвижная система координат, у Галилея — инерция, у Ньютона — гравитация (всемирное тяготение), у Эйнштейна — свет. Как выразился один крупный физик, появление теории относительности привело всего лишь к очередной смене системы референции: на место одних предпочтений пришли другие. Но ведь и наука не стоит на месте: в современных вакуумно-энергетических моделях

Вселенной, опирающихся на надежный экспериментальный фундамент и глубокое математическое обоснование, принимаются уже совершенно иные исходные постулаты, допускающие, в частности, мгновенное распространение любой информации и, следовательно, преодолевающие выводы теории относительности.

Что же касается классической книги Эйнштейна, то в ней, конечно, есть все, что в таких случаях положено излагать: два Релятивистских принципа — относительности и постоянства скорости света; релятивистские эффекты — «растяжение» временных отрезков и «сокращение» пространственных длин при Движении инерциальных систем; знаменитая формула $E = mc^2$; искривление пространства-времени, релятивистские модели Вселенной и т. п.

Углубленное проникновение в сущность теории относительности — занятие не для слабонервных. Отчасти это связано и с тем, что во многих своих аспектах детище Эйнштейна иррационально. Сам же автор относился к алогизму и противоречивости собственной теории со стоическим спокойствием. Кроме того, как всякий великий ученый он никогда не был догматиком, ибо понимал: прогресс науки непрерывен, и на смену старому неизбежно приходит новое. На склоне жизни, с добродушной улыбкой усмехаясь в седые усы, он говорил примерно следующее: «Как на смену классической физике пришла когда-то моя теория, так и на смену ей обязательно придет другая. И если я когда-то сказал: «Прости меня, Ньютон», так и некто идущий вослед непременно скажет когда-нибудь: «Прости меня, Эйнштейн»...

40. ВЕРНАДСКИЙ «БИОСФЕРА»

Впервые книга с таким названием увидела свет в 1926 году и с тех пор выдержала 5 изданий. На первых же страницах Вернадский резко и аргументировано выступил против укоренившихся тенденций рассматривать жизнь, как случайное и чисто земное явление, ограничивая ее традиционно узкими рамками. Вместо этого ученый утверждает совершенно иной, космистский, подход, предусматривающий признание особой жизненной оболочки — биосферы, тесно взаимосвязанной с Космосом и его совокупными закономерностями:

По существу биосфера может быть рассматриваема как область земной коры, занятая трансформаторами, переводящими космические излучения в действительную земную энергию — электрическую, химическую, механическую, тепловую и т. д.

Космические излучения, идущие от всех небесных тел, охватывают биосферу, проникают всю ее и все в ней.

Одним из первых, кто восторженно откликнулся на эпохальный труд Вернадского, был замечательный русский писатель Михаил Пришвин:

Я всегда чувствовал смутно вне себя эту ритмику мирового дыхания, и потому научная книга Вернадского «Биосфера», где моя догадка передается как «эмпирическое обобщение», читалась мной, как в детстве авантурный роман. И мне теперь стало гораздо смелее догадываться о творчестве так, что, может быть, эта необходимая для творчества «вечность» и есть чувство не своего человеческого, а иного, планетного времени, что, может быть, эту способность посредством внутренней

ритмики соприкасаться с иными временами, с иными сроками и следует назвать собственно творчеством.

«Биосфера» в концентрированной форме, а также в самом названии подытоживает многолетние и разносторонние исследования мыслителя-космиста. Сам термин «биосфера» был введен в научный оборот австрийским геологом Эдуардом Зюссом. Зато Вернадский для обозначения космической причастности и обусловленности людей всех исторических эпох ввел другое оригинальное понятие «вселенскости» человечества, исследовав ее главным образом с точки зрения естественных наук — физики, химии, биологии, геологии и новых «стыковых» дисциплин, таких как геохимия, биохимия. (Попытка раскрыть собственно исторический процесс, его космическую обусловленность и циклы с точки зрения учения Вернадского была проделана впоследствии Л. Н. Гумилевым.) Вернадскому принадлежит и одно из наиболее четких определений, раскрывающих суть научного космизма: «Это самое глубокое проявление самосознания, когда мыслящий человек пытается определить свое место не только на нашей планете, но и в Космосе».

Так написано в «Главной книге», по определению самого русского энциклопедиста, — «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения».

Совокупность естественных наук и, в частности, геохимия раскрывают, по Вернадскому, неизвестное существование живого вещества, участвующего в круговороте всех элементов. Тем самым ставится на научную почву вопрос о космичности, вселенскости живого вещества. В данной связи вводятся и расшифровываются такие понятия-термины, как «всюдность жизни», «сгущение жизни», «давление жизни». Но как ученый, доверяющий исключительно доступным проверке и достоверным фактам, Вернадский не стремился к скорейшему распространению полученных выводов в недоступные космические дали. Поэтому центральное понятие своего учения «биосферы» он привязывал, прежде всего, к колыбели человечества — планете Земля. Биосфера — это вообще область распространения жизни, взятой в прошлом, настоящем и будущем, она формируется под воздействием энергии живого вещества.

Жизнь, по Вернадскому, проявляется в непрерывно идущих, в происходящих в планетном масштабе закономерных миграциях атомов из биосферы в живое вещество и обратно. Живое вещество есть совокупность живущих в биосфере организмов — живых естественных тел и изучается в планетном масштабе. Миграция химических элементов, которая отвечает живому веществу биосферы, является огромным планетным процессом, вызываемым в основном космической энергией Солнца, строящим и определяющим геохимию атмосферы и закономерность всех происходящих на ней физико-химических и геологических явлений, определяющих саму организованность этой земной оболочки.

Биосфера — планетное явление космического характера, ее отличительные черты — биогенный ток атомов и связанная с ним энергия. Биосфера является той единственной земной оболочкой, в которую непрерывно проникают космическая энергия, космические излучения и, прежде всего, лучеиспускание Солнца, поддерживающее динамическое равновесие: биосфера — живое вещество.

Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — ноосферу (сферу разума). (Данный термин введен в научный оборот французскими учеными Эдуардом Леруа и Тейяром де Шарденом, с которыми Вернадский плодотворно общался во время научной командировки в Париж.) Отсюда: перестройка биосферы научной мыслью через организованный человеческий труд не есть случайное явление, а естественный природный процесс. Его закономерности еще предстоит установить, однако в общем плане нет никаких сомнений в том, что само научное творчество и его ход являются реальной (энергетической) силой, с помощью которой человек меняет биосферу; Вернадский даже считает научную работу геологическим фактором, обуславливающим развитие биосферы.

Научная мысль как планетное явление (так, кстати, называется известный философско-мировоззренческий труд великого провидца нашей эпохи) оказывает прямое влияние и на ход исторических процессов, и на уровень экономического развития, и на идеологические доминанты. В XX веке «движение научной мысли и его значение в геологической истории биосферы» ознаменовались взрывом научного творчества, изменением понимания основ реальности, вселенскостью и действенностью социального проявления нации. Вернадский осторожен в конкретных выводах по вопросам, на которые наука еще не дала ответа. Он лишь допускает возможность непосредственного воздействия ноосферы на закономерности мыслительных процессов и структуру нашего разума. Тем не менее, ученый призывает к изучению «с точки зрения живого вещества» метемпсихоза, то есть переселения (перевоплощения) душ, которое «ни в чем, может быть, не противоречит современным научным представлениям».

В решении подобных вопросов, по глубокому убеждению мыслителя-космиста, могут помочь достижения древневосточной философской мысли, в частности — учение упанишад. Более уверенной Вернадский чувствует себя, стоя на почве современной науки и призывая, например, исследовать «мгновенную передачу мысли» на предмет возможного технического обеспечения «скорости сношений» между людьми в процессе «полного заселения биосферы».

Четко и недвусмысленно Вернадский ставит научный вопрос о жизни в Космосе: является ли жизнь только земным феноменом или свойственным только планетам, или же она в какой-то форме отражает явления космических просторов, столь же глубокие и вечные, какими для нас являются атомы, энергия и материя, геометрически выявившие пространство — время. Во всестороннем философском осмыслении фундаментальных проблем бытия в наибольшей степени проявляется космическое видение мира во всех его ипостасях.

Космос, словно путеводная звезда (точнее — бессчетное множество звезд), направляет все философские и естественнонаучные изыскания Вернадского. Он нередко начинает с экскурса в обозримую Вселенную, очерка ее эволюции, анализа основных астрономических и космологических проблем вплоть до разгадки «пустого» мирового пространства, вакуума — этой «лаборатории грандиознейших материально-энергетических процессов». Но Вернадский прекрасно

осознавал, что ключ к пониманию глубинных закономерностей Космоса лежит в правильном решении и понимании сути фундаментальных общенаучных понятий пространства и времени. Они неотделимы друг от друга, поэтому в основополагающих своих работах ученый использует единое понятие «пространство — время». И это вовсе не дань уважения набиравшей силу релятивистской теории. С выводами А. Эйнштейна и Г. Минковского о пространственно-временном континууме Вернадский был вполне солидарен хотя бы потому, что пришел к той же самой идее задолго до появления теории относительности. Так, еще будучи студентом, он записал в дневнике (11 января 1885 года — за двадцать лет до опубликования первой статьи Эйнштейна):

Бесспорно, что и время и пространство в природе отдельно не встречаются, они нераздельны. Мы не знаем ни одного явления, которое не занимало части пространства и части времени. Только для логического удобства представляем мы отдельно пространство и отдельно время... В действительности ни пространства, ни времени в отдельности мы не знаем нигде, кроме нашего воображения. Что же это за части неразделимые — чего, очевидно, того, что только и существует, — это материя, которую мы разбиваем на две основные координаты: пространство и время.

Чутко улавливая и прекрасно осознавая, сколько путаницы и непоправимых ошибок может внести неправильное истолкование понятий пространства и времени, Вернадский совершенно справедливо настаивает на различении реального пространства, изучаемого естествознанием, и идеального геометрического пространства, служащего для измерения и описания строения материальной физической среды. Первое именуется пространством натуралиста, второе — пространством геометрии. Задача философии — не допустить подмены или отождествления этих разнотипных понятий, указать и аргументировано доказать, что не первое (материальное) вытекает из второго (идеального), а наоборот, идеальное отображает материальное, а вовсе не подчиняет его себе по произволу утратившего чувство реальности теоретика.

Вернадский много размышлял над смыслом временных процессов и, прежде всего, связанных с живым веществом, эволюцией биосферы. Опираясь на понятие «жизненное время», он выдвинул ряд чрезвычайно продуктивных и перспективных идей, которые еще не нашли пока достойного места в системе теоретического осмысления действительности. Решая «великую загадку вчера — сегодня — завтра» как целостного всеобъемлющего и всепронизывающего явления, Вернадский совершенно закономерно увязывал ее с решением другой, не менее важной загадки «пространства, охваченного жизнью». Сквозь призму такого целокупного видения единого субстрата Мира время вообще определяется как динамическое текучее пространство — и в этом есть безусловная правота.

Философские и естественнонаучные мысли натуралиста подтверждают, как он сам же и выражался, непреодолимую мощь свободной научной мысли и творческой силы человеческой личности, величайшего нам известного проявления ее космической силы, царство которой впереди.

41. ЧИЖЕВСКИЙ

«ЗЕМНОЕ ЭХО СОЛНЕЧНЫХ БУРЬ»

Книга, которая увидела свет уже после смерти автора, — итог его многолетних исследований по гелиобиологии — науки о неразрывной связи Жизни и Солнца. Путь к ней был тернист и долог. Основатель «солнечной науки» — А. Л. Чижевский — один из той плеяды русских мыслителей-энциклопедистов, которые закладывали фундамент не только науки XX века, но и мировоззрения будущих эпох. Поэт, художник, историк и, конечно же, естествоиспытатель, он в сорокалетнем возрасте был выдвинут зарубежными единомышленниками на Нобелевскую премию с мотивировкой «как Леонардо да Винчи двадцатого века», но вместо этого получил у себя на родине пятнадцать лет лагерей и ссылки, где ни на один день не изменил творческой работе. Ученик (он закончил реальное училище в Калуге), друг и постоянный корреспондент Циолковского, Чижевский принял личное участие в отстаивании приоритета отца практической космонавтики перед зарубежными конкурентами (переиздал классическую статью Циолковского в виде отдельной брошюры «Ракета в космическом пространстве» с собственным предисловием, переведенным на немецкий язык, и разослал по всем научным центрам Европы и Америки).

Научное наследие Чижевского огромно, но опубликована ничтожно малая часть. В частности, до сих пор остается в рукописи, доступной в архиве лишь немногим специалистам, капитальная монография «Основные начала мироздания. Система космоса», написанная в начале 1920-х годов и охватывающая всю проблематику космизма. Тогда же была издана знаменитая работа «Физические факторы исторического процесса», наделавшая такого шума в ученом мире, что повторно ее отважились переиздать лишь спустя 70 лет. Через десять лет после смерти автора и через тридцать лет после первой публикации на французском языке вышла на родине и самая известная книга Чижевского «Земное эхо солнечных бурь».

Как и у Вернадского, в центре внимания и исследований Чижевского находятся явления жизни в их космическом появлении:

... В науках о природе идея о единстве и связанности всех явлений в мире и чувство мира как неделимого целого никогда не достигали той ясности и глубины, какой они мало-помалу достигают в наши дни. Но наука о живом организме и его проявлениях пока еще чужда расцвету этой универсальной идеи единства всего живого со всем мирозданием.

На вопрос: возможно ли изучение живого организма обособленно от космотеллурической среды, ученый отвечает однозначно: нет, ибо живой организм не существует в отдельности вне этой среды и все его функции неразрывно связаны с нею. Живое связано со всей окружающей природой миллионами невидимых, неуловимых связей — оно связано с атомами природы всеми атомами своего существа. Каждый атом живой материи находится в постоянном, непрерывном соотношении с колебаниями атомов окружающей среды — природы; каждый атом живого резонирует на соответствующие колебания атомов природы. При этом живая клетка является наиболее чувствительным аппаратом, регистрирующим в себе все явления мира и отзывающимся на эти явления соответствующими реакциями своего организма. Кредо ученого: «Жизнь же «...» в значительно большей степени есть явление космическое, чем земное».

И, конечно, решающее значение применительно к явлениям биосферы имеет Солнце: «... Жизнь на Земле обязана главным образом солнечному лучу». Лучистая энергия и другие излучения дневного светила обуславливают не только жизненные ритмы на Земле, но и исторические циклы. Ученый доказывает это на основе обширнейшего фактического и статистического материала, заложенного в фундамент новой науки — гелиобиологии. Полноту же космического чувствования и космопричастности создателю гелиобиологии удалось выразить в нескольких емких поэтических строфах сонета «Солнце»:

*Великолепное, державное Светило,
Я познаю в тебе собрата-близнеца,
Чьей огненной груди нет смертного конца,
Что в бесконечности, что будет и что было.
В несчетной тьме времен ты стройно восходило
С чертами строгими родимого лица,
И скорбного меня, земного пришлеца,
Объяла радостная, творческая сила.
В живом, где грузный пласт космической руды,
Из черной древности звучишь победно ты,
Испепеляя цепь неверных наших хроник, —
И я воскрес — пою. О, в этой вязкой мгле,
Под взглядом вечности ликуй, солнцепоклонник,
Припав к отвергнутой Праматери Земле.*

Человек — неотъемлемая часть мироздания, у него с ним общая кровь (поразительный по смелости и простоте образ единения человека и природы): «Для нас едино — все: и в малом и большом. Кровь общая течет по жилам всей Вселенной». Диалог с Космосом и проповедование от имени Космоса прошло через все творчество ученого-поэта:

*Мы дети Космоса. И наш родимый дом
Так спаян общностью и неразрывно прочен,
Что чувствуем себя мы слитыми в одном,
Что в каждой точке мир — весь мир сосредоточен...
И жизнь — повсюду жизнь в материи самой,
В глубинах вещества от края и до края
Торжественно течет в борьбе с великой тьмой,
Страдает и горит, нигде не умолкая.*

Как сын Космоса, поэт объявляет себя собратом Солнца и под «взглядом вечности» простирает руки к Праматери Земле и Матери Материи, чтобы заручиться их мудрой поддержкой, достичь высоты Миросознания. Поэту и художнику вторит ученый-космист: «Наука бесконечно широко раздвигает границы нашего непосредственного восприятия природы и нашего мироощущения. Не Земля, а космические просторы становятся нашей родиной». Так утверждает в «Земном эхе солнечных бурь».

Чижевский установил, что энергетическая активность Солнца прямо воздействует не только на органические тела, но и на социальные процессы и направленность исторического прогресса. «Вспышки» на Солнце, появление и исчезновение солнечных пятен, их перемещение по поверхности дневного светила, эти и другие явления, а также создаваемый ими весь комплекс астрофизических, биохимических и иных следствий — оказывают прямое и косвенное воздействие на состояние любой биосистемы, животного и человеческого организма в частности этим обусловлены, к примеру, вспышки губительных эпидемий в старое и новое время человеческой истории, разного рода аномальные события в жизни людей: нервные взрывы, неадекватные психические реакции, положительные и отрицательные отклонения в социальном поведении. Выводы ученого подкреплены уникальными статистическими и экспериментальными данными. Они во многом перекликаются, дополняют и развивают концепции биосферы Вернадского и пассионарности Гумилева.

Перипетии личной жизни индивидуумов также подчинены ходу периодической деятельности Солнца и даже провоцируются ею. Сказанное особенно отчетливо прослеживается в жизни и деятельности великих государственных личностей, полководцев, реформаторов и т. д. Ученый убедительно демонстрирует свой вывод на конкретных примерах из яркой, как метеор, жизни Наполеона Бонапарта. Оказывается, и он, этот «великан личного произвола», с точностью и покорностью должен был подчиняться в своих деяниях влиянию космических факторов. Например, разгар его деятельности может быть отнесен к периоду максимума солнечной активности; напротив, минимум военно-политической деятельности великого корсиканца совпадает с зафиксированным астрономами минимумом образования пятен на Солнце. Так, период спада явственно обнаруживается с конца 1809 года до начала 1811 года, когда в астрономических таблицах зафиксирован минимум солнечных пятен, то есть Солнце было малоактивно. В это время Наполеоном не было предпринято ни одного завоевательного похода, лишь сделан ряд бескровных приобретений. Между тем в год максимальной солнечной активности (1804) Наполеон достиг апогея славы и был увенчан императорской короной. В свое время консульство Наполеона совпало с минимумом солнцедетельности (1799), когда революционный подъем во Франции сошел на «нет» и в честолюбивом артиллерийском офицере смогли свободно воспламениться абсолютистские наклонности.

Свой программный космистский манифест, повергнувший в шок ученых-педантов и стоивший автору карьеры, а впоследствии и свободы, Чижевский завершает гимном Солнцу, Человеку и Истине: «Когда человек приобретет способность управлять всецело событиями своей социальной жизни, в нем выработаются те качества и побуждения, которые иногда и теперь светятся на его челе, но которые будут светиться все ярче и сильнее, и, наконец, вполне озарят светом, подобным свету Солнца, пути совершенства и благополучия человеческого рода. И тогда будет оправдано и провозглашено: чем ближе к Солнцу, тем ближе к Истине».

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

42. «ГИЛЬГАМЕШ» («О ВСЕ ВИДАВШЕМ»)

Двойное название великой ассирио-вавилонской поэмы, объясняется просто: клинописные тексты на глиняных табличках (ни шумерские, ни аккадские) вообще не имеют никаких заголовков. Их различают и каталогизируют по первой строке. Эпос о Гильгамеше начинается так:

*О все видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость и все пронизавшем:
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и вернулся,
Рассказ о трудах на камне высек...*

(Перевод Игоря Дьяконова)

«Гильгамеш» велик уже хотя бы тем, что это — по существу первое произведение мировой классики, где устная мифологическая традиция, преследовавшая к тому же в основном религиозно-идеологические цели, переросла в связное художественное произведение. Герои эпоса, которых чтили и в Шумере, и в Ассирии, и в Вавилонии — в первую очередь, сам Гильгамеш, правитель Урука (стольного города на берегу Евфрата) — не бесплотные мифологические персонажи, а живые, полнокровные люди, полулюди, боги и другие существа, которые, по представлениям жителей Древнего Двуречья, населяли земной, подземный и небесный миры. В поэме ставятся и разрешаются фундаментальные вопросы бытия, жизни, смерти, бессмертия. Впервые в мировой классике здесь обозначен красной нитью приоритет дружбы перед всеми остальными человеческими качествами.

Характеры главных героев даны в динамике, диалектическом развитии: от вызывающего себялюбия и непримиримого противостояния — к побратимству и абсолютной готовности к самопожертвованию во имя друг друга. Фонтан феерических чувств и «буйство плоти», клубок необузданных страстей и трудно постижимых с точки зрения современного читателя, зачастую слабо мотивированных поступков — вот что такое великая аккадская поэма. Гильгамеш не совсем обычный герой. Он — богочеловек: «на две трети бог, на одну — человек». Власть развратила его. Царь ведет разгульный, неупорядоченный образ жизни. Его дворец — «место, где не кончается праздник». Там идет нескончаемый пир. На потеху Гильгамешу, его друзьям и дружине сюда то и дело приводят молодых красивых девушек и юношей, которые становятся участниками непрерывных оргий, забывая дорогу в отчий дом.

В городе царит паника. Жители его обращаются к верховным богам с просьбой утихомирить и образумить Гильгамеша. Боги согласны, но делают это не совсем обычным способом. Они создают небывалое существо, покрытое шерстью, не ведающее никаких благ цивилизации, похожее на «снежного человека», к тому же и на самом деле «спустившегося с гор». Зовут соперника Гильгамеша — Энкиду. (В прежних переводах, и, в частности, сделанных Николаем Гумилевым и ассириологом

Владимиром Шилейко — вторым мужем Анны Ахматовой, — это имя звучало более поэтично — Эабани; но с тех пор научный перевод ушел «далеко вперед» в сторону буквализма).

Гильгамеш понимает, что наступает час его перерождения, но сначала хочет испытать самого Энкиду. Он посылает ему навстречу самую прекрасную и любвеобильную женщину из своего окружения — блудницу Шамхат:

*Обнажила груди блудница и лоно открыла,
Не стыдилась она, открыла его дыханье,
Сбросила ткань и легла, а он лег сверху,
Силу своей любви на нее направил.
Шесть дней. Семь ночей приходил Эабани, забавлялся с блудницей...*

(Перевод Николая Гумилева)]

Пройдя испытание любовью, Энкиду очеловечивается. Но он помнит наказ богов: необходимо также и перерождение Гильгамеша.

Сойдясь в поединке, оба героя понимают: их сила не в противоборстве, а в единении. Они становятся побратимами. Отныне их судьба нераздельна. Вместе они сражаются с врагами, вместе одолевают исполинского демона Хумбабу, чей голос «волнует море, колеблет землю, как потоп, сотрясает страны света».

Дружба способна творить чудеса. Объединившись на основе кровной дружбы, Гильгамеш и Энкиду стали непобедимыми. Теперь это обеспокоило самих богов: разве может кто-то быть им равным. Сначала Гильгамеша попытались разлучить с Энкиду с помощью богини любовной страсти Иштар (впоследствии многие ее функции перешли к греко-римской Афродите-Венере), которая ни на миг не сомневалась в очередной победе:

*«Пойдем, Гильгамеш, любовником будь мне,
твою прелесть мужскую подари мне в подарок!
Будь моим мужем, возьми меня в жены...»*

(Перевод Владимира Шилейко)

Но герой отвергает домогательства страстной и — он знает — мстительной богини. Отвергнутая Иштар обезумела от нанесенного (впервые за ее бурную жизнь!) оскорбления. При помощи верховных небожителей она насылает на родной город Гильгамеша чудовищного огнедышащего быка. Тот беспощадно уничтожает его жителей и заодно пытается разделаться с Энкиду. Но Гильгамеш пресекает чинимую расправу и убивает небесного быка. Боги вновь забеспокоились: дружба двух побратимов, не знающих поражений, должна быть расторгнута. И они выносят приговор: один из друзей должен умереть. До нас не дошли многие части поэмы, но, судя по всему, Энкиду добровольно вызвался принести себя в жертву во имя священной дружбы.

Гильгамеш остался один. Он впервые задумывается о жестокой несправедливости, царящей в мире, и решает сделать все, чтобы вновь вернуть Энкиду к жизни. Для этого необходимо постичь тайну бессмертия. И Гильгамеш отправляется в беспримерное путешествие по всем мирам и

землям в поисках способа вызволить Энкиду из преисподней. Судьба приводит его к бескрайнему океану, где на далеком острове живет прародитель всех людей Утнапишти. Он знает тайну бессмертия, но не хочет выдавать ее чужестранцу. Зато во всех подробностях рассказывает историю своей жизни. Когда-то Утнапишти вместе с женой по воле богов спасся от всепоглощающего потопа, ниспосланного за грехи людей на землю. В поэме разворачивается апокалипсическая картина тех жутких событий, кстати, запечатленный на глиняных табличках рассказ Первопредка считается самым древним описанием светопрествления: он древнее библейских текстов и всех прочих — древнекитайских, древнеиндийских, древнеиранских, не говоря уже о преданиях индейцев обеих Америк, записанных уже после испанских завоеваний:

*«... Цепенеет небо,
Что было светлым, — во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, людей настигая.
Не видит один другого,
И с небес не видать людей...»*

(Перевод Игоря Дьяконова)

Наконец Утнапишти сжаливается над своим гостем и открывает ему тайну бессмертия:

*«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколют.
Если этот цветок твоя рука достанет, —
Будешь всегда ты молод».*

(Перевод Игоря Дьяконова)

Гильгамеш немедленно бросается в пучину и достает чудесный цветок. Он торжествует: побратим Энкиду будет вырван из преисподней и вернется к живым. Бессмертными можно сделать всех людей и, прежде всего, народ Урука. Но не тут-то было. На обратном пути, когда Гильгамеш совершал омовение, выползла коварная змея и похитила цветок бессмертия. Побратимам не суждено было больше встретиться. Поэма обрывается на трагической ноте. Сказанное касается только сюжета. Дух поэмы остается оптимистичным. «Нет уз святее товарищества» — это сказал Гоголь сорок веков спустя. Впервые же — безвестный автор «Гильгамеша».

42. «МАХАБХАРАТА»

Нет в мировой литературе книги более обширной. Не море — океан поэзии. 200 000 стихотворных строк, почти 16 Гомеровых «Илиад» Сама «Махабхарата» распадается на 18 книг плюс еще одна дополнительная. А внутри каждой — масса вкрапленных сюжетов, каждый из которых разворачивается, как правило, в самостоятельное произведение. «Махабхарата» переводится как «Великое [сказание о потомках] Бхараты»

и посвящена описанию грандиозной битвы между двумя соперничающими царскими родами племени бхаратов и сопутствующих ей событий.

По существу, в сражение вступили двоюродные братья — 5 Пандавов и 100 Кауравов. Однако в битве участвовали не только их ближние и дальние родичи, но и чуть ли не все население Древней Индии, многомиллионные массы разношерстных племен. Благородные Пандавы были и до сих пор остаются народными любимцами. Кауравы, среди которых тоже было немало достойных воителей, им завидовали с самого детства и пытались — сначала оклеветать, лишить по праву принадлежащего им царства, а потом и вовсе погубить. Из-за этого и разыгралась великая битва — на фоне великих страстей.

Древние авторы славились умением описывать сражения. «Махабхарата» здесь не исключение. Не главы — целые книги посвящены кровавому столкновению огромных армий и изощренным поединкам. Вот лишь крошечный эпизод в долгом и кровопролитном поединке Пандавов с благородным и всесильным Бхишмой — двоюродным дедом Кауравов, храбрым и справедливым воителем, наставником в воинском искусстве многих героев индийского эпоса. Его появление на поле брани описывается так:

*Зажглись его стрелы, как молний зарницы,
И громом был грохот его колесницы,
А лук — словно огонь, в бранной сече добытый:
Служил ему топливом каждый убитый,
Как вихрь, раздувающий пламя, — секира,
А сам он — как пламя в день гибели мира!
Он гнал колесницы врага, всемогущий,
И вдруг появился в их скачущей гуще,
Казалось, как ветер сейчас он взовьется!
Он вражеских войск обошел полководца
И вторгся стремительный в их середину,
И громом колес он наполнил равнину,
И воины в страхе на Бхишму глядели,
И волосы дыбом вздымались на теле.
Иль то Небожители, гордо нагрянув,
Теснят ошалелую рать великанов?
Пандавы на Бхишму, исполнены гнева,
Напали со стрелами справа и слева «...»
И места не стало у Бхишмы на теле,
Где б стрелы, как струи дождя, не блестели,
Торча, словно иглы, средь крови и грязи,
Как на оцетинившемся дикобразе!
Так Бхишма упал на глазах твоей рати,
Упал с колесницы, о царь, на закате,
К востоку упал головой, грозноликий, —
Бессмертных и смертных послышались крики...*

(Переложение Семена Липкина)

Поэтическое мастерство неизвестных авторов «Махабхараты» достигло небывалых высот и почти абсолютного совершенства. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что, начиная с XIX века, ряд сюжетов вставных поэм древнеиндийского эпоса не раз вдохновлял многих европейских поэтов. Перевод на русский язык В. А. Жуковским поэмы о Нале и Дамаянти — лучшее тому свидетельство. И как выразительно и свежо зазвучали по-русски древние шлоки. Достаточно вспомнить блистательные характеристики главных героев. Вот царь Наль:

*... В целом свете царя, подобного Нолю,
Не было, нет и не будет: меж другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцами, светлый разумом, читель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных жертв, сожигатель усердный
В храмах Богов, вожелений своих обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
Деве, гроза и ужас врагов, друзей упование,
Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями — на них же он в сутки
Мог сто миль проскакать — таков был Ноль...*

А вот царевна Дамаянти, перед очарованием которой не устояли главные Божества ведийского пантеона — Индра, Агни, Варуна и Яма, — но прекраснотелая и лучезарная девушка предпочла всем им одного земного Наля:

*... Как с неба слетевший Ангел, она прекрасна была,
И прелесть любви окружала
Нежные члены ее, вожеленье любви пробуждая
В каждом сердце; и месяц, и солнце не столь утешали
Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.*

(Переложение В.А. Жуковского)

«Махабхарата» — не только поэтическая энциклопедия древности, но еще и учебник мудрости. Не одно поколение индийцев воспитывалось на «Бхагавадгите» («Божественная песнь») — философской поэме, вкрапленной в эпос и аккумулировавшей в себе основные мировоззренческие и моральные принципы индийского менталитета. Воплощенная в изящную поэтическую форму «Бхагавадгита» — подлинная жемчужина мировой философии и поэзии:

*У того, кто о предметах чувств помышляет, привязанность к ним возникает;
Привязанность рождает желанье, желание гнев порождает.
Гнев к заблуждению приводит, заблуждение помрачает память;
От этого гибнет сознание; если ж сознание гибнет — человек погибает.
Кто ж область чувств проходит, отрешась от влечения и отвращения,*

Подчинив свои чувства воле, преданный атману [духу], тот достигает ясности духа.

Все страдания его исчезают при ясности духа,

Ибо, когда прояснилось сознание — скоро укрепляется разум.

Кто не собран, не может правильно мыслить, у того нет творческой силы;

У кого же нет творческой силы — нет мира, а если нет мира, откуда быть счастьем?

(Перевод Б. Л. Смирнова)

Итак, Доблесть, Любовь и Мудрость — три главных устоя, на которых зиждется «Махабхарата». Впрочем, это устои и самой жизни.

44. «РАМАЯНА»

«Рамаяна» вчетверо короче своей старшей эпической сестры «Махабхараты». Но все равно по объему она соответствует примерно четырем Гомеровым «Илиадам», а по значению ничуть не уступает поэме о великой битве Бхаратов. Народ даже считает ее более родной, что ли. Особенно это касается главных героев — благородного царевича Рамы, его блистательной жены Ситы и их друга — царственной обезьяны Ханумана.

В центре сюжета «Рамаяны» — тоже грандиозная битва, но более сказочная. Рама, его сподвижники и помогающий им сверхсовершенный обезьяний народ сражаются с сонмом ракшасов (кровожадных демонов) и их предводителем десятиглавым Раваной, похитителем Ситы. В общих чертах сюжет с похищением чем-то напоминает «Руслана и Людмилу», с той разницей, что у Пушкина нет царственных обезьян, а в «Рамаяне» они играют исключительно важную роль. Нет сомнения, что в основе эпоса о подвигах Рамы лежат архаичные представления древних ариев, некогда мигрировавших с севера на юг.

Символом Полярной прародины в арийской традиции выступала золотая гора Меру, которая располагалась на Северном полюсе и являлась центром Вселенной. Она упоминается во всех древнеиндийских сказаниях. В окрестностях Полярной горы обитали не одни только могущественные Боги, но и другие удивительные существа. Среди них целый «обезьяний народ», мудростью своей и могуществом не уступавший самим Небожителям. К нему и принадлежал Сугрива — тот самый Царь обезьян, который помог великому Раме одержать победу над демоном Раваной, дав в помощники царевичу своего главного советника — мудрейшую из мудрейших обезьян — Ханумана.

Действие «Рамаяны», как известно, разворачивается на сугубо индийской почве. Но в ней отчетливо прослеживаются многочисленные северные реминисценции, восходящие к арийскому и доарийскому периоду истории индоевропейцев. Сказанное как раз и относится ко всей «обезьяньей линии» древнеиндийской мифологии. Лишним подтверждением тому может служить и известный эпизод «Рамаяны». Первоначально «обезьяний» царь Сугрива отправляет свое многочисленное войско на поиски похищенной Ситы — жены Рамы — не куда-нибудь, а на Север (!), красочно и довольно-таки точно описывая предстоящий маршрут. Сначала спасителям Ситы предстоит преодолеть область ужасного мрака (читай: область полярной ночи). За ней посреди Вечного Океана лежит Счастливая обитель света с Золотой горой Меру, где повсюду растут

чудесные плоды, реки текут в золотых руслах, и царит золотой век. Любопытно, что здесь временное описание заменяется пространственным. Причем эту пространственную последовательность (сначала Царство тьмы — затем Царство света) следует понимать и во временном плане (сначала полярная ночь — затем полярный день)

Таким образом, индоарийских сверхсовершенных «обезьянолюдей» приходится признать уроженцами Севера. Того же Ханумана (дословно «Имеющий (разбитую) челюсть» — из-за увечия, нанесенного ему Богом Индрой). О, это была удивительная до неправдоподобности «обезьяна»! Сподвижник Рамы обладал воистину бесценными качествами. Чего стоили только его летательные способности! Хануман вырастал до исполинских размеров и проносился по поднебесью, как летучая гора. Ветер, рожденный его стремительным полетом, рассеивал облака на небе и гнал по морю бурные валы. Тень Ханумана бежала внизу по волнам, словно судно, движимое попутным ветром. А он летел в вышине, то ныряя в тучи, то снова появляясь из них, словно ясный месяц.

Батальные сцены в «Рамаяне» столь же захватывающи и изобилующи невероятными подробностями, как и в «Махабхарате»:

*В бронях златокованных демоны с томною кожей
На горы огромные в сумраке были похожи «...»
На рать обезьянью, вконец ослепленные гневом,
Ужасные ракшасы лезли с разинутым зевом.
На ракшасах темных брони златокованы были,
Но войском Сугривы они атакованы были.
На древки златые знамен обезьяны кидались,
В коней, колыхавших густые султаны, вцеплялись.
В клочки разрывали они супротивные стяги,
Слонов и погонщиков грызли в свирепой отваге.
И стрелы, что были, как змеи, налитаны ядом,
Метали два царственных брата, сражавшихся рядом.
И ракшасов тьму сокрушили, незримых и зримых,
Опасные стрелы царевичей необоримых.
В ноздрях и в ушах застревая, взвилась крутовертью
Колючая пыль меж земной и небесною твердью.
Мешая сражаться, она забивалась под веки.
По ратному полю бежали кровавые реки.
Гремели во мраке мриданги, литавры, панаши.
Воинственных раковин слышался гул величавый.
Им вторили вопли пронзительные обезьяны,
Колес тархтенье, коней исступленное ржанье.
Тела вожаков обезьяньего племени были
Навалены там среди темени, крови и пыли.
Там ракшасов гороподобные трупы лежали,
И дротиков груды, и молотов купы лежали «...»
Лишь стрелы во мраке сверкали огня языками
Да грозные ракшасы гибли в огне мотыльками.
Сражения ночь озарилась обильным свеченьем,*

*Точь-в-точь как осенняя ночь — светляков излучением:
Там стрел мириады блистали златым опереньем...*

(Перевод Веры Потаповой)

Победа над демоном Раваной и его несметным воинством отнюдь не положила конец трагедии в личных взаимоотношениях Рамы и Ситы: царевич заподозрил жену в супружеской неверности. Сначала он публично, в присутствии многочисленных свидетелей обвинил только что освобожденную возлюбленную в любовной связи с Раваной. Опозоренная Сита, чтобы доказать свою невиновность, на глазах у всех бросается в костер. Однако ее спасает сам Бог огня Агни, убеждая Раму в его неправоте.

Инцидент вроде бы исчерпан. Но не успели счастливые супруги вернуться домой, как Рама с подозрительностью, достойной Отелло, вновь поддался чувству ревности и пошел на поводу у народа, не поверившего в невиновность молодой женщины. Под влиянием людской молвы Рама прогоняет жену в лес, где она рождает двух сыновей. Спустя некоторое время, когда дети подросли, Сита задается целью раз и навсегда перед всем народом доказать свою чистоту. В свидетели она берет самое священное — Мать Сыру Землю, и та, дабы подтвердить невинность отлученной женщины, разверзает свои бездны и принимает ее в свое лоно. Только оставшись один, Рама наконец понимает всю чудовищную нелепость содеянного им же самим. Отчаянию царевича, ставшего уже царем, нет предела, но вновь соединиться с Ситой ему удастся только после смерти, когда его вместе с супругой взяли в свои небесные чертоги бессмертные Боги. Теперь уже навсегда.

**45. ГОМЕР
«ИЛИАДА»**

С Гомера, собственно, начинается европейская авторская поэзия. Вот уже более тридцати веков все новые и новые поколения читателей прикасаются к его творениям, как к волшебству. Так было и в далекие античные времена, ничего не изменилось и теперь:

*Бессонница. Гомер. Тугие паруса.
Я список кораблей прочел до середины:
Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,
Что над Элладю когда-то поднялся...*

Осип Мандельштам

Книг у Гомера всего две — «Илиада» и «Одиссея». Есть еще так называемые Гомеровы гимны, связанные с именем великого слепца чисто условно — олимпийской тематикой и стихотворным размером. Значение обоих Гомеровых шедевров равновелико. И все же «Илиада» традиционно ставится на первое место. Отчасти из-за хронологической последовательности: события в ней предшествуют описываемым в «Одиссее». Но не это, пожалуй, главное. В «Илиаде» Гомер сумел глубже проникнуть в души своих героев, дать неповторимые образцы человеческих характеров и столкновения страстей. И хотя «Одиссея» более панорамна и в ней больше захватывающих приключений, — за живое все же берет

именно «Илиада» — своей психологичностью, гуманизмом, проникновенностью в самые сокровенные уголки человеческой души.

Сюжетно «Илиада» даже не связана с наиболее впечатляющими событиями Троянской войны. По существу здесь описываются рутинные стычки и сражения, каковых на протяжении 10-летней осады Трои было великое множество. И хотя в ходе боевых действий с обеих сторон гибнут два главных героя — Патрокл и Гектор, — их смерть ничего не решает со стратегической точки зрения. Главные события — штурм Илиона и победа греков — остаются за пределами поэмы. Казалось бы, вот где мог бы развернуться поэтический пафос Гомера! Но его обессмертило описание именно самых заурядных событий, в которых, однако, как в эпицентре, пересеклись молнии воли, чувств и надежд.

Непосредственным поводом, который породил ураган страстей под стенами осажденной Трои, послужило событие, на первый взгляд, совсем уж малозначительное. Верховный вождь ахейцев Агамемнон, пользуясь безраздельным правом главнокомандующего, отобрал у самого строптивого из своих полководцев Ахилла прекрасную пленницу, захваченную в ходе одного из рейдов «по тылам противника» и предназначавшуюся, естественно, в наложницы. Но гневу, в который не мог не впасть при этом оскорбленный военачальник, в поэме приданы эпические масштабы. С этого, собственно, и начинается «Илиада». Начальную строку: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» — вот уже три тысячелетия повторяют миллионы почитателей Гомера (она даже превратилась в упражнение для актерского тренинга).

То, что случилось дальше, можно изложить в одном абзаце. Ахилл со своим отрядом отказывается участвовать в дальнейших сражениях, и перевес оказывается на стороне троянцев. В непрерывных вылазках они начинают одолевать греков. И если бы не смерть в бою друга Ахилла — Патрокла, — то неизвестно, чем бы все еще могло закончиться. Но тут уж Ахилл обернул свой гнев на врагов. В поединке он беспощадно убивает наследника троянского трона Патрокла, долго издевается над трупом, но затем, уступив мольбам царя Приама, отдает тело отцу. Описание погребения обоих погибших героев — Патрокла и Гектора — «Илиада» завершается. Все! Восемь строк скупой информации — и вся «Илиада». Но Гомер развернул их в 24 главы величайшей из поэм, которую когда-либо знало человечество. И в каждой главе — от полутысячи до восьми сотен сладкозвучных стихов. 8 глав (с XI по XVIII), то есть свыше 5 тысяч стихов, посвящены событиям только одного дня. Знаменитое описание щита Ахилла занимает почти 140 гекзаметрических строк. Так ведь в этом и заключается гениальность поэта, его божественный дар.

Образный, насыщенный неповторимыми сравнениями язык Гомера не спутаешь ни с кем. Еще в старину ему пытались подражать — совершенно бессмысленное и бесполезное дело. Только Гомер способен был несколькими поэтическими штрихами описать, к примеру, гнев Аполлона так, чтобы у читателя забежали мурашки по телу (1, 43–47):

«...» И внял Аполлон среброрукий:

Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,

*Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами звучали
В шествии гневного Бога: он шествовал, ночи подобный.*

(Перевод — здесь и далее — Николая Гнедича)

Олимпийские Боги — такие же равноправные и полнокровные действующие лица, как и другие персонажи «Илиады». Если отвлечься от их бессмертия и всемогущества, это — те же люди, со всеми достоинствами и пороками. На Гомеровом Олимпе так же смутно и не спокойно, как и под стенами осажденной Трои. Спровоцировав в свое время Троянскую войну, Олимпийцы на всем ее протяжении принимают деятельное участие в ее протекании. Каждый при этом занимает чью-то сторону или покровительствует конкретным героям.

Герои Гомера превратились в классические образцы для подражания еще в стародавние времена. И в античном мире, и в эпоху европейского классицизма «Илиада» и ее герои — как Солнце, вокруг которого вращаются эстетика и искусство, поэзия и проза, скульптура и живопись. Герои Гомера обожествлялись наравне с Богами. В Саламине, к примеру, был построен храм Аякса Теламонида. Здесь греки молились и приносили жертвы накануне величайшего в их истории Саламинского сражения, где был уничтожен персидский флот.

Тема героического вообще немыслима без «Илиады», а для европейской культуры непосредственно начинается с нее. Гомер был первым в шеренге европейских гениев, кто научился средствами языка не только воссоздавать бездонный мир людских характеров и сложнейшие нюансы человеческой души, но и превращать их в идеал. Непревзойденным героем на все времена благодаря «Илиаде» остался Ахилл, несмотря на сложность и противоречивость его характера. Впрочем, быть может, именно это сделало его самой выпуклой и неповторимой фигурой античного эпоса. С одной стороны, необузданные и непредсказуемые страсти, импульсивность и жестокосердие (это ведь он кричит, обезумев от крови, в ответ на мольбы умирающего Гектора: «Тело сырое твое пожирал бы я; то ты мне сделал!»). С другой стороны, — беззаветная храбрость, глубокий патриотизм и нежнейшее отношение к друзьям. Только Гомер способен передать скорбные чувства, нахлынувшие на Ахилла после известия о гибели Патрокла (XVIII):

*Черное облако скорби покрыло Пелеева сына.
В горсти руками обеими взяв закоптелого пепла,
Голову им он посыпал, прекрасный свой вид безобразя.
Весь благовонный хитон свой испачкал он черной золою,
Сам же, — большой на пространстве большом растянувшись, — лежал он
В серой пыли и терзал себе волосы, их безобразя.*

Гомер — первый греческий (и европейский!) поэт. Но он же — и первейший мыслитель, которого никому и никак невозможно обойти. Нет ни одной мало-мальски известной антологии античной философии, которая бы ни начиналась с Гомера. Он создал целую философию жизни, вдохновенный гимн жизни во всей ее полноте. А та «философия жизни»,

которая вошла в европейскую моду в конце прошлого — начале нынешнего веков — всего лишь слабый отсвет пламени Гомеровой поэмы(IX,401–409):

*С жизнью, по мне, не сравнится ничто «...»
Можно, что хочешь, добыть, — и коров, и овец густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней златогривых,
Жизнь же назад получить невозможно, ее не добудешь
И не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.*

Так вот почему бессмертна «Илиада»! Вот почему к неиссякаемому источнику ее образов и поэтического благолепия припадают вот уже три тысячелетия и будут припадать пока существует поэзия! «Илиада» учит: Жизнь прекрасна! Она прекрасна во всей своей полноте, несмотря на все ужасы войны и трагизм человеческих отношений!

46. ЭСХИЛ «ПРОМЕТЕЙ ПРИКОВАННЫЙ»

Эсхил по праву считается «отцом трагедии» Но из 80 написанных им пьес (каждая являлась событием в культурной жизни античной Греции) уцелело лишь семь. Среди них — самое обширное драматическое произведение древности — трилогия «Орестея», посвященная событиям, которые последовали после завершения Троянской войны и возвращения ее героев на родину, умерщвление вождя ахейцев Агамемнона (он пал от рук собственной жены Клитемнестры и ее любовника Эгиста), месть сына Ореста за смерть отца и убийство им родной матери, кара, ниспосланная за это Богами, и под конец — оправдание в кровопролитии по воле тех же Богов.

Но самым прославленным из всех, шедевром из шедевров, остается трагедия «Прометей прикованный» (Такое словосочетание в названии обусловлено тем, что было еще продолжение «Прометей освобожденный», но от него сохранилось только несколько разрозненных фрагментов, цитируемых другими древними авторами). В трагедии воспроизведен известный сюжет античной мифологии жестокое отмщение громовержца Зевса своему двоюродному брату Прометею за похищение огня с Олимпа и передачу его людям. Фактически похищение огня явилось лишь заключительным аккордом благодеяний Прометея — подлинного учителя и наставника человечества. Он научил людей всему — наукам, ремеслам, искусству, грамоте, мореплаванию, врачеванию, магии и гаданию, выплавке металлов, земледелию, приручению животных и т. д. Вот собственный рассказ титана-просветителя:

*А про страданья смертных расскажу.
Ведь я их сделал, глупых, словно дети,
Разумными и мыслить научил «...»
Раньше люди Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грезах сна
Влачили жизнь, не знали древодел я,
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных,*

*Бессолнечных, подобно муравьям
Они тогда еще не различали
Пример зимы, весны — поры цветов —
И лета плодоносного, без мысли
Свершали все, — и я им показал
Восходы и закаты звезд небесных
Я научил их первой из наук,
Науке числ и грамоте, я дал им
И творческую память, мать Муз
И первый я поработил ярму
Животных диких »»*

(Перевод В. О. Нилендера и С. М. Соловьева)

Прометей — прозвище, дословно означающее Провидец (Прозорливец, Промыслитель) Он и в самом деле мог предвидеть будущее. За то — не в последнюю очередь — и пострадал: ибо точно знал, что ждет впереди не только людей, но и богов, и наотрез отказался сообщить Зевсу, кто низвергнет его с Олимпа, как когда-то он сам сверг своего отца Крона. Тем изощренней была и месть. Зевс распорядился не просто навечно приковать Прометея к скале, но еще и сделать его муки нестерпимыми: к месту пыточных страданий регулярно прилетал драконо-подобный коршун и выклевывал у титана печень.

Прометей — один из великих героев-мучеников в мировой истории. Истинное же величие трагедии, написанной Эсхилом, состоит в том, что здесь впервые в полный голос заявлена тема самопожертвования во имя человека и человечества, тема сознательного принесения себя в жертву во имя других. Носитель этой «жертвенной идеи» — Прометей. Жертвенность — его отличительная черта и опознавательный знак в сонме богов и героев.

Великая трагедия Эсхила населена и другими символами, даже в «чистом виде». Таковы, к примеру, Власть и Сила — слепые исполнители воли Зевса. Они первыми появляются перед зрителями, но монолог произносит только первая, вторая же молча помогает Гефесту опутывать титана цепями и прибивать (в буквальном смысле) железным клином-гвоздем к скале. Здесь же дается точная привязка к конкретным географическим реалиям. Почему-то современные комментаторы упорно связывают события трагедии с Кавказом. У Эсхила об этом нет ни слова. Зато черным по белому написано нечто иное. Место действия обозначено так — дикая гористая местность на берегу океана. А в двух начальных строках дается расшифровка:

*Вот мы пришли в далекий край земли,
В безлюдную пустыню диких скифов.*

«Край земли» на берегу океана, безлюдная пустыня диких скифов — какой уж тут Кавказ! Это напоминает северные российские территории на берегу Ледовитого океана, где-нибудь в районе Кольского полуострова или Новой Земли! Эсхил был первым после Гомера, кто попытался дать совокупное географическое описание мира. И именно в «Прометее прикованном». Происходит это в эпизодии, где появляется очередная

возлюбленная Зевса — Ио, преследуемая гигантским оводом, натравленным на нее ревнивой Герой. Плутарх считал Ио дочерью Прометея, но Эсхил придерживается иной версии. Так или иначе, примчалась обезумевшая Ио именно к Прометею, дабы выпросить о своей судьбе. Титан-провидец охотно поведал несчастной беглянке об ее великом будущем: она станет родоначальницей египетской цивилизации. Действительно, достигнув берегов Нила, Ио была впоследствии обожествлена там под именем Исида, родила Эпафа (будущего Аписа), зачатого от Зевса, и тем самым положила начало всей династии, в четвертом поколении которой оказался и Египт (Египет), давший название стране, языку и народу.

Но сначала Ио предстояло преодолеть долгий путь с Севера на Юг. В трагедии Эсхила устами Прометея как раз и рисуется этот маршрут, содержащий основные знания древних греков об ойкумене:

*Отсюда ты к восходу солнца путанный
Направишь шаг по целине непаханной
И к скифам кочевым придешь. Живут они
Под вольным солнцем на телегах, в коробах
Плетеных. За плечами — метко бьющий лук,
Не подходи к ним близко! Беглый путь держи
Крутым кремнистым взморьем, глухо стонущим.
Живут по руку левую от этих мест
Железа ковахи Халибы. Бойся их!
Они свирепы и к гостям неласковы...*

(Перевод Адриана Пиотровского)

Здесь описываются народы, населявшие во времена Эсхила территорию России. Упомянут и Кавказ, но только где-то на полпути к Средиземноморью (лишнее подтверждение и без того очевидного факта, что действие самой трагедии никак не может разворачиваться на Кавказе).

Внешне трагедия не слишком богата событиями: приковали Прометея к скале и к нему поочередно наведываются, помимо Ио, то титан Океан с дочерьми Океанидами, то посланник Олимпийцев Гермес, который безуспешно пытается выведать, кого следует опасаться Зевсу. Но зато до предела накален стихотворный текст Эсхила. Колоссальное внутреннее напряжение пронизывает монологи главного героя:

*О свод небес, о ветры быстrokрылые,
О рек потоки, о несметных волн морских
Веселый рокот, и земля, что все родит,
И солнца круг, всевидец, — я взываю к вам:
Глядите все, что Боги Богу сделали!
«...» Напрасен ропот!
Все, что предстоит снести,
Мне хорошо известно. Неожиданной
Не будет боли. С величайшей легкостью
Принять я должен жребий свой. Ведь знаю же,*

Что нет сильнее силы, чем всевластный рок.

(Перевод С. Апта)

Последняя строка содержит положение — ключевое для, правильного понимания всего античного мировоззрения, что, в свою очередь, обуславливало философскую и теологическую подоплеку эпоса, драмы, поэзии, прозы, исторических и иных сочинений. Боги — отнюдь не последняя, а по сему и не самая главная, инстанция и первосушность. Есть сила и пострашнее: это — неотвратимый Рок (Судьба, Необходимость), имеющий космическое происхождение. Прометей знает это как никто другой. Во имя неминуемой свободы, которую он тоже не может не предвидеть, непокорный титан не страшится бросить вызов самим небесам:

*Знай хорошо, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье «...»
Я ненавижу всех Богов: они
Мне за добро мучением воздали.*

(Перевод В. О. Нилендера и С. М. Соловьева)

Эти слова впоследствии вдохновляли ни одного глашатая свободы — во все времена, у всех народов!

**47. СОФОКЛ
«ЭДИП-ЦАРЬ»**

Впервые я увидел «Царя Эдипа» с Серго Закариадзе в заглавной роли в постановке Грузинского театра имени Шота Руставели. Ослепленный, залитый кровью актер метался по сцене, электризуя зал токами неподдельных эмоций. Апокалипсичность происходящего усиливалась еще и тем, что сценическое действие разворачивалось в Московском Кремле: некоторое время назад здесь функционировал Кремлевский театр (не путать с Дворцом съездов), где и гастролировал тбилисский театр. Так что душераздирающие монологи несчастного царя произносились среди кремлевских башен. Я слушал древнегреческий текст на грузинском языке и размышлял по-русски о беспредельной силе Слова, способного через века и тысячелетия передавать людям таящийся в нем заряд. Настоящее искусство не меркнет во времени, не ведая ни пространственных преград, ни языковых барьеров. Но что же заставляет современного человека переживать хрестоматийную историю несчастного царя? Испытываемая ли им физическая боль и душевные муки? Подсознательный ли трепет перед неотвратимостью Рока и неизбежностью наказания за отцеубийство и инцест (в данном случае — сожителство с матерью)? Проклятие ли, ложащееся несмылаемым пятном не только на самого преступника, но и на его потомство? Или же все вместе взятое?

Афинским зрителям, которые приходили на представление трагедии Софокла, не требовалось объяснять, кто такой Эдип, чем он знаменит и каковы перипетии его судьбы. Фиванскому царю Лаю за причиненное оскорбление Боги предрекли смерть от собственного сына. Поэтому, как только царица Иокаста произвела на свет наследника, царь приказал его умертвить. Младенцу прокололи сухожилия и отнесли в безлюдные горы на верную смерть. Но там его случайно нашел пастух,

отнес бездетному коринфскому царю Полибу, и тот, назвав ребенка Эдипом (дословно — «с опухшими ногами») вырастил его как собственного сына. Спустя много лет, когда Эдип возмужал, до него стали доходить намеки по поводу его происхождения. Желая знать истину, он стал досаждать приемным родителям, но те упорно скрывали правду.

Тогда Эдип отправился к Дельфийскому оракулу, чтобы узнать все о своей судьбе. О прошлом оракул умолчал, но зато предрек ужасное будущее: юноше суждено убить собственного отца и жениться на матери. Продолжая считать своими настоящими родителями коринфских царя и царицу, Эдип решает обмануть судьбу и больше никогда не возвращаться в город, ставшей ему родным. Странствуя по Элладе, он случайно сталкивается с незнакомыми путниками и в завязавшейся стычке убивает их всех, кроме одного свидетеля. Среди убитых Эдипом оказался неузнанный и незнаемый отец — царь Лай (о чем отцеубийца узнает много-много лет спустя; раскрытию этой и всей остальной страшной правды как раз и посвящена трагедия Софокла).

Странствия Эдипа продолжались. Однажды судьба привела его к стенам древних Фив. Город находился во власти кровожадной Сфинкс — чудовища с головой и грудями женщины, телом льва и крыльями птицы (получается существо женского рода и поэтому имя его не склоняется). Всем Сфинкс задавала одну и ту же загадку: «Кто из живых существ утром ходит на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?» Ответить не мог никто. Жители Фив и чужестранцы гибли один за другим, пока не появился Эдип и не разгадал Сфинксову загадку:

«Человек! В младенчестве он ползает на четвереньках, всю жизнь ходит на двух ногах и лишь в старости — опираясь на палку».

Сфинкс сгинула (бросилась в пропасть со скалы). В благодарность за освобождение фиванцы делают Эдипа царем и отдают ему в жены вдовствующую Иокасту. Проходит 20 лет, и наступает время, о котором и рассказывается в трагедии Софокла. Фивы снова постигла беда — пострашнее чем Сфинкс: на город обрушилась чума. Чтобы узнать, чем город прогневил Богов, Эдип отправляет посланца к Дельфийскому оракулу и получает удручающий ответ: виновник всех бедствий находится в самих Фивах.

Далее действие трагедии разворачивается по законам детективного жанра. Желая во что бы то ни стало установить виновника всех бед и докопаться до правды, Эдип самолично начинает проводить расследование, постепенно, шаг за шагом разматывая страшный клубок событий. Сначала нет ничего, кроме намеков и полунамеков. Потом появляются свидетели. Напряжение трагедии возрастает с каждым новым фактом. Наконец цепь умозаключений приводит к ужасному озарению: виновник всех несчастий, постигших город, — он сам, Эдип! Кара же Богов последовала за отцеубийством и кровосмесительную связь с собственной матерью. Одновременно кошмарная правда открывается и перед Иокастой. Не перенеся позора, она повесилась, а обезумевший от горя Эдип выкалывает себе глаза иглой от материнской застёжки. В древнегреческом театре подобные акты не совершались на глазах у зрителей. О них рассказывали персонажи-очевидцы:

*И видим мы: повесилась царица —
Качается в крученой петле.
Он, Ее увидя вдруг, завыл от горя.
Веревку раскрутил он — и упала
Злосчастная. Потом — ужасно молвить! —
С ее одежды царственной сорвав
Наплечную застежку золотую,
Он стал иглу во впадины глазные
Вонзать, крича, что зреть очам не должно
Ни мук его, ни им свершенных зол, —
Очам, привыкшим видеть лик запретный
И не узнавшим милого лица.
Так мучаясь, не раз, а много раз,
Он поражал глазницы, и из глаз
Не каплями на бороду его
Стекала кровь — багрово-черный ливень
Ее сплошным потоком орошал...*

(Перевод С. В. Шервинского)

Такова цена истины! Эдип жаждал дойти до самой сути, переступить запретный рубеж. За ним оказался Хаос и Ужас. Так стоит ли тогда вообще искать? Такой вопрос напрашивается сам собой. Стоит! Непременно стоит! И в этом состоит одна из главных мыслей трагедии и ее пафос.

Софокл — один из отцов античного гуманизма. Человек, его неисчерпаемый внутренний мир и ни одному Богу не доступное кипение страстей — вот главный герой великого древнегреческого драматурга. Ни у кого другого мы не найдем больше столь вдохновенного гимна Человеку и его разуму: «... Но лишь мудростью велик — Человек перед людьми». Эта мысль продолжена и развита в «Антигоне» — трагедии, заключающей историю несчастного рода царя Эдипа (Антигона — его дочь от преступного брака с матерью Иокастой):

*Много в природе дивных сил,
Но сильнее человека — нет.
Он под вьюги мятежный вой
Смело за море держит путь;
Круто вздымаются волны —
Под ними струг плывет.
Почтенную в богинях, Землю,
Вечно обильную мать, утомляет он;
Из года в год в бороздах его пажити,
Под ним мул усердный тянет «...»
И речь, и воздушная мысль,
И жизни общественный дух
Себе он привил; он нашел охрану
От лютых стуж — ярый огонь,*

*От стрел дождя — прочный кров.
Благодолен! Бездолен не будет он в грозе
Грядущих зол...*

(Перевод Ф. Ф. Зелинского)

48. ЕВРИПИД «ИППОЛИТ УВЕНЧАННЫЙ»

В 428 году до н. э. на празднике Великих Дионисий в афинском театре, носившем имя бога вина и веселья, была впервые представлена трагедия, тотчас же завоевавшая первую премию и с тех пор считающаяся лучшим творением автора. Впрочем, современники называли еще «Медео», но уже Аристотель в своей «Поэтики» критиковал ее за искусственность развязки:

Медео скрывается от возмездия на колеснице, запряженной драконами. Впрочем, дело, пожалуй, в другом: нравственный стержень трагедии плохо вписывается в общепринятые нормы морали. Убийство матерью собственных детей во имя отмщения мужу-изменнику — поступок, который нельзя оправдать никакими аргументами.

В «Ипполите» страсти тоже, если так можно выразиться, на грани нравственного фола: неразделенная любовь мачехи к пасынку, изощренная месть отвергнутой женщины, в результате — смерть обоих. Но в данной коллизии зритель, читатель, слушатель искренне сочувствует страдающей Федре.

Для Еврипида путь к славе оказался сложным и тернистым. Первоначальный вариант трагедии вызвал резкое неприятие афинян: там мачеха сама признавалась в любви целомудренному пасынку, то есть занималась тем, что на юридическом языке во все времена именовалось сексуальными домогательствами. Еврипид был обвинен в оскорблении нравов — проступок, за который в Афинах могли присудить к смертной казни (достаточно вспомнить судьбу и мученическую смерть Сократа). Трагедию пришлось срочно переделывать — в итоге получился шедевр. Ибо то, что раньше Федра говорила напрямую и откровенно, теперь превратилось во внутренние муки и сомнения, а о ее любви Ипполиту рассказывает посредница-кормилица. Возмущению и гневу юноши нет предела, он переносит их на весь женский род:

*Зачем, о Зевс, на горе смертным женщине
Ты место дал под солнцем?
Если род людской
Взрастить хотел ты, разве ты без этого
Коварного сословья обойтись не мог?*

(Перевод С. Апта)

Опозоренная Федра накладывает на себя руки и кончает жизнь в петле, успевая, однако, написать клеветническую записку, где всю вину возлагает на пасынка.

Первый вариант трагедии не сохранился. Он именовался «Ипполит закутанный» (так как главный герой появлялся перед зрителями, закутанным в плащ). Второй вариант — «Ипполит увенчанный» — назван

так по очень простой причине: теперь главный герой появлялся на сцене с венком. Практически все персонажи трагедии играют важную роль в эллинской мифологии. Ипполит — сын Тесея — одного из величайших героев Древней Эллады. В одном из своих многочисленных странствий он пленил амазонку Антиопу, которая и родила ему наследника. По другой версии, пленницу звали Ипполитой и была она царицей амазонок, взятая в качестве трофея Гераклом и подаренная им Тесею. От связи с наложницей и родился Ипполит, названный так в честь матери. Федра — последняя жена Тесея. Ее родословная не менее уникальна. Она — внучка самого Бога Солнца — титана Гелиоса — и дочка прославленного властителя Крита — царя Миноса (по имени которого предэллинская культура именуется минойской). Мать Федры — печально знаменитая царица Пасифая: она произвела на свет не только сестру Федры — всем хорошо известную Ариадну, — но и чудовищного Минотавра, воспылав страстью к быку.

Фактически Минотавр, которого и убил Тесей во мгле критского лабиринта, является сводным братом Федры и Ариадны. Убийство тотемного полуживотного-получеловека, угодного богам, было ими же в конечном счете и отомщено: наследник Тесея — его сын Ипполит — гибнет оттого, что на пути его колесницы возникает огромный бык (или даже — всего лишь образ отца Минотавра), и упряжка врезывается в скалы. Совершить убийство Минотавра (деяние, впоследствии зачисленное в разряд подвигов) помогла Ариадна, но Тесей, вопреки данным обещаниям, покинул ее и предпочел жениться на Федре (впрочем, и Ариадна быстро утешилась — ее взял в жены Бог Дионис).

В истории Ипполита — Тесея — Федры сплелись в тугой узел миф и реальность, прошлое и настоящее, люди и Боги. Последние — полнокровные персонажи трагедии, определяющие ее течение. По существу вся она может быть представлена как борьба двух непримиримых мировоззрений, носителями которых выступают богини-антогонисты — Афродита и Артемида. С обширного монолога богини любви, собственно, и начинается трагедия. Но Афродита предстает вовсе не в виде идеализированного небесного создания, какой, быть может, она рисуется иному современному читателю, а такой, какой она была на самом деле, какой ее знали, почитали и боялись современники Еврипида — жестокой, мстительной, разъяренной, требующей беспрекословного подчинения Богиней. Это она возбудила в Федре греховную страсть и не может простить девственнику Ипполиту полное равнодушие к любовным чарам и предпочтение целомудренной Артемиды, с которой сын Тесея проводит все время в охотничьих утехх. Смертельный приговор Афродиты и отмщение неотвратимы:

*Не чует он, что Адовы отворены Ворота.
Солнце видит он в последний раз.
(Перевод Адриана Пиотровского)*

Транслятором божественной воли на людском уровне выступает заплутавшая в собственных страстях и мятущаяся Федра:

*О нет! О нет, ради Богов.
Права Ты, да я знаю...
Но позор не меньше
От этого. Я цепь Эрота с честью
Еще носить хочу... но ты ведь в бездну
Меня зовешь... О нет, о нет, о нет!..*

(Перевод — здесь и далее — Иннокентия Анненского)

Монологи Федры — вершина поэтического и драматургического гения Еврипида:

*О, жребий жены!
О, как над тобою не плакать?
Где сила искусства?
Где выход?
О, как этим цепким объятьем
Опутана я безнадежно!
Уж мой приговор
Написан. О Солнце! О Солнце!
О Мать-земля!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою? «...»*

И все же низменные страсти берут над ней верх: перед смертью она оговаривает безвинного Ипполита, сваливая в спешно составленной записке всю безумную страсть на пасынка и обвиняя его в своей гибели. И Тесей поверил. Весь гнев и отчаяние вмиг овдовевшего мужа обрушился на наследника. В результате его почти сразу же постигла нелепая и жестокая гибель. Кто виноват во всем? Древние отвечали: рок, судьба. Против них сами Боги бессильны. «Ты жертвою рока пал», — говорит в финале смертельно раненному Ипполиту богиня Артемида, покорная судьбе. Она же примиряет его с отцом и назначает безвинной жертве награду в загробной жизни:

*«...» Перед свадьбой
Пусть каждая девица дар волос
Тебе несет. И этот в даль немую
Обычай перейдет веков.
И в вечность
Сам в пении девичьих чистых уст
Ты перейдешь...*

В вечность же перешел и сам сюжет «Ипполита»: на тему необузданной страсти и женского коварства из-за неразделенной любви были впоследствии написаны удивительные по красоте и совершенству трагедии Сенеки и Расина с одноименным названием «Федра», которые и поныне вместе с бессмертным творением Еврипида считаются вершинами драматургического мастерства.

49. АРИСТОФАН «ЛИСИСТРАТА»

«Лисистрату» в определенной мере можно считать изящным ответом на женоненавистнические пассажи Еврипида своих многочисленных комедиях Аристофану приходилось напрямую высмеивать своего великого современника (как он это проделывал и с другими соотечественниками-афинянами, например, с Сократом). Но «Лисистрата» — ответ концептуально-идеологический. В самом известном творении самого знаменитого античного комедиографа в сжатом виде содержится глубокая философская идея о женском начале, лежащая в основе любого гуманизма.

Для проведения данной мысли придуман гениальный сюжет, пригодный, как говорится, на все времена. Второго такого сочинить уже никому не удастся. Женщины, которые истомились от постоянного отсутствия на брачном ложе своих мужей и любовников, задумывают остановить войну ведь именно она отвлекает воинов от семейного очага, случается — и навсегда. Данная ситуация вполне соответствовала тогдашним реалиям, когда Афины и Спарта истощали свои силы в братоубийственной и кровопролитной войне (названной впоследствии Пелопоннесской).

И вот женщины на тайной сходке задумывают осуществить простой, но, как оказалось, весьма действенный план: лишить своих возлюбленных сексуальных утех и не подпускать их к себе до тех пор, пока не в меру разгоряченные вояки не договорятся друг с другом о мире и не забудут об оружии, походах и битвах. Изобретательницей и вдохновительницей этой беспрецедентной акции стала бессмертная аристофановская героиня — красавица Лисистрата. Ее имя, вошедшее в поговорку, означает «Прекращающая войну». У стен афинского акрополя она обращается к посланникам воюющих сторон со страстным призывом.

*Так я скажу!
Скрывать не стану дум моих!
Услышьте же, подружки! Чтобы силою
Мужчин принудить к миру долгожданному,
«...» Должны мы воздержаться от мужчин, — увы!
«...» Да! Клянусь богинями!
Когда сидеть мы будем надушенные,
В коротеньких рубашечках в прошивочку,
С открытой шейкой, грудкой, с челкой выбритой,
Мужчинам распаленным ласк захочется,
А мы им не дадимся, мы воздержимся,
Тут, знаю я, тотчас они помирятся.*

(Перевод — здесь и далее — Адриана Пиотровского)

Первоначально собравшиеся женщины приходят в ужас и впадают в истерику от подобной перспективы:

*Я не согласна!
Дальше пусть идет война!
«...» Другое что придумай!
Приказанье дай —
В костер я рада прыгнуть.
Но не это лишь!
Всего страшнее это, о Лисистрата!*

Но Лисистрату неожиданно поддерживает представительница «вражеской стороны» — прекрасная Лампито: спартанкам война также осточертела, как и афинянкам:

*... Трудно, трудно, друг,
Без мужа ночью на постели женщине.
Но будь что будет!
Мир нам тоже надобен.*

Наконец и до остальных удрученных предстоящими постными ночами доходит, что временное воздержание принесет в будущем безоблачное счастье на постоянной основе. И все собравшиеся женщины под диктовку Лисистраты дают страшную клятву «на крови», перечисляя в мельчайших деталях и интимных подробностях, что и как они обязуются не делать, пока мужчины не прекратят ненавистной войны. Вот главный стержень комедии. Далее разворачивается подлинная буффонада. Женщины захватывают акрополь, где хранится государственная казна, постоянно истрачиваемая на содержание армии, одурачивают представителя городской власти, возбуждают толпы демоса обоих полов и всех возрастов.

Наконец, героини «Лисистраты» изощренно реализуют свой главный замысел — тонко и умело обводят вокруг пальца истекающих истомой возлюбленных. Вся пьеса от начала до конца, как и подобает античной комедии, наполнена безудержным весельем, язвительными остротами, непристойными шутками и жестами, а также ненормативными словечками, ставящими, как правило, в тупик переводчиков в их тщетных попытках втиснуть в рамки приличия исходный авторский текст.

В итоге у Аристофана Любовь побеждает элементарную человеческую глупость, которой при беспристрастном рассмотрении оказывается всякая война. Доведенные до отчаяния и неистовства дружным отпором неприступных женщин — мужчины капитулируют перед их непреклонностью и договариваются о прекращении боевых действий.

Безусловно, в философском плане «Лисистрата» — страстный протест против всякой войны как социального явления, оборачивающегося неисчислимыми бедами для целых народов и для отдельно взятого человека. Но гуманизм Аристофана имеет и более конкретное выражение. «Лисистрата» — вдохновенная песнь Мужчины в честь Женщины. Это — гимн мудрости Женщины и одновременно — ее дьявольской хитрости, которой в конечном счете невозможно не восхищаться. Это — гимн звездной жизнерадостности Женщины и ее неисчерпаемой жизнестойкости. Аристофан лишний раз (и, кстати, одним из первых)

подчеркнул давно известную истину, которую вот уже много веков не устают повторять поэты, драматурги, художники, философы, социологи и прочий ученый и неученый люд:

Мир без женщины — ничто

50. ВЕРГИЛИЙ «ЭНЕИДА»

Самая большая поэма Вергилия имеет совершенно уникальную, ни с чем не сравнимую репутацию и историческую судьбу. И в Древнем Риме и во все последующие века она прочно и, несомненно, относилась к величайшим и великолепнейшим творениям мировой художественной литературы. И в то же время никогда не было недостатка в ожесточенной ее критике, порицаниях, в осмеивании. К «Энеиде» прочно приклеилось определение «искусственное». И тем не менее есть что-то такое в главном произведении Вергилия, что позволяет ему проходить через века, тысячелетия, страны, империи и континенты.

Прежде всего, следует, конечно, подчеркнуть преемственную связь с поэмами Гомера. Энциклопедически образованный римлянин Вергилий хорошо понимал влияние гомеровских стихов на художественную традицию античного мира. Конечно, античная греческая культура — это культура Гомера. Гомеровские сюжеты, образы, легендарная история, переходящая в реальную, — все это наполняло умственный мир образованных греков; но и необразованным, простым грекам были не чужды главные художественные ценности, в основании которых лежат «Илиада» и «Одиссея».

И мысль — создать на римской почве нечто подобное гомеровскому эпосу — конечно же, должна была естественно возникнуть в интеллектуальной литературной среде Вечного Города. «Сверхзадача» «Энеиды» — воспеть Римскую державу, показать божественное происхождение ее виднейших и благороднейших основателей, сравняться по глубине и древности культуры с Элладой. Вполне естественно, что эту труднейшую миссию взял на себя такой поэт, как Вергилий. Судьба обеспечила ему изначально высочайшее положение в высшем обществе Рима. Дружба и покровительство императора Августа благоприятствовали исполнению гигантского замысла. И все-таки поэма не была окончена; замысел оказался непостижимо огромным. Как сказал современник Вергилия поэт Проперций:

«Прочь тут, римские все вы писатели, прочь вы и греки:

Большее нечто растет и «Илиады» самой».

Скажем прямо, до поэм Гомера «Энеиде» «не дотянуться».

Греческий эпос слепого старца вообще, наверное, имеет характер абсолюта, то есть недостигаемого по высоте, как Шекспир в пьесах, Чайковский в музыке. В веках совершенно справедливо отмечалась некоторая «искусственность» «Энеиды», неучастие в ней народного начала — самого живительного источника высших достижений в искусстве. За эту «искусственность» поэма Вергилия набрала рекордное число пародий, переделок, имитаций, насмешек. Некоторые основания для этого имеются. Но одновременно «Энеида» включает в себя огромное эстетическое богатство, и это обеспечило постоянный интерес к ней последующих поколений. Прежде всего язык — виртуозность владения классическим

латинским Вергилия может оценить только глубокий специалист-латинист. Но мир признал эти его заслуги давно и навсегда. Разнообразие жанров — эпос, лирика, ода, риторика, идиллия — выдает в Вергилий высокопрофессионального поэта. Описание ландшафтов, описание битв — всего этого в избытке в «Энеиде». Как эпос римского народа поэма, несомненно, состоялась, несмотря на ее незавершенность.

По этому произведению ученики школ осваивали классический латинский язык; художники, музыканты, писатели черпали бесчисленные сюжеты вплоть до сегодняшнего времени. Слава Вергилия у современников была беспредельной, и кажется, даже мешала Августу. В новую эру Вергилий, как бы за полвека предсказавший пришествие в мир Спасителя, стал самой почитаемой и уважаемой личностью (из язычников) в формирующейся христианской идеологии. Недаром водителем по загробному миру в «Божественной комедии» Данте избрал автора «Энеиды». И какое почтение постоянно выражает Данте своему провожатому.

Кратко очертим сюжет великой поэмы. Первые шесть песен посвящены повествованию об уходе Энея из Трои и его странствования до Италии. Вторые шесть песен рассказывают о войнах Энея в Италии с туземными племенами.

Песнь первая посвящена Юноне, которая преследует Энея, и Венере, которая покровительствует герою в его тяжелом морском путешествии в Карфаген. Эней является перед Дидоной — царицей Карфагена.

Песнь вторая — Эней на пиру у Дидоны, и его повествование о гибели Трои. Здесь большое количество эпизодов, связанных с последним штурмом Трои, уничтожением города и бегством Энея со спутниками из горящего города.

Песнь третья — Эней странствует по островной Греции, но нигде не может найти пристанища.

Песнь четвертая — трагическая любовь Дидоны и Энея, заканчивающаяся отплытием Энея и смертью Дидоны.

Песнь пятая — Эней в Сицилии, он основывает здесь город Сегесту, направляется в Италию.

Песнь шестая — Эней прибывает в Италию, и, чтобы узнать свое будущее, должен спуститься в подземный мир. Вот почему так детально знает Вергилий «топографию» загробного мира», где мучаются грешники и блаженствуют праведники. Отец Энея Анхиз предрекает великое и славное будущее его потомкам в Италии.

Содержание второй части поэмы вкратце выглядит так.

Эней вступил в итальянскую область Лациум, но из-за козней богини Юноны происходит ссора главного героя с жителями этой области. Начинаются войны. Подробно изображаются битвы, в частности, борьба Энея с вождем рутулов Турном. В финале побеждает, конечно же, Эней.

Смерть Вергилия помешала перебросить совсем небольшой мостик от изложенного в «Энеиде» к легендарному началу Рима (братья Ромул и Рем и т. п.).

*«Тот я, который на нежной ладил свирели
Песнь, побудив соседние нивы.
Да селянину они подчиняются жадному.
(Труд земледелам любезный).
А ныне ужасную Марса брань и героя пою,
С побережия Трои кто первый —
Роком ведомый беглец — к берегам Лавинийским причалил.
Долго его по морям и неведомым землям бросала
Воля богов, гнев злопамятный лютой Юноны.
Долго и войны он вел, прежде чем город построил
И в Лаций богов перенес...»*

(Перевод В. Брюсова, С. Ошерова)

**51. ОВИДИЙ
«МЕТАМОРФОЗЫ»**

Пушкин назвал Овидия наставником «в науке страсти нежной». В самом деле, большая часть творческого наследия (которое, по счастью, почти полностью сохранилось) этого крупнейшего римского поэта посвящена теме любви. Здесь и знаменитый лирический дневник «Любовные элегии», и еще более знаменитая «Наука любви» (с примыкающим к ней «Лекарством от любви»). «Наука» пользовалась у современников особым успехом (да и сегодня это наиболее читаемая книга Овидия): как же, это ведь стихотворный свод хитроумных наставлений (настоящий учебник!) — как шаг за шагом обольщать и соблазнять любимую женщину.

Любовная тема красной нитью проходит и через грандиозное творение Овидия «Метаморфозы» в 15 — и книгах. Отличие от других произведений лишь в том, что здесь любовью охвачены не обыкновенные люди, а боги и другие мифологические персонажи. Впрочем, и те и другие предстают перед читателем совершенно, как живые люди. По существу Овидию удалось создать подлинную энциклопедию античной мифологии: многие подробности сюжетов можно найти только здесь. Хотя по первоначальному замыслу поэт намеривался уделить внимание лишь разного рода превращениям — по-гречески метаморфозам (отсюда и название книги).

Превращениям подвержено все; у Овидия данное слово — попросту синоним понятий «творение» и «развитие»: Хаос превращается в Космос, глина в руках Прометея — в человека, боги — в различные существа (главным образом с целью удовлетворения своей любовной похоти), напротив, жертвы их преследования — в неодушевленные объекты (Дафна — в лавр, Сиринга — в тростник и т. д.).

С мастерством, доступным только великому мыслителю, рисует Овидий картины возникновения и становления Мироздания из первоначального Хаоса:

*Не было моря, земли и над всем распростертого неба, —
Лик был природы един на всей широте мирозданья, —
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,*

*Бременем косным он был, — и только, — где собраны были
Связанных слабо вещей семена разнотравные вкупе. «...»
Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.
Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким...*

(Перевод — здесь и далее — С. Шервинского)

И вот Творец («бог некий — какой неизвестно») превращает
первозданный Хаос в гармонию природы — со звездным небом, землей и
покрывающими ее морями. Затем Прометей создает первых людей,
наделив их разумом и жаждой познания:

*«... Высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, поднимая к созвездиям очи».*

На земле восцаряет золотой век — недостижимый образец для всех
последующих несовершенных общественных устроений. Да, было,
оказывается, на земле время, когда люди жили в полном счастье и
изобилии, не зная раздоров и войн:

*Первым век золотой родился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решенья судьи, — в безопасности жили без судей. «...»
— Не окружали еще отвесные рвы укреплений; «...»
Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
Сладко вкушали покой безопасно живущие люди. «...»
... Урожай без распашки земля приносила;
Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба...*

Социальная гармония продолжалась долго, но не вечно. На смену
безмятежному золотому веку пришли попеременно века — серебряный,
медный и железный. Общество деградировало, вступило в полосу
нескончаемых войн и беспрестанной борьбы за выживание. В конце концов,
боги решили покарать человечество за нечестивость и обрушили на землю
воды потопа. Погибли все, кроме двух праведников — сына Прометея
Девкалиона и его двоюродной сестры и жены Пирры. Приходилось
начинать все сначала. Последующие поколения людей возникли из камней:
те, которые бросал через плечо Девкалион, стали мужчинами; те, же, что
бросала Пирра, превратились в женщин. Но золотой век уже не вернулся.
Человечество сделалось таким, каким оно остается и по сей день —
злым и эгоистичным.

По коварству и изощренной жестокости боги не отставали от людей.
На данную тему Овидий воссоздает множество картин, ставших
хрестоматийными. Самая впечатляющая — история Ниобы и ее

погубленных детей. Фиванская царица Ниоба имела многочисленное потомство (по одной версии — 12, по другой — 14, по третьей — 20 сыновей и дочерей) и как-то посмеялась над титанидой Латоной (греческая Лето), которая подарила Юпитеру только двоих детей — близнецов Аполлона и Артемиду. Оскорбленная Латона потребовала возмездия, и Аполлон с Артемидой безжалостно перестреляли из лука всех детей Ниобы. Обезумевшая от горя мать превратилась в камень, источающий слезы. Этот классический сюжет в гениальной переработке Овидия достиг высшей степени трагедийности.

Вот лишь несколько строк из обширного текста, где Ниоба молит Артемиду сжалиться над ней и сохранить жизнь хотя бы одной, последней, самой младшей дочери:

*... Лишь оставалась одна: и мать, ее всем своим телом,
Всею одеждой прикрыв: — «Одну лишь оставь мне меньшую!
Только меньшую из всех я прошу! — восклицает. — Одну лишь!»
Молит она: а уж та, о ком она молит, — погибла...
Сирой сидит, между тел сыновей, дочерей и супруга,
Оцепенев от бед. Волос не шевелит ей ветер,
Нет ни кровинки в щеках; на лице ее скорбном недвижно
Очи стоят; ничего не осталось в Ниобе живого.*

«Метаморфозы» перенасыщены мифологическими образами, сюжетами и коллизиями. Овидий доводит свое беспримерное поэтическое повествование до величия Рима и триумфа Юлия Цезаря. Но заключительный аккорд связан не с богами и героями, а с самим автором. Продолжая традицию, начатую его великим современником Горацием, Овидий заключает свою поэму гимном в честь самого себя. Это тема «Памятника», вдохновившая впоследствии Державина и Пушкина. У Овидия она звучит так:

*Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость. «...»
Лучшею частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя.
Всюду меня на земле, где б власть не раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки, во славе —
Если только певцов предчувствиям верить — пребуду.*

24. «КАЛЕВАЛА»

«Калевала» — литературное сокровище не только финно-угорской духовной культуры, но и всего человечества. В финских и карельских рунах запечатлены такие архаичные пласты человеческого самосознания, которые распространяются на предысторию большинства народов Евразии. И дальше. Здесь сохранились не подвластные времени и беспamięтству сюжеты, относящиеся к борьбе патриархата и матриархата, золотого и железного веков, различных тотемных кланов, не говоря уже о древнейшей космогонии «Калевала» — как она знакома современному читателю — бережно обработанный и скомпонованный в целостную книгу фольклорный

материал, собранный в начале XIX века Элиасом Ленротом среди карелов, ижорцев и финнов, проживавших тогда на территории Российской империи (главным образом в Архангельской губернии, где финские и карельские поселенцы также бережно хранили древние руны, как русское население — былины). Тем не менее, несмотря на сравнительно недавнюю запись (что, впрочем, относится к фольклорным текстам большинства народов Земли), «Калевала» — одно из древнейших стихотворных произведений человечества.

Точная датировка большинства ее сюжетов вообще затруднительна. С одной стороны, книга изобилует архаичными родоплеменными реминисценциями. С другой стороны, многие эпизоды заведомо позднего происхождения. Иначе, печатный текст «Калевалы» — сплав древности и современности (если под последней подразумевать всю эпоху после принятия христианства). Однако, не считая незначительных христианских реалий типа нательных крестиков и заключительного крещения ребенка — будущего властителя Карелии (вставной фрагмент явно позднего и конъюнктурного происхождения), «Калевала» — всецело языческая книга — буйная, непредсказуемая и многоцветная, с множеством древних Божеств, постепенно превратившихся в народном представлении в обычных людей, наделенных, тем не менее, волшебными способностями.

Неповторим и незабываем образный и поэтический язык «Калевалы». Он настолько сладкозвучен, что даже в русском переводе воспринимается как верх совершенства.

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу, —
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы
На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,
Раскрывают мои зубы.*

(Перевод — здесь и далее Л. Бельского)

Переводится название эпической поэмы как «Сыны Калевы» (Калева — родоначальник карело-финских племен). Многие главные герои «Калевалы» из числа первопредков. Таков северный Орфей — Вяйнемеинен (сокращенно — Вяйно) — Мудрый старец, сказитель и песнопевец-музыкант, шаман и волшебник. Он несет в себе отпечаток архаичного Божества-демиурга и живого человека, подверженного сомнениям и страстям (в частности, Вяйно часто и обильно плачет). Точнее, образ Вяйнемеинена, как он дожил до наших дней, соединил в себе представления о первопредке и первотворце. Черты последнего особенно заметны в начальных космогонических главах.

Вяйнемеинен — сын Небесной Богини — Ильматар, дочери воздушного (и безвоздушного, то есть космического) пространства. Забеременела она одновременно от буйного Ветра (он «надул» плод) и

синего Моря, давшего «полноту» (следовательно, обоих можно считать отцами Вяйно). Роды так и не наступали, пока Ильматар не превратилась в Мать воды — первозданную водную стихию и не выставила над бескрайним первичным Океаном пышущее жаром колено. На него-то и опустилась космотворящая птица — Утка (у других северных народов это могла быть гагара, у древних египтян — дикий гусь, у славяно-русов — гоголь-селезень, но мифологическая первооснова у всех одна). Из семи яиц, снесенных Уткой (шесть золотых и одно железное), и родилась Вселенная, весь видимый и невидимый мир:

*Из яйца, из нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;
Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Тучи в воздухе явились...*

В этом изумительном фрагменте зачатки многих космологии и мифологем других культур, связанных с представлениями о Космическом яйце, что свидетельствует о былой социокультурной и этнолингвистической общности всех народов Земли. Данный факт явственно обнаруживается и в мотиве расчлененного человеческого тела, части которого становятся стихиями, объектами Вселенной. В индоарийской традиции классическим образом такого типа выступает вселенский великан Пуруша: из его частей создается весь видимый и невидимый мир. Но аналогичные представления имеются во множестве других древних культурах и мифологиях — как индоевропейских, так и неиндоевропейских (например, в китайской).

Точно так же и в «Калевале» содержатся реминисценции архаичных и общих некогда для всех народов Евразии представлений о расчлененном теле (данный почти что навязчивый образ связан, по-видимому, с тем, что на заре мировой истории повсюду были распространены человеческие жертвоприношения, имевшие магический смысл). Так, в эпизоде о неудачном сватовстве Вяйнемейнена (напомним, он в прошлом — космический демиург) девушка-лопарка предпочитает утопиться, но не выходить замуж за старика. При этом ее тело превращается в части живой и неживой природы, о чем она сама сообщает белому свету. На много кусков разрубается и тело убитого Лемминкяйнена; их потом с огромным трудом собирает его мать и с помощью заклинаний оживляет сына. (По существу, здесь тот же сюжет, что и в древнеегипетском мифе об убийстве и расчленении тела Осириса, которого потом по кускам собирала и оживляла Исида).

Черты первобытной мифологической архаики несет на себе и образ другого героя «Калевалы» — кузнеца Ильмаринена. «Вековечный кователь», как именует его «Калевала», из рода волшебных космических кузнецов, известных многим народам. Когда-то в незапамятные времена он выковал небесный свод (а по ходу развития событий эпоса ему пришлось выковывать — правда, неудачно — еще и Луну с Солнцем, когда настоящие оказались украденными и спрятанными злыми силами). Но в большинстве рун кузнец озабочен чисто житейскими проблемами — поисками невест, сватовством и женитьбой. Впрочем, и здесь Ильмаринен постоянно демонстрирует свои чудесные способности. Так, после потери первой жены он тотчас же выковал себе другую — из золота и серебра, но она частично парализовала (заморозила) тело могучего кузнеца. Ранее он же — Ильмаринен — выковал в уплату за невесту волшебную мельницу Сампо — символ золотого века, беспрестанного благополучия и процветания.

Борьба за обладание Сампо — главный стержень «Калевалы». Вначале владельницей чудесной мельницы, позволяющей людям жить в достатке, не беспокоясь о завтрашнем дне, становится Лоухи — хозяйка далекой северной страны Похьелы (другое название — Сариола), финно-угорского коррелята античной Гипербореи, где, по преданиям, как раз и царил золотой век. Лоухи — носительница многих матриархальных черт. А борьба за Сампо отражает в поэтической форме непримиримое противоборство как между золотым и последующими веками (в особенности — медным и железным), так и между отступающим матриархатом (когда доминировали женщины) и наступающим патриархатом (когда стали править мужчины). Сыны Калева пытаются вернуть Сампо и поначалу им это удастся. Но на обратном пути их настигает воинство Похьелы (причем здесь описываются удивительные летательные способности северных народов). Посреди Ледовитого океана разворачивается грандиозное морское сражение с участием летательного аппарата. В конечном итоге Лоухи перехватывает Сампо, но не удерживает и роняет ее в морскую пучину. Волшебная мельница оказывается навсегда утерянной.

В «Калевале» бушуют страсти под стать классическим трагедиям. Чего стоит только одна сюжетная линия, связанная с одной из самых трагических фигур поэмы — юноши Куллерво (полное имя — Куллервойнен). Он стал прямым виновником смерти первой жены Ильмаринена: изощренно отомстил ей за нанесенное оскорбление. Но и сам понес заслуженную и еще более страшную кару. Случайно он соблазнил и обесчестил собственную сестру. Когда-то — еще маленькой девочкой — она заблудилась в лесу и считалась погибшей. Куллерво встретил ее уже взрослой девушкой. Когда же им после содеянного греха открылась горькая правда, сестра, не вынеся позора, утопилась, а сам Куллерво после долгих мук совести бросился на острие меча.

Неисповедимы пути мировой поэзии. Мелодичные струны «Калевалы» оказались созвучными эпосу другого континента. Спустя много веков его литературно обработал Генри Лонгфелло во всемирно известной «Песни о Гайавате», где предания североамериканских индейцев переданы в той же ритмике, что и карело-финский эпос. По-русски «Гайавата» зазвучала в переводе Ивана Бунина. Перевод оказался настолько

совершенным, что за него была присуждена Нобелевская премия (вдуматься только: русскому поэту — за перевод с английского языка — индийского эпоса — в строфике «Калевалы»). Волшебные струны северного Орфея — Вяйнемейнена — легко и свободно звучат в русских стихах. Недаром чарующие звуки кантеле финского Бояна не только завораживали птиц, рыб и зверей, но заставляли даже останавливаться Луну и Солнце и спуститься пониже, дабы послушать бессмертные руны «Калевалы».

53. ДАНТЕ «БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ»

Если бы Данте жил в наше время, он непременно населил бы свой «Ад» множеством современных политиков. И поделом — они вполне того заслуживают. Семь веков назад во всех уголках мира кипели точно такие же политические страсти, как и сегодня. Только носителями их были люди, имена которых абсолютно ничего не говорят современному человеку. Некоторые сохранились — исключительно благодаря бессмертной поэме Данте — им нашлось местечко в аду. (Так будет и с теми, кто нынче играет судьбами миллионов: вряд ли помянут их добрым словом уже через одно поколение; черные же дела, ими содеянные, сохранятся в памяти людской, если найдется еще один новый Данте, который удостоит их в очередной раз своего священного гнева).

Канули в Лету и имена тех, кто дважды — в молодости и старости — приговаривал поэта к смертной казни — «сожжению огнем, пока не умрет». Но навсегда останутся в памяти те, кого он обессмертил в «Божественной комедии». И — город, который он так беззаветно любил и одновременно страстно ненавидел. Да и как мог он не любить Флоренции, где повстречал Беатриче (Биче, как ее звали окружающие) — сначала совсем юную девушку, затем жену — увы — совсем другого человека. Она рано ушла из жизни, но навеки осталась в сердце поэта, положив в мировой литературе начало яркой, как звезда, плеяде Бессмертных возлюбленных. И всех-то тех флорентийских встреч было четыре. По крайней мере, столько описал Данте в своей великой исповеди «Vita nova» («Новая жизнь»), где лирическая проза чередуется с гениальными сонетами:

*Вечор верхом влачась одной тропой
И тягостью пути томясь в тревоге,
Я повстречал Любовь на полдороге,
И странника на ней был плащ простой...*

(Перевод Абрама Эфроса)

Каждая встреча для поэта — как рождение нового мира. Легкий кивок головы в мозгу, опьяненном любовью, обращался в символ вселенского звучания:

«... Проходя по улице, она обратила очи в ту сторону, где я стоял, весьма оробев; и, по неизреченной учтивости своей, которая ныне вознаграждена в вечной жизни, она поклонилась мне столь благостно, что мне показалось тогда, будто вижу я предел блаженства. Час, в который сладчайший ее поклон достался мне, был в точности девятым часом того дня; и так как в первый раз тогда излетели ее слова, дабы достичь моего

слуха, то я испытал такую сладость, что словно опьяненный покинул людей и уединился в своей комнате и стал размышлять об Учтивейшей».

Такой иконописно одухотворенной и бесплотно недоступной ступила Беатриче уже после собственной смерти из воспламененного сердца поэта в воздвигнутый им во славу своей Любви поэтический храм, над входом которого начертано — «Божественная комедия». В нем три равновеликих придела, три поэтических шедевра — «Ад», «Чистилище» и «Рай», связанные между собой смысловым единством, сквозной идеей, общими персонажами. Реально Беатриче появляется лишь в последней части, где становится райским гидом, провожатой Данте по божественным сферам. Любимица небожителей, она давно поселена в раю, став его неотъемлемой частицей. В аду и чистилище ей, естественно, делать совершенно нечего. Там она незримо присутствует, как путеводная звезда, направляя тяжелый путь поэта из кругов ада в райские кущи.

Пером Данте двигала не одна великая Любовь, но еще и великая Ненависть — кровоточащая и никогда не заживающая рана от смертельного оскорбления, нанесенного согражданами-флорентийцами, которые обрекли его на вечное изгнание. Сначала они избрали его одним из приоров (по-нашему, членом всеильного правительства), доверили важнейшую дипломатическую миссию в надежде остановить кровопролитную войну между гвельфами (сторонниками римского папы) и гибеллинами (сторонниками императора Священной римской империи). Затем они же обвинили поэта-политика в измене, присвоении казенных денег, других смертных грехах и жаждали увидеть его сгорающим на костре посреди городской площади.

Поэтому Данте с не меньшей (если — не большей) страстностью, чем воображаемая любовь Беатриче, отдался чувству справедливой ненависти к тем, кто вверг его страну, его город, его самого в нескончаемую череду бед и несчастий. По подсчетам дотошных комментаторов, в «Аде» из 79 конкретных исторических лиц — 32 флорентийца. Соединенная с любовью ненависть образовала взрывную смесь непредсказуемой силы, вооружив поэта невероятной творческой, которую он незамедлительно материализовал в чеканных терцинах своего «Ада». [Терцина — трехстрочная строфа: в ней две рифмы, третья — посередине, которая определяет две рифмы следующей строфы.] Потому-то, видимо, именно 1-я часть «Божественной комедии» оказалась наиболее впечатляющей, оставляющей неизгладимое впечатление на читателе любой эпохи.

Пересказывать Дантов «Ад» (как, впрочем, и остальные две части «Божественной комедии») можно до бесконечности. Не существует никаких ограничений и на комментарии: думается, нет такой строчки, которая не была бы многократно прокомментирована. Каждая глава, каждая терцина, каждый образ величайшей книги человечества наполнены бездонного смысла и утонченной, символики. Вот знаменитое вступление к поэме, где Данте в закодированной форме говорит о предшествующей жизни:

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,*

*Утратив правый путь среди долины
«...» Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.*

(Перевод — здесь и далее — Михаила Лозинского)

Символ «сумрачного леса» многозначен: он — и горькая жизнь самого поэта, и раздираемая раздорами жизнь его родины, и жизнь вообще, — как дар и наказание Бога, — наполненная всеобщим безумием и вместе с тем — Верой, Надеждой, Любовью. Из чащи навстречу заблудшему Данте выходят три зверя, опять-таки несущих многозначную смысловую нагрузку: рысь — ложь, предательство и сладострастие, лев — гордость, насилие и тирания, волчица — жадность, стяжательство и себялюбие. Все три олицетворяют злые силы, стоящие на пути человеческого рода и препятствующие его самосовершенствованию (в образе волчицы выступает еще и римско-католическая церковь — одна из виновниц и нескончаемых бед Италии, и несчастий самого поэта).

Когда надежды выбраться из непроходимого леса окончательно утрачены, появляется светлый образ — величайший античный поэт Вергилий, олицетворяющий могущество и мудрость древней империи. Он указывает Данте путь к спасению: Бессмертная Возлюбленная — Беатриче, которая ждет его в раю, она-то и выведет поэта на лучезарную дорогу света. Но чтобы добраться туда, необходимо пройти многотрудное испытание, преодолев жестокие круги ада и крутые ступени чистилища. Проводником вызывается стать сам Вергилий, он берется довести воспрянувшего духом Данте до того рубежа, который язычникам переходить запрещено.

Через зловещие врата ада, на которых начертано: «Оставь надежду всяк сюда входящий», поэты начинают свое нисхождение в преисподнюю. Впереди — девять кругов, а на некоторых еще — пояса или рвы. Здесь страдают осужденные на вечные муки души грешников. Весь перечень удручающих человеческих пороков (и для каждого уготована самая изощренная пытка) нескончаемой чередой проходят перед глазами двух путников. Носителями отвратительных человеческих качеств в каждом отдельном случае выступают конкретные люди, как правило, современники или соотечественники Данте (но не только они). Многие эпизоды вошли в золотой фонд мировой культуры.

Достаточно назвать историю Франчески да Римини и ее возлюбленного Паоло (он был родным братом ее законного мужа). Ревнивый муж застал любовников, склоненных над книгой во время поцелуя, и безжалостно зарезал обоих. Потому-то их души, которые за прелюбодеяние попали в ад, в круг сладострастников, остаются навеки неразлучными и слитыми в поцелуе. О своей трепетной любви и ужасной смерти Франческа поведала сама (ее рассказ — одна из вершин лирической поэзии):

*Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,*

*Встречаются с попутными реками.
Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравненным,
Погубленным так страшно в час конца.
Любовь любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.
Любовь вдвоем на гибель нас вела...*

История любви Паоло и Франчески оказала неотразимое влияние на мировую духовную культуру и по своему воздействию сравнима разве что с историей любви Ромео и Джульетты. В разные времена на эту тему были созданы десятки полотен, П. И. Чайковским написана замечательная симфоническая поэма «Франческа да Римини», а С. В. Рахманиновым — одноименная опера. Действительно, то, как это изобразил Данте, способно заставить биться даже каменное сердце. Ибо более остальных история трагической любви поразила самого автора:

*Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.*

Путь через ад и чистилище в рай символизирует очищение главного героя и искупление всего человечества. В раю прошедшего все испытания ожидает вечное блаженство.

Титан эпохи, поименованной впоследствии Возрождением, Данте, как и все энциклопедисты того времени, — не только великий поэт, но и великий мыслитель. Даже в «Божественной комедии» он сумел отобразить все известные и наиболее значительные философские и богословские учения — от Аристотеля до Фомы Аквинского. Ему принадлежит самое вдохновенное поэтическое прославление Птолемеевой системы мира, данное в «Рае». Здесь же содержатся гениальные догадки чисто научного порядка. Считается, что Данте был первым, кто на интуитивном уровне поставил вопрос об неевклидовых геометриях. Если попытаться переложить структуру Дантового Мироздания на язык математики, то результат как раз и получится неевклидовым. Великий флорентинец был также первым, кто описал космический полет со световой скоростью, когда он воспаряет вместе с Беатриче ввысь на солнечных лучах:

*Я видел — солнцем загорались дали
Так мощно, что не ливень, не поток
Таких озер вовек не расстилали.
Звук был так нов, и свет был так широк,
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жег.*

Совокупное мировоззрение человечества было бы намного беднее, если бы семь веков назад в мир не явился Данте и не одарил бы его своим

величайшим творением.

54. ПЕТРАРКА «КАНЦОНЬЕРЕ»

Его имя стало почти синонимом Поэзии. А имя той, которую он воспел более чем в 350 стихах (среди них 317 сонетов) «на жизнь и смерть Мадонны Лауры», сделалось олицетворением возвышенной и всепоглощающей Любви. Хотя достоверно известно всего лишь об одной их встрече и то издали. Это случилось во время утренней мессы в Страстную пятницу 6 апреля 1327 года в Авиньоне, где Петрарка оказался вместе с родителями после бегства из Италии. 23-летний поэт был погружен в молитву, когда вдруг поймал на себе взгляд проходившей мимо белокурой красавицы. Два взора слились в один, и с этого момента начался новый виток в развитии мировой культуры.

Среди реликвий поэта, доживших до наших дней, есть семейный, доставшийся ему по наследству кодекс (рукописная книга с пергаментными листами, содержащая сочинения Вергилия, комментарии к ним и разного рода записи). На обороте первой страницы, собственноручно приклеенной Петраркой к обложке, имеется сокровенный автограф поэта — один из беспримерных документов человеческой души, где певец Лауры (видимо, на склоне дней) описал историю своей любви. Вот этот краткий, но бездонный по глубине продуманного, документ:

Лаура, известная своими добродетелями и долго прославляемая моими песнями, впервые предстала моим глазам на заре моей юности, в лето Господне 1327, утром 6 апреля, в соборе святой Клары, в Авиньоне. И в том же городе, также в апреле и также шестого дня того же месяца, в те же утренние часы в году 1348 покинул мир этот луч света, когда я случайно был в Вероне, увы! о судьбе своей не ведая. Горестная весть через письмо моего Людовико настигла меня в Парме того же года утром 19 мая. Это непорочное и прекрасное тело было погребено в монастыре францисканцев в тот же день вечером. Душа ее, как о Сципионе Африканском говорит Сенека, возвратилась, в чем я уверен, на небо, откуда она и пришла. В память о скорбном событии, с каким-то горьким предчувствием, что не должно быть уже ничего, радующего меня в этой жизни, и что, после того как порваны эти крепчайшие сети, пора бежать из Вавилона, пишу об этом именно в том месте, которое часто стоит у меня перед глазами. И когда я взгляну на эти слова и вспомню быстро мчащиеся годы, мне будет легче, с Божьей помощью, смелой и мужественной думою, покончить с тщетными заботами минувшего, с призрачными надеждами и с их неожиданным исходом.

Для Петрарки тот первый священный миг сделался — мало сказать, подобным удару молнии в сердце. Он стал для него актом, равным сотворению Вселенной. Отныне течение собственной жизни и судеб всего мира повели отсчет от малозначительного на первый взгляд события — пересечения взглядов двух молодых людей. Гениальный поэт в гениальных стихах сумел так выразить свое личное чувство, что оно и по сей день «лучами огня» зажигает души людей, даже не знающих итальянского языка. Петрарка во все времена был понятен, как собственное Я, каждому, кто испытал великое чувство влечения к прекрасной женщине. А любовь, как известно, мало кого обходит стороной! Она — вселенская страсть,

наполняющая жизнь смыслом, всепронизывающий космический Эрос, немеркнущее солнце, которое согревает кровь и душу:

*Когда, как солнца луч, внезапно озаряет
Любовь ее лица спокойные черты,
Вся красота других, бледнея, исчезает
В сиянье радостном небесной красоты.*

(Сонет XIII. Перевод Ивана Бунина)

Уже Данте космизировал «любовь, что движет солнце и светила». Но мы воспринимаем эпические полотна «Божественной комедии» как бы со стороны — наподобие картин Боттичелли или Рафаэля. Петрарка же пропустил космический поток любви через собственное сердце и собственные стихи — да так, что его страсть и спустя шесть веков передается читателям. Наиболее совершенные и вдохновенные сонеты «Книги песен» («Канцоньере») воспринимаются так, будто описанное в них происходило не в эпоху раннего Возрождения, а сегодня, с тобой и на самом деле:

*Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!*

(Сонет LXI. Перевод Вячеслава Иванова)

К моменту роковой встречи Лаура уже второй год была замужем. В последующие двадцать с лишним лет безмятежной супружеской жизни она, как выявили петрарковеды, родила своему мужу одиннадцать детей. Это не помешало влюбленному в нее поэту 21 год воспевать свой «гений чистой красоты», как Непорочную Деву, все сильнее и сильнее воспламеняясь от неразделенной страсти и изливая свои чувства в стихах — одним прекраснее другого. Знала ли об этом сама Бессмертная возлюбленная? Читала ли хотя бы один сонет из тех, которые впоследствии на протяжении шести с половиной веков будут наизусть заучивать тысячи влюбленных, черпая восторг и вдохновение из неиссякаемого поэтического источника? Не могла не знать! Не могла не читать! Законы любви, диктуемые природой, не терпят умолчания. И если уж в свидетели и соучастники приглашается весь мир, то как же половодье чувств может обойти самый, объект, который их породил и на который они направлены?

Как Данте проводит читателя по кругам ада и сферам рая, так и Петрарка увлекает всех пленников и служителей любви в самые сокровенные тайники собственной души, превращая их в частички своего Я, своих тревог, своих сомнений:

*Коль не любовь сей жар, какой недуг
Меня знобит? Коль он — любовь, то что же Любовь?
Добро ль?... Но эти муки, Боже!..
Так злой огонь?... А сладость этих мук!..*

*На что ропщу, коль сам вступил в сей круг?
Коль им пленен, напрасны стоны. То же,
Что в жизни смерть, — любовь.
На боль похоже Блаженство.
«Страсть», «страданье» — тот же звук.*

(Сонет СXXXIII. Перевод Вячеслава Иванова)

В искренности своей, открытости и понятности для всех и каждого, наконец, по исповедальности своей Петрарка достигает высот и глубин величайших человеческих документов, получивших одно и то же название «Исповедь» — Августина Блаженного, Жан-Жака Руссо и Льва Толстого:

*Я зряч — без глаз; без языка — кричу.
Зову конец — и вновь молю: «Пощада!»
Клянусь себя — и все же дни влачу.
Мой плач — мой смех. Ни жизни мне не надо,
Ни гибели. Я мук своих — хочу...
И вот за пыл сердечный мой награда!*

(Сонет СXXXIV. Перевод Вячеслава Иванова)

Тончайший лиризм поэта органично перерос в глубокий философский гуманизм, суть которого можно выразить в краткой формуле: человек в неисчерпаемом богатстве своих чувств и исканий, наделенный воистину божественным даром любви, — есть средоточие всех токов Вселенной и ее предустановлений, в нем как Микрокосме отображается и проявляется многообразный и многоликий Макрокосм. Вместе с Данте Петрарка по праву считается родоначальником европейского Возрождения и провозвестником нового гуманистического отношения к действительности.

В 1348 году по Европе прокатилась страшнейшая эпидемия чумы (описанная Боккаччо в «Декамероне» и ставшая, собственно, поводом для создания этого произведения). Среди миллионов жертв оказалась и Бессмертная возлюбленная, которую Петрарка потом оплакивал еще десять лет, написав отдельный цикл «На смерть Мадонны Лауры». И вновь жизненный катаклизм — на сей раз скорбный, но все также равный вселенскому светопреставлению.

*Погас мой свет, и тьмою дух объят —
Так, солнце скрыв, луна вершит затмение,
И в горьком, роковом оцепененье
Я в смерть уйти от этой смерти рад*

(Сонет СССXXVII Перевод Вильгельма Левика)

Объединенный вместе с ранее созданными стихами посмертный цикл и составил великую книгу, названную «Канцоньере». Поэт совершенствовал ее, шлифовал, дополнял до конца дней своих (всего известно семь прижизненных редакций). Этот сборник и составил славу Петрарки, хотя тот считал главным делом своей жизни совсем иные книги. Он был уверен, например, что написанная на латыни эпическая поэма

«Африка», посвященная победе Рима над Карфагеном, прославит его в веках, как «Илиада» Гомера. Но ее мало кто знает, и она не заставит трепетать нежные струны души. Зато, если хотят определить высшую степень совершенства какого угодно стихотворения, по сей день говорят «Прекрасно, как сонет Петрарки».

55. ШЕКСПИР «КОРОЛЬ ЛИР»

Можно, совершенно не колеблясь, назвать сразу несколько одинаково гениальных трагедий Шекспира «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир». Трагедии возрастов выстроились в них как бы по восходящей линии — от юности к старости. И все же последнее творение гениального английского драматурга представляется в названном ряду некоей вершиной, если не самой высокой, то уж точно — самой одинокой, как скала посреди бушующего океана и олицетворяющей главного героя.

Сначала, как водится, на столичной сцене была поставлена сама пьеса. И лишь спустя некоторое время появилось ее книжное издание с обстоятельным, как и полагалось в те времена, названием: «Г-н Ульям Шекспир: его правдивая хроника об истории жизни и смерти короля Лира и его трех дочерей, с несчастной жизнью Эдгара, сына и наследника графа Глостера, принявшего мрачный облик Тома из Бедлама, как это игралось перед его королевским величеством в ночь на св. Стефана во время рождественских праздников слугами его величества, обычно выступающими в «Глобусе» на Бенксайде в Лондоне».

В который раз внимание читающей публики и зрителей было привлечено к трагической судьбе несчастного короля старой Британии, отвергнутого и брошенного на произвол судьбы собственными дочерьми. История эта была известна и по средневековым хроникам, и по нескольким дошекспировским переложениям. Но лишь под пером гения в традиционном сюжете были затронуты такие глубины человеческого сердца и одновременно такие темные стороны людских характеров, что они вот уже почти четыре века заставляют содрогаться и трепетать каждого, кто смотрит или читает это откровение человеческого духа.

Проблема «отцов и детей» проходит через всю мировую литературу. В трагедии Шекспира она обнажилась своими самыми отвратительными чертами. Две старшие дочери короля, поделившего между ними свое царство, лишают восьмидесятилетнего старика приюта и крова и, в конце концов, доводят его до сумасшествия и смерти. На втором плане и параллельно основной линии сюжета разворачивается душераздирающая драма, так сказать, с обратным знаком: граф Глостер выгоняет оклеветанного сына и чуть не убивает его, но, ослепленный врагами, сам оказывается на грани гибели. Насильственная смерть настигает и всех трех дочерей короля Лира: одна отравлена, другая зарезана, а третья — младшая Корделия, явившаяся из Франции с войском, чтобы спасти отца, — удушена соотечественниками.

Конечно, сам король Лир — тот еще сумасброд: и потому как легко и бездумно отказывается от власти и царства, и потому как лишил наследства и любви младшую дочь только за то, что она не нашла лестных слов для выражения своей любви к отцу, и потому как изгнал благородного графа Кента. Но, безусловно, читательские и зрительские симпатии всегда

оставались на стороне этого седовласого чудака, наивного, как дитя. Именно в его уста Шекспир вкладывает самые возвышенные свои стихи:

Лир:

*О Боги, вот я здесь!
Я стар и беден,
Согбен годами, горем и нуждой.
Пусть даже, Боги, вашим попусщеньем
Восстали дочери против отца, —
Не смейтесь больше надо мной. Вдохните
В меня высокий гнев. Я не хочу,
Чтоб средства женской обороны — слезы —
Пятнали мне мужские щеки! Нет!
Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы,
Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто
Ужаснее всего, что видел свет.
Вам кажется я плачу? Я не плачу.
Я вправе плакать, но на сто частей
Порвется сердце прежде, чем посмею
Я плакать. — Шут мой, я схожу с ума!*

(Перевод — здесь и далее — Бориса Пастернака)

Накал человеческих страстей усиливается в трагедии возмущением природной стихии. Одним из самых знаменитых эпизодов не только в шекспировских пьесах, но и во всей мировой драматургии является сцена в голой степи среди разыгравшейся бури, блеска молний и ударов грома:

Лир:

*Дуй ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Лей дождь, как из ведра, и затопи
Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Деревья расщепляющие, жгите
Мою седую голову! Ты, гром,
В лепешку сплусни выпуклость Вселенной
И в прах развей прообразы вещей
И семена людей неблагодарных! «...»
Вой, вихрь, вовсю! Жги, молния! Лей, ливень!
Вихрь, гром и ливень, вы не дочери мне,
Я вас не упрекаю в бессердечье
Я царств вам не дарил, не звал детьми,
Ничем не обязал. Так да свершится
Вся ваша злая воля надо мной
Я ваша жертва — бедный, старый, слабый...*

Действие достигает кульминации, когда король Лир окончательно сходит с ума. Но и в сумасшедшем бреде он продолжает изрекать высокие истины и максимы, посрамляя беспомощность или беспринципность

окружающих его людей:

Лир:

*Король, и до конца ногтей — король!
Взгляну в упор, и подданный трепещет.
Дарую жизнь тебе. — Что ты свершил?
Прелюбодейство? Это не проступок,
За это не казнят. Ты не умрешь.
Повинны в том же мошки и пичужки. «...»
Рожайте сыновей. Нужны солдаты —
Вот дама. Взглянешь — добродетель, лед,
Сказать двусмысленности не позволит.
И так все женщины наперечет
Наполовину — как бы божьи твари,
Наполовину же — потомки ада,
Кентавры, серный пламень преисподней,
Ожоги, немощь, пагуба, конец!*

Безумие короля — следствие моральной деградации окружавших его людей. Смерть короля — закономерный итог разыгравшейся вокруг него кровавой вакханалии. Трагедия в целом — нравственный урок прошлому, настоящему и будущему. Древние учили: чем трагичнее действие на сцене или в тексте литературного произведения, тем сильнее просветляет и возвышает оно человеческую душу. Аристотель назвал такой феномен — катарсис (очищение).

56. КАМОЭНС «ЛУЗИАДЫ»

Страна на крайнем западе Европы породила в XVI веке поэта, который один стоит целой литературы. Португальская словесность — это Луис де Камознс. Величие этого политического гения в полной мере может оценить только нация, которая сама создала величайшую литературу мира. Лучшую аттестацию дал португальцу, конечно же, наш Александр Сергеевич, поставив его наравне с Данте, Петраркой, Шекспиром.

*Суровый Дант не презирал сонета
В нем жар любви Петрарка воспевал
Его игру любил творец Макбета
Им скорбну мысль Камознс облакал.*

Трудно решить, что выше — одна поэма в десяти песнях или 356 сонетов. Поэма — целиком — золотой слиток, а сонет — каждый сам по себе — сверкающий алмаз. Поэма «Лузиады» состоит из десяти песен, содержащих 1102 восьмистрочных строфы, всего 8816 строк. Лузиады — это португальцы, потомки легендарного Луза. Воспевание героической португальской нации, ее героев, истории, природы — вот главная тема поэмы. В начале описывается экспедиция Васко да Гамы и первые контакты португальцев с Индией.

В первых песнях воспевается история Португалии в форме вдохновенных пророчеств. Из эпизодов, наиболее оживляющих

восторженный стиль, всегда отмечают рассказ о гибели Инес де Кастро (в третьей песне) и появление великана Адамастра — олицетворения мыса Бурь.

Конечно, поэма Камозэнса перенасыщена мифологическими образами, причем смешивается античная и христианская мифология. Но на языке оригинала красота ритмов и рифм, благозвучие прекрасных имен доставляет читателям необычайное удовольствие. Пересказывать сюжет поэмы сложно — много повторов, отступлений от стержневой мысли. Но все это искупается искренностью патриотического чувства, свободным владением всем богатством языка.

Известный современный писатель Жозе Кардозу Пирей сказал о «Лузиадах»: «Этот шедевр мировой поэзии был ни только эпопеей конкистадоров, вместе с поэмой возник и сам язык португальцев, творчески закрепленный в своих границах и индивидуализированный в соответствии со взглядами гуманизма и современным состоянием страны».

«Португалия не только укротила мятежные океаны, — писал о подвиге Васко да Гамы итальянский гуманист Полициано. — Она укрепила ослабевшие узлы единства обитаемого мира. Новые народы, новые моря, новые миры вышли из тысячелетних сумерек. И сегодня Португалия — руководитель и бодрствующий часовой новой Вселенной».

Эпическая поэма Камозэнса полна возвышенной символики, вдохновенного описания португальской истории, драгоценными подробностями, связанными со «звездными часами» великого мореплавателя и жестокого завоевателя Васко да Гамы. Поэтическое повествование облачено в торжественные строфы, подобные победному звучанию духовной музыки:

*Меня даруйте яростью певучей,
Не сельского рожка, простой свирели, —
Трубы военной, гулкой и могучей,
Чтоб грудь трещала и чтоб щеки рдели.
Пусть песнь моя достойна будет лучшей
Победы тех, что Марсу так радели;
Пусть ширится она по всей вселенной,
Коль стоит стих награды столь священной.*

(Перевод Инны Тыньяновой)

Поэзия Камозэнса высоко ценилась и в Германии. Фридрих Шлегель говорил: «Лузиады» соединяют в себе все черты португальского языка и португальской поэзии, которыми я до сих пор восхищался: изящество, глубину чувства, нежную и почти детскую свежесть, сладкую чувственность и самую волшебную меланхолию — и все это выражено чистым, прозрачным и простым слогом, красота которого не могла быть более совершенной, а расцвет — более полным».

Поэмой Камозэнса восхищался Александр Гумбольдт. «Я могу утверждать, по крайней мере, как наблюдатель природы, — говорил он, — что в описаниях «Лузиад» нигде энтузиазм поэта, прелесть его стихов и сладкие звуки его меланхолии не погрешили ни в чем против правды изображаемых им явлений. Он неподражаем в описаниях постоянного

обмена, происходящего между воздухом и морем, гармоничных форм облаков, их последующих превращений различных состояний поверхности океана. Камознс в полном смысле слова великий художник моря». Гумбольдт также высоко отзывался об описании Машины мира, «видении в стиле Данте», и о пейзаже Острова Любви, «самом грациозном из всех пейзажей».

«Лузиады» высоко были оценены во Франции. Монтескье писал, что «португальцы, плавая по Атлантическому океану, открыли самую южную оконечность Африки и увидели перед собой обширное море, которое привело их к Восточной Индии. Опасности, угрожавшие им на этом море, и сделанные ими открытия Мозамбика, Мелинды, Каликута были воспеты Ка-моэнсом в поэме, напоминающей прелесть «Одиссеи» и величие «Энеиды». Известны в высшей степени благожелательные отзывы о Камознсе Ламаржина и В. Гюго.

Существует предание: поправив в Индии свои материальные дела и дописав «Лузиады», поэт возвращался в Португалию, но в самом конце плавания началась страшная буря, корабль затонул, а Камознс выплыл на берег, держа в поднятой руке мокрую рукопись поэмы. Король за поэму наградил поэта пожизненной пенсией, но она была очень скромной, а главное, выплачивалась нерегулярно. Камознс часто бедствовал и умер в 1580 году.

В лучших переводах сонетов на русский язык постепенно как на проявляющейся фотобумаге, возникает волшебная благородная вязь созвучий. Процесс идет уже 400 лет.

Буря

*Порывы ветра были так страшны,
Что погребли б средь яростного лона
Горой вздымающейся глубины
Огромнейшую башню Вавилона
Пред вышиной поднявшейся волны
Корабль, на склон взлетающий со склона,
Мог показаться лодкой небольшой,
Едва держащеюся над водой
На корабле большом Пабло да Гама
Наполовину мачта сорвалась,
Исторгнутая безысходной драмой,
Везде молитва к небесам неслась
Не мене слышалось людского гама
Над кораблем Коэльо, в этот раз
Настроенного боле осторожно
И парус снизившего бестревожно.
То в затемнившуюся вышину
Взлетали волны гневного Нептуна,
То сокровеннейшую глубину
Распахивали девственной и юной Нот,
Австр, Борей и Аквилон * ко дну
Все уносили яростью буруна*

*Ночь черною и страшною была
И полюс мертвым заревом зажгла.*

(Перевод Ольги Овчаренкс)

* Нот (греч) — южный ветер, Австр (лат) — южный ветер. Борей (греч)! Аквилон (лат) — северные ветры

57. СЕРВАНТЕС

«ДОН КИХОТ»

Дон Кихот — популярнейший образ мировой литературы, один из немногих, которому ставятся памятники (наиболее известный сооружен в Мадриде, а копия его — дар испанского народа — поставлена в Москве). Но он же — один из неразгаданных по сей день образов. Кто он? Чудак и фантазер? Безусловно! Но у Рыцаря Печального Образа, оказывается, есть выстраданная философия, принадлежащая, разумеется, самому автору. Она четко и подробно прописана в 1-й части романа. О ней редко вспоминают, хотя именно здесь кроется ключ к правильному пониманию и самого произведения, и его фабулы.

Концептуальный аспект содержится в рассуждениях Дон Кихота об идеалах золотого века. Они утрачены, но не безвозвратно. И миссию по их возвращению как раз и берет на себя герой бессмертного романа Сервантеса:

— Блаженны времена и блажен тот век, который древние называли Золотым, — и не потому, чтобы золото, в наш Железный век представляющее собой такую огромную ценность, в ту счастливую пору доставалось даром, а потому, что жившие тогда люди не знали двух слов: твое и мое. В те благословенные времена все было общее. Для того, чтоб добыть себе дневное пропитание, человеку стоило лишь вытянуть руку и протянуть ее к могучим дубам, и ветви их тянулись к нему и сладкими и спелыми своими плодами щедро его одаряли. Быстрые реки и светлые родники утоляли его жажду роскошным изобилием приятных на вкус и прозрачных вод. Мудрые и трудолюбивые пчелы основывали свои государства в расселинах скал и в дуплах деревьев и безвозмездно потчевали любого просителя обильными плодами сладчайших своих трудов. «...» Правдивость и откровенность свободны были от примеси лжи, лицемерия и лукавства. Корысть и пристрастие не были столь сильны, чтобы посметь оскорбить или же совратить тогда еще всесильное правосудие, которое они так унижают, преследуют и искушают ныне. Закон личного произвола не тяготел над помыслами судьи, ибо тогда еще некого и не за что было судить. Девушки, как я уже сказал, всюду ходили об руку с невинностью, без всякого присмотра и надзора, не боясь, что чья-нибудь распущенность, сладострастием распаляемая, их оскорбит, а если они и теряли невинность, то по своей доброй воле и хотению. Ныне ж, в наше подлое время, все они беззащитны, хотя бы даже их спрятали и заперли в новом каком-нибудь лабиринте наподобие критского, ибо любовная зараза носится в воздухе, с помощью этой проклятой светскости она проникает во все щели, и перед нею их неприступности не устоять. С течением времени мир все более и более полнился злом, и вот, дабы охранять их, и учредили наконец орден странствующих рыцарей, в обязанности коего входит защищать девушек, опекать вдов, помогать сирым неимущим. К этому ордену принадлежу и я

«...»

Кредо Дон Кихота: «Я по воле небес родился в наш Железный век, дабы воскресить Золотой». Чуть позже он добавит: «Я принял обет рыцарства и дал клятву защищать обиженных и утесняемых власть имущими». Если взглянуть на хрестоматийные эпизоды романа сквозь призму приведенных утверждений, то, согласитесь, все они будут смотреться уже по-другому. И защита мальчика от побоев хозяина, и освобождение каторжников, и сражение с несметными полчищами воображаемых злодеев, — все это отчаянные попытки вернуться к утраченным идеалам золотого века.

Дон Кихот — герой-одиночка, но действует он не в вакууме. Его окружает целый сонм других персонажей (подсчитано, что в романе выведено 669 действующих лиц). И среди них, конечно же, верный оруженосец Санчо Панса, чье имя стало таким же нарицательным, как и его хозяина. Образ испанского крестьянина увековечен в бронзе мадридского и московского памятников вместе с Дон Кихотом. Санчо — прямая противоположность Рыцарю Печального Образа: он абсолютно приспособлен ко всем перипетиям суровой жизни; крестьянский практицизм и природная смекалка позволяют ему вывернуться из любой неблагоприятной ситуации.

Но есть и то главное, что роднит двух героев, принадлежащих к разным сословиям: Санчо также не теряет веры в лучшее будущее и искренне надеется, что завтрашний день станет лучше вчерашнего. Однажды его наивные надежды, казалось, были близки к осуществлению. Волею судеб (а точнее — по прихоти герцога и его камарильи, разыгрывающих Дон Кихота) Санчо становится губернатором маленького городка, который он принял за обещанный остров. На этой должности за короткое время Санчо Панса благодаря своей практической сметке проявляет недюжинные способности управленца и справедливого судьи. Единственно, чего ему, к сожалению, не удалось — так это повывести всех донов и распродонов, которые надоели ему и всем хуже всяких комаров.

«Дон Кихот» — отнюдь не сатира в чистом виде, да к тому же обращенная в прошлое. Роман Сервантеса — в лучшем случае — трагикомедия с серьезным философским подтекстом. И философия эта нацелена в будущее. Чего стоят страстные рассуждения автора и его героя о тяготах и пагубности войн с гуманистическим выводом, что «цель войны есть мир». Сервантес как никто имел право на подобное утверждение. В молодости сам храбрый воин, изувеченный в кровопролитном сражении с турецким флотом и издевавший все ужасы алжирского плена, он хорошо знал, что говорил.

Трагедия Дон Кихота в том, что он пытался привить кодекс рыцарской чести в условиях, когда о чести и человеколюбию никто и не помышлял. Но так было всегда. Неудача и неизбежные вслед за тем насмешки постигли бы Дон Кихота в нынешние времена так же, как и в любую другую эпоху. Потому-то он и бессмертен.

Пройдут тысячелетия. Быть может, многие тысячелетия. Жизнь на земле наверняка изменится. Но вряд ли изменится природа человека: отягченное все теми же недостатками — каждое новое поколение будет по-прежнему повторять ошибки прошлого. Завершится атомная эра,

обязательно наступит какая-нибудь другая — фотонная, торсионная, телепортационная и еще неизвестно какая. Быть может, и само человечество через секстиллионы секстиллионов лет, как предсказывал Циолковский, станет лучистым. Но сколько бы эпох и эр не прошло и в какие бы дали Вселенной ни забросила судьба наших потомков — их всегда будет сопровождать образ чудака с детской улыбкой на подернутом морщинами лице. И даже на неведомых планетах, в бескрайних просторах Космоса среди посланцев Земли в сияющих скафандрах — нет-нет да и тускло блеснут вдруг помятые латы Дон Кихота. Ведь он так мечтал, чтобы люди стали хоть чуточку лучше, чем они есть на самом деле.

58. ДАНИЭЛЬ ДЕФО «РОБИНЗОН КРУЗО»

Роман о приключениях Робинзона — книга совершенно удивительная. У всех, кто однажды прикоснулся к ней (а таких, кто бы не прикасался, практически не существует), в памяти запечатлевается не один только потрясающий ни на что не похожий сюжет, но и мельчайшие атрибуты самой Книги — формат, шрифт, бумага, обложка, даже ее запах и непременно — иллюстрации (как правило, Жана Гранвиля).

Помню — и до самой смерти не забуду — своего «Робинзона Крузо», которого еще до того, как я увидел саму книгу, мне много раз — теперь уже в далеком-предалеком детстве — перемазывала моя мать. Пересказывала больше по кинофильму, потому что саму книгу тоже читала в детстве. Главную роль в том старом (и одном из первых стереоскопическом) фильме играл Павел Кадочников — восходящая звезда советского кинематографа. И надобно такому случиться, что, когда он ехал на съемки этого фильма, мы оказались с ним в одном купе.

Шел 1944 год, близился конец войны, мы с мамой возвращались из Новосибирска, где два года прожили в эвакуации. «Русский Робинзон», оказывается, тоже прожил всю войну в Новосибирске, куда был эвакуирован вместе с Ленинградским ТЮЗом, где тогда работал. Из Новосибирска же он ездил в Алма-Ату сниматься у Сергея Эйзенштейна в одной из своих лучших ролей — Владимира Старицкого во 2-й серии «Ивана Грозного». Но когда я с ним познакомился — впереди был «Робинзон Крузо». Дороги через полстраны оказалось достаточно, чтобы наговориться вволю. Кадочников постоянно брал меня — тогда еще малыша — на руки и с увлечением рассказывал о своей будущей роли. Конечно, лично я помню не так много, но кое-что все-таки помню. Остальное впоследствии дорассказала мама. Со временем все перемешалось в ее голове — долгая дорога, актер, Робинзон, Пятница, и позднее, когда я уже подрос, она по многу раз с неподдельным увлечением рассказывала мне удивительную историю о человеке, выброшенном бурей на необитаемый остров.

А жили мы тогда в Порт-Артуре, совсем недавно освобожденном от японцев. Старых русских книг там не было и в помине, а новых переизданий еще не случилось. Помню, свое разочарование, когда, поступив в школу, я в первый раз пришел в скромную школьную библиотеку и спросил книгу, о которой грезил даже во сне. Увы, «Робинзона Крузо» в школьной библиотеке не оказалось. Но судьба вскоре сжалилась надо мной. Товарищ по классу тайно шепнул мне, что может достать предмет

моего вожделения на одну ночь у соседа-белоземлянца. С этой «публикой», которую после революции разбросало по всему миру, нам, детям военнослужащих, было запрещено общаться строго-настрого. Но Робинзон оказался сильнее всяких идеологических табу.

И вот книга, завернутая в газету, у меня в портфеле. Затаив дыхание, я развернул заветный сверток. До сих пор помню неповторимый запах ветхих страниц. Мне досталось какое-то очень старое и зачитанное издание — без переплета, фактически стопка из отдельных пожелтевших листков с закругленными от старости уголками (поразительно, что, пройдя через сотни, если не тысячи, рук, ни одна страница не потерялась). От одного титула уже захватывало дух: «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим». Не название — поэма!

Нет, то было не чтение, а какое-то священнодействие. Утром меня обязали вернуть книгу, и пришлось читать, не отрываясь, оставшийся день до вечера и практически всю ночь. До сих пор помнится все. И по телу все так же пробегают мурашки, когда вспоминаешь, как Робинзон увидел след человеческой ноги на песке. А ведь написано-то таким незатейливым языком (недаром сам Лев Толстой призывал учиться у Дефо простоте стиля):

Однажды около полудня я шел берегом моря, направляясь к своей лодке, и вдруг увидел след голый человеческой ноги, ясно отпечатавшийся на песке. Я остановился, как громом пораженный или как если бы увидел привидение. Я прислушивался, озирался кругом, но не услышал и не увидел ничего подозрительного. Я взбежал вверх на откос, чтобы лучше осмотреть местность; опять спустился, ходил взад и вперед по берегу — нигде ничего: я не мог найти другого отпечатка ноги. Я пошел еще раз взглянуть на него, чтобы удостовериться, действительно ли это человеческий след и не вообразилось ли мне. Но нет, я не ошибся; это был несомненно отпечаток ноги: я ясно различал пятку, пальцы, подошву. Как он сюда попал? Я терялся в догадках и не мог остановиться ни на одной. В полном смятении, не слыша, как говорится, земли под собой, я пошел домой, в свою крепость. Я был напуган до последней степени: через каждые два-три шага я оглядывался назад, пугался каждого куста, каждого дерева и каждый показавшийся вдали пень принимал за человека. Вы не можете себе представить, в какие страшные и неожиданные формы облекались все предметы в моем возбужденном воображении, какие дикие мысли проносились в моей голове и какие нелепые решения принимал я все время по дороге.

Помню и страх перед картинкой с обглоданными человеческими костями, и веселое ликование при появлении Пятницы, и усталое облегчение при чтении последней страницы со счастливым концом... Впоследствии я перечитывал бессмертный роман Дефо неоднократно, и всякий раз ко мне возвращалась эта неповторимая радость первого восприятия, первого и священного прикосновения к шедевру.

В чем же секрет этой удивительной книги? Почему многие люди несхожих, подчас противоположных, мировоззрений в один голос называют ее литературным шедевром. Наверное, все-таки в ее искреннем жизнелюбии и человеколюбии, в безграничной вере в человеческие возможности, способные преодолеть даже невозможное. А откуда такая — ну, просто магическая — тяга к роману Дефо? Быть может, секрет очень прост: каждому подсознательно хотелось бы пережить то, что выпало на долю бесстрашного и неунывающего моряка из Йорка по имени Робинзон Крузо. Конечно, у каждого свое неповторимое видение, свое прочтение описания его невероятных приключений. И все же он для всех общий, для всех любимый. Тайна «Робинзона Крузо» в том, что он объединяет людей.

Постскриптум. Когда в начале 80-х годов мой старший сын заканчивал школу, я никак не мог выбрать ему подарок. Наконец, подумал: «Ну что может быть на свете лучше «Робинзона Крузо?» И расшибся в доску, чтобы достать полного «Робинзона», то есть с продолжением его приключений в России и других странах. В издании «Academia». И конечно же — с неувядающими иллюстрациями Жана Гранвиля.

59. МОЛЬЕР

«ТАРТЮФ»

Мольеру принадлежит целый каскад блистательных комедий. Однако только одна подарила типаж, ставший бессмертным в веках: Тартюф — лицемер, ханжа, святоша. (Дон Жуан не в счет — это общеевропейский образ.) «Тартюф» — не только самая знаменитая, но и самая многострадальная пьеса великого французского комедиографа: она трижды переделывалась по цензурным соображениям, пять лет находилась под запретом и подвергалась такой разнузданной травле, что, в конце концов, подорвала здоровье Мольера и ускорила его смерть. Сам автор прекрасно осознавал убойную силу своего любимого детища. Недаром при издании он снабдил его обширным предисловием, где расставил все точки над «i»:

Об этой комедии было множество толков, долгое время она подвергалась нападкам, и люди, осмеянные в ней, доказали на деле, что во Франции они обладают куда большим могуществом, чем те, кого я осмеивал до сих пор. Щеголи, жеманницы, роконосы и лекари покорно терпели, что их выводят на подмостки, и даже притворялись, что списанные с них персонажи забавляют их меньше, чем прочую публику. Но лицемеры не снесли насмешек; они сразу подняли переполох и объявили из ряду вон выходящей дерзостью то, что я изобразил их ужимки и попытался набросить тень на ремесло, к коему причастно столько почтенных лиц. Этого преступления они простить не могли и все как один с неистовой яростью ополчились на мою комедию. «...» Коль скоро назначение комедии состоит в бичевании людских пороков, то почему же она должна иные из них обходить? Порок, обличаемый в моей пьесе, по своим последствиям наипаснейший для государства, а театр, как мы убедились, обладает огромными возможностями для исправления нравов. Самые блестящие трактаты на темы морали часто оказывают куда меньшее влияние, чем сатира, ибо ничто так не берет людей за живое, как изображение их недостатков. Подвергая пороки всеобщему осмеянию, мы наносим им сокрушительный удар. Легко стерпеть порицание, но насмешка нестерпима.

Иной не прочь прослыть злодеем, но никто не желает быть смешным.

Итак, что же это за непреодолимая сила, на которую осмелился покуситься Мольер и против которой оказался бессилён сам Король-Солнце? Католическая церковь! Не успел Людовик XIV после долгих проволочек разрешить комедию к постановке (к тому же под изменённым названием), как архиепископ Парижа разразился грозным посланием: «Так как нашим фискалом нам было доложено, что в пятницу, пятого числа сего месяца, в одном из театров города была представлена, под новым заглавием «Обманщик», опаснейшая комедия, которая тем вреднее для религии, что под предлогом осуждения лицемерия и мнимого благочестия она даёт повод осуждать всех, кто обнаруживает и истинное благочестие...» Архиепископ был более чем проницателен: «Тартюф» бил не по отдельным лицам, а по церковной системе в целом, её традициям и идеологии.

Как бы ни смягчал Мольер отдельные разоблачительные фразы, как бы ни вычеркивал наиболее огнестрельные из них — ослиные уши лицемера-церковника продолжали торчать в каждом акте крамольной пьесы. Отмыть и обелить святошу никак не удавалось. Кто же он такой — Тартюф, переполошивший все осиное гнездо? Отпетый негодяй и проходимец (в конце комедии обнаруживается, что он вообще скрывается от правосудия под чужим именем). Но чтобы замести следы былых преступлений, ханжа надел маску благочестивого католика. Его речь наполнена елейными оборотами и призывами к благочестивой жизни. Тем самым он втерся в доверие к безвольному простаку Оргону, который захлеб расхваливает своего «друга»:

Я повстречался с ним — и возлюбил навечно...

Он в церкви каждый день молился близ меня,

В порыве набожном колени преклоня.

Он привлекал к себе всеобщее внимание:

То излетали вдруг из уст его стенанья,

То руки к небесам он воздымал в слезах,

А то подолгу ниц лежал, лобзая прах;

Когда ж я выходил, бежал он по проходу,

Чтобы в притворе мне подать святую воду.

«...»

Вняв небесам, приют я предложил ему,

И счастье с той поры царит в моем дому...

(Перевод — здесь и далее — Михаила Донского)

Тартюф появляется на сцене не сразу и, разумеется, под маской благочестия. Первое, что он делает, это достаёт платок, чтобы набросить его на приоткрытую грудь служанки:

... Прикрой нагую грудь,

Сей приоткрыв предмет, ты пролагаешь путь

Греховным помыслам и вожделеньям грязным.

Но уже в следующей сцене святоша сбрасывает личину и принимается настойчиво соблазнять жену своего благодетеля:

*Как я ни набожен, но все же я мужчина.
И сила ваших чар, поверьте, такова,
Что разум уступил законам естества. «...»
Нет, я любовь свою
От любопытных глаз надежно утаю:
Ведь сам я многое теряю при огласке,
А потому мне честь доверьте без опаски.
Своей избраннице я в дар принести бы мог
Страсть — без худой молвы, улады — без тревог.*

Развязка оказалась быстрой и плачевной. Добившись от сумасбродного Оргона согласия на брак с его дочерью и получив — по законам комедийного жанра — дарственную на дом и имущество, лицемер-развратник попытался выгнать все приютившее его семейство вон. К тому же настроил на Оргона донос королю. Последний же, как «бог из машины», обеспечил счастливую развязку всей комедии и наказание мошенника Тартюфа:

*Наш государь — враг лжи. От зоркости его
Не могут спрятаться обман и плутовство.
Он неусыпную являет прозорливость
И, видя суть вещей, казнит несправедливость.
Не подчиняется он голосу страстей,
Не знает крайностей великий разум сей.*

Еще большим врагом лжи был автор, написавший эти слова. Потому-то век Короля-Солнца с равным основанием именуют теперь и веком Мольера.

60. ВОЛЬТЕР **«КАНДИД»**

Век Просвещения дал человечеству целую плеяду блестящих писателей и мыслителей-энциклопедистов. Но лишь имя одного из них сделалось нарицательным уже при жизни и фактически — олицетворением самой эпохи. Это — Вольтер (на самом деле — псевдоним; по рождению его звали Франсуа-Мари Аруэ). Долгое время слово «вольтерианец» было синонимом вольнодумца.

Вольтер написал невероятное множество произведений — драм, трагедий, комедий, повестей, поэм, других стихотворных шедевров, памфлетов, сказок, притч, исторических сочинений и философских трактатов, не говоря уж о богатейшем эпистолярном наследии (изданная корреспонденция занимает несколько десятков томов), а письма в ту пору играли роль гораздо большую, чем нынешние газеты. Но самую громкую славу Фернейскому мудрецу (так его именовали по альпийскому пристанищу) принесла сравнительно небольшая «философская повесть» «Кандид». Впоследствии Герберт Уэллс даже один из своих романов посвятил — «Бессмертной памяти Кандида».

У самой повести, или, как еще выражаются, — маленького романа, занимающего менее ста страниц текста, — тоже непростая судьба. Книга

была написана тайком даже от ближайших друзей (некоторые литературоведы утверждают — всего за три дня, хотя более правдоподобна другая цифра — три недели), издана анонимно и тотчас же по приговору суда была сожжена рукою палача на площади в Женеве. Естественно, это только прибавило популярности очередному Вольтерову шедевру: в первый же год (1759), не успев еще догореть костер на женевской площади, было выпущено в разных странах не менее 13 изданий, и книга надолго стала европейским бестселлером.

Имя главного героя в переводе с французского означает Простодушный. Действие повести носит гротескный характер и разворачивается в различных странах Старого и Нового Света, куда герои переносятся чуть ли не молниеносно. Текст изобилует условностями и закодированностью: так, подданные прусского короля именуются «болгарами», а французы — «аварами». Между теми и другими идет кровопролитная бойня, воспроизводящая с почти репортерской точностью реалии Семилетней войны, что позволяет Вольтеру выступить с резкими антимилитаристскими заявлениями, разоблачающими ужасы и пагубность всяких войн вообще. Поначалу в повести задается вроде бы ироничный тон:

Что может быть прекраснее, подвижнее, великолепнее и слаженнее, чем две армии! Трубы, дудки, гобои, барабаны, пушки создали музыку столь гармоничную, какой не бывает и в аду. Пушки уложили сначала около шести тысяч человек с каждой стороны; потом ружейная перестрелка избавила лучший из миров не то от девяти, не то от десяти тысяч бездельников, осквернявших его поверхность. Штык также был достаточной причиной смерти нескольких тысяч человек. Общее число достигало тридцати тысяч душ.

Но Вольтер быстро отходит от иронии и обнажает подлинные «прелести» войны:

Здесь искалеченные ударами старики смотрели, как умирают их израненные жены, прижимающие детей к окровавленным грудям; там девушки со вспоротыми животами, насытив естественные потребности нескольких героев, выпускали последние вздохи; в другом месте полусожженные люди умоляли добить их. Мозги были разбрызганы по земле, усеянной отрубленными руками и ногами.

Подобные картины противоречат главной идеи повести, имеющей подзаголовок «Оптимизм». Вольтер так определяет данный термин устами главного героя: «... Это страсть утверждать, что все хорошо, когда в действительности все плохо». Носителем такого безудержного оптимизма как раз и выступает простодушный Кандид, проповедующий принцип своего учителя Панглосса (дословно — Всезнающий): «Все к лучшему в этом лучшем из миров». Казалось бы, все силы и стихии природы, все изощренное зло, до какого только смог додуматься человек, объединились с одной-единственной целью — доказать Кандиду обратное: в мире все плохо и только плохо, лучше никогда не будет, может быть только еще хуже. Но не таков неунывающий герой Вольтера; он знает и верит: как бы ни было ему плохо, лучшее, конечно, — впереди!

В «Кандиде» нагромождено такое количество самых невероятных приключений, что иной автор смог бы без труда растянуть повествование на два — а то и на три — увесистых тома. Вольтер передвигает своего

героя по морю и по суше свободно и размахисто, точно шахматную фигуру. Территории Европы мало для его походов, и волею автора Кандид перемещается в Южную Америку. А здесь: одна глава — Буэнос-Айрес, другая — Парагвай, третья — Суринам, четвертая — Эльдorado, где Вольтер воссоздает проект совершенного утопического государства. И вновь Европа — Франция, Англия, Венеция, Константинополь.

А вслед за Кандидом (а иногда и впереди него) столь же невероятным по быстроте способом перемещается его возлюбленная Кунигунда. Ее история служит еще большим контрастом оптимистическому настрою повести. Обесчещенная, едва не прирезанная пруссаками и после долгих издевательств проданная ими, как военная добыча, она до самого конца повествования переходит из рук в руки, служа наложницей то лиссабонскому инквизитору, то богатому еврею, то испанскому губернатору Буэнос-Айреса, то турецкому паше. И лишь под занавес, постаревшая и подурневшая дочь вестфальского барона, становится женой Кандида. Счастливый конец! Он дает повод Вольтеру еще раз пофилософствовать насчет смысла жизни и возможности совершенствования общественного организма.

Главные мысли автора концентрируются в заключительных аккордах повести. Точнее — в двух знаменитых диалогах между Кандидом и выплывшим из небытия Панглоссом:

— Ну хорошо, мой дорогой Панглосс, — сказал ему Кандид, — когда вас вешали, резали, нещадно били, когда вы гребли на галерах, неужели вы продолжали думать, что все в мире идет к лучшему?

— Я всегда оставался при моем прежнем убеждении, — отвечал Панглос, — потому что я философ. Мне непристойно отречься от своих мнений: Лейбниц не мог ошибаться, и предустановленная гармония есть самое прекрасное в мире, так же как полнота вселенной и невесомая материя.

— Все события связаны неразрывно в лучшем из возможных миров. Если бы вы не были изгнаны из прекрасного замка здоровым пинком ноги в зад за любовь к Кунигунде, если бы вы не были взяты инквизицией, если бы вы не обошли пешком всю Америку, если бы вы не дали хорошего удара шпагой барону, если бы вы не потеряли всех ваших баранов из доброй страны Эльдorado, вы не ели бы здесь ни cedры в сахаре, ни фисташек.

— Это хорошо сказано, — отвечал Кандид, — но надо все-таки возделывать свой сад.

Последняя фраза — афоризм на все времена. Он — ключ (хотя и образно-символический) ко всей философии и — шире — ко всему творчеству Вольтера. В нем сконцентрирован социальный оптимизм автора, его вера в «вечное древо жизни», олицетворяющее прогресс человечества.

61. СВИФТ

«ПУТЕШЕСТВИЯ ГУЛЛИВЕРА»

Вот книга, которую с одинаковым удовольствием читают в любом возрасте! Не про всякую такое можно сказать. Полное ее название соответствует духу и традициям времени — «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей». Ключевые слова здесь — «некоторые отдаленные страны». В них-то вся прелесть. И даже не в придумках

сюжета. Подумать, страна карликов или великанов! Здесь Свифт совсем не оригинален. Великанов небезуспешно описывали и Рабле, и Вольтер. Последний вообще превзошел всю мыслимую и немыслимую фантазию и создал образ инопланетянина Микромегаса, прилетевшего на Сатурн из окрестностей Сириуса, — ростом в 24 тысячи шагов, то есть около 20 километров. Но нет в книгах великих французов того неповторимого очарования, которое излучает английский роман.

Думается, потому, что Свифту удалось таким образом построить достаточно бесхитростное изложение (в этом смысле «Гулливвер» напоминает «Робинзона Крузо»), что читатель каким-то необъяснимым образом ощущает себя прямым участником всех невероятных событий. Он просто физически чувствуем приколотенные колышками волосы — изоощренная хитрости лилипутов, отчего Гулливер не в состоянии поднять голову; щекотку в носу, когда лилипутский офицер засовывает в ноздрю усыпленного пленника острие пики и будит его. Вместе с Человеком-Горой, как его прозвали в Лилипутии, он пьет бочками вино, бродит по узким улицам столицы, тушит пожар с помощью мочеиспускания, принимает участие в светских развлечениях и параде, пропуская марширующие войска между своих ног, сражается с неприятелем и тащит на бечевке вражеский флот. Каждый шаг, который приходится совершать читателю романа, происходит так, словно он сам и есть Гулливер (сначала хирург, а затем капитан).

Далее воображение автора переносится в Бробдингнег — страну великанов, — где все совершается, если так можно сказать, с точностью наоборот: Гулливер сам становится лилипутом — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его окружают гигантские люди, строения, растения, животные, насекомые. Однако теперь чувство превосходства, которое читатель бессознательно испытывал при чтении первой части («Как же, я такой большой, а они такие маленькие!»), сменяется столь же бессознательной тревожностью и незащищенностью. Именно поэтому, наверное, первая часть свифтовского романа почти всем (особенно детям) нравится больше, чем вторая (и, естественно, последующие).

Но меня лично еще со школьной скамьи почему-то всегда привлекала третья часть, названная совсем несуразно — «Путешествие в Лапуту, Бальнибари, Лагнет, Глаббдобдриб и Японию». Здесь описываются совершенно экзотические страны с абсолютно невероятными отношениями между людьми (или точнее — человеко-подобными существами, живущими по законам и правилам, весьма далеким от канонов человеческого общества). Эта часть считается наиболее сатиричной и даже прогностической, так как здесь Свифту удалось умозрительно предвосхитить открытие астрономами спутников Марса.

Лапута — это фантастический летучий остров, на который попадает Гулливер, высаженный пиратами с захваченного ими корабля. Здесь царит на удивление абсурдная жизнь. Колоритно и само описание лапутян:

У всех головы были скошены направо или налево; один глаз смотрел внутрь, а другой прямо вверх к зениту. Их одежда была украшена изображениями солнца, луны, звезд попеременно с изображениями скрипки, флейты, арфы, трубы, гитары, клавикордов и многих других музыкальных инструментов, неизвестных в Европе. Я заметил поодаль множество людей

в одежде слуг с наполненными воздухом пузырями, прикрепленными наподобие бичей к концам коротких палок, которые они держали в руках. Как мне сообщили потом, в каждом пузыре находился сухой горох или мелкие камешки. Этими пузырями они время от времени хлопали по губам и ушам лиц, стоявших подле них, значение каковых действий я сначала не понимал. По-видимому, умы этих людей так поглощены напряженными размышлениями, что они не способны ни говорить, ни слушать речи собеседников, пока их внимание не привлечено каким-нибудь внешним воздействием на органы речи и слуха. «...»

Островная Лапута имела владения на континенте под названием Бальнибари со столицей Лагадо. Тут Гулливера ожидали новые чудеса, но не во внешнем виде столичных жителей, а в их умах. Свифт создал блестящую сатиру на науку и ученых (надо заметить, — всех времен), подробно описав Академию прожектеров:

Первый ученый, которого я посетил, был тощий человек с закопченным лицом и руками, с длинными всклокоченными и местами опаленными волосами и бородой. Его платье, рубаха и кожа были такого же цвета. Восемь лет он разрабатывал проект извлечения из огурцов солнечных лучей, которые предполагал заключить в герметически закупоренные склянки, чтобы затем пользоваться ими для согревания воздуха в случае холодного и дождливого лета. «...»

Войдя в другую комнату, я чуть было не выскочил из нее вон, потому что едва не задохся от ужасного зловония. «...» Изобретатель, сидевший в этой комнате, был одним из старейших членов Академии. Лицо и борода его были бледно-желтые, а руки и платье все вымазаны нечистотами. Когда я был ему представлен, он крепко обнял меня (любезность, без которой я отлично мог бы обойтись). С самого своего вступления в Академию он занимался превращением человеческих экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались, путем отделения от них некоторых составных частей, удаления окраски, сообщаемой им желчью, выпаривания зловония и выделения слюны. «...». В другой комнате мне доставил большое удовольствие прожектер, открывший способ пахать землю свиньями и избавиться таким образом от расходов на плуги, скот и рабочих. «...»

После этого мы пошли в школу языкознания, где заседали, три профессора на совещании, посвященном вопросу об усовершенствовании родного языка. Первый проект предлагал сократить разговорную речь путем сведения многосложных слов к односложным и упразднения глаголов и причастий, так как в действительности все мыслимые вещи суть только имена. Второй проект требовал полного упразднения всех слов; автор этого проекта ссылаясь, главным образом, на его пользу для здоровья и сбережение времени. Ведь очевидно, что каждое произносимое нами слово сопряжено с некоторым изнашиванием легких и, следовательно, приводит к сокращению нашей жизни.

На этом невероятные приключения капитана Гулливера не завершились. В Глаббдобдрибе он долго общался с миром призраков, главным образом, с умершими историческими деятелями, великими писателями и учеными. На острове Лаггнет его собеседниками стали бессмертные, дряхлые от старости струльдбруги, не радующиеся дару

вечной жизни, а проклинаяющие его:

Мне никогда не приходилось видеть ничего омерзительнее этих людей. Женщины были еще противнее мужчин. Помимо обыкновенной уродливости, свойственной глубокой дряхлости, они с годами все больше и больше приобретают облик каких-то призраков. Ужас, какой они внушают, не поддается никакому описанию.

Заключительная 4-я часть романа посвящена путешествию в страну гуигнгимов — так названы прекрасные лошади с развитым интеллектом, которые живут в сравнительно совершенном обществе и правят одичавшими и малоумными людьми. Современное ему общественное устройство представлялось Свифту далеким от совершенства. Потому-то он и придумал утопический мир, казавшийся ему более правильным. Увы, более чем за 270 лет, прошедших со времени выхода бессмертного романа об удивительных путешествиях Лемюзля Гулливера, совершенства во взаимоотношениях людей нисколько не прибавилось, а глупости и мерзости ничуть не поубавилось.

62. ШИЛЛЕР

«КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ»

Шиллер — один из самых плодотворных создателей возвышенных идеалов — политических, нравственных, эстетических. За философскую одухотворенность его особенно любили в России. Белинский сравнивал драмы Шиллера с огненной лавой kloкочущего вулкана. Достоевский воспитывался на Шиллере, который, по словам русского писателя, «оставил клеймо» в самой русской душе. У Пушкина Шиллера читает в ночь перед роковой дуэлью Владимир Ленский. Одним из последних авторов, которого читали незадолго перед смертью парализованному Ленину, тоже был Шиллер.

Творчество великого немецкого поэта и мыслителя многоцветно, как радуга: лирика, баллады, трагедии, трактаты по философии искусства. Два века не сходят со сцен всех театров мира такие шедевры, как «Разбойники», «Дон Карлос», «Орлеанская дева», «Мария Стюарты», «Вильгельм Телль», отдельные части трилогии «Валленштейн». Но самую громкую славу в истории мировой драматургии приобрела «мещанская трагедия», как озаглавил ее сам автор, под интригующим названием «Коварство и любовь». Она вместила в себя квинтэссенцию гуманистических идей эпохи Просвещения. Еще ее называют первой немецкой тенденциозно-политической драмой, литературным манифестом грядущих буржуазных революций.

На непреодолимых сословных противоречиях и строится вся коллизия мещанской трагедии. Фердинанд и Луиза горячо и беззаветно полюбили друг друга. Но сословные предрассудки тяготеют над их любовью, как злой рок. Фердинанд — дворянин, сын высокого сановника, второго по значению человека в государстве-герцогстве тогдашней лоскутной Германии. Шестнадцатилетняя Луиза — дочь всего лишь простого музыканта. В XVIII веке этого было вполне достаточно, чтобы привести к трагедии. Когда влюбленные попытались стать выше сословных ограничений, то немедленно натолкнулись на деспотичный беспредел и самые низменные моральные принципы, которыми руководствовались представители феодально-бюрократической элиты, пользуясь своим

безграничным правом по собственному усмотрению и произволу вершить судьбы людей.

Ситуация осложняется еще и конфликтом поколений. Отец Фердинанда не просто чинит сыну всевозможные препятствия, заставляя его жениться на любовнице герцога, но еще и всячески унижает семью Луизы, а ее саму низводит в глазах окружающих до уровня уличной потаскушки. Юноша защищает свою любимую со шпагой в руке, а затем пускает в ход самый верный козырь: он угрожает разоблачить отца и передать его в руки правосудия, так как знает, что двадцать лет назад г-н Президент фон Вальтер физически уничтожил своего предшественника, чтобы занять его место. Тогда силы зла, облаченные в расшитые золотом дворянские камзолы, используют обходной маневр и пытаются разлучить влюбленных с помощью изощренной интриги: оклеветать Луизу в глазах Фердинанда при помощи обманного письма, угрозами вытребованного у девушки. Юноша поддается на провокацию и в порыве безумной ревности подсыпает возлюбленной в стакан с лимонадом мышьяк. Правда открывается быстро, но поздно: Луиза умирает, а Фердинанд в полном отчаянии допивает яд и тоже гибнет.

Таков в целом бесхитростный, хотя и несколько запутанный, сюжет, за которым скрыта серьезная политическая и нравственная подоплека. Острие шиллеровской трагедии, как, впрочем, всех его драм, направлено против тирании и деспотизма, в какие бы одежды они ни рядились. Великий немецкий мыслитель-гуманист не боится обличать и разоблачать кровавую сущность полицейско-бюрократического режима, который в момент написания пьесы носил отнюдь не абстрактный характер. Это с гонителя и хулителя поэта герцога Вюртембергского Карла-Евгения, торговавшего по всему миру «пушечным мясом» — собственными поданными, списана знаменитая сцена расстрела молодых рекрутов (так, что аж мозг брызнул на мостовую), за которых получил шкатулку с бриллиантами для своей любовницы герцог из трагедии Шиллера.

Безусловно, «Коварство и любовь» написана по всем законам и канонам театрального жанра. Герои нередко изъясняются на языке самых возвышенных и вдохновенных трактатов.

Луиза:

— Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да ее с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде.

— Но помните, что, как скоро вы и он под венцом сомкнете уста в поцелуе, мгновенно вырастет перед вами призрак самоубийцы.

— Всей бесконечности и моему сердцу не вместить одной-единственной мысли о нем. Фердинанд:

— Пусть между нами вырастут целые горы — для меня это лишь ступени, по которым я взлечу к моей Луизе. Бури, насылаемые на нас враждебным роком, еще сильнее раздуют пламень чувств моих, опасности придадут моей Луизе еще большую прелесть... Отринь же страх, моя любимая!

— Отец! Вы злобный пасквиль на Божество, ибо оно из превосходного палача сотворило плохого министра.

— Застигнутая врасплох совесть, благодарю тебя! Ты сделала чудовищное признание, зато скорое и правдивое, — мне незачем прибегать

к пытке.

Язык Шиллера не спутаешь ни с чем. У него многие научились думать и говорить по-другому. В заключительной сцене, когда Луиза уже мертва, а умирающий Фердинанд произносит свой последний монолог, накал страстей достигает своего апогея. И Шиллеру удастся добиться этого образными средствами одного лишь языка:

Фердинанд.

Только два слова, отец! Они недешево будут мне стоить... У меня воровски похищена жизнь, похищена вами. Сейчас я трепещу так, как если бы я стоял перед лицом божьим, — ведь я же никогда не был злодеем. Какой бы удел ни достался мне в жизни вечной — вам достанется иной. Но я совершил убийство (угрожающе повысив голос), убийство, и ты не можешь от меня требовать, чтобы я один шел с этой ношей к всеправедному судии. Большую и самую страшную ее половину я торжественно возлагаю на тебя. Донесешь ты свою ношу или нет — это уж дело твое.

(Подводит его к [мертвой] Луизе)

Смотри, изверг! Насладись чудовищным плодом своего хитроумия! На этом искаженном мукою лице написано твое имя, и ангелы мщения его прочтут... Пусть ее тень отдернет полог в тот миг, когда ты вкушаешь сон на своем ложе, и протянет тебе свою руку, холодную, как лед! Пусть ее тень возникнет перед очами твоей души, когда ты будешь умирать, и оборвет последнюю твою молитву! Пусть ее тень станет у твоей могилы в час воскресения мертвых — и перед самим Богом, когда ты явишься на его суд!

(Лишается чувств.)

Для Президента фон Вальтера расплата наступила гораздо раньше. Потрясенный самоубийством сына, он раскаивается в содеянном и сдается стражникам.

В полном соответствии с названием в трагедии — два центра притяжения, два несовместимых полюса — Коварство и Любовь. Коварство оказывается более изощренным и, казалось, восторжествовало над Любовью. Но Любовь все-таки побеждает. Она побеждает через Правду! Хотя и ценой смерти. Но во имя той любви, которая никогда не умрет. В тех, кто читает Шиллера!

63. ГЕТЕ «ФАУСТ»

Если бы была поставлена задача: назвать 10 или даже 5 самых великих книг всех времен и народов, — то в их числе обязательно оказался бы гетевский «Фауст», объединивший в себе высокую поэзию, классическое совершенство и глубочайшую философскую мысль. Фауст — реальное историческое лицо: бунтарь, врач, алхимик и чернокнижник, живший в XVI веке в Германии. Уже при жизни его сопровождала молва: запродавал, дескать, душу дьяволу. Именно по этой причине он и стал персонажем фольклорных народных книг и кукольных фарсов. Но не только их. Фауст — герой драмы англичанина и современника Шекспира Кристофера Марло, одноименного романа немца Клингера — основоположника предромантического течения «Буря и натиск» (ему принадлежит пьеса с таким названием), а также ряда других литературных

произведений.

Но только шедевр Гете обрел величие навсегда. «Фауст» — вершина гуманистической мысли, великая драматическая эпопея о Человеке, возвышенности и низменности его страстей, беспрестанных блужданиях в поисках истины и смысла жизни, взлетах и падениях, обретении Свободы и Любви.

При жизни Гете самой знаменитой его книгой считались «Страдания юного Вертера». Вся Европа на протяжении нескольких десятилетий рыдала над этим романом. Странная мода на самоубийства из-за неразделенной любви превратилась чуть ли не в эпидемию: сотни молодых людей последовали дурному примеру Вертера и малодушно покончили с собой. Наполеон Бонапарт в юности бредил «Вертером», читал его много раз и даже брал его с собой в бесславный египетский поход. Став императором, в зените своей славы, он, у ног которого лежала вся Европа, встретился в Эрфурте с тогда уже шестидесятилетним властителем своих юношеских дум и выразил ему искреннее и неподдельное восхищение. Современного читателя столь знаменитый и популярный в прошлом роман за живое больше не задевает, оставляя, как правило, совершенно равнодушным: «страдания» выглядят малоубедительными, слезливо-сентиментальными и уж никак не оправдывающими самоубийство. Иное дело «Фауст» — котел страстей невероятного накала и величайшего напряжения ума, кладезь неисчерпаемой мудрости, книга на века и тысячелетия.

Над своей Главной книгой Гете трудился, по существу, всю жизнь, в общей сложности около шести десятилетий: первые наброски были сделаны еще в студенческие годы, последние исправления — за месяц до смерти, последовавшей в 1832 году. Первоначально существовал так называемый «Пра-Фауст», уничтоженный самим автором. Затем публиковались разные фрагменты. В 1808 году увидела свет 1-я часть великой книги. Затем последовала творческая пауза, и лишь с 1825 года Гете активно приступает к работе над 2-й частью, которая была опубликована уже после смерти (в тот же год) гениального поэта.

Современники ждали окончательной версии «Фауста» почти четверть века. Ныне он воспринимается как цельное произведение, в органичном единстве обеих частей, пронизанных общей идеей. Несмотря на кажущуюся хаотичность и несвязность отдельных сцен и вставных эпизодов, здесь нет ни одного лишнего камня — от начального Посвящения, которое приводило в восторг Шиллера, до последнего аккорда — заключительного двустихия о Вечной женственности, которое породило непрерывную череду философских интерпретаций и поэтических подражаний — от европейских романтиков до русских символистов.

В процессе работы над, как он сам выразился, «главным делом» жизни и творчества Гете сформулировал идейный стержень великой драматической эпопеи:

Идеальное стремление проникнуть в природу и прочувствовать ее целостно.

Появление духа как гения мира и действия.

Спор между формой и бесформенным.

Предпочтение бесформенного содержания пустой форме.«...»

Наслаждение жизнью личности, рассматриваемое извне.

В смутной страсти — первая часть.

Наслаждение деятельностью вовне. Радость созидательного созерцания красоты — вторая часть.

Внутреннее наслаждение творчеством...

Главными носителями и выразителями данных идей выступают две центральные и вроде бы полярные фигуры — Фауст и Мефистофель. Казалось бы, два живых воплощения Добра и Зла. Но нет! Фауст — вовсе не ходячая добродетель, в 1-й части в конечном счете именно он — первопричина множества смертей — и Маргариты — своей возлюбленной, и ребенка — плода их тайной любовной связи, и усыпленной навсегда матери Маргариты, и ее брата, убитого в поединке. Столько смертей — и все ради удовлетворения минутной похоти.

И все же Фауст — носитель духа величайшего борца — за Жизнь, за Истину, за Любовь, за Бессмертие! Его творческие искания направлены прежде всего на преодоление существующего нетерпимого положения. Он стремится вырваться за пределы порочного круга Лжи. Спасением от утраты веры в жизнь, людей, знание может быть только любовь:

*Не расстраивай мне язвы тайной.
В глубоком знанье жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бесмыслена как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье Двух душ...*

(Перевод Александра Пушкина)

Не менее противоречив и величественней в этом своем противоречии Мефистофель. Да, он — дьявол, исчадье ада, его цель — завладеть душой Фауста. Но он же — носитель здорового скептицизма, живой диалектики:

*Я отрицаю все — и в этом суть моя,
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет...*

(Перевод Николая Холодковского)

Таким образом, Мефистофель — носитель разрушающего начала — одновременно и созидательная сила, ибо разрушает он старое, отжившее, на месте которого тотчас же возникает новое более прогрессивное. Отсюда и творческо-диалектический лозунг Мефистофеля: «Я вечно хочу зла и вечно творю благо». Он не столько стремится напакостить, сколько следует самим объективным и далеко не идеальным законам человеческого бытия, подстраиваясь под темные страсти и страстишки окружающего люда и, в первую очередь, конечно, своего якобы антипода — Фауста. На самом же деле, по большому счету, по заложенной в них диалектической сущности они — если не близнецы-братья, то уж наверняка две стороны одного и

того же неискоренимого противоречия стержня всей жизненной коллизии.

А кто ближе самому автору? Похоже, оба. С одинаковой самоотверженностью он вложил душу в обоих. Ибо истина — не в разрыве полярных противоположностей, а в их соединении, что и выражает реальное борение как источник всякого развития.

Сюжет «Фауста» хрестоматийно прост. Познавший все, во всем разочаровавшийся и переполненный тоской старик-ученый (Фауст) решает раз и навсегда покончить с жизнью, приняв яд, — но тут появляется дьявол-искуситель (Мефистофель) и предлагает сделку: он вернет старику молодость, вкус к жизни, исполнит любое его желание, но взамен, разумеется, придется отдать душу. Причем дьявол не торопит — Фауст сам решит — но лишь достигнув высшего блаженства, — что пришла пора отдавать долг:

*Едва я миг отдельный возвеличу,
Вскричав: «Мгновение, повремени!» —
Все кончено, и я твоя добыча,
И мне спасенья нет из западни.
Тогда вступает в силу наша сделка
Тогда ты волен, — я закабален.
Тогда пусть станет часовая стрелка,
По мне раздастся похоронный звон.*

(Перевод здесь и далее Бориса Пастернака)

Соглашаясь на коварное предложение, Фауст вовсе не так уж прост и наивен, как может показаться поначалу. Носитель высшей философской мудрости, он прекрасно понимает: остановки не будет, ибо движение вечно. Знает это и Гете. Потому-то в финале душа достигшего наконец высшего счастья и умершего Фауста не переходит в безраздельное владение Мефистофеля. За нее идет борьба между силами света и тьмы, добро побеждает зло, а дьявол остается ни с чем. Общий итог великого творения Гете лучшее подтверждение сказанному:

*Все быстротечное — Символ, сравненье.
Цель бесконечная Здесь — в достижение.
Здесь заповедность Истины всей.
Вечная женственность Тянет нас к ней.*

Но между появлением Мефистофеля, заключением сделки, обретением молодости в 1-й части и смертью (а по существу — шагом в бессмертие, в вечную загробную жизнь) во 2-й части — еще долгая, богатая незаурядными событиями жизнь героя. На его пути, воссозданном поэтическим гением Гете, два Светоча любви — Маргарита и Елена Прекрасная. Первая — невинная и хрупкая девушка (при знакомстве с Фаустом ей 14 лет), живая и трепетная, как полевой цветок. Вторая — символ женской притягательности и неисчерпаемой чувственности, однако далеко не образец супружеской верности: напомним, что за свою полную приключений жизнь Елена сменила не одно брачное ложе, окончательно перессорила Олимпийских Богов и стала причиной долгой и

кровавопролитной Троянской войны. И все же в памяти людской она осталась идеалом красоты и наслаждения, которого и пожелал достичь Фауст, естественно, не в абстрактном, а в чувственно-материализованном виде.

С помощью всемогущего Мефистофеля Фауст стал последним по счету любовником Елены. И все же подлинную славу Гете и всей немецкой литературе принес образ Маргариты (Гретхен). История обольщенной и погубленной девушки традиционна для мировой культуры, включая фольклор. В «Фаусте» найдено нетрафаретное решение этой трагически-неувядающей темы. Ужаснувшись в содеянном, Фауст пытается спасти осужденную к отсечению головы возлюбленную, вызволить ее из камеры смертников. Сцена в тюрьме — одна из вершин поэтического гения Гете.

Однако спасение Гретхен произошло не с помощью нечистой силы, а при участии Божественного провидения. Спасенная на небесах, Маргарита в финале трагедии возвращается к своему неверному возлюбленному в виде бестелесной души из свиты Богоматери. Более того, она становится провожатой в эмпирии души Фауста, вырванной из лап дьявола, подобно тому, как это ранее произошло с Беатриче в Дантовом «Рае».

В итоге своих мучительных исканий и странствий по реальным и ирреальным мирам Фауст наконец приходит к выводу, что самое прекрасное, из-за чего стоит жить и не страшно умереть, — это служение людям. К построению справедливого и гармонически прекрасного общества он и приступает:

*Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд
«...»*

*Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром, ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смело б веков течение
Следа оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.*

(Перевод Николая Холодковского)

Как и все великие произведения, «Фауст» философски афористичен. Одна-две строки выражают в нем глубочайшую мысль,

которую порой не способен кратко сформулировать толстый схоластический фолиант. Это относится и к знаменитому афоризму о несовместимости пустого теоретизирования и живой многоцветной жизни: «Теория, мой друг, сера, но вечно зелено древо жизни». Это относится и к великому лозунгу самого Гете, вложенному им в уста Фауста, который и поныне повторяют все преобразователи мира: Im Anfang war die Tat! — Вначале было дело!

64. БАЙРОН **«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»**

Герой знаменитой поэмы Байрона с момента опубликования ее первых глав сразу же стал символом романтического направления в литературе. Герой-скиталец, разочарованный во всем — в жизни, любви, друзьях, традиционных ценностях и возвышенных идеалах — быстро сделался кумиром и объектом Для подражания для тысяч молодых людей в разных уголках Европы и Америки. Чайльд-Гарольд и его автор оказали колоссальное влияние на русскую поэзию и прозу: отблески романтического героя пали и на Чацкого, и на Онегина, и на Печорина (главный герой пушкинского романа в стихах так и именуется — «москвич в Гарольдовом плаще»).

Байрон никогда не идеализировал своего героя и отрицал какое бы то ни было сходство с собой. Гарольд — абсолютный (не разумный даже) эгоист, циник и прожигатель жизни. Таких во все времена было предостаточно, а в Наполеоновскую эпоху — и подавно. Но Байрон создал обобщенный тип, ставший символом. Вот доподлинная характеристика Чайльд-Гарольда:

*Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным,
В безумной жажде радостей и нег
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду.*

(Перевод — здесь и далее — Вильгельма Левика)

Не прожив на свете и двадцати лет, герой Байрона ощутил пресыщение жизнью и отправился скитаться по миру:

*Но вдруг в расцвете жизненного мая,
Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою — родина, могилой — отчий дом.*

Вот, собственно, и весь сюжет знаменитой поэмы. Далее следуют описания различных стран, которые посещает нигде не испытывающий покоя Чайльд-Гарольд: Португалия, Испания, Греция, Албания, Бельгия,

Германия, Швейцария, Италия. Впечатления героя перемежаются с впечатлениями самого автора и сопровождаются обширными экскурсами в мировую историю. В этом смысле Время-Хронос — один из незримых героев поэмы. В «Чайльд-Гарольде» Байрон сумел достичь гениального поэтического эффекта — сплава Прошлого — Настоящего — Будущего. Незабываемы воссозданные им картины различных исторических событий. Резкими, откровенными мазками, сродни живописи Гойи, рисует он эпизоды испанского всенародного восстания против наполеоновских оккупантов:

*Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?
Кинжала нет — дубиной, ломом бей,
Пора кончать с незваными гостями!
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И тлеть оставь — пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!*

Не менее впечатляющи воспоминания о Великой французской революции и ее апостоле Жан-Жак Руссо:

*И, молнией безумья озаренный,
Как пифия на троне золотом,
Он стал вещать, и дрогнули короны,
И мир таким запылал огнем,
Что королевства, рушась, гибли в нем.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял ярой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями.*

Многие эпизоды и отступления насыщены глубоким философским содержанием, размышлениями над судьбами мира, сущностью мироздания и месте человека в системе природы:

*Природа-мать, тебе подобных нет,
Ты жизнь творишь, ты создаешь светила.
Я приникал к тебе на утре лет,
Меня, как сына, грудью ты вскормила
И не отвергла, пусть не полюбила.
Ты мне роднее в дикости своей,
Где власть людей твой лик не осквернила.
Люблю твою улыбку с детских дней,
Люблю спокойствие — но гнев еще сильнее.
Иль горы, волны, небеса — не часть
Моей души, а я — не часть Вселенной.*

Байрон зарекомендовал себя не только как великий поэт, которому в то время на европейском континенте не было равных, но и оригинальным мыслителем, доходящим до высших высот космистских обобщений:

*О звезды, буквы золотых писем
Поэзии небесной! В них таится
И всех миров, и всех судеб закон.
И тот, чей дух к величию стремится,
К ним рвется ввысь, чтоб с ними породниться.
В них тайна, ими движет Красота.
И все, чем может человек, гордиться,
«Своей звездой» зовет он неспроста, —
То честь и счастье, власть и слава, и мечта.
«...» И, влившись в бесконечность бытия,
Не одинок паломник одинокий,
Очищенный от собственного «я»...*

«Паломничество Чайльд-Гарольда» писалось постепенно: между первыми двумя главами (песнями), увидевшими свет в год нашествия Наполеона на Россию, и следующей 3-й главой прошло четыре года. Затем, спустя еще два года, была опубликована заключительная 4-я песнь. Все вместе они и составили славу и гордость английской поэзии.

Последние строфы поэмы — сплошь собственные раздумья автора, почти что полностью заслонившие главного героя. Поэт заканчивает обессмертивший его шедевр спокойно, как летописец:

Мой кончен труд, дописан мой рассказ, И гаснет, как звезда перед зарею, Тот факел, о который я не раз Лампаду поздней зажигал порою...

Хотя при жизни его называли больше «певец Гяура и Корсара» (по названиям восточных романтических поэм), после смерти (и бессмертия!) истина восторжествовала: сегодня Байрона именуют не иначе, как автор «Чайльд-Гарольда».

65. СТЕНДАЛЬ **«КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ»**

Стендаль — писатель, который работал на будущее (Горький так и называл его книги «письмами в будущее»). Непризнанный при жизни, мало читаемый и почитаемый современниками, он доподлинно знал, что настоящие читатели ждут его впереди. И не ошибся!

«Я — наблюдатель человеческого сердца», — сказал он как-то о себе. Обыгрывая эти слова, Стефан Цвейг, посвятивший Стендалю одно из своих великолепных эссе, называет французского писателя «новым Коперником в астрономии сердца», искуснейшим психологом всех времен и великим знатоком человеческого души:

Стендаль знал, как немногие, это сладострастие психолога, он был, почти как пороку, подвержен этой изысканной страсти людей выдающегося ума; но как красноречиво его тонкое опьянение тайнами сердца, как легко, как одухотворяюще его психологическое искусство! Его любопытство протягивает свои щупальца — разумные нервы, тонкий слух, острое зрение — и с какою-то возвышенною чувственностью высасывает

сладкий мозг духа из живых вещей. Его гибкому интеллекту нет нужды надолго вливаться, он не душит свои жертвы и не ломает им кости, дабы уложить в прокрустово ложе системы; стендалевский анализ сохраняет неожиданность внезапного счастливого открытия, новизну и свежесть случайной встречи.

Самый знаменитый роман Стендаля открывается эпиграфом, который подходит ко всему творчеству писателя. Это слова Дантона: «Правда, горькая правда». «Красное и черное» распадается на две части: действие первой происходит в провинции, второй — в Париже в постнаполеоновскую эпоху. Сын плотника Жюльен Сорель — плебей, как он сам себя называет, — благодаря успехам в самообразовании попадает в высший свет: сначала служит гувернером у детей мэра небольшого приальпийского городка; затем — секретарем у маркиза Ла-Мол могущественного вельможи во времена реставрации Бурбонов И там, и здесь 19-летнего юношу ждет всепоглощающая любовь в Верьере он становится любовником жены мэра г-жи де Реналь; в Париже — соблазняет дочь маркиза Матильду.

Обе женщины — разные по возрасту и характеру — любят Жюльена самозабвенно, ради него готовы отдать не только честь, но и жизнь. В описании их мятущихся чувств, сомнениях импульсивных поступков и роковых решений Стендаль достигает высот, которые до него не были доступны никакому другому писателю. После — да. Его магическое влияние ощутили на себе многие беллетристы, особенно русские. Лев Толстой боялся признавать себя учеником Стендаля. И действительно, сквозь слова и поступки возлюбленных Жюльена Сореля явственно проглядывает образ будущей Анны Карениной. Достаточно привести небольшой отрывок из страстного письма г-ж де Реналь:

Ты не захотел меня впустить к себе сегодня ночью? Бывают минуты, когда мне кажется, что мне, в сущности, никогда не удавалось узнать до конца, что происходит у тебя в душе. Ты глядишь на меня — и твой взгляд меня пугает. Я боюсь тебя. Боже великий! Да неужели же ты никогда не любил меня? Если так, то пусть муж узнает все про нашу любовь и пусть он запрет меня на всю жизнь в деревне, в тюрьме, вдали от моих детей. Быть может, это и есть воля божья. Ну что ж, я скоро умру. А ты! Ты будешь чудовищем. Так, значит, не любишь? Тебе надоели мои безумства и вечные мои угрызения? Безбожный! Хочешь меня погубить? Вот самое простое средство. Ступай в Верьер, покажи это письмо всему городу, а еще лучше — пойди покажи его господину Вально. Скажи ему, что я люблю тебя — нет, нет, боже тебя сохрани от такого кощунства! — скажи ему, что я боготворю тебя, что жизнь для меня началась только с того дня, когда я увидела тебя, что даже в юности, когда предаешься самым безумным мечтам, я никогда не грезил о таком счастье, каким я тебе обязана, что я тебе жизнь свою отдала, душой своей для тебя пожертвовала — да, ты знаешь, что я для тебя и гораздо большим пожертвую.

Не менее экспрессивна и выразительна любовь импульсивной, непредсказуемой Матильды:

— Накажи меня за мою чудовищную гордость, — говорила она, обнимая его так крепко, словно хотела задушить в своих объятиях. — Ты мой повелитель, я твоя раба, я должна на коленях молить у тебя прощение

за то, что я взбунтовалась. — И, разомкнув объятия, она упала к его ногам. — Да, ты мой повелитель! — говорила она, упоенная счастьем и любовью. — Властвуй надо мною всегда, карай без пощады свою рабыню, если она вздумает бунтовать.

Через несколько мгновений, вырвавшись из его объятий, она зажигает свечу, и Жюльену едва удается удержать ее: она непременно хочет отрезать огромную прядь, чуть ли не половину своих волос.

— Я хочу всегда помнить о том, что я твоя служанка, и если когда-нибудь моя омерзительная гордость снова ослепит меня, покажи мне эти волосы и скажи: «Дело не в любви и не в том, какое чувство владеет сейчас вашей душой; вы поклялись мне повиноваться — извольте же держать слово».

Любовь Жюльена более расчетлива и рациональна. Юноша вообще непомерно честолобив и тщеславен. Тайный поклонник Наполеона, он ненавидит богачей и одновременно жаждет богатства, которое — он точно знает — принесет ему власть над людьми (в этом своем тайном устремлении главный герой Стендаля предвосхищает главных героев романов Достоевского «Преступление и наказание» и «Подросток»). Лишь в конце романа, после покушения на убийство, в нем пробуждается чувство раскаяния. Вот почему великий роман Стендаля — это, прежде всего, памятник Женской Любви, на котором могут быть начертаны, быть может, самые проникновенные слова о любви, сказанные когда-либо женщиной: «Я вся — одна сплошная любовь к тебе. Даже, пожалуй, слово «любовь» — это слишком слабо».

Эту беспримерную фразу г-жа де Реналь произносит уже в самом конце романа, когда наступила развязка, и Жюльен Сорель неудачно попытался застрелить свою первую возлюбленную. Г-жа де Реналь осталась жива, но не надолго. Через три дня после казни Жюльена она умерла, обнимая своих детей. Матильде же досталась голова гильотинированного любовника. Она долго целовала ее, положив перед собой на мраморный столик, а ночью похоронила ее в одной из горных пещер.

Вот уже 170 лет читатели и комментаторы спорят, что означают цвета, вынесенные в заглавие романа. Что такое «красное», а что «черное»? Выдвигались самые невероятные версии — чуть ли не «революция» и «контрреволюция». Зачем же так? Все гораздо проще. Точки над «и» расставила жизнь и кульминация романа: «красное» — это Любовь, «черное» — Смерть. Они никогда не смешиваются. Но почему-то всегда соседствуют. Истина, которую лишний раз подтверждает Стендаль.

66. БАЛЬЗАК

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ»

Бальзак безбрежен, как океан. Это — вихрь гениальности, буря негодования и ураган страстей. Он родился в один год с Пушкиным (1799) — всего на две недели раньше, — но пережил его на 13 лет. Оба гения отважились заглянуть в такие глубины человеческой души и людских отношений, в какие до них не был способен никто. Бальзак не побоялся бросить вызов самому Данте, назвав свою эпопею по аналогии с главным творением великого флорентийца «Человеческой комедией». Впрочем, с равным основанием ее можно назвать еще и «Нечеловеческой», ибо только

титану под силу создать столь грандиозное горение.

«Человеческая комедия» — общее название, данное самими писателем, для обширного цикла своих романов, повестей и рассказов. Большинство произведений, объединенных в цикл, было опубликовано задолго до того, как Бальзак подобрал им приемлемое объединяющее название. Сам писатель так рассказывал о своем замысле:

Называя «Человеческой комедией» произведение, начатое почти тринадцать лет тому назад, я считаю необходимым разъяснить его замысел, рассказать о его происхождении, кратко изложить план, притом выразить все это так, как будто я к этому не причастен. «...»

Первоначальная идея «Человеческой комедии» предстала передо мной как некая греза, как один из тех невыполнимых замыслов, которые лелеешь, но не можешь уловить; так насмешливая химера являет свой женский лик, но тотчас же, распахнув крылья, уносится в мир фантастики. Однако и эта химера, как многие другие, воплощается: она повелевает, она наделена неограниченной властью, и приходится ей подчиниться. Идея этого произведения родилась из сравнения человечества с животным миром. «...» В этом отношении общество подобно Природе. Ведь Общество создает из человека, соответственно среде, где он действует, столько же разнообразных видов, сколько их существует в животном мире. Различие между солдатом, рабочим, чиновником, адвокатом, бездельником, ученым, государственным деятелем, торговцем, моряком, поэтом, бедняком, священником так же значительно, хотя и труднее уловимо, как и то, что отличает друг от друга волка, льва, осла, ворона, акулу, тюленя, овцу и т. д. Стало быть, существуют и всегда будут существовать виды в человеческом обществе так же, как и виды животного царства.

По существу в приведенном фрагменте из знаменитого Предисловия к «Человеческой комедии» выражено кредо Бальзака приоткрывающее тайну его творческого метода. Он систематизировал человеческие типы и характеры, как ботаники и зоологи систематизировали растительный и животный мир. При этом, по словам Бальзака, «в великом потоке жизни Животность врывается в Человечность». Страсть — это все человечество. Человек, считает писатель, ни добр, ни зол, а просто рождается с инстинктами и наклонностями. Остается только как можно точнее воспроизвести тот материал, который дает нам сама Природа.

Вопреки традиционным канонам и даже формально-логическим правилам классификации, писатель выделяет три «формы бытия»: мужчин, женщин и вещи, то есть людей и «материальное воплощение их мышления». Но, видимо, именно это «вопреки» и позволило Бальзаку создать неповторимый мир своих романов и повестей, который не спутаешь ни с чем. И бальзаковских героев тоже не спутаешь ни с кем. «Три тысячи людей определенной эпохи» — так не без гордости характеризовал их сам писатель.

«Человеческая комедия», как замыслил ее Бальзак, имеет сложную структуру. Прежде всего, она подразделяется на три разновеликие части: «Этюды о нравах», «Философские этюды» и «Аналитические этюды». По существу же все главное и великое (за небольшим исключением) сосредоточено в первой части. Именно сюда входят такие гениальные произведения Бальзака, как «Гобсек», «Отец Горио», «Евгения Гранде»,

«Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок» и др. В свою очередь, «Этюды о нравах» делятся на «сцены»: «Сцены частной жизни», «Сцены провинциальной жизни», «Сцены парижской жизни», «Сцены военной жизни» и «Сцены сельской жизни». Некоторые циклы остались неразвернутыми: из «Аналитических этюдов» Бальзак успел написать только «Физиологию брака», а из «Сцен военной жизни» — авантурный роман «Шуаны». А ведь писатель строил грандиозные планы — создать панораму всех наполеоновских войн (представьте многотомную «Войну и мир», но написанную с французской точки зрения).

Бальзак претендовал на философский статус своего великого детища и даже выделил в нем специальную «философскую часть», куда среди прочих вошли романы «Луи Ламбер», «Поиски Абсолюта», «Неведомый шедевр», «Эликсир долголетия», «Серафита» и самый известный из «философских этюдов» — «Шагреновая кожа». Однако при всем уважении к бальзаковскому гению следует совершенно определенно сказать, что великого философа в собственном смысле данного слова из писателя не получилось: его знания в этой традиционной сфере духовной жизни хотя и обширны, но весьма поверхностны и эклектичны. Зазорного здесь ничего нет. Тем более что Бальзак создал свою собственную, не похожую ни на какую другую, философию — философию человеческих страстей и инстинктов.

Среди последних самый главный, по бальзаковской градации, — это, конечно, инстинкт обладания. Безотносительно от того, в каких конкретных формах он проявляется: у политиков — в жажде власти; у дельца — в жажде наживы; у маньяка — в жажде крови, насилия, угнетения; у мужчины — в жажде женщины (и наоборот). Безусловно, Бальзак нащупал самую чувствительную струну человеческих побуждений и поступков. Данный феномен в разных своих аспектах раскрыт в различных произведениях писателя. Но, как правило, все аспекты, как в фокусе, концентрируются в любом из них. Некоторые же воплощаются в неповторимых бальзаковских героях, становятся их носителями и олицетворением. Таков Гобсек — главное действующее лицо одноименной повести — одного из знаменитейших произведений мировой литературы.

Имя Гобсека переводится как Живоглот, но именно во французской вокализации оно стало нарицательным и символизирующим жажду наживы ради самой наживы. Гобсек — капиталистический гений, он обладает поразительным чутьем и умением увеличивать свой капитал, безжалостно растаптывая при этом человеческие судьбы и проявляя абсолютный цинизм и аморализм. К удивлению самого Бальзака, этот высохший старикашка, оказывается, и есть та фантастическая фигура, которая олицетворяет власть золота — этой «духовной сущности всего нынешнего общества». Впрочем, без названных качеств капиталистические отношения не могут существовать в принципе — иначе это будет совершенно другой строй. Гобсек — романтик капиталистической стихии: ему доставляет истинное наслаждение не столько получение самой прибыли, сколько созерцание падения и коверкания человеческих душ во всех ситуациях, где он оказывается подлинным властелином людей, попавших в сети ростовщика.

Но Гобсек — и жертва общества, где царствует чистоган: он не ведает, что такое любовь женщины, у него нет жены и детей, он понятия не имеет, что такое доставлять радость другим. За ним тянется шлейф из слез и горя, разбитых судеб и смертей. Он очень богат, но живет впроголодь и готов перегрызть горло любому из-за самой мелкой монетки. Он — ходячее воплощение бессмысленной скупости. После смерти ростовщика в запертых комнатах его двухэтажного особняка обнаруживается масса прогнивших вещей и протухших припасов: занимаясь под конец жизни колониальными аферами, он получал в виде взяток не только деньги и драгоценности, но всевозможные деликатесы, к которым не притрагивался, а все запирали на замок для пиршества червей и плесени.

Бальзаковская повесть — не учебник по политэкономии. Безжалостный мир капиталистической действительности писатель воссоздает через реалистически выписанные персонажи и ситуации, в которых они действуют. Но без портретов и полотен, написанных рукой гениального мастера, наше представление о самом действительном мире было бы неполным и бедным. Вот, к примеру, хрестоматийная характеристика самого Гобсека:

Волосы у моего ростовщика были совершенно прямые, всегда аккуратно причесанные и с сильной проседью — пепельно-серые. Черты лица, неподвижные, бесстрастные, как у Талейрана, казались отлитыми из бронзы. Глаза, маленькие и желтые, словно у хорька, и почти без ресниц, не выносили яркого света, поэтому он защищал их большим козырьком потрепанного картуза. Острый кончик длинного носа, изрытый рябинами, походил на буравчик, а губы были тонкие, как у алхимиков и древних стариков на картинах Рембрандта и Метсу. Говорил этот человек тихо, мягко, никогда не горячился. Возраст его был загадкой «...» Это был какой-то человек-автомат, которого заводили ежедневно. Если тронуть ползущую по бумаге мокрицу, она мгновенно остановится и замрет; так же вот и этот человек во время разговора вдруг умолкал, выжидая, пока не стихнет шум проезжающего под окнами экипажа, так как не желал напрягать голос. По примеру Фонтенеля он берег жизненную энергию, подавляя в себе все человеческие чувства. И жизнь его протекала так же бесшумно, как сыплется струйкой песок в старинных песочных часах. Иногда его жертвы возмущались, поднимали неистовый крик, потом вдруг наступала мертвая тишина, как в кухне, когда зарежут в ней утку.

Несколько штрихов к характеристике одного героя. А у Бальзака их были тысячи — по несколько десятков в каждом романе. Он писал денно и ночно. И все же не успел создать все, что замыслил. «Человеческая комедия» осталась незавершенной. Она сожгла и самого автора. Всего планировалось 144 произведения, не написано же — 91. Если задасться вопросом: какая фигура в западной литературе XIX века самая масштабная, мощная и недостижимая, затруднений с ответом не будет. Это — Бальзак! Золя сравнивал «Человеческую комедию» с Вавилонской башней. Сравнение вполне резонное: и впрямь — есть в циклопическом творении Бальзака нечто первозданно-хаотическое и запредельно-грандиозное. Разница только одна:

Вавилонская башня рухнула, а «Человеческая комедия», построенная руками французского гения, будет стоять вечно.

67. ДИККЕНС

«ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»

«Посмертные записки Пиквикского клуба» были написаны, казалось бы, по чистой случайности. Юмористический роман был задуман как серия пояснительных текстов к рисункам, посвященным спортивным приключениям нескольких джентльменов. Однако в ходе печатания романа отдельными выпусками литературный текст приобретал все большее значение и, наконец, вылился в грандиозную комическую эпопею.

В центре романа — ставшая всемирно известной фигура благодушного чудака мистера Пиквика, комического мыслителя и неудачливого, но трогательного благодетеля человечества, вокруг него группируются в качестве членов организованного им «клуба»: влюбчивый толстяк Тампен, горе-спортсмен Уинкль, несостоятельный поэт Снограсс; к ним присоединяется в качестве слуги мистера Пиквика Сэм Уэллер, шутник и балагур, носитель народной юмористической мудрости.

Сказочно-благородные и бескорыстные взаимоотношения «пиквикистов» резко контрастируют с окружающим их миром буржуазной реальности и образуют внутри этого мира нечто вроде странствующей идиллии. Но комические герои Диккенса, при всех своих внешних несовершенствах, становятся носителями оптимистической веры писателя в лучшие качества человека и в то же время оказываются средством косвенной критики буржуазного мира. В главах о выборах в городке Итенсуилле Диккенс выступает с критикой буржуазного парламентаризма, системы подкупов и обмана, сопутствующей «демократическим» выборам.

Создавая портреты судейских чиновников, он обличает бюрократизм и взяточничество. Острыми по своему социальному звучанию являются эпизоды, связанные с пребыванием мистера Пиквика в тюрьме. И все же общий тон «Записок» определяется жизнерадостным весельем, светлым оптимизмом, стихией беззаботного юмора. Присущее раннему Диккенсу романтическое начало проявилось в утопической картине счастливого существования милых и бескорыстных людей. Благополучно устраиваются судьбы героев. Царит атмосфера веселья, торжествуют принципы гуманности. Диккенс славит доброту, отзывчивость, человечность. Автору романа было всего 25 лет (1837 год).

А всего Диккенс написал 15 романов, и «Записки», являясь вершиной, должны все-таки рассматриваться в цельном контексте всего творчества.

«В творчестве Диккенса, — писал известный литературовед М. В. Урнов, — нашло самое полное художественное выражение то гуманное начало, которое с 30-х годов прошлого столетия стало проникать все сильнее и сильнее в европейскую беллетристику. Все «униженные и оскорбленные», все страждущие, особенно от причин социального характера, приобрели себе в этом писателе глубоко сочувствующего защитника, явившегося в то же время и благородным противником, и обличителем виновников этих страданий, и удивительным изобретателем того, что его наблюдательный взор находил смешного, пошлого и темного в современном ему обществе. Скорбь Диккенса тихая, плачущая печаль глубоко чувствующего человека; его смех — не язвительный смех, а тот

«смех сквозь слезы», который составляет сущность истинного юмора и который в соединении с его скорбью делает его одним из крупнейших юмористов. Одна из лучших характеристик творчества Диккенса принадлежит его современнику Тэну, философу и писателю. Тэн писал: «В сущности, роман Диккенса резюмируется одной фразой: будьте добры и любите. Истинную радость доставляют только сердечные волнения; чувствительность — вот в чем весь человек. Представьте науку ученым, гордость — знатным, роскошь — богачам; будьте сострадательны к смиренному несчастью; существо самое маленькое и самое презируемое может одно стоить целых тысяч существ могущественных и знатных. Берегитесь прикасаться жестокою рукой к тем нежным душам, которые существуют во всех сословиях, под всеми одеждами, во всех возрастах. Верьте, что гуманность, сострадание, прощение — суть то, что есть самое прекрасное в человеке; верьте, что сердечные излияния, нежность, слезы — самое благородное, самое улаживательное в мире».

Эти принципы Диккенс применял в своих произведениях не как тенденциозный моралист, а как истинный художник. Многие из созданных им образов, как положительные, так и отрицательные — остались и всегда останутся типами в истинном значении этого слова. И если для этого современного читателя чувствительность Диккенса кажется иногда граничащею со слезливой сентиментальностью, то причина этому уже историко-литературного свойства».

Славы и материального благополучия Чарльз Диккенс добился упорнейшим литературным трудом. Слава и авторитет его в Англии были совершенно ни с чем не сравнимыми. Основное время жизни он провел в Лондоне или в загородном доме. Но, путешествуя изредка по Европе или по Америке, он ясно видел сущность и «цену» американских «свобод». Английский профессор А. Кеттл заключает статью о Диккенсе, специально написанную для 200-томной Библиотеки всемирной литературы словами:

«Источник диккенсовского реализма — в его умении взглянуть на мир глазами простого человека, отбросив все привилегии; родник, питающий его фантазию, — сочувствие человеку, вера в него, отказ признать угнетение и нищету естественными явлениями, искренняя убежденность гуманиста в том, что человек способен переделать мир, переделав при этом самого себя».

68. ГЮГО **«ОТВЕРЖЕННЫЕ»**

Гюго — светило первой величины на звездном небе мировой литературы. Особенно он оказался близок русскому читателю. Почему? Трудно точно сказать. Во всяком случае не только из-за реалистичности. Бальзак, Флобер, Мопассан более реалистичны, чем Гюго. Но любила Россия особой любовью именно Гюго. Наверное, из-за столь близких сердцу каждого русского человека жалостливости или даже — надрывности? Они чувствуются даже в самом названии романа — «Отверженные». Достоевский вообще ценил эту художественную эпопею выше всех своих романов, выше «Преступления и наказания» уж точно — об этом он прямо писал. Некоторые герои романа Гюго кажутся взятыми из российской действительности или настолько слились с нашим мироощущением, что кажутся написанными русским пером. Таковы Жан

Вальжан и Гаврош, отчасти — Козетта.

«Отверженные» — многотомная и многоплановая беллетристическая панорама жизни всех слоев французского общества первой половины XIX века. Здесь и каскад реальных или придуманных событий, и переплетение жанров и даже стилей, когда сквозь реализм высокой пробы нередко просматривается романтизм или натурализм, а спокойное и величавое течение авторской мысли постоянно скатывается к детективу. Гюго посвящает целые разделы (именуемые книгами) своего грандиозного творения батальным сценам, в частности, битве при Ватерлоо, описанию баррикадных боев в Париже и даже истории городской канализации, где блуждают герои романа после разгрома восстания.

Считается, что Гюго затратил на создание «Отверженных» более тридцати лет своей творческой жизни, хотя писался роман с перерывами — иногда запойно, так сказать, и безостановочно, иногда же с затяжными паузами. Несколько раз переделывалось и переписывалось программное предисловие, которому писатель придавал принципиальное значение. В результате получился всего лишь один абзац лапидарного текста, в котором сформулировано философское кредо французского классика:

До тех пор, пока силою законов и нравов будет существовать социальное проклятие, которое среди расцвета цивилизации искусственно создает ад и отягчает судьбу, зависящую от бога, роковым предопределением человеческим; до тех пор, пока не будут разрешены три основные проблемы нашего века — принижение мужчины вследствие принадлежности его к классу пролетариата, падение женщины вследствие голода, увядание ребенка вследствие мрака невежества; до тех пор, пока в некоторых слоях общества будет существовать социальное удушение; иными словами и с точки зрения еще более широкой — до тех пор, пока будут царить на земле нужда и невежество, книги, подобные этой, окажутся, быть может, не бесполезными.

Более того, Гюго вообще наивно полагал, что книги, подобные «Отверженным», способны переустроить общество. Социальное зло и неравенство он считал причинами всех людских бед. Исправить положение можно путем улучшения нравственности. А для этого следует прислушаться и взять на вооружение то, к чему всегда призывали все великие пророки, мыслители, писатели. Еще короче: будь таким, как Жан Вальжан, и общество быстро избавится от поразивших его язв и пороков.

Действительно, главный герой романа (у которого, кстати, был прототип) с самого начала задумывался и писался не только как некоторая реальная личность, окунувшаяся в водоворот реальных исторических событий, но и как нравственный образец — носитель «безграничного человеколюбия». Надо отдать должное таланту мастера — писателю удалось и то и другое. Не удалось только решить поставленную сверхзадачу — устранить несправедливость и неравенство, как и встарь раздиравшие и по-прежнему раздирающие общество. Безусловно, социальная заостренность — непреходящая ценность романа. И все же основной его «капитал» — незабываемая галерея героев.

История Жана Вальжана вполне отвечает тем критериям, которые превращают этот образ в разряд «вечных». Бывший каторжник,

осужденный на два десятка лет за кражу хлеба для умирающих от голода племянников, он чуть было снова не угодил на каторгу, но был спасен епископом-праведником: тот выгородил Жана Вальжана, покусившегося на серебряные канделябры, перед арестовавшими его жандармами. Этот поступок в конечном счете так поразил бывшего каторжника, что привел к его нравственному перерождению. И Жан Вальжан сам превращается в праведника и подвижника: до конца дней своих оказывает бескорыстную помощь всем, кто в ней нуждается. Он превратился в неувядающий символ вечной устремленности вперед к истине и высшим идеалам. Многие обращали внимание, что в восприятии русского читателя главный герой «Отверженных» вообще обрел некое слитное имя Жан-вальжан (настолько близок всем стал этот образ).

Антиподом и «злым гением» главного героя «Отверженных» выступает полицейский инспектор Жавер, этот, по словам Гюго, «дикарь, состоящий на службе цивилизации, странное сочетание римлянина, спартанца, монаха и капрала, неспособного на ложь шпики и непорочного сыщика». На протяжении почти всего романа один преследует другого. Конец известен: Жан Вальжан отпускает Жавера, приговоренного инсургентами к расстрелу. Чуть позже и Жавер отпускает жертву, выслеженную у выхода из подземной клоаки, но не выносит неразрешимого противоречия между долгом и совестью и кончает жизнь самоубийством.

Незабываемы сцены народного восстания парижан в июне 1832 года. Им посвящены несколько книг романа. О неповторимом стиле автора можно судить даже по нескольким экспрессивным фразам, с помощью которых он передает состояние непримиримой ярости противоборствующих сторон:

Вдруг барабан забил атаку. Штурм разразился, как ураган. Накануне, во мраке ночи, противник подползал к баррикаде бесшумно, как удав. «...» Раздался рев пушки, и войско ринулось на приступ. «...» Обе стороны горели одинаковой решимостью. Храбрость доходила до дикого безрассудства и усугублялась каким-то свирепым героизмом, жертвующим в первую очередь жизнью самого героя. «...» Войска стремились закончить битву, повстанцы — продолжить ее. Затягивать агонию в расцвете юности и здоровья — это уже не бесстрашие, а безумство. Для каждого участника этой схватки смертный час длился бесконечно. Вся улица покрылась трупами.

Высшего трагизма Гюго достигает при описании смерти героев баррикадных боев. Хрестоматийной стала сцена гибели Гавроша, само имя которого давно стало нарицательным. Добровольно вызвавшись под обстрелом собирать патроны с убитых солдат, маленький парижский герой сам погибает на глазах у повстанцев:

Казалось, это не ребенок, не человек, а какой-то маленький чародей. Какой-то сказочный карлик, неуязвимый в бою. Пули гонялись за ним, но он был проворнее их. Он как бы затеял страшную игру в прятки со смертью; всякий раз, как курносый призрак приближался к нему, мальчишка встречал его щелчком по носу. Но одна пуля, более меткая или более предательская, чем другие, в конце концов настигла этот блуждающий огонек. Все увидели, как Гаврош пошатнулся и потом упал наземь. На баррикаде все вскрикнули в один голос; но в этом пигмее

таился Антей; коснуться мостовой для гамена значит то же самое, что великану коснуться земли; не успел Гаврош упасть, как поднялся снова. Он сидел на земле, струйка крови стекала по его лицу. «...» Вторая пуля того же стрелка оборвала [его жизнь] навеки. На этот раз он упал лицом на мостовую и больше не шевельнулся. Эта детская и великая душа отлетела.

В чем же секрет великого и неувядающего французского романа, который Андре Моруа назвал «одним из великих творений человеческого разума», а Теофиль Готье — «порождением стихии». Ведь и критики, вот уже свыше полутора столетий ругающие «Отверженных» формально правы: структуру грандиозной эпопеи невозможно признать безупречной и логически непротиворечивой; здесь чересчур много длиннот, философских и нефилософских рассуждений, неоправданных отклонений от общей линии развития сюжета. И все же «Отверженных» читали, продолжают читать и будут читать всегда, искренне переживая за судьбу его героев, радуясь и отчаиваясь вместе с ними, загораясь ненавистью против социальной несправедливости и мерзкой личины угнетателей. Почему так? Догадаться нетрудно! Потому, что Гюго вложил в свое великое творение! часть собственного сердца — его биение и передается каждому, кто припадает к этому источнику пламенных чувств!

69. ФЛОБЕР «ГОСПОЖА БОВАРИ»

Флоберу по праву принадлежит одно из почетных мест в плеяде французских прозаиков XIX века, которыми гордится не одна Франция, но и весь мир. Блистательный список открывают имена Стендаля и Бальзака, а завершают Мопассан и Золя. Флобер здесь равный среди равных. Но он же и неповторимый. Блестящий стилист, тонкий психолог и незаурядный мыслитель — Флобер с такой тщательностью оттачивал каждое слово своих произведений, что иногда часами мучался над одной единственной строчкой. Зато и результат окупался сторицей. У писателя нет ни одного лишнего слова. Его проза настолько насыщена, уплотнена и емка, что несколько мазков подчас воссоздают целую человеческую жизнь, не говоря уже о неповторимых характерах героев.

Внешними событиями роман «Госпожа Бовари» не блещет. Провинциальное общество с его однообразными, как заведенные часы, заботами. Обыкновенные люди. Но и в их сердцах кипят по меньшей мере шекспировские страсти. Чтобы увидеть это, понять и, самое главное, убедить читателя, — нужны ум и талант великого писателя. Недаром Флобер как-то заметил: «Мадам Бовари — это я». Сказано не для красного словца. Писатель настолько вжился в образ своей героини, что его рвало (в прямом смысле), когда он писал эпизод с ее самоотравлением мышьяком.

Эмма Бовари, дочь зажиточного фермера Руо, вторая жена провинциального лекаря Шарля Бовари, — фигура привлекательная своей неподдельной женственностью и одновременно отталкивающая импульсивной эгоистичностью и плотоядной чувственностью. Естественно, ей хочется любви, но только не мужа, который Эмме быстро и до смерти надоел своей обыденностью и занудливостью. Прекрасные же принцы существуют, как известно, только в волшебных сказках. Такую сказку можно при желании создать и в собственном воображении:

«У меня есть любовник! Любовник!» — повторяла она, радуясь этой мысли, точно вновь наступившей зрелости. Значит, у нее будет теперь трепет счастья, радость любви, которую она уже перестала ждать. Перед ней открывалась область чудесного, где властвуют страсть, восторг, исступление. Лазоревая бесконечность окружала ее: мысль ее прозревала искрящиеся вершины чувства, а жизнь обыденная виднелась лишь где-то глубоко внизу, между высотами.

Выражаясь современным языком, стиль Флобера кинематографичен: он пишет так, словно монтирует эпизоды фильма, и читатель буквально видит их — последовательно кадр за кадром:

Сукно ее платья зацепилось за бархат его фрака. Она запрокинула голову, от глубокого вздоха напряглась ее белая шея, по всему ее телу пробежала дрожь, и, пряча лицо, вся в слезах, она безвольно отдалась Родольфу. «...» Ложились вечерние тени. Косые лучи солнца, пробиваясь сквозь ветви, слепили ей глаза. Вокруг нее там и сям, на листьях и на земле, перебегали пятна света, — казалось, будто это колибри роняют на лету перья. Кругом было тихо. От деревьев веяло покоем. Эмма чувствовала, как опять у нее забилось сердце, как теплая волна крови прошла по ее телу. Вдруг где-то далеко за лесом, на другом холме, раздался невнятный протяжный крик, чей-то певучий голос, и она молча слушала, как он, словно музыка, сливался с замирающим трепетом ее возбужденных нервов. Родольф с сигарой во рту, орудуя перочинным ножом, чинил оборванный повод.

Развязка последовала быстро. Первый любовник Эммы, пресыщенный жизнью Родольф, бросил ее, известив о разрыве ничего не подозревавшую женщину только письмом. Казалось бы, еще одна заурядная история соблазненной и покинутой женщины — сколько таких было и в реальной жизни, и в литературе! Но под пером Флобера банальная история превращается в блистательный шедевр.

Жизнь берет свое, и едва оправившись от потрясения (больше месяца она прометалась в горячке), Эмма вскоре находит нового любовника — молодого красавца Леона. И вновь безудержная и ненасытная страсть. Она-то и кончается трагедией. Истратив на любовника и утехи баснословную по тем временам сумму, героиня романа попадает в долговой капкан. Денег ей никто не ссужает, в кредите отказывают, имущество описывают и распродают. Пережив позор и унижение, Эмма решает уйти из жизни. Истинные чувства в такой момент может передать только великий писатель:

Эмма вышла. Стены качались, потолок давил ее. Потом она бежала по длинной аллее, натываясь на кучи сухих листьев, разлетавшихся от ветра. Вот и канава, вот и калитка. Второпях отворяя калитку, Эмма обломала себе ногти о засов. Она прошла еще шагов сто, совсем задохнулась, чуть не упала и поневоле остановилась. «...» Она вся точно окаменела; она чувствовала, что еще жива, только по сердцебиению, которое казалось ей громкой музыкой, разносившейся далеко окрест. Земля у нее под ногами колыбалась, точно вода, борозды вставали перед ней громадными бушующими бурными волнами. Все впечатления, все думы, какие только были у нее в голове, вспыхнули разом, точно огни грандиозного фейерверка. «...» Она страдала только от своей любви, при

одном воспоминании о ней душа у нее расставалась с телом — так умирающий чувствует, что жизнь выходит из него через кровоточащую рану. Ложились сумерки, кружились вороны. Вдруг с почудилось, будто в воздухе взлетают огненные шарики, похожие на светящиеся пули «...» Потом все исчезло. Она узнала мерцавшие в тумане далекие огни города. И тут правда жизни разверзлась перед ней, как пропасть.

Сцена медленного и мучительного умирания от яда описана столь подробно и натуралистично, что навсегда западает душу каждому читателю романа. Флобер заканчивает свое повествование такими же емкими и внешне бесстрастными фразами, как и начинает. В действительности в каждой из них целая жизнь:

После распродажи имущества осталось двенадцать франков семьдесят пять сантимов, которых мадемуазель Бова дочери Эммы, оставшейся сиротой после смерти отца едва хватило на то, чтобы доехать до бабушки. Старуха умерла в том же году, дедушку Руо разбил паралич, — Берп взяла к себе тетка. Она очень нуждается, так что девочке пришлось поступить на прядильную фабрику. «...»

70. ЖЮЛЬ БЕРН

«ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ»

Ураган 1865 года. — Крики в воздухе. — Воздушный шар. — Порванная оболочка. — Кругом вода. — Пять пассажиров. — Что происходило в гондоле. — Земля на горизонте. — Развязка.

— Мы поднимаемся?

— Нет, напротив, опускаемся!

— Хуже того, мистер Смит, мы падаем!

— Бросайте балласт!

— Последний мешок опорожнен!

— Поднялся ли шар?

— Нет!

— Как будто плеск волн!

— До моря не больше пятисот футов *. Властный голос скомандовал:

— Все тяжелое — за борт!

Эти слова раздались над безбрежной пустыней Тихого океана около четырех часов пополудни 23 марта 1865 года.

Вероятно, все еще помнят страшный норд-ост, внезапно поднявшийся в этом году во время весеннего равноденствия, Барометр тогда упал до семисот десяти миллиметров. Ураган, не утихая, свирепствовал с 18 по 26 марта. В Америке, Европе, в Азии, между тридцать пятым градусом северной широты и сороковым южной, то есть в зоне шириною в восемнадцать тысяч миль, он причинил неисчислимые беды. Вырванные с корнем леса, разрушенные города, вышедшие из берегов реки, сотни выброшенных на берег судов, опустошенные поля, тысячи человеческих жертв — вот следствие этого урагана.

Но бедствия обрушились не только на землю и море, в воздухе происходили не менее трагические события. Подхваченный бурей, воздушный шар несли в облаках со скоростью, девяносто миль в час, кружась волчком в воздухе. В его гондоле находилось пять пассажиров, едва видных в облаках пара водяной пыли, поднятой вихрем с поверхности океана.

Куда летел этот аэростат, ставший беспомощной игрушкой разъяренной стихии? Где он поднялся?

На наш взгляд, «Таинственный остров» Ж. Верна удовлетворяет всем высочайшим требованиям, предъявляемым к идеальной книге: автор должен быть умным и благородным; сюжет, должен читателя затягивать так, что не оторвешься; текст должен быть высокохудожественным, чтобы сам процесс чтения доставлял наслаждение; главная идея книги должна звать читателя к высоким, гуманным целям. Книга должна оставить след в душе (не как детектив, фабула которого забывается на другой день после прочтения).

Жюль Верн (1828–1905) родился во Франции, в Нанте — портовом городе, где сама атмосфера кораблей, моря звала к путешествиям, к неоткрытым землям, к приключениям. Отец Ж. Верна — адвокат — передал свою профессию сыну, передал и любовь к знанию, к наукам.

Юного Ж. Верна увлекла литература, драматургия. Есть сведения, что он даже прошел некоторую школу у Александра Дюма в качестве подручного литератора. Но окончательно судьба Ж. Верна была решена в 1862 году: появился его первый роман «Пять недель на воздушном шаре». Роман получил успех; пошли романы — около 70 названий за 40 лет. А еще труды по истории географических открытий. Полное собрание сочинений на французском языке составляет 88 томов. Но дело не в количестве томов. Главное в том, с Ж. Верном родилось новое направление в современной литературе — приключенческий и фантастический жанр с оптимистическим мировоззрением, с высокой моралью и верой в безграничные горизонты научного Знания.

Основные герои жюльверновских книг — смелые, одухотворенные, благородные, образованные, любопытствующие (в лучшем значении этого слова). В их душах горит огонь борьбы за человеческую справедливость — против корысти, неравенства, обмана, унижения человеческого достоинства. Кто сердцем прочел его романы, тот уже не может стать негодяем. Вот самая высокая оценка, которую только может получить писатель.

«Таинственный остров» (вместе с «Детьми капитана Гранта» и «Двадцатью тысячами лье под водой») входит заключительным романом в трилогию, где действуют общие персонажи. Несомненно, что эти три романа — вершина творчества французского фантаста. Необыкновенен и романтичен образ капитана Немо. На вулканическом клочке земли в неведомой области мирового океана встал на последнюю стоянку в подводной пещере подводный корабль «Наутилус» с уходящим в вечность капитаном. И на этот клочок земли ураган заносит воздушный шар с людьми, которым по счастливой случайности удалось бежать из плена армии южан. Так становятся новыми «Робинзонами» участники гражданской войны в США: инженер Сайрус Смит, его слуга негр Наб, журналист Геден Спилет, моряк Пенкроф и юный Герберт Браун. Необитаемый остров ставит оказавшихся на нем людей в условия первобытного существования, когда огонь и инструмент приходится добывать благодаря энергии, силе воли, трудолюбию, находчивости и знаниям.

Взаимная выручка, дух коллективизма помогают им выжить и создать для себя не только приемлемые, но и достойные человека условия жизни. Плоды их совместного труда становятся общим их достоянием, и общие усилия помогают избежать неожиданно возникающих опасностей.

Героями романа раскрывается тайна постаревшего капитана Немо. Капитан владеет несметными богатствами и отдает их тем, кто борется за свободу своей страны. Проводивший последние годы жизни в полном уединении, забаррикадированный в одном из гротов острова, он наблюдал за трудовой деятельностью маленького коллектива островитян и сделал вывод глубокого нравственного и социального смысла: «Я умираю потому что думал, что можно жить в одиночестве». Драматические обстоятельства позволили островитянам вернуться на родину и создать там с единомышленниками трудовую коммуны, где все равны.!

Под могучим и благодатным воздействием научно-фантастических и социальных гипотез Ж. Верна находились все выдающиеся ученые-изобретатели, путешественники, социальные мыслители конца XIX и XX веков. Жюль Верн и Камилл Фланмарион — вот уж действительные светочи знания и добра в нашем мире.

71. ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН СКАЗКИ И ИСТОРИИ

Великий датский сказочник за свою достаточно долгую жизнь написал множество книг, которые теперь никто, кроме специалистов, не знает и не читает: пьесы, стихи, путевые очерки, романы, подробную автобиографию с ностальгическим названием «Сказка моей жизни». И в самом деле — Андерсен стал настоящим олицетворением сказки.

Духовный мир каждого человека формируется на протяжении всей его жизни. В личном мировоззренческом каркасе всегда имеются некоторые устои сказочного (даже шире — фольклорного) происхождения. Заложенное однажды в детстве остается в душе навсегда, хотя со временем и претерпевает определенные изменения. И в этом первофундаменте нашей души обязательно живут полнокровной живой жизнью сказки Андерсена. Попробуйте представить свою жизнь без «Огнива», без «Дюймовочки», без «Снежной королевы», без «Русалочки», без «Стойкого оловянного солдатика», без «Гадкого утенка», без «Диких лебедей», без «Принцессы на горошине», без «Нового платья короля» — не получится!

«Сказки, рассказанные детям» — так назывался сборник, в котором впервые были опубликованы почти все из вышеперечисленных шедевров. Книга выходила в течение семи лет (1835–1842) в виде отдельных выпусков, объединенных в два тома (по три выпуска в каждом). Кое-что Андерсен написал прямо в дороге — он был страстным путешественником, и всю жизнь не вылезал из дилижанса. Его постоянно куда-то влекло в поисках новых сюжетов. В его неустанных странствиях и море было не помеха. Так, он специально посетил Англию, чтобы познакомиться с Диккенсом. Два великих человека поглядели в глаза друг другу и расплакались, как дети, — от избытка нахлынувших чувств.

Сам писатель так писал о своем даровании сказочника:

В детстве я любил слушать сказки и истории; многие из них еще живо хранятся в моей памяти; некоторые кажутся мне по своему происхождению датскими, целиком возникшими в среде нашего народа. Нигде больше на чужбине подобные им не встречались. Я рассказал их на свой лад, позволив себе внести в них всяческие изменения, которые почитал необходимыми, дабы с помощью фантазии освежить поблекшие краски. Так возникли четыре сказки: «Огниво», «Маленький Клаус и Большой Клаус», «Принцесса на горошине» и «Дорожный товарищ». Фабула сказки «Нехороший мальчик» заимствована, как известно, из стихотворения Анакреонта. Всецело, моего собственного сочинения — три сказки: «Цветы маленькой Иды», «Дюймовочка», «Русалочка». «...» В маленькой стране поэт всегда остается бедняком, поэтому признание — та жар-птица, за которой ему особенно надобно охотиться. Посмотрим, помогут ли мне поймать ее рассказанные мной сказки.

Два десятка сказок — и бессмертие на века. Конечно, написано было значительно больше, но в золотой фонд мировой литературы вошли далеко не все. Их язык прозрачен и свеж, как дуновение утреннего ветерка. Некоторые мысли просты до банальности. Услышишь однажды: «В Китае все люди китайцы и сам император — тоже китаец» — и запомнишь сразу на всю жизнь. Сказки Андерсена бессмысленно пересказывать: дабы не утратить очарования каждую придется воспроизводить слово в слово от начала и до конца. Любой текст можно до бесконечности смаковать, как драгоценное вино, пригубляя, не торопясь, маленькими глотками. Откройте — ну, хотя бы бессмертную «Русалочку», попробуйте вдуматься в ажурную ткань ее бесхитростного повествования. И сразу становится понятно, в какой необыкновенно прекрасный мир зовет нас сказочник:

В открытом море вода совсем синяя, как лепестки хорошеньких васильков, и прозрачная, как стекло, — но зато и глубоко там! Ни один якорь не достанет до дна; на дно моря пришлось бы поставить одну на другую много-много колоколен, чтобы они могли высунуться из воды. На самом дне живут русалки.

Не подумайте, что там, на дне, один голый белый песок; нет, там растут удивительнейшие деревья и цветы с такими гибкими стебельками и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. Между ветвями шныряют большие и маленькие рыбы — точь-в-точь как у нас здесь птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с большими остроконечными окнами из чистейшего янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по приливу или отливу, это очень красиво, потому что в каждой раковине лежит по жемчужине такой красоты, что и одна из них украсила бы корону любой королевы.

Что было дальше — известно каждому. Но разве дело только в сюжете? Великое самопожертвование героини во имя великой Любви — это ведь и нравственный принцип, хотя бы малый кусочек которого достается и нам, неизбежно откладываясь в сердце каждого читателя. И так с каждой сказкой. Вот почему Андерсен — никакая не беллетристика. Это — целая философия — простая, чистая и высоконравственная! Та, которая однажды западает в душу и остается там навсегда.

72. ИБСЕН

«ПЕР ГЮНТ»

Пер Гюнт — одновременно и образ, и символ. Живой человек и полусказочный персонаж. Точнее — живой человек, действующий в полусказочной обстановке. Подземное царство, троллей, Горный король (Доврский Дед), его дочь, ставшая на одну ночь женой Пера и даже родившая ему сына-уродца, закадровые Великая Кривая, черти и прочая нечисть — все они действуют в «проходных» эпизодах, но так, что создают общий фон и неповторимый колорит знаменитой драмы Ибсена.

Сам Пер Гюнт — тоже фольклорный персонаж, герой народных норвежских сказок Ибсен превратил его в реальное действующее лицо, а Григ увековечил в музыке. Конечно, обычный деревенский парень, ставший благодаря двум великим норвежцам всемирно известным, — прежде всего невероятный фантазер, повеса и охальник — этакая смесь Васьки Буслаева и Фанфан-Тюльпана на скандинавский манер. Как говорят в таких случаях, он не может пройти мимо ни одной юбки. И не только пройти — норовит еще и заглянуть под подол. К тому же — не безуспешно.

Сколько же поверивших ему наивных душ он соблазнил? Того, наверное, и сам Пер точно не знает. Даже невесту однажды прямо из-под жениха умыкнул. Ту самую Ингрид, которая так жалобно плачет в музыке Грига. А плачет девушка потому, что Пер не просто увел ее из-под носа жениха и лишил невинности, но еще и бросил одну в горах, поддавшись на очередной соблазн. С остальными деревенский донжуан поступал точно так же. Кроме одной — бессмертной Сольвейг, воплощение Вечной Женственности и Вечной Верности — о чем грезит любой Мужчиною

*Твой первый зов передала мне Хельга;
Потом его мне стали повторять
И тишина и ветер; мне звучал он
В рассказах матери твоей и в сладких
Мечтах, что те рассказы навевали;
И днем и ночью слышался он мне,
И не могла я не прийти Померкла
Вся жизнь там для меня Я не могла
Ни плакать от души там, ни смеяться.
Не знала я, что в мыслях у тебя;
Но знала, что мне следовало сделать*

(Перевод — здесь и далее А. и П. Ганзен)

Сольвейг согласна любить и ждать своего возлюбленного, несмотря ни на что. Так и случилось Пер Гюнт под влиянием мук совести и жажды раскаяния покидает девушку, о которой можно только мечтать (и благодаря Ибсену она как раз таки и сделалась символом такой мечты). Он хочет вернуться к ней чистым. Так оно и случилось. Но спустя несколько десятилетий. Немощный старик вернулся к ослепшей Сольвейг, чтобы уснуть, уткнувшись в ее колени. Заключительная сцена встречи двух пленников Вечной Любви — одна из самых неповторимых в мировой драматургии:

Сольвейг:
Ты песнью чудной сделал жизнь мою.
Благословляю первое свиданье
И эту нашу встречу в Духов день.
Пер Гюнт:
«...» Так говори же! Где был «самим собою» я — таким,
Каким я создан был, — единым цельным,
С печатью божьей на челе своем?
Сольвейг:
В надежде, вере и любви моей!
Пер Гюнт:
О, что ты говоришь! Молчи!
Загадка В самом ответе!
Иль... сама ты мать
Тому, о ком ты говоришь!
Сольвейг:
Я мать,
А кто отец?
Не тот ли, кто прощает
По просьбе матери?
Пер Гюнт:
О мать моя!
Жена моя!
Чистейшая из женщин!
Так дай же мне приют, укрой меня!
(Крепко прижимается к ней и прячет лицо в ее коленях)
Долгое молчание. Восходит солнце.

Слитая волею автора с Богоматерью (гениальная символистская находка!) Сольвейг поет свою знаменитую песню, вместе с которой и уснувшим на коленях возлюбленным входит в бессмертие. Если бы в драме была бы только одна линия Пер Гюнт — Сольвейг, она бы и без того осталась в первой десятке великих любовных пар. Но творение Ибсена многопланово. Оно — подлинная энциклопедия народной жизни.

Существует множество интерпретаций образа Пера Гюнта. Все они в какой-то мере имеют право на существование. Ибо символистское произведение всегда многозначно, и такое право дает каждому. Лишь бы не упустить главного — невероятной жизнеутверждающей силы и самой драмы, и ее центральной идеи: Правда побеждает Ложь. Побеждает — несмотря ни на что. Побеждает — благодаря спасительной силе и неизбывной энергии Женственности, которая и губит Пера, но она же его и спасает. Это признает даже Великая Кривая, пытающаяся сбить Пера Гюнта с праведного пути:

Нет, с ним не сладить!
Ему Женщины стали оплотом!

Пер Гюнт сам выбрал путь очищения и внутренней переплавки. Избранной цели достичь нелегко. Судьба пошлет ему еще не одно испытание. Он будет на волосок от смерти. Все это он предвидел с самого начала, но не отступил:

*Раскаянье? Нужны, пожалуй, годы,
Пока я с ним пробьюсь вперед.
Несладко Такую жизнь вести.
Сломать, разбить,
Что дорого так, чисто и прекрасно.
И снова склеить из кусков, обломков?*

Пер Гюнт — не лгун в вульгарном смысле данного слова. Он — мечтатель и правдоискатель. У него богатое воображение, настолько богатое, что оно на порядок — а то и на два — опережает очень будничную и подчас ужасно скучную действительность. Юноша — мужчина — старик, он на всех этапах своей неугомонной жизни как бы воспарял над ней. Он мучается, страдает, но ничего не может поделать со своими первозданными инстинктами и жаждой самоутверждения:

*Реют два темных орла.
Гуси на юг потянулись,
Что же, а мне тут сидеть,
Видно, в грязи по колено?
С ними лететь! И в волнах
Ветра холодного грязь всю
Смыть с себя мне захотелось, —
В облачной светлой купели,
Стать краше всех молодцов!
Реять хочу над горами,
Тело очистить и дух,
Взвиться над морем, стать выше
Английских принцев самих!..*

Пер Гюнт — вечный искатель! Он ищет себя — в себе самом, в женщинах, в остальных людях, в мире — настоящем и вымышленном, реальном и фантазмагорическом. Ему явно не хватает целой жизни для своих удивительных поисков. И все же он находит то, что искал. Правду! Истину!

73. МЕТЕРЛИНК **«СИНЯЯ ПТИЦА»**

«Синяя Птица» — феерия-сказка, воплотившая в себе философию мечты. Можно даже сказать, что эта драматическая притча — утопия и пророчество одновременно — символистский слепок и отголосок «Божественной комедии» Данте. Ибо, подобно великому флорентийцу, Метерлинк проводит своих героев и через Царство Мертвых, и через Страну Блаженств (коррелят Рая), через Прошое, Настоящее и Будущее. Вместе с тем в оживших антропоморфных стихиях — Огне, Воде, Свете, Ночи (Тьме), Времени проступают архаические черты языческих Божеств, а

в животных, растениях и вещах — отблески Древних тотемов. Философия помноженная на Фантазию обернулась эффектом необычайной выразительности и красоты.

Творение Метерлинка захватывает до головокружения. Особенно в зрелищном исполнении. Правда, добротных экранизаций — ни игровых, ни мультипликационных — не получилось. Непревзойденным остался лишь знаменитый спектакль МХАТа в постановке К. С. Станиславского. Начало феерии разворачивается по традиционным канонам рождественской сказки: голодные дети дровосека Тильтиль и Митиль наблюдают из окна своей хижины, как веселятся их богатые и счастливые сверстники. Чудеса начинаются с появлением Феи Берилюны (она же — соседка Барленго), которая просит для своей больной внучки Синюю Птицу Счастья. Что она такое и где находится — дети, естественно, понятия не имеют. Тогда их отправляют на поиск с волшебным алмазом, способным переносить всех в пространстве и времени. В беспримерном путешествии по иным мирам детей будут сопровождать ожившие предметы, животные и стихии:

Только успел Тильтиль повернуть алмаз, как со всеми предметами произошла внезапная и чудесная перемена. Старая колдунья вдруг превращается в прекрасную сказочную принцессу. Камни, из которых сложены стены хижины, светятся синим, как сапфир, светом, становятся призрачными, искрятся и ослепительно сверкают, точно это самые Драгоценные камни. Бедная обстановка хижины оживает и преображается: простой деревянный стол держит себя так величественно, с таким достоинством, точно он мраморный. Циферблат стенных часов прищуривается и добродушно усмехается; дверца, за которой ходит взад и вперед маятник, открывается, и оттуда выскакивают Души Часов; держась за руки и весело смеясь, они начинают танцевать под звуки прелестной музыки. Тильтиль, понятно, изумлен, у него невольно вырывается восклицание. «...»

Феерия между тем не прекращается. Собака и кошка, до сего времени спавшие, свернувшись клубком, возле шкафа, вдруг просыпаются: слышится дикий вой собаки и мяуканье кошки, затем они проваливаются в люк, а вместо них появляются два существа, одно из которых носит маску бульдога, а другое — маску кошки. В ту же минуту человек с маской бульдога — впредь мы будем именовать его Псом — бросается к Тильтилю, душит его в объятиях, осыпает бурными и шумными ласками, а в это время маленькая женщина с маской кошки — мы будем называть ее просто Кошка, — прежде чем подойти к Митиль, умывается и разглаживает усы. Пес рычит, прыгает, толкается, ведет себя ужасно. «...»

А феерия идет своим чередом: веретено в углу кружится с невероятной быстротой и прядет пряжу из дивных лучей света. В другом углу вода в кране начинает петь тонким голосом и, превратившись в сверкающий фонтан, низвергает в раковину потоки изумрудов и жемчужин. Из этих потоков выходит Душа Воды в обличье плаксивой девушки с распущенными волосами, в как бы струящихся одеждах и немедленно вступает в бой с Огнем. «...» Со стола падает на пол и разбивается кувшин с молоком. Из разлитого молока поднимается высокая белая фигура, робкая и стыдливая. «...»

Сахарная голова, стоявшая около шкафа, растет, ширится и разрывает обертку. Из обертки выходит слащавое, фальшивое существо в холщовой синей с белым одежде «...»

Со стола падает лампа, из нее мгновенно вымахивает пламя и превращается в светозарную девушку несравненной красоты. На девушке длинное, прозрачное, ослепительно яркое покрывало. Она стоит неподвижно, как бы в экстазе.

Это — Душа Света, которая в дальнейшем, до самого конца сказки, станет главным проводником и советчиком в поисках Синей Птицы. У каждого ожившего существа, предмета, стихии свой особый неповторимый характер: Молоко постоянно боится скиснуть, Огонь — быть залитым Водой, Хлеб — напыщенно важничает, Сахар, напротив, непрерывно угощает всех отломанными пальцами-леденцами. Особенно выразительны Пес и Кошка — носители безграничной преданности и потенциальной измены. Конфликт между верным Псом и предательницей Кошкой, усиленный их извечной природной враждой, оживляют действие сказки на всем ее протяжении.

Путь к Синей Птице неблизок, нелегок и непрост. Искателям вроде бы удастся ее увидеть и даже поймать, но каждый раз она оказывается ненастоящей. Поэтому в своих трудных поисках героям пьесы приходится последовательно преодолеть несколько «царств» — Страну Воспоминаний, Дворец Ночи, Заколдованный Лес, Страну Мертвых, Сады Блаженств, Царство Будущего. Впервые с фальшивыми синими птицами — суррогатами счастья — дети и их спутники столкнулись во владениях Ночи, которая целенаправленно мешает их поискам. И уже здесь героев Метерлинка постигает первое, но не последнее разочарование. Ибо настоящая Синяя Птица — не просто носитель Счастья. Она еще и величайшая Тайна Бытия, познать которую людям опасно. Во всяком случае противостоящий им мир делает все, чтобы этого не допустить. Потому-то и в пьесе-сказке Синяя Птица никак и никому не дается в руки и постоянно удаляется из поля зрения, как линия горизонта. Следуя за этим недостижимым, в общем-то, фантомом дети в окружении друзей продвигаются все дальше и дальше. Завораживает сцена на Кладбище, когда из могил вместо страшных мертвецов появляются цветы:

И тут из всех разверстых могил медленно поднимаются целые снопы цветов; сначала смутные, неуловимые, точно клубы дыма, цветы эти постепенно наливаются девственной белизной, растут, пленяют взор своей пышностью, обилием, великолепием и, заполонив в конце концов все кладбище, превращают его в некий волшебный, чистый, как брачные одежды, сад, а в это время над садом встает заря. Блестит роса, распускаются цветы, в ветвях шелестит ветер, жужжат пчелы, просыпаются птицы и наполняют пространство первыми восторженными гимнами Солнцу и Жизни. Потрясенные, ошеломленные Тильтиль и Митиль, держась за руки, ходят среди цветов и не могут найти следы могил.

И пророчески звучат слова автора, вложенные в уста детей:

«Где же мертвые?» — «Мертвых нет»

Творческое воображение Метерлинка разыгрывается до непредсказуемых высот, когда он приводит своих героев в Страну Радостей и Блаженств. Кого тут только не встретишь! И огромные, грузные

Тучные Блаженства, олицетворяющие пустое пресыщение жизнью. И имена-то им под стать: Блаженства — Быть Собственником; Утоленного Тщеславия; Пить, Когда Уже Не Чувствуешь Жажды; Есть, Когда Уже Не Чувствуешь Голода; Ничего Не Знать; Ничего Не Понимать; Ничего Не Делать; Спать Больше, Чем Нужно; Утробный Смех и др. Им противостоят подлинные Блаженства — Быть Здоровым; Дышать Воздухом; Любить Родителей; Голубого Неба, Блаженного Леса; Солнечных Дней; Заходящего Солнца; Зажигающихся Звезд; Зимнего Очага; Невинных Мыслей; Бегать По Траве Босиком.

И наконец Радости — Мыслить; Понимать; Любить; Быть Справедливым; Быть Добрым; Завершенного Труда; Созерцать Прекрасное. Великая Радость Материнской Любви, чье платье соткано из поцелуев, взглядов и ласк, каждый из которых вплетает в ткань по солнечному или лунному лучу, — дает детям свое покровительство, но не в силах помочь отыскать Синюю Птицу.

Миновав Царство Будущего, где живут еще не родившиеся Лазоревые Дети, которых Старик Время периодически на волшебных кораблях с золотыми парусами отправляет к ожидающим их родителям, — Тильтиль и Митиль возвращаются домой, так и не найдя Синей Птицы. Перед входом в дом они прощаются навсегда со своими новыми друзьями. Реальная ипостась Синей Птицы появится еще раз в заключительной сцене пьесы-сказки. Дети дровосека пробуждаются, и все выглядит так, как будто чудесное путешествие им приснилось. Однако они дарят парализованной соседской девочке свою живую горлицу, и ребенок вдруг неожиданно выздоравливает так велико его счастье!

Значит, Синяя Птица все-таки существует. Ее надо искать! И можно найти! Ибо нет предела в стремлении к счастью! Вот почему последние слова фантастической феерии Метерлинка обращены прямо к зрителю и читателю: «Мы вас очень просим: если кто-нибудь из вас ее [Синюю Птицу] найдет, то пусть принесет нам — она нужна нам для того, чтобы стать счастливыми в будущем...»

Трудно сказать как во всем остальном мире, но народам России Синяя Птица Счастья давно стала роднее всех родных. Высоко над Москвой на Воробьевых горах (название-то какое птичье!), изваянная из металла, вознесла она вверх свои лазурные крылья и лиру над Детским музыкальным театром. И в рукотворном виде она по-прежнему созывает всех искателей счастья, которые будут существовать всегда и всюду. Пока бьется в груди человеческое сердце!

74. ХЕМИНГУЭЙ «ПО КОМ ЗВОНIT КОЛОКОЛ»

Роман Хемингуэя — одна из немногих в истории мировой литературы книг, столь неразрывно слитая со своим названием, точнее — с эпиграфом, откуда взято это название. Сама же фраза, заимствованная из эпиграфа и быстро ставшая поговоркой на разных языках (в том числе и на русском), принадлежит известному английскому поэту XVII века Джону Донну Вот его доподлинное изречение:

Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе каждый человек есть часть Материка, часть Суши, и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европы, и также, если смочит край Мыса или

разрушит Замок твой или Друга твоего, смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол он звонит по Тебе.

Джон Донн

Это — роман о трагедии гражданской войны. Любой гражданской войны — независимо от того, где и когда она происходила, ибо она всегда — величайшая трагедия людей, семей, народов, стран. У Хемингуэя действие происходит в Испании в 1937 году (сам роман написан в 1940 году — по горячим следам). Но подобные гражданские войны случались в мировой истории не раз, в разное время и в разных странах — в Древнем Риме, США, России, Мексике, Китае, Кампучии, Афганистане. Да мало ли где еще? Всюду и всегда она на одно лицо — с бесчеловечной жестокостью, искалеченными жизнями и судьбами тысяч и миллионов людей.

И конечно же, этот роман, как и многие другие произведения великого американского писателя, о любви, о Большой Любви, той Любви, которая во все времена оказывалась сильнее всякой Войны, а значит, и сильнее Смерти. Чтобы написать книгу такой потрясающей силы, нужно было самому увидеть это, пережить и пропустить через свое сердце. Как военный корреспондент Хемингуэй действительно прошел через весь этот ад. На его глазах из-за нелепой случайности, точнее — из-за несогласованности действий и приказов командиров и комиссаров — представителей разных политических партий — погиб весь отряд, с которым он много месяцев отшагал по порогам войны. Этот случай навсегда перевернул его душу — писатель стал другим человеком.

Сюжет романа прост. Нечаянная мимолетная любовь («три ночи и три неполных дня») американского интернационалиста, подрывника-динамитчика Роберта Джордана и хрупкой испанской девушки Марии — почти ребенка. Незадолго перед случайной и судьбоносной встречей, перевернувшей жизнь обоих, над ней зверски надругался отряд фашистских карателей, расстрелявших перед тем на ее глазах отца и мать. Действие происходит в горном партизанском отряде, куда Роберт направлен с заданием взорвать стратегически важный мост.

Любовь вспыхнула мгновенно, как только встретились их взгляды. Хемингуэй мастерски, как только умел только один он, описывает все этапы ее развития — от первых надежд до последнего трагического прощания:

И он стал думать о девушке Марии, у которой и кожа, и волосы, и глаза одинакового золотисто-каштанового оттенка, только волосы чуть потемнее, но они будут казаться более светлыми, когда кожа сильнее загорит на солнце, ее гладкая кожа, смуглота которой как будто просвечивает сквозь бледно-золотистый верхний покров. Наверно, кожа у нее очень гладкая и все тело гладкое, а движения неловкие, как будто что-то такое есть в ней или с ней, что ее смущает, и ей кажется, что это всем видно, хотя на самом деле этого не видно, это только у нее в мыслях. И она покраснела, когда он смотрел на нее; вот так она сидела, обхватив руками колени, ворот рубашки распахнут, и груди круглятся, натягивая серую ткань, и когда он подумал о ней, ему сдавило горло и стало трудно шагать...

Девушка сама пришла к нему той же ночью — без принуждения забралась в спальный мешок, в котором он ночевал на открытом воздухе. Любовь мужчины и женщины, еще утром не подозревавших о существовании друг друга, вспыхнула столь же естественно и ярко, как светила на ночном небе:

— Я люблю тебя. Я так люблю тебя. Положи мне руку на голову, — сказала она, все еще пряча лицо в подушку. Он положил ей руку на голову и погладил, и вдруг она подняла лицо с подушки и крепко прижалась к нему, и теперь ее лицо было рядом с его лицом, и он обнимал ее, и она плакала. Он держал ее крепко и бережно, ощущая всю длину ее молодого тела, и гладил ее по голове, и целовал соленую влагу на ее глазах, и когда она всхлипывала, он чувствовал, как вздрагивают под рубашкой ее маленькие круглые груди. «...»

Они лежали рядом, и все, что было защищено, теперь осталось без защиты. Где раньше была шершавая ткань, все стало гладко-чудесной гладкостью, и круглилось, и льнуло, и вздрагивало, и вытягивалось, длинное и легкое, теплое и прохладное, прохладное снаружи и теплое внутри, и крепко прижималось, и замирало, и томило болью, и дарило радость, жалобное, молодое и любящее, и теперь уже все было теплое и гладкое и полное щемящей, острой жалобной тоски...

В описании любви Хемингуэй достигает подлинно космических высот, потому что описывает ее как воистину космическое чувство, как величайший дар и величайшее счастье, дарованное человеку Матерью-природой:

Потом был запах примятого вереска, и колкие изломы стеблей у нее под головой, и яркие солнечные блики на ее сомкнутых веках, и казалось, он на всю жизнь запомнит изгиб ее шеи, когда она лежала, запрокинув голову в вереск, и ее чуть-чуть шевелившиеся губы, и дрожание ресниц на веках, плотно сомкнутых, чтобы не видеть солнца и ничего не видеть, и мир для нее тогда был красный, оранжевый, золотисто-желтый от солнца, проникавшего сквозь сомкнутые веки, и такого же цвета было все — полнота, обладание, радость, — все такого же цвета, все в такой же яркой слепоте. А для него был путь во мрак, который вел никуда, и только никуда, и опять никуда, и еще, и еще, и снова никуда, локти вдавлены в землю, и опять никуда, и беспредельно, безвыходно, вечно никуда, и уже больше нет сил, и снова никуда, и нестерпимо, и еще, и еще, и еще, и снова никуда, и вдруг в неожиданном, в жгучем, в последнем весь мрак разлетелся и время застыло, и только они двое существовали в неподвижном, остановившемся времени, и земля под ними качнулась и поплыла.

Любовь Роберта и Марии — главная тема романа — разворачивается на фоне безжалостной и опасной войны, точнее — людей, втянутых в ее кровавый водоворот. Точными и колоритными мазками художника Хемингуэй воссоздает целую галерею народных героев — от безграмотных и диких партизан-патриотов до вождей Испанской Республики. Ужасы гражданской войны рисуются как бы с точки зрения журналиста-хроникера фиксирующего бесхитростные и страшные рассказы участие ков происходивших событий. Но именно от такой бесстрастной

натуралистичности по телу пробегают мурашки. Безразлично, идет ли речь о том, как крестьяне-республиканцы забивают цепами и живьем сбрасывают с обрыва своих соседей-фашистов, или же о том, как в другом месте и в другое время, фашисты отрезают головы убитым республиканцам.

Смертью от начала до конца пронизан весь роман Хемингуэя. Смертью главного героя он и завершается. С перебитой ногой и абсолютно нетранспортабельный в тяжелых горных условиях Роберт Джордан после выполнения своей главной задачи — успешного взрыва моста — вынужден остаться на горной тропе, чтобы прикрыть отступление партизанского отряда, спасти возлюбленную и ценой собственной жизни остановить фашистских карателей. Самой смерти американского интернационалиста Хемингуэй не рисует, она неумолимо приближается, но остается как бы за кадром, хотя с первых же страниц романа витает над головой героя.

Писатель хочет, чтобы в памяти читателя навсегда запечатлелась не Смерть, а Любовь — та самая, что продлилась только три ночи и три неполных дня. Наверное, этого вполне достаточно, чтобы хотя бы раз испытать настоящее человеческое счастье, всю полноту чувств, которым нас скупно одаривает природа. Возможно даже, стоит прожить целую жизнь только ради таких трех ночей «и трех неполных дней...

РУССКАЯ КЛАССИКА

75. «ГОЛУБИНАЯ КНИГА»

В первофундаменте русской культуры сокрыт заветный образ неизбывной творческой силы и воистину космического звучания — Голубиная книга. Сравнительно недавно она существовала в рукописном виде, считаясь апокрифической (если и не вовсе языческой). За ее чтение люто преследовали и строго карали. Но, начиная с XIII века, о письменных версиях Голубиной книги ничего не было слышно. Зато пышным цветом расцвели устные варианты, которые, впрочем, существовали всегда. Хранителями, носителями и исполнителями знаменитого «духовного стиха» были калики перехожие — главное передвижное «средство массовой информации» дописьменной и неграмотной Руси. От села к селу, по пыльным дорогам и бездорожью, в стужу и зной бродили ватаги неизвестных певцов, в чей репертуар обязательно входила и Голубиная книга. Канонического текста ее не существует, и вариантов Голубиной книги предостаточно.

«Духовный стих» — это более чем свободно и стихотворно обработанный библейский или житийный сюжет, предназначенный для публичного исполнения. По формальным признакам Голубиная книга вроде бы попадает под такой критерий. Здесь поминаются и Иисус Христос, и Богородица, и град Иерусалим, и гора Фаворская, и Иордань-река. Между тем любому, даже самому неискушенному слушателю или читателю бросается в глаза бесспорный факт: вся христианская проблематика покоится на некоем ином — нехристианском — фундаменте, неизбежно уводящем в неизведанные глубины человеческой предыстории, общеиндоевропейской и доиндоевропейской идеологии, морали, философии и протонауки. Недаром ведь заветная книга, о которой пели сказители, именуется Голубиной, то есть «глубинной» (что означает одновременно и «древняя» и «мудрая»). Но какую же «премудрость всей вселенной» (доподлинные слова священного текста) она скрывает?

Все без исключения варианты Голубиной книги строятся по общей схеме. С небес нежданно-негаданно «выпадает» огромная таинственная Книга — от 40 пядень до 40 сажень (то есть от 4 до 80 метров) в высоту да почти столько же в толщину. Что написано в той Великой книге, неведомо никому. Вокруг собираются мудрецы, цари, богатыри (список нередко продолжается: бояре, крестьяне, попы да поповичи), ну и, конечно же, сами исполнители — калики перехожие (от каждого сословия — по 40 человек). Начинают гадать: как быть, кто раскроет секрет сокровенной Небесной книги? Ключом к ее тайникам владеет лишь один — «распремудрый» царь Давид (в древнерусском мировосприятии он стал прозываться совсем по-домашнему — Давыд Евсеевич). На него-то и обрушивается град глубокомысленных вопросов. В качестве главного «вопрошателя» выступает, как правило, таинственный Волотоман-царь, или Волот Волотович. В его фигуре отчетливо проступают архаичные черты более древнего образа исполина-первопредка («волот» по-древнерусски значит «великан»). На все вопросы даются стереотипные ответы. Количество вопросов бывает разным. В зависимости от этого различают краткие и развернутые «редакции» Голубиной книги. Тем не менее, все вопросы касаются самых фундаментальных сторон природного бытия и человеческого существования:

От чего у нас начался белый вольный свет?

От чего у нас солнце красное?

От чего у нас млад-светел месяц?

От чего у нас звезды частые?

От чего у нас ночи темные?

От чего у нас зори утрени?

От чего у нас ветры буйные?

От чего у нас дробен дождик?

От чего у нас ум-разум?

От чего наши помыслы?

От чего у нас мир-народ?

От чего у нас кости крепкие?

От чего телеса наши?

От чего кровь-руда наша?

От чего у нас на земле цари пошли?

От чего зачались князья-бояры?

От чего крестьяне православные?

Этим перечень вовсе не исчерпывается. Вслед за бытийно-генетическим блоком проблем следует дюжина (а то и поболее), так сказать, субординационных загадок. Их смысл: кто на белом свете самый главный среди себе подобных? Кто царь царей? Кто царь зверей? Птиц? Рыб? Трав? Деревьев? Камней? Озер? Рек? Городов? И т. д.

Древнейшие арийские и доарийские представления тех невообразимо далеких времен, когда прапредки современных народов и этносов имели общую культуру, идеологию, религиозные верования и даже язык, прослеживаются в Голубиной книге повсюду и подчас в самых неожиданных местах. Достаточно внимательно приглядеться только к некоторым ее таинственным персонажам. Одним из них выступает

Индрик-зверь, несомненно связанный с ведийским и индуистским Божеством — Индрой. Вот только почему зверь? Вполне допустимо следующее объяснение. В эпоху нерасчлененной древнеарийской этнокультурной общности Индре как верховному Богу индоевропейцев подчинялись все «царства», включая животное. После распада индоевропейской праобщности и ухода ариев с Севера в памяти русских сохранилась одна из много численных «номинаций» Индры — Царь зверей, «всем зверям мати».

Лишним подтверждением того, что древнерусский Индрик первоначально был очень близок (если не тождественен) с ведийским Индрой, свидетельствуют и его характеристики, сохранившиеся в Голубиной книге. Здесь Индрик ростом «уво всю землю Вселенную», а от его деяний «вся Вселенная всколыбается». Это живо напоминает характеристику Индры в Ригведе как владыки Вселенной, единственного царя всего света, своими размерами превосходящего остальных Богов.

Но, по древнеарийским представлениям, в процессе миротворения вместе со всеми Богами был еще сотворен и вселенский человек Пуруша. Однако его вскоре принесли в жертву: его тело расчленили на части, и из них-то возникли небесные светила, земной небосклон, стихии, ветер, огонь и т. п. В русской же мифологической и космогонической традиции отзвуки этих древних доарийских представлений однозначно просматриваются в различных «редакциях» Голубиной книги, где все богатство видимого мира, в полном соответствии с общеиндоевропейской традицией, истолковывается, как части некоего космического Божества:

*Белый свет от сердца его.
Красно солнце от лица его,
Светел месяц от очей его,
Часты звезды от речей его...*

Другой вариант Голубиной книги имеет следующее продолжение с учетом христианизированной «правки»:

*Ночи темные от дум Господних,
Зори утренни от очей Господних,
Ветры буйные от Свята Духа.
Дробен дождик от слез Христа,
Наши помыслы от облац небесных,
У нас мир-народ от Адамия,
Кости крепкие от камени,
Телеса наши от сырой земли,
Кровь-руда наша от черна моря.*

Открытие и познание «премудрости всей Вселенной» завершается в наиболее полных текстах Голубиной книги «сгустком» моральной направленности, представленным в аллегорической форме — в виде притчи о двух (космических) зайцах, олицетворяющих Правду и Кривду. В одной из записей, сделанных на Русском Севере, это представлено так:

*... Как два заяца во поле сходились,
Один бел заяц, другой сер заяц,
Как бы серой белого преодолел;
Бел пошел с Земли на Небо,
А сер пошел по всей земли,
По всей земли, по всей вселенной...
Кой бел заяц — это Правда была,
А кой сер заяц — это Кривда была,
А Кривда Правду преодолела,
А Правда взята Богом на небо,
А Кривда пошла по всей земли,
По всей земли, по всей вселенной,
И вселилась в люди лукавые...*

В подтексте данного отрывка сокрыты две проблемы. Одна — древняя, связанная с извечной борьбой двух космических начал — Добра и Зла (позднее эта идея закрепились и расцвела пышным цветом в дуальной философии манихейства). Другая — архидревняя, связанная с тотемными предпочтениями наших предков и прапредков, что уводит в самые немыслимые глубины общечеловеческой истории.

Голубиная книга неисчерпаема в своей глубине. Она — действительно Глубинная книга, чьи корни уходят к самым истокам мировой истории и предыстории. Она — один из немногих, чудом уцелевших мостков, напрямую соединяющих нас с началом начал всемирной истории. В этом живительном роднике истоки и русского духа, и русской души. Народ — хранитель и носитель древнейших традиций — прекрасно понимал подлинную цену обретенного еще в праотеческие времена своего, в общем-то, бесценного сокровища. В самом ее тексте содержится самая точная и емкая характеристика — премудрость всей Вселенной! О какой еще другой книге прошлого и настоящего сказано нечто подобное?

76. ИЛАРИОН «СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»

Это — первое письменное произведение, начало, исток величайшей в мире русской литературы. Но величайшим его признали только в XIX и XX веках. А родилось оно так. В 1049 году на Пасхальной неделе Киевский митрополит Иларион произносил в продолжение двух часов в Софии Киевской огромную речь, яркую, эмоциональную, как будто на одном дыхании исполненную. Но это не был экспромт. Или же это был хорошо подготовленный экспромт.

Строение, членение всего произведения, каждая фраза и даже каждое слово были давно и глубоко продуманы. Можно представить себе впечатление, которое на элитарную собравшуюся публику произвел произнесенный текст.

В библейских, божественных терминах и эпизодах (с детства знакомых слушателям) они слышали о самом главном, о самом насущном, о чем думали в ночной тиши, во время долгих, неспешных религиозных церемоний, читали в многословных фолиантах.

О чем же это слово первого русского священника? Да о самом главном, что есть, было и будет во Вселенной! О вечном противостоянии Света и Тьмы, Добра и Зла. Формально речь о противоположности Ветхозаветных принципов жизни и Новозаветного (Евангельского) мироощущения. Первое кратко именуется Законом, второе — Благодатью. Но к этим полюсам стягиваются все феномены бытия — вся природа, человеческий мир, идеи, Божественность. В этом все начала и концы... Не слабый зачин для будущей величайшей словесности!

Закон и Благодать противоположны, но, по Илариону, эта противоположность не простая. Как и апостол Павел, он считает, что Ветхий Завет — неотъемлемая часть общего развития мира, приготовление человечества к более высокой ступени. Но Закон, делая богоизбранными одни народы и племена, принижает другие и сеет тем самым семена разобщения и неурядиц в мире. И поэтому должна восторжествовать Благодать, которая и есть сама истина. Она — для всех народов Земли и для каждого человека. С возникновением Нового Завета заканчивается рабство и открывается путь к Истине и Свободе.

Любопытна, кстати, мысль Русского Автора о том, что язычество достаточно открыто для Истины, и поэтому язычники — русы безболезненно перешли от идолов к православию. Далее (условно во второй части) говорится о принятии христианства на Руси, значении этого события для мира и для самих русских. Очень аккуратно и дипломатично Иларион, подчеркивая всемерно роль и величие православного Константинополя, тем не менее говорит о самостоянии и независимости Киевского государства. У молодого государства еще впереди все подвиги во славу Христа. Эта тема идет оптимистично и изложена необычайно ярко. Вообще язык «Слова о Законе и Благодати» удивительно образный. Не может быть того, что он родился только в этом творении. Это — язык зрелого художника и оратора.

Третья часть — похвала князю Владимиру — крестителю Руси:

Хвалит же гласом хваления Римская страна Петра Павла, коими приведена к вере в Иисуса Христа, Сына Божия; «восхваляют» Асия, Ефес и Патмос Иоанна Богослова Индия — Фому, Египет — Марка. Все страны, грады и народы чтут и славят каждого своего учителя, коим научены православной вере. Восхвалим же и мы, — по немощи нашей хотя бы и малыми похвалами, — свершившего великие и чудные деяния учителя и наставника нашего, великого князя земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в «земле» Русской, что ведома во всех послышанных о ней четырех концах земли. Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом.

77. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Все, что нам сегодня известно об истоках Руси по первичным письменным источникам, дожило до наших дней исключительно благодаря «Повести временных лет» — так условно был назван Начальный летописный свод, включенный затем в Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи (другие, более ранние редакции и версии попросту не дошли). Традиция приписывает составление летописи монаху (черноризцу) Киево-Печерского монастыря Нестору, о чем есть скудные упоминания в некоторых позднейших списках книги.

Сказанное вовсе не означает, что кроме творения Нестора никогда и ничего другого не было. Было! Да еще сколько! Одна утраченная Иоакимовская летопись, на которую ссылался В. Н. Татищев, чего стоила: здесь излагались факты, не доступные по другим источникам. Только утрачено все это безвозвратно. Знать, такова судьба, и свою первоначальную писаную историю вплоть до 1116 года и впредь суждено изучать по «Повести временных лет». Нестор-летописец — не просто хронист, протокольно записывавший события. Он — и первостатейный русский писатель, и мыслитель высочайшего ранга, которого от начала до конца занимал вопрос о месте Руси в мировой истории.

По существу, Нестор — первый русский философ-космист. Вопрос, который ставит летописец, «Откуда есть пошла Русская земля?» — не просто исторический и даже не историософский, это воистину вселенский вопрос: происхождение Земли русской неотделимо от происхождения всех племен и народов в библейском контексте истории мира и человека. Поражает и сама летописная концепция: не хроника или изложение событий, но — Повесть временных лет. Тем самым русская история предстает составной частью того общего временного процесса, где Время-Хронос — важнейший атрибут Космоса и выражает его движущее, текучее начало. Поразительно также удвоение времени в летописном заглавии: два синонима «время» и «лета» образуют динамичное и всеохватывающее словосочетание «временные лета», создающее эффект неисчерпаемого временного движения, даже — полета («лета» от слова «лететь», откуда — «полет»).

Безусловно, главная ценность Несторовой летописи состоит в том, что это основной (а во многих случаях — единственный) источник наших сведений о предыстории и ранней истории Руси. Начало русского народа и всего славянского племени автор «Повести временных лет» вел от сына легендарного библейского Ноя — Иафета, которому после потопа достались северные («полуночные») страны. Между прочим, если быть строго объективным и следовать букве и духу Начальной летописи, то так называемый потоп, а точнее, катастрофический катаклизм, который когда-то перетасовал языки и народы, и есть подлинная точка отсчета русской истории, ибо первые слова, начертанные летописцем после знаменитого зачина-вступления — «по потопе», то есть «после потопа».

И далее Нестор разворачивает грандиозную, в духе библейских традиций, картину возникновения славяно-русского пестроцветия.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и назвались полянами, и древляне, произошли от тех же славян и назвались древляне, радимичи же и вятичи — от рода поляков.

Были ведь два брата у поляков — Радим, а другой — Вятко. И пришли и сели: Радим на Сожи, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Бугу и по Днепру и возле Дуная. Было их множество: сидели по Бугу и по Днепру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая скуфь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, каждое — свои обычаи. Поляне имеют обычай отцов своих тихий и кроткий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, и матерями, и снохи перед свекровями своими и перед деверями великую стыдливость имеют; соблюдают и брачный обычай: не идет жених за невестой, но приводят ее накануне, а на следующий день приносят что за нее дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам, как делают и теперь еще вятичи. Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

С детства знакомы каждому человеку, уважающему историю и культуру своей Родины, легенды о Кие — основателе Киева, «призвании» варягов, Рюрике — основателе первой царской династии, вещем Олеге, Игоре Старом и его блаженной супруге Ольге, сыне их Святославе — отважном русском воителе, на которого впоследствии равнялись все русские полководцы. Кто ни помнит бесхитростного, но сразу же западающего в Душу рассказа Нестора:

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых. Был ведь и сам он храбр, и ходил легко как пардус, и много воевал. Не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти».

А далее — великий князь Владимир, крещение Руси, мученическая смерть Бориса и Глеба, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, отражение набегов многочисленных врагов — хазар, печенегов, половцев, становление могучей державы — Киевской Руси. Нет, воистину без «Повести временных лет» немыслима русская культура! Недаром Несторова летопись оказала колоссальное влияние на творчество крупнейших русских поэтов — Пушкина («Песнь о вещем Олеге», «Руслан и Людмила»), Рылеева, Языкова, Хомякова, Мея, Майкова, А. К. Толстого и др.

И как вольный звон русского колокола, всегда будет раздаваться в наших ушах и отдаваться в наших сердцах бессмертный зачин Нестерова многолетнего труда: «Се повести временны, лет, откуда есть пошла русская земля, кто в Киеве нача перва княжити, и откуда русская земля стала есть». Благодаря Нестору все теперь знают, откуда мы родом. Но также теперь знают что и сама русская история, литература, культура берут начал из Нестеровой летописи.

78. «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Есть творения — литературные, живописные, музыкальные, архитектурные, — которые как бы аккумулируют дух народа. Для русской культуры таковым является «Слово о полку Игореве». Единственный список его был случайно найден в монастырской библиотеке в конце XVIII века, издан в 1800 году и погиб в огне московского пожара во время Наполеонова нашествия. Но бессмертный дух «Слова» возродился, как Феникс из пепла, и теперь уже навсегда остался в памяти и душе народа. Ибо безвестный автор семь столетий назад сумел вложить в немногие неповторимые страницы не только свое видение Мира и Человека, но и передать его внутреннюю энергию в качестве завета потомкам.

Древнерусский шедевр, поводом для которого стал несчастливый поход Новгород-Северского князя Игоря против половцев, — не просто книга, поэма, песнь, повествование. Это — целое и целостное Мировоззрение. Это — Прошрое, Настоящее и Будущее, сплавленные воедино. Это — дыхание Жизни и Смерти, Любви и Ненависти, Позора и Торжества, Отчаяния и Прозрения, Надежды и Веры. В каждой фразе памятника, а кое-где даже и между строк закодирован бездонный философский смысл. Образы «Слова» — сплошь символы, наполненные неисчерпаемым смыслом. Судьба и Доля, Добро и Зло, Честь и Слава, Верность и Коварство, Красота и Добродетель — сквозь призму любого из этих понятий, как через магический кристалл, можно увидеть буйную жизнь наших предков, а в них — самих себя. I

Что же это за универсальный код, позволяющий проникнуть в самые сокровенные тайники человеческого духа? Да и само обретение памятника — не сродни ли оно явлению чудотворной иконы? Пролежав практически не востребуемым более пяти веков, он был счастливым образом переоткрыт для русской литературы как раз накануне ее небывалого расцвета. И с самого момента открытия и последующего опубликования «Слова» стало своеобразным талисманом русской культуры, вдохновляя на творческие взлеты все новые и новые поколения писателей, композиторов, художников и, главное, — широкие массы читателей.

Поэтический текст «Слова» врезается в память читателя, точно высеченные в камне письма, — такие же лапидарные и такие же неуничтожимые. И каждому при этом дано самому пережить «оптимистическую трагедию» памятника, черпая из этого кладезя народной мудрости и поэтического вдохновения силу и воодушевление. Следуя по словесной тропе, проложенной семь веков назад безымянным автором, читатель как бы сам наяву переживает все перипетии Игорева похода — от самого его начала, сопровождавшегося зловещими предзнаменованиями:

Тогда Игорь взглянул на светлое солнце и увидел, что от него тенью все его войско прикрыто. И сказал Игорь дружине, своей: «Братья и дружина! Лучше убитым быть, чем плененным быть; так сядем, братья, на своих борзых коней да посмотрим на синий Дон». Страсть князю ум охватила, и желание изведать Дона великого заслонило ему предзнаменование. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

Тогда вступил Игорь-князь в золотое стремя и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмой путь преграждало, ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепелся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неведомой: Волге, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутараканский идол. А половцы непроторенными дорогами устремились к Дону великому: скрипят телеги в полночи, словно лебеди встревоженные.

Как и в приведенном переводе «Слово» наполнено (даже — переполнено) разными звуками и голосами, таинственно проникающими к нам из прошлого:

Что шумит, что звенит в этот час рано перед зорями? Игорь полки заворачивает, ибо жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир dokonчили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево в печали к земле приклонилось.

Вот уже, братья, невеселое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась Обида в силах Дажь-Божьего внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганные со всех сторон приходили с победами на землю Русскую.

А рокочущие струны Бояновых гуслей — разве не звучат они по сей день в сердце каждого русского человека? А звон Мечей, храп коней, стон раненых на Каяле? А проникновенный Призыв киевского князя Святослава? А вздох самого автора: «О Русская земля! Ты уже за холмом!»? И, наконец, самый пронзительный «голос» — плач Ярославны:

На Дунае Ярославнин голос слышится, одна-одинешенька спозаранку как чайка кличет. «Полечу, — говорит, — чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле».

Ярославна с утра плачет на стене Путивля, причитая:

«О ветер, ветрило! Зачем, господин, так сильно веешь? Зачем мечешь хиновские стрелы на своих легких крыльях на воинов моего лады? Разве мало тебе под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковылю развеял?»

Ярославна с утра плачет на стене города Путивля, причитая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе лады Святославовы до стана Кобякова. Возлелей,

господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я спозаранку к нему слез на море».

Ярославна с утра плачет в Путивле на стене, причитая:

«Светлое и тресветлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно!

Почему же, владыка, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки расслабило, горем им колчаны заткнуло».

«Слово о полку Игореве» — величайший памятник мировой литературы, выплеснутый когда-то из кровоточащего сердца его автора, — ныне принадлежит всему человечеству, его настоящему и будущему. И через тысячи лет в нем все также будет лучезарно сверкать неистребимая мощь русского духа!

Постскриптум. Авторство гениального памятника русской литературы — одна из волнующих загадок истории. На данную тему написаны десятки работ и выдвинуто множество самых невероятных версий. Среди них и самая простая: автором «Слова» был сам князь Игорь (В. Чивилихин, В. Буйначев и др.). Такое решение проблемы содержится в полном названии «Игоревой песни»: «Слово о полку Игореве — Игоря, сына Святославля, внука Олегова». Достаточно проставить правильно знаки препинания (в древнерусском тексте их, естественно, нет), как проступает самоочевидный смысл: «Слово... Игоря...» — значит, «Слово», сочиненное и написанное Игорем.

Та же смысловая конструкция — только в вопросительной форме — повторяется в начальной фразе «Слова», поименованного здесь повестью: «Не лепо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы трудных повести о полку Игореве — Игоря Святославлича?» Здесь попросту повторяется устойчивая схема, присущая многим древнерусским текстам: например, «Слово» Серапиона Владимирского означает «Слово», принадлежащее старцу Серапиону, сложенное и написанное им.

В приведенной начальной фразе Игореве Слова имеется еще один загадочный смысл, связанный со «старыми словесами», на который почему-то никто не обращает внимания. Сплошь и рядом слова «не лепо ли ны бяшеть» переводятся на современный язык как: «Не пора ли нам начать...» Но при этом никто не задумывается, почему это вдруг призывают начать трудную повесть старыми словесами, если в последующих пассажах автор только и делает, что отрешивается от всех этих «старых словес», связанных с традициями Бояна? Налицо явное непонимание того, что же имел в виду автор.

Ларчик открывается просто: первое слово Игоревой песни следует читать не отдельно, а вместе, и означает оно то же, что и в современном русском языке: «нелепо» — значит «непристойно», «неприлично».

Потому-то автор «Слова» и восклицает:

«Нелепо (то есть нельзя) нам начинать (говорить) старыми словесами!» — и предлагает петь не по-старому (не по Бояну и его устаревшему «замыслению»), а по-новому, то есть по былинам (былям) сего (нового) времени.

79. «ЖИТИЕ ПРОТОПОПА АВВАКУМА»

От этой книги пахнет дымом костра, на котором сожгли ее автора. Непременный признак всякого великого произведения — страстность (гениальность и бесстрастность — понятия несовместимые).

Автобиографические записки крупнейшего деятеля церковного раскола XVII века, неистового ревнителя старой веры Аввакума Петрова — одно из самых страстных произведений в русской литературе. Вместе с другой хорошо узнаваемой по картине Сурикова фигурой — боярыней Морозовой — протопоп-раскольник стал символом стойкости и несгибаемости русского духа. Оба выдержали пытки и унижения, массивный нажим властей — вплоть до царя и патриарха, — но оба не отреклись от веры отцов и погибли за нее: одна уморенная голодом, другой — в пламени костра.

Аввакум сизмальства был отмечен печатью страдальца и мученика. За приверженность старой вере и стремление сказать правду в глаза его постоянно преследовали, перегоняли с места на место, из темницы в темницу, из одной глухой ссылки в другую, нещадно били кнутом, жгли каленым железом, бросали в ледяные подвалы, сажали в глубокие ямы и, наконец, сожгли в срубе. Все нипочем — пепел неистового протопоба развеялся по ветру, но осталась книга, из тех, что и поныне «глаголом жжет сердца людей». А писал он просто — как говорил, без ухищрений и замысловатостей.

Русский язык, равно как и вера в Бога, был тем неиссякаемым источником, где черпались силы в самые безысходные дни. «Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, — скажет потом Аввакум в предисловии к своему «Житию». — Я не бегу о красноречии и не унижаю своего языка русского...» Недаром Алексей Толстой призывал учиться писать у Аввакума: многие хрестоматийные места его книги легки и прозрачны, как морозное утро, — им может позавидовать любой современный писатель:

Пять недель по льду голому ехали на нартах. Мне подробят и под рухлишко дал две клячки, а сам и протопопица брели пеши, убивающесе о лед. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать от лошадей не смеем, а за лошедьми итти не поспеем, голодные и томные люди. Протопопица бедная бредет-бредет, да и повалится, — кольско гораздо! В ыную пору, бредучи, повалилась, а иной томной же человек на нея набрел, тут же и повалился; оба кричат, а встать не могут. Мужик кричит: «матушка-государыня, прости. А протопопица кричит: «что ты, батько, меня задавил?» Я пришел, — на меня, бедная, пеняет, говоря: «долго ли муки сея, протопоп, будет?» И я говорю: «Марковна, до самыя до смерти!» Она же вздохня, отвечала: «добро, Петрович, ино еще побредем».

Курочка у нас черненько была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум придет. Ни курочка, ни што чудо была: во весь год по два яичка на день давала; сто рублей при ней плюново дело, железо! А та птичка одушевленина, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую из котла тут же клевала, или и рыбки прилунится, и рыбку клевала; а нам против тово по два яичка на день давала.

Это из описания скитаний в годы первой сибирской ссылки. И всюду его сопровождала верная жена Настя, разделившая с опальным мужем горькое счастье совместной жизни. Она была из того же нижегородского села, что и ее суженый — круглая сирота, младше на четыре года:

Аз же пресвятой Богородице молихся, да даст ми жену помощницу ко спасению. И в том же селе девица, сиротина ж, беспрестанно обыкла ходить в церковь, — имя ей Анастасия. Отец ея был кузнец, именем Марко, богат гораздо; а егда умре, после ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и моляшеся богу, да же сочетается за меня совокуплением брачным; и бысть по воли Божьи тако.

Марковна, как звал ее протопоп, несла свой крест безропотно и отважно. Она справно рожала детей в самых невероятных условиях. Выжили из них двое — Иван и Прокопий. Выросли такими же непримиримыми борцами против церковных нововведений, как и их отец, повсюду сопровождали его, помогали чем могли, вместе с матерью приговаривались к повешению, замененному более «гуманным» наказанием — «быть закопанными в землю» (то есть к заключению в земляной тюрьме, или попросту — яме). Анастасия Марковна пережила мужа на 18 лет.

Из сибирской ссылки Аввакум с семьей был ненадолго привезен в Москву для дознания с пристрастием. Несломленный и еще более укрепившийся в правоте своего дела, он вместе с другими сподвижниками был сослан в Пустозерск — навстречу новым пыткам и испытаниям:

Посем привели нас к плахе и, прочет наказ, меня отвели, не казня, в темницу. Чли в наказе: Аввакума посадить в землю в струбе и давать ему воды и хлеба. И я сопротив тово плюнул и умереть хотел, не едши, и не ел дней с восемь и больши, да братья паки есть велели. Посем Лазаря священника взяли и язык весь вырезали из горла; мало попошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсеки, и рука отсеченная, на земле лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы; исповедала, бедная, и по смерти знамение спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно: бездушная одушевленных обличает! Я на третьей день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все, — без языка, а не болит. Дал бог, во временно часе исцелело. На Москве у него резали: тогда осталось языка, а ныне весь без остатку резан; а говорил два годы чисто, яко и с языком.

Таковы были тогдашние нравы на Руси: тем, кто отказывался принимать никонианскую веру, резали языки и отрубали руки, дабы не молились по-старому и не крестились двоеперстием. Повсюду пылали костры — либо раскольников жгли, либо они сами себя сжигали. За три года до мученической смерти Аввакума его друг тюменский поп Дометиан добровольно сжег вместе с собой на заимке речки Березовки 1700 (!) ревнителей старой веры всех возрастов и званий.

Наконец наступил черед и Аввакума. Шел ему к тому времени шестьдесят второй год — почти полвека непримиримой борьбы и мучений. 14 апреля 1682 года протопопа вместе с тремя ближайшими и безъязыкими товарищами — Епифанием, Лазарем и Федором — при большом стечении народа привязали к четырем углам сруба, забросали хворостом и подожгли. Жарко запылал страшный костер. Но был ли он жарче пламенного сердца Аввакума?

В народе сохранилось предание, что перед смертью неистовый протопоп предрек скорую смерть царя Федора Алексеевича — старшего

брата и предшественника Петра Первого. Так оно и случилось: через 13 дней царя настигла Божья кара за все те «царские милости», которыми он одаривал Аввакума и сотни тысяч других раскольников. Но на этом трагедия русского народа не заканчивалась. Впереди кровавой зарей вставала Хованщина — с новыми смертями и самосожжениями. Но уже при другом царе...

80. ЛОМОНОСОВ ОДЫ

Великий ученый-энциклопедист, мыслитель и поэт, именем которого по праву гордится Россия, оставил заметный след во многих областях науки и практики. Многие его труды имеют одно удивительное свойство — они не стареют, а напротив — время от времени становятся все более и более актуальными (хотя бы в некоторых своих частях). Так, совершенно неожиданными гранями засверкала в наши дни «Древняя российская история от начала российского народа...». Точно так же колоссальное значение сегодня, в условиях демографической катастрофы, приобрела сравнительно небольшая работа с характерным и, видимо, актуальным для любой эпохи названием — «О сохранении и размножении российского народа».

Михайло Ломоносов (так он сам любил себя величать и подписываться) — украшение русской культуры XVIII века. Он реформировал русское стихосложение, усовершенствовал российскую грамматику, обогатил теорию красноречия. Особенно прославили его стихотворные оды, которые он писал на все случаи жизни. Среди них — торжественные (прославляющие царственных особ и выдающиеся события), духовные (несущие глубокое философское и богословское содержание: в частности, сюда относятся переложения некоторых библейских текстов и псалмов), анакреотические (любовные — сюда относится и знаменитый «Разговор с Анакреоном»).

Первым поэтическим шедевром, в котором проснулось поэтическое дарование Ломоносова, была «Ода на взятие Хотина в 1739 году», написанная за границей в честь блестящей победы русской армии над турками и пересланная в Петербург, где она произвела фурор. Вообще же свои стихотворные творения Ломоносов — в духе своего времени — озаглавливал многословно и величаво. Например, одно из наиболее знаменитых его поэтических сочинений полностью звучит так — «Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, 1747 года». Именно в этой оде, исполненной величайшего патриотизма и торжества, прозвучали пророческие слова:

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих.
О ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,*

*Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Свои философские и космологические взгляды Ломоносов также нередко излагал на языке поэзии — в одах. Среди них наиболее известны «Утреннее размышление о Божьем величестве» и «Вечернее размышление о божьем величестве при случае великого северного сияния». Вселенная, светила и звезды, свет и Солнце, пространство и время, бесконечность (бездна) и вечность — излюбленная ломоносовская тема:

*Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших доле звезд?*

*Великий россиянин сам и отвечает на поставленные вопросы:
Там разных множество светов:
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков.*

(Характерно, кстати, и употребление слова «светов» (вместо «миров»), что являлось нормой для XVIII века) В других своих произведениях Ломоносов продолжал развивать идею о множественности населенных миров:

Некоторые спрашивают, ежели-де на планетах есть живущие нам подобные люди, то какой они веры? проповедано ли им Евангелие? крещены ли они в веру христову? «...» Ежели кто про то знать «...» хочет, тот пусть «...» поедет для того же и на Венеру. Только бы труд его не был напрасен. Может быть, тамошние люди в Адаме не согрешили...

Мысль Ломоносова пронзает пространство и время мгновенно, быстрее света устремляется она и в бездну Космоса, и в бездну Солнца:

*Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода кипят,
Горящи там дожди шумят.*

В духе активной борьбы за народное просвещение и пропаганду прогрессивных научных идей Ломоносов включал в свои стихи физические и астрономические идеи, прослеживая единую линию развития естествознания от Коперника до Ньютона:

*Астроном весь свой век в бесплодном был труде
Запутан циклами, пока восстал Коперник,
Презритель зависти и варварству соперник.
В средине всех планет он солнце положил,*

Сугубое земли движение открыл.

Ломоносов как бы распахивает окно в Космос, который он именует «горящий вечно Океан»:

*Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне — дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я в сей бездне углублен
Теряюсь, мыслями утомлен!*

Он точно предчувствует новые невиданные открытия на безграничных просторах Вселенной:

*Бесчисленны тьмы новых звезд...
В обширности безмерных мест.*

Ломоносов преуспел практически во всех научных областях — физике, химии, астрономии, геологии, истории, философии. Но всюду и всегда на страницах его творений просвечивает поэзия и в сухие формулировки постоянно врывается мощный поэтический голос. Даже говоря о техническом усовершенствовании телескопов, или ночезрительных труб, Ломоносов не в силах удержаться от высокого поэтического «штиля»:

Красота, важность, обширность, величие астрономии не только возвышают дух мудрых, возбуждая их пытливость и усердие, не только прельщают умы граждан просвещенных и находящих отраду в звуках, но и необразованную толпу приводят в изумление.

Русский гений своим неисчерпаемым творчеством наглядно продемонстрировал, что наука и поэзия могут идти бок о бок, взаимодополняя и взаимообогащая друг друга.

81. ГРИБОЕДОВ

«ГОРЕ ОТ УМА» В первой четверти XIX века

Провидение подарило России абсолютно гениальную личность — Александра Сергеевича Грибоедова. Вот уж действительно предтеча Александра Сергеевича Пушкина. С детства владел французским, немецким, английским и итальянским языками, знал латинский и греческий, в зрелом возрасте изучил восточные языки — персидский, арабский и турецкий. Играл на фортепьяно мастерски, и сам сочинял музыку. Грибоедовский вальс № 2 — входит в мировую фортепьянную классику. В Московском университете учился (1806–1812) по программам трех факультетов филологического, юридического и физико-математического. В 1812 году доброволец-офицер. Блестящий дипломат, активный общественный деятель. Писал стихи и пьесы. Произведений не много, но зато одна комедия-шедевр обогатила мировую классику.

Это тот случай, когда титан входит в человеческую культуру всего лишь одним своим творением. «Дон Кихот», «Робинзон Крузо», «Манон Леско», «Конек-Горбунок». «Горе от ума» занимает в русской литературе совершенно особое место и, по выражению И. А. Гончарова, «появившись раньше Онегина и Печорина, пережила их, прошла невредима через Гоголевский период и до сих пор живет нетленной жизнью, переживет и еще много эпох и все не утратит своей жизненности».

В пьесе соединились комедия (яркая сатирическая панорама барской «Фамусовской» Москвы) и трагедия главного героя — Чацкого. Сила и реализм «Горя от ума» в том, что осмеивая современное ему московское общество и подметив характерные для этого времени черты, Грибоедов осмеял и общечеловеческие пороки, которые во все времена остаются те же: ложь, безделье, лесть, низкопоклонство, соединенное с важничаньем перед низшими, сплетни, взяточничество, корыстолюбие, невежество. Все выведенные в комедии персонажи типичны, не карикатурны. Сам автор говорил: «Карикатуры ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь».

«Эта картина нравов, галерея живых типов и вечно-острая жгучая сатира и вместе с тем комедия, больше всего комедия. Соль, эпиграмма, этот разговорный смех, кажется, никогда не умрут» (И. А. Гончаров). Имена действующих лиц (Молчалин, Скалозуб) сделались нарицательными, из 3000 строчек 100 стали пословицами, поговорками, крылатыми словами, меткими, точными, лаконичными:

А впрочем, он дойдет до степеней известных,

Ведь нынче любят бессловесных.

А судьи кто?

Ах, злые языки страшнее пистолета.

Ба! знакомые все лица.

Блажен, кто верует, тепло ему на свете!

В мои лета не должно сметь

Свое суждение иметь.

Времен очаковских и покоренья Крыма.

Все врут календари.

Герой не моего романа.

Да, водевиль есть вещь, а прочее все гниль.

Дверь отперта для званых и незваных.

Дистанция огромного размера.

Дома новы, но предрассудки стары.

Есть от чего в отчаянье прийти.

Поверили глупцы, другим передают,

Старухи вмиг тревогу бьют,

И вот общественное мнение!

И дым отечества нам сладок и приятен.

Как посравнить да посмотреть

Век нынешний и век минувший.

Кричали женщины ура

И в воздух чепчики бросали.
Милльон терзаний...
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.
Не поздоровится от эдаких похвал.
Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок.
Ну как не порадеть родному человечку!
О Байроне, ну, о материях важных.
Подписано, так с плеч долой.
Пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок.
Свежо предание, а верится с трудом.
Служить бы рад, прислуживаться тошно.
Смешенье языков французского с нижегородским.
Счастливые часов не наблюдают.
Уж коли зло пресечь,
Забрать все нынче бы да сжечь.
Французик из Бордо.
Числом поболее, ценою подешевле.
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!
Что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна?
Чтоб иметь детей, кому ума не доставало?
Шел в комнату, попал в другую.
Шумим, братец, шумим.
Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Типы Грибоедова явились прообразами последующих персонажей русской литературы. «Разве Фамусов в миниатюре не повторен в образе Сквозник-Дмухановского, Молчалин — в Чичикове, Скалозуб — в Собакевиче, Репетилов — в Хлестакове, Чацкий — в Рудине?» [Энциклопедия С. И. Южанова.]

Совсем не просты, как может показаться на первый взгляд, отношения двух главных героев «Комедии в стихах» Александра Андреевича Чацкого и Софьи Павловны. Порывистая, активная натура Чацкого сталкивается, высекая искры, с достаточно твердой личностью Софьи, начинающей уже от романтических воззрений ранней юности переходить к трезвой оценке сложностей реальной жизни. Кажется, что победу одерживает Софья, объявив Чацкого странным и сумасшедшим. Но измена, предательство Молчалина делает и ее проигравшей. Все это изображено в великой пьесе настолько естественно, логично, психологично, что до таких высот в драматургии миру пришлось идти потом еще две трети столетия.

История создания комедии сложная. Еще в 1812 году Александр Сергеевич читал первые фрагменты друзьям. В Тифлисе в 1821–1822 годах он читал сцену за сценой своему другу В. К. Кюхельбекеру. В марте 1823

года Грибоедов прочитал своему приятелю С. И. Бегичеву первые два акта комедии. Тогда же пьеса была дописана вчерне. Но и после этого Грибоедов улучшал текст, вставил сцену с Молчалиным и Лизой в четвертом действии. Первые отрывки из комедии были напечатаны в 1825 году. И есть еще «отшлифованный» «Булгаринский список» 1828 года. Произведение распространялось в рукописях, позднее печаталось в подпольных типографиях (в том числе с участием декабристов). Вообще-то правительству было за что преследовать гениальное творение Грибоедова. Каждый мыслящий человек легко мог почувствовать, читая текст, политическую едкую сатиру на государственное устройство, на крепостное право, состояние суда, казнокрадство. Полный текст был напечатан лишь после гибели автора, в 1833 году. Первое же представление состоялось 26 января 1831 года.

А. С. Пушкин, восторженно относившийся к Грибоедову и его талантам, тем не менее ехидно заметил о Чацком: «Что такое Чацкий? Пылкий, благородный и добрый малый, прошедший несколько времени с очень умным человеком (именно с Грибоедовым) и напивавшийся его мыслями, остротами и сатирическими замечаниями. Все это очень умно, но кому говорит он все это? Фамусову, Скалозубу? На бале московским бабушкам? Молчалину? Это не простительно. Первый признак умного человека: с первого раза знать, с кем имеешь дело, и не метать бисера перед Репетиловым и т. п.»

82. ПУШКИН **«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»**

В величайшей литературе мира — величайшее имя — Пушкин. А роман в стихах «Евгений Онегин» — главное и величайшее творение Пушкина. И это действительно так. Пушкинскому гениальному произведению нет сколько-нибудь близких аналогов в мировой литературе.

Роман есть одновременно и панорама всей русской жизни в первой трети XIX века и страстная исповедь самого автора, хотя он от этого отказывался. Но отказывался небрежно, в шутку, потому как хорошо понимал, что в таком писании поэт не может не выложить свою душу полностью и до конца.

Много было книг о любви и до Пушкина, но отношения Евгения Онегина и Татьяны Лариной рассказаны с таким проникновением в их души, с таким поэтическим мастерством, что они становятся родными для каждого, кто прочел роман.

Несомненно, это самая личная, самая исповедальная книга России за два столетия, за 8–9 поколений русских читающих людей. Иностранцам тяжело. Тот, кто поймет «Онегина», поймет сущность русского человека. Но стихотворный текст необычайно труден для перевода. И чем гениальнее оригинал, тем труднее его адекватно перевести.

Вся музыка, вся тайна стиха в таких оттенках, что невозможно поверить, будто кто-то может сотворить чудо и создать перевод. Чтобы не быть голословным, приведем только один маленький пример:

*Еще предвижу затрудненья,
Земли родной спасая честь,*

*Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.*

И вот это-то «перевести» выражает удивительно много. И пушкинскую легкую иронию, и мастерское знание русской просторечной речи, и много, много другое... Ну конечно, это ошибка — правильно сказать надо было: «перевести». Но это-то изменение всего одной буквы, одного звука, ползвуха, создает настрой, образ и фон действия.

*Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.*

В центре повествования — петербургский молодой аристократ, «денди», вобравший в себя уже европейскую бытовую, художественную культуру, где фетишем является утонченность вкуса и поведения, независимость от властей, загадочность натуры, остроумие и осведомленность во всем. Но для чего все это? Для каких высоких дел такая великая подготовка? Перед его мысленным взором стоят античные герои, титаны Возрождения, страстные бунтари недавнего европейского прошлого. Но у всех них была, как правило, высокая благородная цель. Только такие люди остаются в веках и на скрижалях истории. И вся декоративная онегинская романтичность и таинственность быстро надоедают прежде всего ему самому. Здесь главная пружина противоречивого характера Онегина. Он уже понимает бессмысленность и опасность «актерской игры» в вольнодумство. Но противостоять ей еще не может. Его несет на конфликт с друзьями, с обществом, как корабль на скалы. И трагедия разражается. Нелепо приняв вызов на поединок от своего друга — Владимира Ленского, нелепо убив его, отвергнув любовь Татьяны — Онегин терпит полный жизненный крах. Он едет по России и еще раз убеждается, что в его времени места для высоких подвигов нет. Удивительно это второе рождение Евгения, когда, вернувшись в Петербург, он на балу встречается с Татьяной. Это самые патетические страницы романа. Повествование обрывается на самом драматическом моменте...

Как все продуманно, выверено Пушкиным; и снова, как во времена золотого века русской поэзии, мы видим стиль абсолютного гения. И как хочется, чтобы это блаженство разделили все читатели Земли.

*Вот уж действительно:
Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу...*

Жизнь русского человека в начале XIX века (причем любого сословия) представляется сегодня по роману Пушкина. Да и за самим этим периодом русской истории прочно закрепилось, наименование — Пушкинская эпоха. Вот крепостные девушки собирают ягоду в барском саду, вот зимний праздник в поместье, столичный балет (а кучера греются у костров), вот городские аристократы. И здесь же дворовый мальчик в

зипуне, тишина деревенских просторов, столичный бал, путешествия в возке и т. д. Все это видишь настолько ярко и образно, что никакие рисунки не нужны. Но в романе не только быт. Здесь — круг философских и политических идей, эстетические споры того времени. И конечно, главный вопрос бытия: зачем живет человек? Есть ли у жизни цель и смысл, а если есть, то в чем они.

Все главы романа драгоценны, как бриллианты, но первая глава все же совсем особенная. Школьники учат начало ее наизусть, но учить ее надо всю. Знающий наизусть первую главу «Онегина» — это человек, постигший тайну русского языка. Только так. Отбор слов, звуков создает ни с чем не сравнимую музыку стиха. Ирония уменьшается, доверительность разговора с читателем нарастает:

*Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил.
Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманный наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! Долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладелый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда средь пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста молодых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;
Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!
Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой*

83. ЛЕРМОНТОВ «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

«Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой. Тут видно больше углубленья в действительность жизни; готовился будущий великий живописец русского быта...» (Н. В. Гоголь). «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ [«Тамань»] и разбирал бы как разбирают в школах — по

предложениям, по частям предложения... Так бы и учился писать» (А. П. Чехов).

В 1836 году (после драмы «Маскарад») Лермонтов начал писать социально-психологический роман «Княгиня Литовская». Роман остался незаконченным, не только вследствие «перемены обстоятельств» — гибели Пушкина и ссылки Лермонтова на Кавказ. Возник новый, более глубокий замысел. Работа над «Героем нашего времени» началась в 1837-м, окончилась в 1839 году. При жизни автора были напечатаны два издания (1840–1841). Вообще-то, это чудо. Автору одного из самых совершенных художественных творений мировой прозы было 25 лет от роду.

Жанр «Героя нашего времени» был подготовлен распространенными в русской прозе 1830-х годов циклами повестей; но Лермонтов сделал большой шаг в развитии этого жанра, объединив все повести фигурой героя: цикл повестей превратился, таким образом, в психологический роман...

Задача Лермонтова — углубленный психологический анализ современного ему человека, сделанный на основе проблем личной и общественной морали. Этим обусловлено и построение романа не по принципу хронологической последовательности, а по принципу постепенного ознакомления читателя с умственным и душевным миром героя: от рассказа Максима Максимыча о Печорине — к встрече с ним, а от этой встречи — к его «журналу» (то есть дневнику).

Как всегда возникает вопрос о соотношении личности автора и личности главного героя. Так же как и А. С. Пушкин, Лермонтов категорически отрицает:

*«Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом».*

Но все-таки хотелось бы напомнить о некоторых особых чертах характера юного Михаила Юрьевича, чтобы глубже оттенить его характеристику Печорина. Один из друзей Лермонтова князь Васильчиков говорил о нем: «В Лермонтове было два человека: один добродушный для небольшого кружка ближайших друзей,... другой заносчивый и задорный для всех прочих его знакомых».

*«Таить от всех свои желанья
Привык уж я с давнишних дней», —*

говорит о себе юноша-поэт. А в одном из его писем к Лопухиной мы встречаем характерное и ценное признание:

«Назвать ли всех, у кого я бываю? Назову себя, потому что у этой особы я бываю с наибольшим удовольствием... Навещал родных,... и под конец нашел, что самый лучший мне родственник это я сам».

Так что, несмотря на не совсем обычный образ М. Ю. Лермонтова в глазах окружавших его людей, неординарность его была все-таки другой,

нежели Печорина. Лермонтова манили люди с демоническими характерами, поднимающиеся над обычным уровнем жалкой посредственности, люди цельные, не способные только наполовину отдаваться овладевшему ими чувству или охватившей их идеи. А теперь нет большего наслаждения, чем прямо окунуться в волшебную прозу «Героя...»:

Вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу.

По мнению здешних ученых, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал; взбираясь на гору, я подал руку княжне, и она ее не покидала в продолжение целой прогулки.

Разговор начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась; я начал шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек, — сказала она мне, — я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем на ваш язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и зарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?...

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

— Да! Такова моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаянье, — не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаянье, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я отрезал ее и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней — и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит нимало.

В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали... ей было жаль меня! Сострадание, чувство, которому покоряются так легко все женщины,

впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во все время прогулки она была рассеяна, ни с кем не кокетничала... а это великий признак!

Мы пришли к провалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратном пути я не возобновлял нашего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно.

— Любили ли вы? — спросил я ее наконец.

Она посмотрела на меня пристально, покачала головой... и опять впала в задумчивость, явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... Как быть! кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку; все почти страсти начинаются так, и мы часто себя очень обманываем, думая, что нас женщина любит за наши физические или нравственные достоинства: конечно, они готовят располагают ее сердце к принятию священного огня — а все-таки первое прикосновение решает дело.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? — сказала мне княжна с принужденной улыбкой, когда мы возвратились с гулянья.

Мы расстались...

Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности! О, это первое, главное торжество. Завтра она захочет вознаградить меня. Я все это уж знаю наизусть, вот это скучно!

84. ГОГОЛЬ **«МЕРТВЫЕ ДУШИ»**

Еще при жизни писателя современники (К. С. Аксаков, С. П. Шевырев) окрестили его знаменитый роман русской «Илиадой». По прошествии полутора столетий эта оценка никак не устарела. Роман-поэма Гоголя входит в число немногих книг, которые определяют само лицо русской литературы. И ее дух тоже. Для нынешних времен идеи «Мертвых душ» не менее актуальны, чем для середины прошлого столетия. Разве не к нашим дням обращены слова заключительного аккорда гоголевской поэмы: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Нет ответа»? Найдется ли сегодня хоть один человек, кто бы вразумительно ответил на вопрос классика? Нет такого! И никогда не будет!

И бессмертные типажи, созданные Гоголем, — куда как актуальны. Начиная с искателя мертвых душ — Чичикова, чья главная отличительная черта — приобретательство. Человек-приобретатель — разве не наш он современник? Не знамение теперешней России? Сколько новоявленных Чичиковых — прирожденных приобретателей — рыщут нынче по миру в поисках своих «мертвых душ». Купить, продать, обмануть, нажиться всеми правдами и неправдами, а там — хоть трава не расти. Какой народ? Какая страна? После нас — хоть потоп. Все остальное — точь-в-точь по Гоголю. Вот он — современный герой-приобретатель:

Кто же он? Стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть строго к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию на публичную оплеуху, отыщется разве

каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят о добродетели. Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название не очень чистых. «...» Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его.

Последняя фраза достойна уст великого философа. Впрочем, Гоголь и был философ. Ибо, как хорошо известно, русская философия долгое время творилась главным образом через русскую литературу — поэзию, прозу, публицистику, критику и эпистолярный жанр. «Мертвые души» — одна из самых философских книг. И одновременно — одна из самых поэтических. Она так и поименована автором — поэма. Поэма о России! О ее народе! О его героях! Чичиковы, маниловы, коробочки, собакевичи, ноздревы, Плюшкины — все они плоть от плоти нашего народа. Значит, такие мы и есть. «Неча на зеркало пенять...» — как заметил тот же Гоголь в другом месте.

Кстати, те, кого обычно относят к категории «народ», развенчаны писателем с той же откровенной беспощадностью, что и представители так называемого «высшего общества». И не только слуга Петрушка, кучер Селифан да два мужика, философствующие в самом начале романа о колесе брички: доедет оно до Москвы али до Казани. Но и сама соль народа, его краса и слава — кузнецы, непререкаемые герои песен и сказок — представлены Гоголем без всяких прикрас и преувеличений, а такими, какими они были и остаются на самом деле:

... Кузнецы, как водится, были отъявленные подлецы и, смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро. Как он [Чичиков] ни горячился, называл их мошенниками, разбойниками, грабителями проезжающих, намекнул даже на страшный суд, но кузнецов ни чем не пронял: они совершенно выдержали характер — не только не отступились от цены, но даже провозились за работой вместо двух часов целых пять с половиною.

Вот тебе и «куем мы счастья ключи»! Кстати, о счастье. Если взглянуть на героев Гоголя с этой стороны (с точки зрения классической концепции эвдемонизма, то есть учения о счастье — см.: эссе о Фейербахе), то все они — во многом — воплощение уже достигнутого счастья. Разве не счастлив Чичиков, приобретая очередную порцию мертвых душ? Или Собакевич, сбавив негодный «товар»? А счастливец Манилов? дебошир Ноздрев? скопидомка Коробочка? сверхскопидом Плюшкин? Их представления о достигнутом счастье вполне соответствуют учению эвдемонистов о стремлении человека к счастью как главной движущей силе всякого социального развития. Но такое ли счастье нужно людям? Этот немой вопрос как раз и задает Гоголь вместе со своими бессмертными типажам.

Гоголь создал грустную поэму, потому что грустна сама жизнь. «Боже, как грустна наша Россия!» — произнес Пушкин, прочитав рукописные наброски к «Мертвым душам». Грустная книга о грустной России. Но Россия невозможна без святой веры в ее величие и бессмертие, в ее неисчерпаемую таинственность и сказочное сияние. И потому всего этого не может не быть в поэме Гоголя. И там все, конечно, это есть. И вся

она — гимн России, торжественный и величавый:

Русь! Русь! вижу тебя, из чудного, прекрасного далека тебя вижу; бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства. «...» Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи? И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразись во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!

Но вот что еще поразительно: гоголевское «прекрасное далеко» — не только солнечная Италия, откуда он обращался к соотечественникам. Сегодня — это уже временная категория, и великий русский писатель обращается из своего далекого времени к нашему настоящему и не нашему будущему, к той России, в которую он всегда беззаветно верил и в которую верит и учит всех нас!

85. ТЮТЧЕВ ЛИРИКА

В 1836 году, незадолго до смерти, Пушкин опубликовал в 3-м томе своего журнала «Современник» шестнадцать «Стихотворений, присланных из Германии» — так была озаглавлена первая публикация никому еще не известного поэта, скрытая за инициалами Ф. Т. По существу, Пушкин передавал эстафету достойному представителю следующего поколения подвижников и радетелей русской культуры, с именем которого связано превращение философской лирики в мощную струю отечественной поэзии.

Шестнадцать жемчужин, отобранных Пушкиным, до сих пор сияют в ожерелье русской поэтической классики. Здесь и хрестоматийные «Вешние воды», и афористичные строки «Счастлив, кто посетил свой мир в его минуты роковые», и любимое стихотворение Льва Толстого «Silentium» («Молчание»):

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.*

Наконец, здесь же — невероятный по своей философско-провидческой глубине космистский шедевр, где Вселенная уподобляется Гераклитову Огню — в его пламени рождаются миры, частицы, существа и мысли:

*Как океан объемлет шар земной.
Земная жизнь кругом объята снами;
Настала ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой «...»
Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Тютчев — самый философичный поэт XIX века. Его космизм всеобъемлющ и вместе с тем не носит какого-то назидательного характера, порой он просто читается между строк или просвечивает в ненавязчивых вопросах. Тютчев с понятным сожалением лирика-философа писал о тех, кому недоступно понимание живой души природы, кому недоступны «языки неземные», на которых говорит одушевленный и неодушевленный мир. Поэт достигает удивительного эффекта проникновения в душу Вселенной именно потому, что видит ее отражение, более того, — частицу в собственной душе.

С одухотворенностью природных стихий сливаются и смятение, и волнение, и восторг Тютчева — отчего оживают явления природы и звучат их невидимые голоса. Ночной ветер превращается в страстного собеседника, устремленного к «миру души ночной» в его двойственном выражении: как души поэта, так и души ночи. И та, и другая — «с беспредельным жаждет слиться». И тотчас же раздается космистское предостережение поэта:

*О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!*

И роль собеседника делает его равным любым природным стихиям — от огневых зарниц, которые «как демоны глухонемые, ведут беседу меж собой», до беспредельного мира «в его минуты роковые». Тютчев всегда находит такие образы и словесные пути, которые превращают лирического героя в соучастника мировых свершений и приближают душу читателя — через видение поэта — к звездным высотам:

*Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной, —
Но днем, когда, сокрытые как дымом
Палящих солнечных лучей,*

*Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.*

Более того, Тютчев именует человека родовым наследником, по существу потомком «ночной и неразгаданной бездны». По Тютчеву, природа и история неразделимы, и первая объемлет и поглощает вторую вместе с людьми. Раздумья у курганов, которые лишь и сохранились «от жизни той, что бушевала здесь», приводят поэта к пессимистическому выводу:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезой природы.*

Последняя строка бездонна по своей философской глубине! Воистину платоновский или неоплатонистский образ! Мы, живые люди, со всеми нашими страстями и страстишками, — всего лишь тени, сны, грезы Матери-природы. Природа во всем ее многообразии — «не бездушный лик», она одушевлена:

*В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Такой подход вполне вписывается в общую линию развития русского космизма. Те же, кто не понимают этой простой истины, — «живут в сем мире, как впотьмах»:

*Для них и солнцы, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.
Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили,
И ночь в звездах нема была!*

В философской лирике Тютчева одушевленная природа во всей ее беспредельности и неисчерпаемых проявлениях наделяется воистину человеческими страстями. Человеческие черты проступают и у ночной космической бездны, распахнутой перед каждым из нас:

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!*

Подобно человеку, природа диалектически соединяет в себе взаимоисключающие качества — добро и зло, правду и ложь, угрозу и доброту. И как в человеческой душе, в природе верх стараются взять разумные светлые силы. Так Солнце преодолевает («деля — соединяет»)

кажущуюся вражду запада и востока. Подобным же образом соединены на основе единого творческого начала разумные потенции души и природы (естества). В любом случае беспредельная космическая бездна природы первична по отношению к человеку, она — альфа и омега его существования:

*Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

Тютчевская Вселенная не просто бестелесно одухотворена — она имеет сердце, очи, голос. И все это «там» — в беспредельных просторах Космоса немедленно отзывается «тут» — в сердце самого поэта. Иначе его философия просто немыслима. «Всеобъемлющее море» безличной природы, симфония красок, теней и света, озарения души и сердца — все это различные ипостаси некой единой реальности, и одно немыслимо без другого. Поэтому даже интимнейшие стихи, связанные с тайной и последней любовью поэта, написаны в «космической кодировке» — на языке света:

*«...» Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, любви вечерней!
Полнеба охватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.
Пуškai скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.*

Без Тютчева золотой век русской поэзии был бы не столь золотым. Золото неизбежно оказалось бы более тусклым...

86. ТУРГЕНЕВ **«ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»**

Почему избрано именно это произведение? Да потому что этот роман — самый тургеневский. Необыкновенно чистый роман. Если есть в мире книги, очищающие и возвышающие душу, то «Дворянское гнездо» к ним относится в первую очередь.

И сейчас, как и 150 лет назад, люди страстно хотят счастья. Ну, если не всеобщего, то хотя бы своего индивидуального счастья. А оно (счастье) все чаще и чаще ускользает, и не помогают при этом ни деньги, ни удовольствия, ни путешествия, ни красивые и модные вещи. Как говорится, «все есть, кроме счастья». Между тем все уже давно знают умом (да и подсознательно тоже), что счастье — в человеческих отношениях. Неужели так просто?

Нет, если хотите, отношения между людьми — самое сложное во Вселенной. Печальнее всего то, что этому надо учиться, и учеба эта очень

тяжелая. Не все могут решиться на труд, а многие сходят с дистанции. Как же учиться «воспитанию чувств»? Читать умные, нелегкие книги. Ни кинофильм, ни дружеские беседы, ни лекции — ничто не заменяет отобранную (из пяти тысяч — одну) книгу Кто экономит время на чтении, тот экономит на своей жизни.

Роман о Лизе Калитиной и Федоре Ивановиче Лаврецком — это повествование о сияющей чистоте отношений, благородстве помыслов, соединенных с раздумьями о служении России — своей Отчизне. Но роман реалистический — здесь есть и несимпатичные автору персонажи, есть непоследовательность действий — как в самой жизни.

Незабываемо описано возникновение и восхождение глубочайшего чувства двух одинаково мыслящих существ. Летняя звездная ночь, усадьба, музыка... Нет, не стоит это все переписывать за Ивана Сергеевича. И такой печальный, полный безысходности финал. То, что «Дворянское гнездо» — шедевр из шедевров — видели все — и русская читающая публика второй половины века, и Европа, и Америка — Генри Джеймс, например.

Роман создавался несколько месяцев, начиная с середины июня 1858 года, когда писатель приехал в Спасское-Лутовиново, до середины декабря того же года, когда в Петербурге им были внесены последние исправления. Но замысел произведения, по собственному признанию Тургенева, относится к 1856 году. Все это время Тургенев жил в Риме, где, по словам писателя, застали его первые вести о намерении правительства освободить крестьян. Вести эти горячо были встречены соотечественниками, находившимися тогда в Риме вместе с Тургеневым — устраивались сходки, произносились речи, обсуждалась идея создания специального журнала для освещения важнейших сторон «жизненного вопроса».

Напряженная работа над «Дворянским гнездом» началась после возвращения писателя на Родину, в спокойной обстановке, в Спасском. Но и предшествующий период, насыщенный разнообразными впечатлениями, — частые переезды в новые места, встречи с многими людьми, беседы с Черкасским, Боткиным, Анненковым, Герценом, с другими современниками, олицетворявшими мысль и дух века; размышления о событиях, происходивших в русской общественной жизни, о разворачивавшейся подготовке к освобождению крестьян, о роли дворянства в этом процессе, — был периодом интенсивного накопления материала и вынашивания основных образов и идей романа.

П. В. Анненков, встречавшийся с Тургеневым весной 1858 года в Дрездене, так характеризует в своих воспоминаниях этот этап, весьма знаменательный в истории создания романа: «Дворянское гнездо» зрело в уме Тургенева... Тургенев обладал способностью в частых и продолжительных своих переездах обдумывать нити будущих рассказов, так же точно, как создавать сцены и намечать подробности описаний, не прерывая горячих бесед кругом себя и часто участвуя в них весьма деятельно».

М. Е. Салтыков-Щедрин в письме к П. В. Анненкову от 3 февраля 1859 года высказал свои впечатления о романе тотчас после прочтения «Дворянского гнезда»: «Я давно не был так потрясен», — признается автор письма, глубоко взволнованный «светлой поэзией, разлитой в каждом

звук этого романа». «Да и что можно сказать о всех вообще произведениях Тургенева? То ли, что после прочтения их легко дышится, легко верится, тепло чувствуется? Что ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора? Но ведь это будут только общие места, а это, именно это впечатление оставляют после себя эти прозрачные, будто сотканные из воздуха образы, это начало любви и света, во всякой строке бьющее живым ключом...»

Слова классика лучше всего подтверждает мелодичная чистая, как музыка, элегическая проза Тургенева:

«...» А Лаврецкий вернулся в дом, вошел в столовую, приблизился к фортепиано и коснулся одной из клавиш; раздался слабый, но чистый звук и тайно задрожал у него в сердце: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодия, которой, давно тому назад, в ту же самую счастливую ночь, Лемм, покойный Лемм, привел его в такой восторг. Потом Лаврецкий перешел в гостиную и долго не выходил из нее: в этой комнате, где он так часто видал Лизу, живее возникал перед ним ее образ, ему казалось, что он чувствовал вокруг себя следы ее присутствия, но грусть о ней была томительна и не легка: в ней не было тишины, навеваемой смертью. Лиза еще жила где-то глухо, далеко; он думал о ней, как о живой, и не узнавал девушки, им некогда любимой, в том смутном, бледном призраке, облаченном в монашескую одежду, окруженном дымными волнами ладана. Лаврецкий сам бы себя не узнал, если б мог так взглянуть на себя, как он мысленно взглянул на Лизу. В течение этих восьми лет совершился, наконец, перелом в его жизни, тот перелом, которого многие не испытывают, но без которого нельзя остаться порядочным человеком до конца; он действительно перестал думать о собственном счастье, о своекорыстных целях. Он утих и — к чему таить правду? — постарел не одним лицом и телом, постарел душою; сохранить до старости сердце молодым, как говорят иные, и трудно и почти смешно; тот уже может быть доволен, кто не утратил веры в добро, постоянства воли, охоты к деятельности. Лаврецкий имел право быть довольным: он сделался действительно хорошим хозяином, действительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя; он, насколько мог, обеспечил и упрочил быт своих крестьян.

Лаврецкий вышел из дома в сад, сел на знакомой ему скамейке — и на этом дорогом месте, перед лицом того дома, где он в последний раз напрасно простирал свои руки к заветному кубку, в котором кипит и играет золотое вино наслажденья, — он, одинокий, бездомный странник, под долетавшие до него веселые клики уже заменившего его молодого поколения, оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердце, но не тяжело и не прискорбно: сожалеть ему было не о чем, стыдиться — нечего. «Играйте, веселитесь, растите, молодые силы, — думал он, и не было горечи в его думах, — жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть — и сколько из нас не уцелело! — а вам надобно дело делать, работать, и благословение нашего брата, старика, будет с вами. А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остается отдать вам последний поклон — и, хотя с печалью, но без зависти, безо всяких темных чувств, сказать, в виду конца, в виду ожидающего бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная

жизнь!»

87. НЕКРАСОВ «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

Вся русская поэзия — сплошной гимн женщине. Но вряд ли кто еще воспел женщину — мать и жену — столь трепетно и благоговейно, как Некрасов Его стихи, обращенные к рано умершей матери («Рыцарь на час»), быть может, самые проникновенные во всей мировой поэзии:

*Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других «...»
О прости! то не песнь утешения,
Я заставляю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы краткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои! «...»
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество! «...»
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!*

Некрасов с одинаковой теплотой и почитанием раскрывал бездонные глубины женской души и характера безотносительно к сословной принадлежности: простые крестьянки в его поэзии ничем не отличаются по богатству чувств от великосветских красавиц. Лучшие качества русской женщины — самоотверженность, всепрощение, беззаветная верность, готовность на все ради высших идеалов — с неповторимым мастерством художника-реалиста увековечены в поэме, посвященной женам декабристов.

Поэма состоит из двух самостоятельных частей — «Княгиня Трубецкая» и «Княгиня М. Н. Волконская» — по именам двух первых героических жен, добровольно последовавших на каторгу вслед за своими мужьями, осужденными за участие в восстании на Сенатской площади. Поэма — особенно ее 1-я часть — построена на контрастах: с одной стороны, блистательное и безмятежное прошлое, с другой — бесприютное и неизвестное будущее.

*Вперед! Душа полна тоски,
Дорога все трудней,
Но грезы мирны и легки*

Приснилась юность ей.

Это — Екатерина Трубецкая. Всю дорогу, мчась в кибитке навстречу неизвестному будущему, она вспоминает прошедшую жизнь, промелькнувшую как один миг. Точно живые, встают картины событий на Сенатской площади:

*Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут «...»
Тогда-то пушки навели.
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..»
... О, милый! Жив ли ты?*

Для любящей женщины и жены в этой трагической неразберихе морозного декабрьского дня с непонятной пассивностью мятежников, визгом картечи, сотнями убитыми и ранеными — важен только один-единственный вопрос: жив ли ее муж. А ее любовь жива несмотря ни на что, и во имя этой великой любви она готова на любое самопожертвование. Именно она — ее любовь — помогла княгине, преодолевая невероятные трудности и чинимые препятствия добраться до места, где отбывал наказание ее супруг и разделить его тяжелую участь.

Та же трагическая судьба ждет и другую некрасовскую героиню — Марию Волконскую (урожденную Раевскую). Посвященная ей часть поэмы основана на подлинных мемуарах и построена в виде живого рассказа внукам. История светской красавицы, воспетой Пушкиным, к которой он был равнодушен. Раннее замужество и короткая счастливая жизнь до ареста и осуждения Сергея Волконского вместе с другими заговорщиками. Далее — уже знакомые мытарства, расставание с близкими и родными, последнее свидание с Пушкиным в Москве, где он передал ей свое «Послание декабристам» («Во глубине сибирских руд...»), зимний сибирский тракт, долгий путь, полный невзгод и унижений. Но всюду и до самого конца опорой ей служил негибимый дух и вера в русский народ:

*Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнание, где я ни была
Все трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои там давно уж упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!*

Страдания нас породнили...

И вот наконец она у цели. Самовольный спуск в шахту, встреча с узниками, закованными в кандалы. Последним, кого она увидела, был муж — Сергей:

*И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!» «...»
И я подбежала... И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки.
Он много страдал, и умел он страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени — и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила...*

Эта сцена неоднократно воспроизводилась в многочисленных иллюстрациях, постановках и экранизациях. Она превратилась в своеобразный символ самоотверженности и чистоты Русской женщины. Такой же символ — вся поэма Некрасова.

88. Лев ТОЛСТОЙ «ВОЙНА И МИР»

Однажды, вынужденно коротая время в томительном ожидании начала какого-то скучного мероприятия, я задал себе вопрос: «Случись оказаться на необитаемом острове с правом выбора одной-единственной книги — какая бы была предпочтительней?» Вывод после недолгих раздумий был однозначным: «Наверное, все-таки «Война и мир»!» Почему так? Ведь есть множество книг не менее достойных. Ответить на такой, казалось бы, простой вопрос совсем непросто.

Обычно, говоря о Толстом, употребляют выражение «глыба». А в отношении его самого грандиозного романа то же можно сказать и подавно. Но не в этом ведь критерий! Зачем, скажем, «глыбу» тащить на воображаемый необитаемый остров? «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста — роман куда более обширный, чем творение Толстого, но кому придет в голову брать его с собой, чтобы скрасить уединение.

Думается, тайна «Войны и мира» кроется совсем в другом: в ней при желании можно найти ответ на любой вопрос. Роман вобрал в себя все — величественную эпичность и тончайший лиризм, глубокие философские размышления о судьбах мира, истории, человека и неувядающие образы, выписанные столь мастерски, что кажутся живыми людьми. Об эпосе Толстого мало сказать — энциклопедия русской жизни. Нравственный кодекс — вот более подходящее определение! Ни одно новое поколение не устанет учиться высоким жизненным идеалам у Андрея Болконского и Наташи Ростовой, а беззаветному патриотизму — у большинства героев романа и его автора.

И еще одна особенность есть у этого шедевра русской и мировой классики — мировоззрение. Настоящее утверждается здесь через анализ событий Прошлого. Быть может, в том и состоит неразгаданный секрет романа: концентрированную энергию истории он сумел спроецировать в Будущее. Безусловно, тайна неисчерпаемой мощи творчества Толстого и в том, что он сумел воплотить в каждом своем произведении и мучительные философские искания. А они в первую очередь были сосредоточены на внутреннем мире человека, поиске исходных нравственных начал. Но религиозно-философское учение Толстого не может быть расценено как чистый панморализм или персонализм (тем более субъективно-идеалистического толка) — его религиозно-этическое кредо формировалось не в отрыве от онтологических проблем, а на контрастной основе: как противопоставление бесконечной Вселенной, но таким образом, что в конечном счете она оказывалась включенной во внутренний духовный мир человека, который сам оказывался при этом бесконечным и неисчерпаемым. Даже центральный тезис философии Толстого: «Царство божие внутри нас» — вовсе не предполагало отрицание «мира божьего» вне нас — просто последнее вытекало из первого. Такой подход положил начало концепции в русском космизме, согласно которой в двуединстве «Макрокосм-Микрокосм» исходным началом выступает последний (в дальнейшем это получило всестороннее обоснование у Павла Флоренского и Льва Карсавина).

В художественной форме это было раскрыто в 1-м томе эпопеи «Война и мир» в эпизодах ранения князя Андрея Волконского в Аустерлицком сражении. Последней его мыслью Перед тем, как потерять сознание, было: «... Все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме него...» И первой мыслью после возвращения сознания было опять то же «высокое небо с еще выше поднявшимися плывущими облаками, сквозь которые виднелась синеющая бесконечность». И когда князь Андрей увидел (точнее, услышал) Наполеона, подошедшего к тяжелораненому, его былой кумир показался русскому офицеру «столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками».

Кстати, роман также кончается на «космической ноте». Последняя часть эпилога, как известно, является целиком философской. Выводы Толстого о роли личности в истории, о свободе и необходимости и другие построены на контрастном, альтернативном противопоставлении законов Вселенной и исторического процесса. Результаты философско-беллетристического анализа теории тяготения Ньютона и гелиоцентрической концепции Коперника и явились заключительным аккордом «Войны и мира»:

Как для астрономии трудность признания движения земли состояла в том, чтобы отказаться от непосредственного чувства неподвижности земли и такого же чувства движения планет, так и для истории трудность признания подчиненности личности законам пространства, времени и причин состоит в том, чтобы отказаться от непосредственного чувства независимости своей личности. Но как в астрономии новое воззрение говорило: «Правда, мы не чувствуем движения земли, но, допустив ее

неподвижность, мы приходим к бессмыслице; допустив же движение, которого мы не чувствуем, мы приходим к законам», — так и в истории новое воззрение говорит: «И правда, мы не чувствуем нашей зависимости, но, допустив нашу свободу, мы приходим к бессмыслице; допустив же свою зависимость от внешнего мира, времени и причин, приходим к законам». В первом случае надо было отказаться от сознания несуществующей неподвижности в пространстве и признать неощущаемое нами движение; в настоящем случае — точно так же необходимо отказаться от несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость.

Поиски смысла жизни героями произведений Толстого или же ответов на «вечные вопросы», волнующие человечество испокон веков, — отражение духовной драмы самого писателя, искание им религиозно-нравственного идеала и нахождение его в малоперспективной идее «непротивления злу насилием», которая неспособна ни вдохновить широкие массы людей, ни привести к сколько-нибудь полезному позитивному результату.

Мировоззренческие исканиями Льва Толстого, его неистребимая жажда постичь истину впоследствии нашли свое отражение в одном из самых беспощадных к собственному «я» документов мировой культуры — философско-автобиографическом произведении «Исповедь». Ее лейтмотив — диалектическое противоречие между осмысливаемым всеединством объективного мира и неудовлетворенным самоутверждением познающего субъекта, стремящегося, но не могущего вырваться из «вселенских сетей». Те же мысли и выводы присутствуют и на страницах романа «Война и мир». Их носители — конкретные герои, обуреваемые теми же сомнениями, что и автор. Таков Пьер Безухов, в чьи уста Толстой вкладывает результаты собственных размышлений:

— Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На земле, именно на этой земле (Пьер указал в поле), нет правды — все ложь и зло; но в мире, во всем мире есть царство правды, и мы, теперь дети земли, а вечно — дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, — высшая сила, — как хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим?

Через единение со всей природой как частью мирового целого воспринимает свои помыслы и Андрей Болконский. В хрестоматийном эпизоде его встречи с вековым дубом — на пути в имение Ростовых и обратно — его первоначальное пессимистическое мироощущение сменяется проблесками новых надежд и верой в жизнь:

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно видно, суками и с обломанной корой, заросшей старыми болячками. С огромными своими неуклюже, несимметрично-растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию

весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье! — как будто говорил этот дуб. — И как не надоест вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман. Все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, и вон и я растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, где ни выросли они — из спины, из боков. Как выросли — так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам».

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом, но он все так же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно, стоял посреди них. «Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, — думал князь Андрей, — пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь кончена!» Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея.

И вот дорога назад — после случайной встречи с Наташей, посеявшей в его сердце пока еще не давшей всходов любовь:

Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия — ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробились без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что этот старик произвел их. «Да это тот самый дуб», — подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и мертвое укоризненное лицо жены, и Пьер на пароме, и девочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна — и все это вдруг вспомнилось ему.

Безусловно, главным героем Толстого является народ (именно это значение подразумевалось во втором слове названия романа). Но что такое народ — если не отдельные люди? И «великий писатель земли Русской» (слова Тургенева) как никто другой сумел показать, что народ — это не аморфная безликая масса, а живые люди с их необъятной душой и неисчерпаемыми потенциями!

89. ДОСТОЕВСКИЙ **«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

Михаил Бахтин учил воспринимать Достоевского полифонически: не как последовательное течение событий, а как единое средоточие всех героев романа, их поступков, страстей, Сомнений и помыслов. В результате возникает некая симфоническая целостность, где главным героем становится сверхидея, объединяющая в некоего сверхгероя все лица романа. Правда, читатель по-прежнему видит в великом романе Достоевского обычное художественное произведение, написанное по всем канонам данного жанра.

С точки зрения обывателя, мыслящего приземленными категориями, творение Достоевского — всего лишь не доведенный до логического конца детектив: сами, мол, догадывайтесь, кто же из окружения старика Карамазова в конце концов его убил. На самом деле за криминальной интригой скрывается высочайшая и высоконравственная философия. И в этом смысле «Братья Карамазовы» — вершина не только

творчества писателя, но и всей русской и мировой литературы.

Как и в других произведениях Достоевского, здесь затрагиваются фундаментальные вопросы человеческого бытия в связи с общими судьбами мира. Разделяя идею, что «человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью», Достоевский значительное внимание уделял вопросу о всемирно-вселенском предназначении русского народа. Эта мысль особенно рельефно выражена в известной речи о Пушкине, получившей значительный общественный резонанс. Сила духа русской народности, по Достоевскому, в его стремлении ко всемирности и всечеловечности, «ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода».

Достоевскому, как никакому другому русскому писателю, была присуща космизация нравственных начал, превращение мира в вечную арену борьбы добра и зла как вселенской битвы Бога и Дьявола, Христа и Антихриста, преломленной через сердца и души живых людей. Эта страшная и бесконечная борьба, описанная тысячи раз в форме абстракций или притч философами и богословами, становится зримой и осязаемой до кровоточия души и тела под пером великого мастера. Трагическая, даже абсурдная гармония Вселенной, когда божеские заповеди и возвышенные идеалы оборачиваются в мире людей океаном слез и страданий, раскрывается в великих романах XIX века в душераздирающих сценах и образах.

Хрестоматийные антиномии «добро — зло», «страдание — спасение» воплощаются Достоевским в повседневно-житейских ситуациях — отчего в еще большей степени обнажается их безвыходность и безысходность. Таковы неразрешимые с точки зрения «земного евклидовского ума» дилеммы Ивана Карамазова: совместима ли всеобщая и вечная гармония со слезами человеческими, «которыми пропитана вся земля от коры до центра»; стоит ли такая гармония, существующая главным образом в воображении и нереализованной потенции, «слезинки хотя бы одного только замученного ребенка»; возможно ли строить человеческое счастье и возвести «здание судьбы человеческой», если «для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище». Несоизмеримые величины — Вселенная и слезинка — неожиданным образом предстают в виде дисгармонии традиционной пары Макрокосма и Микрокосма. Такая дисгармония неизбежна, и ничего другого быть не может. Поэтому герои Достоевского вместе с самим автором и не приемлют этот безжалостный мир, но выхода из замкнутого круга не видят и не находят. В общем и целом это соответствовало философии автора «Братьев Карамазовых»: «Бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие».

Парадоксальная диалектика взаимоподмены и взаимопроникновения, казалось бы, абсолютно несовместимых друг с другом и извечно антагонистических нравственных начал — добра и зла — с наибольшей рельефностью обнажилась в знаменитой «Легенде о великом инквизиторе» — включенной в роман притче. Суть морально-этического парадокса заключен в самом сюжете: появление живого Христа в средневековой Испании и заточение его в темницу по приказу великого

инквизитора. Затем следует их встреча-допрос и безапелляционный (пока что словесный) суд и приговор. Оказывается, живой Христос со всем его учением и добрыми делами не нужен новой, исторической популяции. Более того, он мешает святой инквизиции творить добро в ее собственном понимании — с помощью пыток и казней, загонять, так сказать, каленым железом в счастливое будущее. Христос нужен церкви лишь как символ. Живой он — только помеха, а потому должен быть осужден и сожжен на костре. Такая вот диалектическая коллизия: то, что считалось добром как абсолютной ценностью, оказывается злом, подлежащим искоренению, и наоборот: торжествующее и беспощадное зло рядится в тогу абсолютного добра.

Среди мнимых грехов Христа, мешающих церкви творить искаженно понимаемое добро и обличаемых великим инквизитором, — грех «всемирности», подлинная ценность, за которую, по мнению Достоевского, не жалко и умереть. Человеку от рождения присуща «потребность всемирного единения»: «Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно». Это стремление распространяется и на «завоевание вселенной» и просто на «всеобщее единение», включаясь в некоторую всеобщую, независимую от воли и желания отдельных индивидуумов силу, безусловно связанную с высшими законами мира и Вселенной.

Такая сила, хотя пока и не познана и даже неосознанна, все же поддается рациональному объяснению. Есть, однако, и другая сила, иррациональная по своей природе, так как порождена она не Космосом (порядком), а Хаосом (беспорядком) и чревата она не гармонией Вселенной, а тлетворностью и распадом. Это — «бесовщина» — мировое зло, воплощенное во вредоносных духах, поражающих, соблазняющих и сбивающих с истинного пути праведников, подвижников и простых смертных. Это — с одной стороны.

С другой стороны, расшифровку космического понимания жизни и ее нравственных законов находим в поучениях старца Зосимы (еще одна вставная глава в романе «Братья Карамазовы»). Безусловно, перед нами видение самого писателя, выражение сути его гуманистического видения мира:

«...» Все, как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается... Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным «...» и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле, и взрастил сад свой, и возшло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего к таинственным мираминым...

Таинство мироздания неисчерпаемо. Неисчерпаемость Вселенной оборачивается неисчерпаемостью души. Достичь конца того или другого — невозможно, постичь законы их движения и взаимозависимости — удел творцов, провидцев и открывателей.

Что касается галереи созданных Достоевским образов, то каждый из них призван отобразить конкретные аспекты русского характера. Все они — и порознь, и вместе взятые — давно стали устойчивыми типажам

русской культуры, носителями конкретных людских качеств: Алеша — подвижнического человеколюбия, Дмитрий — вечного страдания, Иван — циничного нигилизма, Федор Павлович — распущенного аморализма, Смердяков — всей мерзопакостности русской жизни, Зосима — спасительности и исповедальности.

Герои Достоевского особенно близки и понятны тем, чья мятущаяся душа не знает покоя, кто пребывает в состоянии непрестанных сомнений и поиска истины, в ком жизнь клокочет и бурлит, как первозданный хаос. Таков и Дмитрий Карамазов — средоточие буйства и нежности, бесшабашности и честности, паясничания и воистину русской распахнутости души. Недаром он — а никто другой — носитель самой сокровенной тайны книги, самой главной ее идеи. Ибо в уста именно старшего из всех братьев вложена знаменитая фраза, которая может служить ключом к роману в целом, ко всему творчеству Достоевского, да и, пожалуй, к душе каждого человека: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». Интересно вдуматься в весь бурный монолог, который этот афоризм завершает:

«...» Все на свете загадка! И когда мне случалось погружаться в самый, в самый глубокий позор разврата (а мне только это и случалось), то я всегда это стихотворение о Церере и о человеке читал. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазов. Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятами, и даже доволен, что именно в унижительном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть «...»

Но довольно стихов! Я пролил слезы, и ты дай мне поплакать. Пусть это будет глупость, над которой все будут смеяться, но ты нет. Вот и у тебя глазенки горят. Довольно стихов. Я тебе хочу сказать теперь о «насекомых», вот о тех, которых Бог одарил сладострастьем: «Насекомым — сладострастье!»

Я, брат, это самое насекомое и есть, и это обо мне специально и сказано. И мы все, Карамазовы, такие же, и в тебе, ангеле, что насекомое живет и в крови твоей бури родит. Это — бури, потому что сладострастье буря, больше бури! Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут. Я, брат, очень необразован, но я много об этом думал. Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, вышший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства

людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.

Это беспрестанное и бескомпромиссное борение Бога с дьяволом и, если только так можно выразиться, под углом зрения последнего в кричаще-обнаженной форме проявляется в образе среднего брата — Ивана. Высказывалось предположение, что в образе философского парадоксалиста и контраверзника Ивана Достоевский в наибольшей степени отобразил самого себя. Именно среднему брату — и никому другому — отдается авторство самого сокровенного творения писателя — «Легенды о великом инквизиторе». Он же, по единодушному мнению, является идейным (хотя и бессознательным) вдохновителем отцеубийства, логически подведя к кровавой развязке фактического исполнителя — Смердякова, незаконного сына старика Карамазова (то есть, по существу, четвертого брата).

Внутренний мир Ивана расколот на полнейшее, граничащее с богохульством, безверие и искреннее стремление поверить во что-то великое и прекрасное. Но поскольку он нигде не находит ни того, ни другого, — неверие становится еще более изоциренным и вызывающим, порождая непрерывно диалектические всплески души и софистические монологи. Иван — Мефистофель в человеческом обличии, а может даже — нечто большее, чем просто Мефистофель. «Несчастное сознание» среднего из братьев с первого же взгляда улавливает и старец Зосима. Вместе с тем подвижник видит в его душе и «великое горе». «Но благодарите творца, — говорит он Ивану, — что дал вам сердце, способное такую муку мучиться».

Сам Достоевский главным героем романа считал младшего брата — Алешу. В предисловии он ясно дает понять, что читатель держит в руках лишь первую, вводную часть романа, за которой последует продолжение, но написать его не успел. В записных книжках остались наброски и планы; из них следует, что писатель намеревался превратить послушника-непротивленца в народовольца, участвующего в подготовке цареубийства. В общем-то, вполне закономерный зигзаг (если только так можно выразиться применительно к данной ситуации) для типично русской натуры — вечно чего-то ищущей, но никогда до конца так и не находящей. Таково в целом и большинство героев Достоевского — потому-то он по праву и считается одним из лучших знатоков русского сердца.

90. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»

Роман с неприятным названием «Господа Головлевы» — одно из самых обличительных произведений мировой литературы. Без грозных филиппик и горестных иеремиад — одним только беспредельно правдивым и кристально честным пером писателя-реалиста обнажаются такие низменные и мерзостные пласты человеческой натуры, такие социальные язвы, что поневоле хочется кричать: «Люди! Ну почему же вы такие?» И одновременно безумно хочется жить лучше! В этом вообще уникальность творчества Салтыкова-Щедрина: создавая беспощадные сатирические полотна и бичуя ни при каком строе неискоренимые человеческие пороки, он, так сказать, «от противного» (как выражаются в логике) пробуждает в читателе лучшие силы и качества.

Поначалу автор и не помышлял о большом произведении. Он написал для «Отечественных записок» очередной очерк под названием «Семейный суд», где уже были выведены практически все герои будущего романа. А как же иначе, если повествование посвящено истории большой, но мелкопоместной семьи, разлагающейся — в прямом и переносном смысле — после отмены в России крепостного права. Ситуация оказалась настолько типичной, а герои — настолько правдиво воссозданными, что читатели и друзья потребовали продолжения. Так постепенно и сложился роман.

Головлевы — типичные хищники-стяжатели, не брезгующие ничем, чтобы по костям ближнего взобраться хотя бы на вершок выше, чем было прежде. Но в конечном счете они оказываются не способными преодолеть обстоятельства, более сложные и непостижимые для их ограниченного ума и в результате один за другим хиреют и гибнут. Кроме того, они еще и сами ненавидят друг друга, живут, что называется, как пауки в банке, способствуя неминуемой смерти то одного, то другого. Так, маменька Головлева — Арина Петровна — на первых порах фактическая глава клана, самолично увеличившая его достояние во много крат, становится главной причиной гибели старшего сына Степана. Средний сын Порфирий Владимирович, прозванный Иудушкой-кровопивушкой, который постепенно прибрал к рукам все капиталы семьи, а некогда всеильную мать превратил в нищую приживалку, также доводит до смерти собственных сыновей: один кончает с собой, другой гибнет по дороге на каторгу (обоим отец отказал в помощи в роковую минуту). Над семьей Головлевых (писатель называет ее «выморочным родом») властвует неотвратимый Рок-Фатум, точно преследующий и наказывающий ее за все великие и малые грехи:

«...» Наряду с удачливыми семьями существует великое множество и таких, представителям которых домашние пенаты, с самой колыбели, ничего, по-видимому, не дарят, кроме безвыходного злополучия. Вдруг, словно вша, нападает на семью не то невзгода, не то порок и начинает со всех сторон есть. Расползается по всему организму, прокрадывается в самую сердцевину и точит поколение за поколением. Появляются коллекции слабосильных людишек, пьяниц, мелких развратников, бессмысленных празднолюбцев и вообще неудачников. И чем дальше, тем мельче вырабатываются людишки, пока наконец на сцену не выходят худосочные зауморыши, вроде однажды уже изображенных мною Головлят, зауморыши, которые при первом же натиске жизни не выдерживают и гибнут. Именно такого рода злополучный фатум тяготел над головлевской семьей. В течение нескольких поколений три характеристические черты проходили через историю этого семейства: праздность, непригодность к какому бы то ни было делу и запой. Первые две приводили за собой пустословие, пустомыслие и пустоутробие, последний — являлся как бы обязательным заключением общей жизненной неурядицы.

Но главный бич головлевского семейства — безудержное и беспробудное пьянство — не пьянство ради удовольствия, а пьянство от безысходности жизни. По очереди спиваются все. Сначала в запой ударяется глава семейства Владимир Михалыч Головлев, затем его сыновья: старший — Степан и младший — Павел. По дикому спивается,

«идет по рукам», и совершенно опускается одна из внучек Аннинька (другая — Любинька, пройдя те же круги ада, успевает покончить с собой). Наконец очередь доходит и до главной фигуры сатирической эпопеи — Иудушки. Он быстро втягивается в пьяные «бдения» переселившейся к нему племянницы Анниньки, но до белой горячки, как его братья, дожить не успевает: в пьяном помешательстве он раздетый уходит из дому в ночь и замерзает на пустынной дороге.

Иудушка — бессмертный образ мировой литературы, помесь беспощадного хищника с лицемером и ханжой. Иконки, лампадки, обеденки, молитвенно складываемые ладони соединены в нем с мертвой хваткой волкодава (недаром еще в детстве он получил от братьев прозвище Иудушки-кровопивушки):

Он любил мысленно вымучить, разорить, обездолить, пососать кровь. «...» Фантазируя таким образом, он незаметно доходил до опьянения; земля исчезала у него из-под ног, за спиной словно вырастали крылья. Глаза блестели, губы тряслись и покрывались пеной, лицо бледнело и принимало угрожающее выражение. И, по мере того как росла фантазия, весь воздух кругом него населялся призраками, с которыми он вступал в воображаемую борьбу. Существование его получило такую полноту и независимость, что ему ничего не оставалось желать. Весь мир был у его ног, разумеется, тот немудреный мир, который был доступен его скудному мирозерцанию. Каждый простейший мотив он мог варьировать бесконечно, за каждый мог по несколько раз приниматься сызнова, разрабатывая всякий раз на новый манер. Это был своего рода экстаз, ясновидение, нечто подобное тому, что происходит на спиритических сеансах. Ничем не ограничиваемое воображение создает мнимую действительность, которая, вследствие, постоянного возбуждения умственных сил, претворяется в конкретную, почти осязаемую. Это — не вера, не убеждение, а именно умственное распутство, экстаз. Люди обезчеловечиваются; их лица искажаются, глаза горят, язык произносит произвольные речи, тело производит произвольные движения.

Почему же Иудушка — эта вроде бы карикатура на род человеческий — бессмертен? Да все по той же причине, отчего и бессмертен другой его библейский коррелят — Иуда! Ведь ни тот, ни другой не принадлежат только прошлому и только гениальному воображению, создавших их творцов. Они — реальные человеческие типы. На все времена! И вовсе не феномен какой-то отдельно взятой социальной формации, а порождение самой природы человека. Они живут среди нас живой и полнокровной жизнью в любую эпоху и при всяком общественном строе — каины и ироды, донкихоты и донжуаны, иуды и иудушки, Плюшкины и Хлестаковы. И несть им числа...

91. ЛЕСКОВ

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

Лесков — один из самых что ни на есть русских писателей. А «Очарованный странник» — одно из самых русских произведений в его неисчерпаемом по эстетическому богатству творчестве. Наверное, потому, что именно в этой повести писателю удалось, как в фокусе, сконцентрировать тайны русской души и, следовательно, хоть отчасти приблизиться к ее разгадке.

Одним из первых Лесков попытался создать галерею положительных русских типов. Написал десять великолепных рассказов (среди них такие шедевры, как «Человек на часах» и знаменитый «Левша»), объединил их в цикл с характерным названием — «Праведники». Типы получились исконно русские — страдальцы, бессребреники, христолюбцы, готовые, не задумываясь, положить себя за народ и Отечество, но по-детски беспомощные перед неблагоприятным течением обстоятельств.

Казалось бы, и «Очарованный странник» вполне бы мои пополнить галерею «Праведников». Но нет, главный герой лесковской повести Иван Северьяныч, господин Флягин (прозванный так, еще будучи крепостным, за непомерно большую голову — «флягу»; второе прозвище — Голован), хоть и является носителем большинства положительных и типично русских черт, но одновременно таит в себе непредсказуемое стихийно начало — сродни первозданной дикости, можно даже сказать — первобытного Хаоса.

Кстати, огромная голова главного героя вполне гармонировала с его прямо-таки богатырским телом, отчего Лесков без оснований сравнивает его с «простодушным дедушкой Или ей Муромцем». Но простодушие и мягкосердечие, помноженные на громадную физическую силу, — лишь одна из сторон его широкой натуры и распахнутой для всех души. Другая сторона оборачивается далеко не лучшими качествами и деяниями. Ибо на роду Северьянычу было написано — загубить несколько ни в чем не повинных душ.

Все выходило вроде бы само собой, но так, что за сим недвусмысленно просвечивалась воля неотвратимого рока. Первая смерть, определившая в конечном счете всю дальнейшую судьбу Очарованного странника, вообще произошла как бы случайно, в общем-то, из-за баловства и удали. Обгоняя на узкой дороге воз с сеном, на котором задремал возница-монах, Северьяныч так огрел его кнутом, что тот упал под колеса и был задавлен насмерть. С этого несчастного случая и начались нескончаемые беды Голована. Нечаянно загубленный монах явился к своему убийце во сне и предрек ему мученическую жизнь до скончания дней:

«А вот, — говорит, — тебе знамение, что будешь ты много раз погибать и ни разу не погибнешь, пока придет твоя настоящая гибель, и ты тогда вспомнишь матерно обещание за тебя и пойдешь в чернецы».

В конце концов герой-мытарь действительно попал в монастырь, но ходил в послушниках; до пострижения его не допускали из-за множества грехов и строптивного характера, который он не замедлил проявить и в стенах монастыря. Собственно, на страницах повести Лескова Иван Северьяныч с самого начала и предстает как послушник, плывущий на корабле на Валаам и по пути рассказывающий попутчикам удивительную историю своей жизни.

Чего только не посмотрелся он, чего только не повидал. Бегство из-за жестокой несправедливости хозяев, у которых служил объездчиком лошадей и фореитором (хотя незадолго перед тем чудом спас всех от неминуемой гибели). А дальше — беспаспортная жизнь беглого: воровской приспешник у цыган, нянька при малом ребенке у чиновника, снова бегство

— с матерью девочки, которую он нянчил, и ее беспутным полюбовником. Именно по его наущению он на ярмарке на спор заporол нагайкой богатого «татарина», из-за чего вынужден был скрываться — теперь уже отполиции.

Но степняки-коневладельцы увезли его в безлюдную и безводную закаспийскую полупустыню и на десять лет сделали своим рабом. Вот здесь и в полную силу проявилась натура Ивана Северьяныча как истинно русской души. Ни четыре жены, подаренные ему «на утеху», ни восемь детей, родившиеся за эти годы, не могли отвести его от главной и единственной мысли — вернуться на родину:

— Нет-с; дела никакого, а тосковал: очень домой в Россию хотелось.

— Так вы и в десять лет не привыкли к степям?

— Нет-с, домой хочется... тоска делалась. Особенно по вечерам, или даже когда среди дня стоит погода хорошая, жарынь, в стану тихо, вся татарва от зною попадает по шатрам и спит, а я подниму у своего шатра полочку и гляжу на степи... в одну сторону и в другую — все одинаково... Знойный вид, жестокий; простор — краю нет; травы, буйство; ковыль белый, пушистый, как серебряное море, волнуется, и по ветерку запах несет: овцой пахнет, а солнце обливает, жжет, и степи, словно жизни тягостной, нигде конца не предвидится, и тут глубине тоски дна нет... Зришь, сам не знаешь куда, и вдруг пред тобой отколь ни возьмется обозначается монастырь или храм, и вспомнишь крещеную землю и заплачешь.

Северьяныч бежал, был пойман, жесточайшим образом нак азан: в разрезанные пятки ему зашили рубленный конский волос, отчего он не в силах был больше ходить, мог передвигаться только на четвереньках. Он мучительнейшим образом сумел вытравить щетину и вновь бежал — теперь уже успешно, но главные страдания Северьяныча и главный его грех были еще впереди. Грушенька! Цыганочка! Впервые они встретились в трактире: «... Даже нельзя ее описать как женщину, а точно будто как яркая змея, на хвосте движет и вся станом гнется, а из черных глаз так и жжет огнем». Грушенька оказалась содержанкой того самого князя, у которого пришлось служить и Очарованному страннику. Любовь, запыхавшая в его груди, оказалась такой же пагубной, как и вся его жизнь. Князь бросил Грушеньку, пытался избавиться от нее, чтобы из-за денег жениться на другой. И тогда девушка принимает роковое решение:

«...» Если я еще день проживу, я и его и ее порешу, а если их пожалею, себя решу, то навек убью свою душеньку... Пожалей меня, родной мой, мой миленький брат; ударь меня раз ножом против сердца».

Я от нее в сторону да крещу ее, а сам пачуся, а она обвила ручками мои колени, а сама плачет, сама в ноги кланяется и увещает:

«Ты, — говорит, — поживешь, ты Богу отмолишь и за мою душу и за свою, не погуби же меня, чтобы я на себя руку подняла... Ну...».

Иван Северьяныч страшно наморщил брови и, покусав усы, словно выдохнул из глубины расхолившейся груди:

— Нож у меня из кармана достала... розняла... из ручки лезвие выправила... и в руки мне сует... А сама... стала такое несть, что терпеть нельзя...

«Не убьешь, — говорит, — меня, я всем вам в отместку стану самую стыдной женщиной».

Я весь задрожал, и велел ей молиться, и колоть ее не стал, а взял да так с крутизны в реку спихнул...

Такие вот страсти кипят на страницах лесковской прозы. Писатель лишь следует одной из глубинных убежденностей русских людей — роковой предопределенности жизни и смерти. Оттого-то эта тема так часто обыгрывается в русских повериях, песнях и беллетристике. Но мучения Ивана Северьяныча на том не кончаются. Он, как и читатель, прекрасно понимает: не сделать того, что свершилось, он не мог, а если бы не сделал — всем было бы неизмеримо хуже. Такова воля судьбы.

Но теперь до конца дней своих он будет пытаться искупить грех за содеянное.

Под чужим именем записался Северьяныч в солдаты, отправлен был на Кавказ — в самое пекло военных действий. Спасая товарищей, во время жаркого боя совершил геройский поступок и был произведен в офицеры. На самом деле он лишь искал смерть от чеченской пули. Но роковая судьба и небесное заступничество Грушеньки отвели от него смерть: «А я видел, когда плыл, что надо мною Груша летела, и была она как отроковица примерно в шестнадцать лет, и у нее крылья уже огромные, светлые, через всю реку, и она ими меня огораживала...»

Должно быть, в этом именно и заключается великая тайна русской души. Она — богоизбрана, и нет человека, который не мог бы надеяться на заступничество и покровительство высших сил. Даже при самом великом грехе. В том-то и состоит роковая предопределенность жизни Ивана Северьяныча Флягина и каждого из нас.

92. ЧЕХОВ **«ЧАЙКА»**

Работу над пьесой Чехов начал в октябре 1895 года и закончил в марте 1896 года. Первое представление пьесы состоялось на сцене Александрийского театра 17 октября 1896 года. Спектакль успеха не имел. «Пьеса шлепнулась и провалилась с треском, — сообщил Чехов брату Михаилу. — В театре было тяжелое напряжение недоумения и позора. Актеры играли гнусно, глупо». После представления потрясенный автор до двух часов ночи одиноко бродил по Петербургу и в тот же день уехал в Мелихово. В записке к М. П. Чеховой читаем: «Я уезжаю в Мелихово... Вчерашнее происшествие не поразило и не очень огорчило меня, потому что я уже был подготовлен к нему репетициями — и чувствую я себя не особенно скверно».

Вскоре стали поступать сообщения, что второе и третье представления прошли с большим успехом. «Я, конечно, рад, очень рад, — писал Чехов в ответ на одно из таких сообщений, — но все же успех 2-го и 3-го представления не мог стереть с моей души впечатления первого представления. Я не видел всего, но то, что видел, было уныло и странно до чрезвычайности. Ролей не знали, играли деревянно, нерешительно, все пали духом; пала духом и Комиссаржевская, которая играла неважно. И в театре было жарко, как в аду. Казалось, против пьесы были все стихии».

Под впечатлением провала «Чайки» Чехов готов был отказаться писать для театра. «Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы», — сказал он А. С. Суворину. О том, что он

передумал после этой тяжелой неудачи, Чехов поведал в письме А. Ф. Кони: «Мне было совестно, досадно, и я уехал из Петербурга, полный всяких сомнений. Я думал, что если я написал и поставил пьесу, изобилующую, очевидно, чудовищными недостатками, то я потерял всякую чуткость и что, значит, моя машинка испортилась вконец».

Вновь «Чайка» была поставлена К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко на сцене Московского Художественного театра в сезон 1898–1899 года, с тех пор она шла с огромным и постоянным успехом.

«Появление «Чайки» и основание Московского Художественного театра, — пишет литературовед М. Громов, — два близких по времени (1895–1898) события, которые обозначили между традиционной сценой и театром XX века. Вместе с новым драматическим материалом, неудобным для старой сцены, появились и принципиальная режиссура, иное оформление, новая стилистика актерской игры. Всего яснее это выразилось в сценической истории «Чайки». Судя по свидетельствам современников, в вечер ее премьеры произошло событие, какие случаются редко; на сцене шла пьеса, опередившая свой век, и зал не понял ее и не сумел ее воспринять. Так ранее было и с «Ивановым», и со «Степью»: новаторские по своей сущности, эти вещи воспринимались как неудавшиеся.

Чтобы понять происходившее в Александрийском театре, нужно поставить себя на место зрителя, сидевшего в тот вечер где-нибудь в партере и с привычным интересом следившего за действием. Он читал на афише и в программе, что «Чайка» — это комедия, он, как и вся публика, не был настроен на серьезный лад. Предстоял бенефис популярной актрисы Е. И. Левкеевой (в «Чайке» она не играла, а была занята в водевиле «Счастливый день», шедшем «под занавес» вечера). Никто, конечно, и предположить не мог, что комедией может быть названа совсем не смешная, глубокая пьеса, в которой не было ни одной легкомысленной роли, ни одной веселой сцены или забавной фигуры — то, к чему привыкли и чего ждали от комедии театральные завсегдатаи тех лет. Поэтому публика смеялась — или, говоря точнее, старалась смеяться — там, где смеяться было нечему.

«В первом же явлении, когда Маша предлагает Медведенко понюхать табак... в зрительном зале раздался хохот. Весело настроенную публику было трудно остановить. Она придиралась ко всякому поводу, чтобы посмеяться... Нина — Комиссаржевская нервно, трепетно, как дебютантка, начинает свой монолог: «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...» — неудержимый смех публики... Комиссаржевская повышает голос, говорит проникновенно, искренно, сильно, нервно... Зал затихает. Напряженно слушают. Чувствуется, что артистка захватила публику. Но вопрос Аркадиной: «Серой пахнет. Это так нужно?» — снова вызывает гомерический хохот... Третий акт доставил публике много веселья. Выход Треплева с повязкой на голове — смешок в зале. Аркадина делает перевязку Треплеву — неудержимый хохот... Шум в зале. Вызовы автора и актеров... Шиканье».

Неудачный дебют «Чайки» — не просто заурядный провал из числа тех, какие случались и будут случаться в театре (актеры не знают ролей, путают мизансцены, играют не выразительно, серо, скучно, или же на сцене

случается что-нибудь шумное, скандальное — какой-нибудь непорядок или неряшество, с грохотом падают декорации и т. д.). В этот вечер все было неправильно, от афиши до оформления сцены, от грима актеров до шиканья зрителей; случилось великое недоразумение, и мало кто был в состоянии понять его истинный смысл. В записной книжке Чехова есть пометка: «Сцена станет искусством лишь в будущем, теперь же она лишь борьба за будущее».

Чехова не было в МХТ, — продолжает Громов, — в день триумфа «Чайки» 17 декабря 1898 года. А. Л. Вишневский восторженно писал ему в Ялту: «За 11 лет моей службы на сцене таких волнений и радостей я не знаю!!!» Эти три восклицательных знака верно отражают царившее в театре «патетическое» настроение. А. С. Лазарев-Грузинский, тоже старинный знакомый, рассказывал Чехову в письме: «С первого же акта началось какое-то особенное, если так можно выразиться, приподнятое настроение публики, которое все повышалось и повышалось. Большинство ходило по залам и коридорам с странными лицами именинников, а в конце (ей-богу, я не шучу) было бы весьма возможно подойти к совершенно незнакомой даме и сказать: «А? Какова пьеса-то?» «Чайка» — самое сложное, самое глубокое произведение в драматургии А. П. Чехова, а возможно, — и во всей мировой драматургии. Пересказать эту пьесу почти невозможно, если вы просто зритель. Вновь предоставим слово литературоведу М. Громову: «Сплошь и рядом конфликт «Чайки» видят в столкновении поколений. С одной стороны, Аркадина и Тригорин — маститые, преуспевающие, щедро взысканные славой. С другой — Треплев и Нина Заречная, непризнанные, неузнанные, проведенные сквозь строй надежд и разочарований. Они обижены, обмануты, оставлены на произвол судьбы. Опытным художникам бросают вызов начинающие, пробующие голос любители. Старшие шагают по дороге цветов, младшие с трудом торят свою жизнь в искусстве.

Аркадиной не нравится пьеса сына, она видит в ней «что-то декадентское», не пьеса, а «декадентский бред», но ведь и Заречная не в восторге от текста, который ей предстоит произнести с театральных подмостков. Готовясь выйти на сцену, она говорит Треплеву, что в его пьесе трудно играть — нет живых лиц, мало действия, одна только читка. После провала спектакля, едва выйдя из-за эстрады, она обращается к Тригорину с вопросом, который звучит по отношению к Треплеву чуть не предательски: «Не правда ли, странная пьеса?»

Не Аркадина и не Тригорин, а Заречная наносит молодому литератору самый болезненный удар — она пренебрежительно отзывается о его театральном дебюте и отвергает его самозабвенное юное чувство, предпочитая Треплеву знаменитого писателя, любовника Аркадиной, которого Треплев не переносит, которому он завидует. Константин Треплев уходит из жизни, потому что не удалась литературная карьера и не удалась любовь — Нина любит не его, а Тригорина».

Но это только один из вариантов истолкования сюжета. На самом деле, в пьесе за каждой репликой видишь целую человеческую жизнь, сложный характер. Глубина заложенных идей беспредельна. И в этом — совершенно необыкновенная гениальность драматурга, которую начинаешь понимать с годами, постепенно.

Чехов говорил: «Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни».

Избирая для своих пьес простые и житейские сюжеты, Чехов не отвергал сложности, но лишь настаивал на ее естественном, правдивом воплощении. Во всех его сюжетах, посвященных обычной жизни рядовых людей, раскрывается сложность их связей друг с другом и со средой. Подлинный драматизм, говорит своими пьесами Чехов, не только в исключительном, но и в повседневном, в мелочах жизни. Этим самым он неизмеримо расширяет понятие драматического. Показывая естественное течение жизни, Чехов кладет в основу своих сюжетов не один, а ряд переплетающихся между собой конфликтов. При этом ведущим и объединяющим является по преимуществу конфликт действующих лиц не друг с другом, а с окружающей их социальной средой.

М. Горький писал: «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа».

Вот уже много десятилетий на занавесе МХАТа имени А. П. Чехова парит белокрылая чайка. Она стала подлинным символом не только всего творчества великого русского писателя, но и нового театрального искусства XX века.

93. БЛОК «СТИХИ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ»

Блок не сразу нашел название цикла и, соответственно, книги своих стихов. Тема была ясна с самого начала — Вечная Женственность; в ней виделась разгадка бытия и всех его законов. Она шла от Гете и Владимира Соловьева. Последний незадолго до смерти написал программное стихотворение с подобным названием:

*Знай же: Вечная Женственность ныне
В теле нетленном на землю идет...*

Первоначально Блоку тоже хотелось назвать собрание самых сокровенных стихотворений — «О вечноженственном». Но потом он по-новому взглянул на свою собственную строфу:

*Вхожу я в темные храмы,
Свершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.*

Так родилось название сборника, который сразу же вывел молодого поэта в первый ряд русской литературы. У Владимира Соловьева Вечная Женственность тоже выступала в разных обликах. Главная ее ипостась, конечно же, — София Премудрость Божия — воплощение Истины, Добра и Красоты. Развивая мысль Достоевского «Красота спасет мир», Соловьев утверждал: «... В конце Вечная красота будет плодотворна, и из нее выйдет спасение мира». В поэзии на данной основе была разработана

целая система нетленных образов — Дева Радужных Ворот, Подруга вечная, Лучезарная подруга и др., ставших опорными категориями русского символизма. Блок продолжил осмысление понятия Вечная Женственность. В его стихах под влиянием первой любви соловьевская Вечная Подруга превратилась в Прекрасную Даму и Деву-Зарю-Купину, под именем которых выступает будущая жена Блока, дочь великого Менделеева — Любовь Дмитриевна:

*Белая Ты, в глубинах несмутима,
В жизни — строга и гневна.
Тайно тревожна и тайно любима,
Дева, Заря, Купина.*

«Стихи о Прекрасной Даме» и представляют собой поэтический дневник становления возвышенного чувства Блока. О, то была воистину неземная любовь! Действительный символ Любви! Зная свою будущую супругу с детства, он увлекся ею по-настоящему лишь в 19-летнем возрасте, пригласив летом на даче на роль Офелии в любительском спектакле, где сам играл Гамлета (с тех пор тема Гамлет — Офелия превратилась в лейтмотив его творчества). Четыре года трепетной любви — вся она, как на ладони, в «Стихах о Прекрасной Даме». И не только в стихах. Их письма той поры достойны стать в один ряд с перепиской Абеяра и Элоизы.

Александр Блок — Любви Менделеевой (10 ноября 1902 года): Моя жизнь вся без изъятий принадлежит Тебе с начала и до конца... Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чем-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, все будет Твое, от Тебя и к Тебе.

Любовь Менделеева — Александру Блоку (12 ноября 1902 года): Нет у меня слов, чтобы сказать тебе все, чем полна душа, нет выражений для моей любви... Я живу и жила лишь для того, чтобы дать тебе счастье, и в этом единственное блаженство, назначение моей жизни.

17 августа 1903 года они обвенчались. Для творчества Блока это событие превратилось в акт вселенской значимости. Он всегда космизировал свою возлюбленную:

*Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли «...»
Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета.
Вижу очи Твои.*

Блок космизирует любые явления природы и жизни. Особый смысл обретает звездная ночь — космический символ космической Любви. Звездное небо при этом персонифицируется: возлюбленная становится звездой, у влюбленного в звезды превращаются глаза:

*И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.*

Поэт рисует головокружительные космические картины, их неотъемлемая часть — он сам и его возлюбленная:

*Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.
И онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры.*

Но эти стихи будут написаны позже и посвящены уже другой женщине. Отношения Блока с женой, которые поначалу складывались столь романтично, обернулись личной трагедией. Еще до замужества Люба Менделеева стала Вселенским символом не только для мужа, но и для его друзей, что привело к острым конфликтам, дошло даже до дуэли с Андреем Белым (к счастью для русской культуры, она не состоялась). Впрочем, вскоре дало знать извечное противоречие между мечтой и действительностью — самим Блоком и его Прекрасной Дамой: та оказалась далекой от созданного поэтического идеала, к тому же еще и неверной супругой.

Личная трагедия поэта нашла отражение и в его стихах, в частности, в одном из шедевров блоковской лирики:

*О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.
Но час настал, и ты ушла из дому,
Я бросил в ночь заветное кольцо...*

Все так и было: сначала портрет, как икона, затем — снятое обручальное кольцо. А что же Прекрасная Дама? Это ведь она без предупреждения покинула мужа и вернулась назад много времени спустя с ребенком от другого мужчины. Поэтому вполне закономерна и хрестоматийная концовка приведенного стихотворения:

*Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.*

Впрочем, только ли Прекрасная Дама виновата? Три года спустя после венчания с ней поэт был уже безоглядно влюблен в другую — актрису Наталью Волохову и лучшие свои стихи, циклы и книги посвящал уже ей:

*О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь!
Принимаю!
И приветствую звоном щита!
А затем была певица Любовь Дельма
И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.*

Но с кем бы в дальнейшем ни сводила Блока судьба и какие бы лирические шедевры при этом ни рождались — былой образ Прекрасной Дамы, «Жены, облаченной в Солнце», возвышенный, вдохновенный и в какой-то мере недостижимый идеал любви, по-прежнему лучезарно светился между строк интимной любовной лирики. В этом смысле судьба знаменитого сборника, посвященного невесте-жене, оказалась более чем символичной. По существу, Прекрасная Дама — это вся поэзия Блока «без конца и без краю», да и вся мировая поэзия вообще!

94. ГОРЬКИЙ «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Есть картина Исаака Бродского — на огромном заводском дворе Путиловского завода несколько тысяч людей слушают революционного оратора — и каждое из тысяч лиц индивидуально выписано, ни один не похож на другого. Потрясающее зрелище. Таков и величайший роман Горького. Так случилось, что его не «проходят» в средней школе, и часто при недостатке времени даже не упоминают. Поэтому широкой отечественной публике он фактически известен только по фильму. Но для кинематографа роман слишком сложен.

А между тем это психологическая эпопея сорока лет жизни русской общественной жизни, ярчайшая картина России, написанная гением из гениев.

Роман создавался с 1925 по 1936 год и остался неоконченным. Но объем, масштабы полотна таковы, что незавершенность его не замечается. Когда в него вживаешься, вчитываешься, то как будто плывешь в океане — ни берегов, ни конца, ни края — безбрежность и бесконечность.

В романе «Жизнь Клима Самгина» сотни исторических персонажей, более тысячи действующих лиц России, сотни исторических событий, писатели и философы всех эпох, книги пяти тысячелетий письменной истории мира. Только перечень перечисленного и упомянутого в эпопее составляет 40 страниц, 2500 лиц фактов. Есть свидетельства, что первые подходы к теме были у Горького еще в 1900, 1911, 1915, 1919 годах. «Пишу нечто прощальное», некий роман — хронику сорока лет русской жизни — говорил он в 1926 году.

В тысячный раз убеждаешься, что гений — это на все времена. После событий 1989–1993 годов в России стало предельно ясно, что Горький глядел на десятилетия вперед. Подтвердились его уничтожающие характеристики, извините за ругательное словосочетание, «российской интеллигенции». Потому-то она так озверело топчет Максима Горького — его творения, его биографию, его личность. Дело зашло так далеко, что главный редактор одной «независимой» газеты вынужден публиковать «Индугульгенцию хулителям Горького» под названием «Уже опять можно».

Сам автор так писал о своем герое:

Мне хотелось изобразить в лице Самгина такого интеллигента средней стоимости, который проходит сквозь целый ряд настроений, ища для себя наиболее независимого места в жизни, где бы ему было удобно и материально и внутренне. Он устоится потом в качестве одного из героев Союза земств и городов, во время войны наденет на себя форму, потом будет ездить на фронт и уговаривать солдат наступать. А кончит жизнь свою где-нибудь за границей в качестве сотрудника, а может быть, репортера одной из существующих газет. Может быть, он кончит иначе.

Эта характеристика дополняется интересными психологическими штрихами в письме к Стефану Цвейгу от 14 мая 1925 года:

... Очень поглощен работой над романом, который пишу и в котором хочу изобразить тридцать лет жизни русской интеллигенции. Это будет, как мне кажется, нечто чрезвычайно азиатское по разнообразию оттенков, пропитанное европейскими влияниями, отраженными в психологии, умонастроении совершенно русском, богатое как страданиями реальными, так в равной мере и страданиями воображаемыми.

В психологическом комплексе самгинщины автор видел не только то, что он называл «выдумыванием» собственной жизни, но и своеобразное «невольничество», то есть определенную подчиненность сознания и практики индивида тенденциям, идеям, традициям, которые внутренне чужды ему, — особенность, казавшаяся труднообъяснимой даже самому создателю «Жизни Клима Самгина».

На протяжении всего романа главный герой постоянно, сталкивается с непреодолимыми для него противоречиями диалектически насыщенной реальной жизни. Он ищет себя и не находит. Густой и липкий туман его желчных мыслей слабо коррелирует с многоцветием реальной действительности. Отсюда многие факты и события кажутся ему иллюзорными. Отсюда и знаменитый афоризм, рефреном проходящий через всю эпопею: «Да был ли мальчик-то?» (Так преломилась в памяти Клима Самгина когда-то увиденная и потрясшая его гибель мальчика, провалившегося под лед.)

Великий роман Горького первоначально назывался «История пустой души». Это более чем точная характеристика главного героя многотомной эпопеи: история типичного русского интеллигента-индивидуалиста, незаурядного по дарованию, но наделенного многочисленными нетерпимыми качествами и неспособного внести позитивный вклад в реальное развитие жизни. Книга Горького потому особенно и актуальна для наших дней, что сегодня, как никогда, жизнь переполнена «историями пустых душ». И их, к великому сожалению, куда больше.) чем праведных.

— Настоящих господ по запаху узнаешь, у них запои теплый, собаки это понимают... Господа — от предков сотнями годов приспособлялись к наукам, чтобы причины понимать, и достигли понимания, и вот государь дал им Думу, в нее набился народ недостойный.

Курчавая борода егеря была когда-то такой же черной как его густейшие брови, теперь она была обескрашена сединой, точно осыпана крупной солью; голос его звучал громко, но монотонно, жестяно, и вся тускло-серая фигура егеря казалась отлитой из олова.

Егеря молча слушало человек шесть, один из них, в пальто на меху с поднятым воротником, в бобровой шапке, с красной тугой шеей; рукою в перчатке он пригладил усы, сказал, вздохнув:

— Эх, старина, опоздал ты...

— Вот я и сокрушаюсь... Студенты генерала арестуют, — разве это может быть?

Сашин слушал речи егеря и думал: «Это похоже на голос здравого смысла».

За оградой явилась необыкновенной плотности толпа людей, в центре первого ряда шагал с красным знаменем в руках высокий, широкоплечий, черноусый, в полушубке без шапки, с надорванным рукавом на правом плече. Это был, видимо, очень сильный человек: древко знамени толстое, длинное, в два человеческих роста, полотнище — бархатное, но человек держал его перед собой легко, точно свечку. По бокам его двое солдат с винтовками, сзади еще двое, первые ряды людей почти сплошь вооружены, даже Аркадий Спивак, маленький фланговой первой шеренги, несет на плече какое-то ружье без штыка. В одну минуту эта толпа заполнила улицу, влилась за ограду, человек со знаменем встал перед ступенями входа. Кто-то закричал:

— Не наклоняй знамя-то, эй, не наклоняй! Сквозь толпу, точно сквозь сито, протискивались солдаты, тащили на плечах пулеметы, какие-то жестяные коробки, ящики, кричали:

— Сторонись!

Никто не командовал ими, и, не обращая внимания на офицера, начальника караульного отряда, даже как бы не видя его, они входили в дверь дворца.

С приближением старости Клим Иванович Самгин утрачивал близорукость, зрение становилось почти нормальным, он уже носил очки не столько из нужды, как по привычке; всматриваясь сверху в лицо толпы, он достаточно хорошо видел над темно-серой массой под измятыми картузами и шапками костлявые, чумазные, закоптевшие, мохнатые лица и пытался вылепить из них одно лицо. Это не удавалось и, раздражая, увлекало все больше. Неуместно вспомнился изломанный, разбитый мир Иеронима Босха, маски Леонардо да Винчи, страшные рожи мудрецов вокруг Христа на картине Дюрера.

«Нет, все это — не так, не то. Стиснуть все лица — одно, все головы — в одну, на одной шее...»

Вспомнилось, что какой-то из императоров Рима желали этого, чтоб отрубить голову.

«Мизантропия, углубленная до безумия. Нет, — каким должен быть вождь, Наполеон этих людей? Людей, которые видят счастье жизни только в сытости?»

95. ЕСЕНИН «МОСКВА КАБАЦКАЯ»

Стихотворения с таким названием у Есенина нет. Зато есть скандально знаменитый сборник — его заголовок сделался нарицательным. В творчестве поэта эта небольшая книжечка всего лишь из 18 стихотворений — рубежная. Он только что расстался с Айседорой Дункан и окончательно вернулся домой после продолжительной поездки в Америку и Европу, которые не принял, не понял и даже возненавидел. Но и в России ему было неуютно. Как и многие другие, он чувствовал себя разочарованным в революции. Про то и написал:

*Ах, сегодня так весело россам.
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Им про Волгу поет и про Чека «...»
Жалко им, что Октябрь суровый
Обманул их в своей пурге.
И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.*

«Москва кабацкая» увидела свет в конце 1924 года без этих двух строф — их вымарала цензура. Многие стихи сборника были известны и до этого. Но здесь впервые выделен цикл «Любовь хулигана» и указан его адресат (полностью, а не инициалы, как это зачастую случается в посвящениях) — Августа Миклашевская. Без любви поэт не мог. Любовь и только любовь роняла в его сердце искры, которые разжигали в душе огонь творчества. Нет любви — нет поэзии:

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

Конечно про любовь он пел не впервые, но всякий раз настолько отдавался нахлынувшему чувству, как будто оно и в самом деле было первым или последним. Для Августы Миклашевской, актрисы Камерного театра, встреча с поэтом, разумеется, тоже не была первой. К тому же она была еще и старше на четыре года:

*Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость...*

И совсем уже почти что вопль отчаяния:

*Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела...*

Здесь же хрестоматийно — крылатое двестише:

*Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок...*

Вызывала ли «осенняя усталость» в глазах прекрасной Августы образы других возлюбленных поэта? Сколько их было? Впрочем, он и сам не скрывает этого в откровенно грубой форме:

*Многих девушек я перещупал,
Много женщин в углах прижимал...*

А стоит ли вообще считать. Ведь почти каждая оставила след не только в личной судьбе, но и в истории русской поэзии. Не встретил бы он Лидию Кашину, Зинаиду Райх, Августу Миклашевскую, Софью Толстую, Шаганэ Тальян, Галину Бениславскую — не было бы в сокровищнице лирической поэзии ни «Анны Снегиной», ни «Письма к женщине», ни «Ты прохладой меня не мучай...», ни «Отговорила роща золотая...», ни «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», ни прощального «До свиданья, друг мой, до свиданья...»

Лирика Есенина глубоко интимна, но он умеет затрагивать такие неведомые струны, что они точно так же (если не сильнее) звучат в других сердцах. Его стихи воспринимаются не как о ком-то, а как о тебе самом, заставляя переживать и восторг, и разочарование, и радость жизни, и страх перед ней. Мало кто, как Есенин, способен передать такое щемящее чувство любви к Родине, неотделимое от любви к женщине. Иногда это любовь к матери, в «Москве кабацкой» — к возлюбленной:

*Ты такая ж простая, как все.
Как сто тысяч других в России.
Знаешь ты одинокий рассвет,
Знаешь холод осени синий...*

Структура «Москвы кабацкой» чрезвычайно продумана. Здесь несколько небольших разделов, но, по существу, она распадается на две смысловые части: одна — пьяно-кричащая, выворачивающая душу наизнанку, другая — нежно-исповедальная, достигающая высочайших вершин лиризма. Черное и белое, тьма и свет, крик и шепот. С одной стороны:

*Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.
С другой стороны:*

*Мне бы только смотреть на тебя.
Видеть глаз златокарий омут,
И чтоб прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому
«...»
Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.*

Первоначально цикл «Москва кабацкая» — всего четыре стихотворения — был напечатан в книге «Стихи скандалиста». Сюда входило и печально знаменитое обращение к Айседоре Дункан. Однако в сборник 24-го года оно не вошло: то ли по цензурным соображениям, то ли по причинам личного порядка:

*«...» Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.
Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпеж.
Что ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь? «...»
Я среди женщин тебя не первую...
Не мало вас,
Но с такою, как ты, со стервою
Лишь в первый раз...*

Потрясающая особенность «Москвы кабацкой»: ее завершает раздел, названный «Стихотворение как заключение». Всего одно. Но зато какое!

*Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым...*

Это — своего рода предзавещание: поэт точно предчувствует скорую гибель. Заключение как бы венчает смысловую диалектическую триаду «тезис — антитезис — синтез» через неискоренимую борьбу Добра со Злом — к Очищению и обретению Умиротворения:

*Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шлаться босиком «...»
Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью*

Проскакал на розовом коне...

Творчество Есенина яркое, как метеор, оборвалось в полете. Его поэзия сродни русской песне и многие стихи из «Москвы кабацкой» давно уже положены на музыку, стали песнями, которые поют повсюду. И будут петь всегда. Пока жива Россия. А она — вечна!

96. МАЯКОВСКИЙ

«ХОРОШО!»

Все три великие его поэмы начинаются с обращения Всемогущему времени: поэма «Владимир Ильич Ленин» -

*Время начинаю
про Ленина рассказ,
Но не потому, что горя нету более.
Время потому, что острее тоска
Стала ясною осознанною болью.*

Вступление в поэму «Во весь голос»:

*Я сам расскажу
о времени
и о себе...*

И вот Октябрьская поэма «Хорошо!»:

*Время — вещь необычайно длинная — были времена прошли былинные.
Ни былин, ни эпосов, ни эпопей,
Телеграммой лети строфа!
Воспаленной губой припади и попей
Из реки по имени — «Факт».*

Теперь через семьдесят лет мы «товарищи-потомки» видим, что обращение ко Времени было совсем не случайным. Всякий большой поэт по каким-то еще непознанным законам есть провидец, пророк, предсказатель будущего. Огромное множество примеров, которых здесь нет возможности приводить, перекрывается, наверное, одним. За 40 лет до рождения Иисуса Христа поэт Вергилий предсказал его явление миру.

Вот и Владимир Маяковский и прямо и намеками многократно говорит нам, что по его строкам будут изучать первое революционное десятилетие. Он скромничал. По его стихам постигают не только само время, но чувства и мысли людей, живших и воспринимавших это время. Оно было тяжелым и трагичным, но оно было и былинно — песенным, одухотворенным. Десятки песен, сотни стихов. Каждый как-то отражает эпоху. Но лучше В. Маяковского ту эпоху не смог отобразить никто.

Бессмертие и актуальность поэзии великого певца революции видно и из того, как сейчас топчут и рвут и мажут черным его имя. Видно сильно он чем-то задел мерзавцев. Особенно это проявилось в год столетнего юбилея поэта (1993).

Какой только грязи не натащили на страницы газет и журналов любители «демократии», «свободы» и пресловутых «прав человека». Но удивительно! Чем больше хулы и воплей, что де он воспевал не то, прославлял не то, тем выше он поднимался в глазах непредубежденной читающей публики. Простые, неискушенные люди говорили: «Так ведь не он эту эпоху придумал, он только отразил, но гениально отразил». Просчитались злопыхатели. Правда, извлекли уроки. Других гигантов решили не критиковать, а просто замалчивать.

Вся сила и мощь поэтического гения концентрированно выражены в огромной (более 3000 строк знаменитой «лесенки») поэме «Хорошо!». Из программных и поздних его созданий — эта — наиболее зрелая, отточенная, выверенная по каждому слову, по каждому знаку препинания.

Необыкновенные рифмы, неожиданные метафоры, смена ритмов, потрясающие сюжетные ходы, все, что накоплено предыдущими формалистическими увлечениями, переплавилось в редчайшую амальгаму.

Поэзию, конечно, бессмысленно пересказывать. Но все-таки, о чем же поэма? Из пролога и восемнадцати глав, первые пять посвящены «кадетской» России второй половины 1917 года: диалоги и монологи солдат, штабс-капитанов, крестьян, партийных деятелей. Две главы — 25-е Первый день. Главы 8-17 — интервенция и гражданская война. Последние три главы — гимн десятилетнему государству.

*Я хочу,
чтобы с этой
книгой побыв,
Из квартирною
тихого мирка
Шел опять
на плечах
пулеметной пальбы,
Как штыком
строкой
просверкав.*

Поразительно, но в историческом, по существу, изложении на каждой странице присутствует автор, каждый эпизод, каждый штрих проходит через сердце и душу поэта. Маяковский, как никто, умел передать неотделимость судьбы поэта от исторической судьбы страны:

*Это время гудит
телеграфной струной,
это сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце*

было
в моем.

97. ШОЛОХОВ «ТИХИЙ ДОН»

Кончается XX век, остаются книги. Величайшим романом уходящего века является «Тихий Дон» Шолохова. Беспощадна человеческая жизнь, беспощадно ее реалистическое отображение в настоящей литературе.

У романа и у автора много завистников и поэтому — много врагов. Даже присуждение автору Нобелевской премии по литературе в 1965 году — случай совершенно исключительный. Теперь стало известно, что «шведских мудрецов» ситуация приперла к стенке. У них просто не было другого выхода, не дать нельзя — будет полный конфуз, скандал, компрометация всей идеи. Мир не поймет. Вот только тогда отмечают российских гениев. Так было с Л. В. Канторовичем, так было и с М. А. Шолоховым. Но зато уж и достижение отмечается фантастически великое. Смеем утверждать, что открытие оптимальных цен Канторовичем (математиком) перевешивает по весу всю сумму Нобелевских результатов по экономике во второй половине века.

Со времени создания «Тихого Дона» в мире нет ничего, что приближалось бы к величию и мощи этого этико-психологического романа. 710 действующих лиц, и из них — 170 реальных исторических персонажей. Но, конечно же, не в количестве дело.

Каждый, даже случайно промелькнувший на одной странице человек, введен в ткань романа сильной рукой мастера. Читаешь текст в третий, четвертый раз в течение жизни — и проявляются все новые и новые глубины. Как в симфониях П. И. Чайковского или Бетховена. В этом смысле «Тихий Дон» — беспределен и бесконечен.

И на фоне эпохальных политических событий и потрясений — трагическая стихия отношений Григория Мелехова и Аксиньи, рассказанная с такой полнотой психологических устремлений, порывов, чести, долга, обычаев. Мятущаяся натура Григория — так до конца и не разгаданная целым сонмом литературоведов-шолохovedов. Положительный этот герой или отрицательный? Какими мелкими и ничтожными кажутся нам эти «проблемы» перед лицом трагичности целого уходящего мира, где ставкой служат тысячи и тысячи человеческих жизней.

Но что же все-таки утверждает роман? Он говорит, что никогда не будет «согласия» между людоедами и поедаемыми, между грабителями и ограбленными. Что эта борьба — не придурь кучки людей из «пломбированного вагона», а великое, кровавое поле беспощадной бескомпромиссной битвы вселенского добра и вселенского зла. Фронт этой борьбы проходит через каждое село, станицу, рассекает каждую семью, каждую душу человеческую.

Вот что пишет об этой книге С. Н. Семанов: «Создать картину великой революции, всколыхнувшей Россию в борьбе за новое общество, — вот задача, которую взял на себя Михаил Шолохов. Взял — и разрешил. Он показал, как точно выразился П. Палиевский, ту «ищущую единства правду», которая в итоге суровой и кровопролитной борьбы объединила народ после векового раскола на враждебные классы.

Трагический путь Григория Мелехова и есть поиск этой правды. Он не находит ее — что ж, революция не признает обязательного «счастливого конца».

Правду революции искал вместе со своими героями сам Михаил Шолохов. И он нашел ее — и в искусстве, и в жизни.

Роман М. Шолохова «Тихий Дон», подобно «Илиаде» Гомера, — это народный эпос двадцатого столетия, эпос русского народа, запечатленный его гениальным сыном. Все, о чем рассказано в «Тихом Доне», есть в высшей степени «подлинное». Подлинное в самом высоком, то есть наиболее точном, смысле этого слова. Все, что описано в романе, «так и было», именно так. В большом и малом. Для художественного произведения, кстати говоря, вообще трудно уловима грань между «большим» и «малым». Историческая реальность «Тихого Дона» всеобъемлюща и этим беспримерна.

С полным основанием можно сказать, что если бы от эпохи гражданской войны остался бы лишь один роман «Тихий Дон», то и этого одного было бы довольно, чтобы наши потомки получили о той эпохе глубокое и многообразное впечатление.

Картина, нарисованная в романе, необозримо широка, как и сама жизнь. Как ориентиры, как вехи, по которым определяют направление пути, в романе много конкретного, реально-исторического. Это помогает нам яснее представить себе масштаб событий и место героев в общем движении истории.

Разумеется, «Тихий Дон» есть прежде всего художественное произведение, классический образец классической литературы. Вся историческая конкретность, обильно привлеченная автором, служит главной задаче — созданию художественного образа. Однако выявить историческую реальность романа — значило бы и лучше понять «Тихий Дон» именно как великое художественное произведение.

Действие романа «Тихий Дон» имеет точную временную протяженность: с мая 1912 года по март 1922-го. Это десятилетие русской истории наполнено событиями исключительного значения: подъем рабочего движения в 1912–1914 годах, отмеченный грандиозными стачками, провозвестниками будущей революции; первая мировая война, до основания потрясшая весь старый мир, а царскую Россию — в особенности; свержение самодержавия в марте 1917 года; борьба партии большевиков за массы. Великий Октябрь; беспримерная в истории гражданская война, полыхавшая на всем пространстве огромной страны от Риги до Камчатки; иностранная интервенция, попытки расчленить Советскую Россию, позорный крах интервентов; победа государства Советов и начало строительства новой жизни...»

По насыщенности и драматизму событий мало было подобных десятилетий в течение всех минувших эпох истории человечества. «Все эти безмерные по сложности явления получили в романе М. Шолохова не только высокохудожественное, но и исторически точное отражение, — пишет С. Н. Семанов. — Порой эта полнота жизненной реальности достигается удивительно скупыми средствами, предельным лаконизмом текста».

Григорий крупно зашагал. По деревянному настилу мостка в прозрачной весенней тишине четко зазвучали его редкие шаги и отзвуки дробной поступи Натальи, поспешавшей за ним. От мостка Наталья пошла молча, вытирая часто набегавшие слезы, а потом, проглотив рыдание, запинаясь, спросила:

— Опять за старое берешься?

— Оставь, Наталья!

— Кобелина проклятый, ненаедный! За что ж ты меня опять мучаешь?

— Ты бы поменьше брехней слухала.

— Сам же признался!

— Тебе, видно, больше набрехали, чем на самом деле было. Ну, трошки виноват перед тобой... Она, жизнь, Наташка, виноватит... Все время на краю смерти ходишь, ну, и перелезешь иной раз через борозду...

— Дети у тебя уж вон какие! Как гляделками-то не совестноморгать!

— Ха! Совесть! — Григорий обнажил в улыбке кипенные зубы, засмеялся. — Я об ней и думать позабыл. Какая уж там совесть, когда вся жизнь похитнулась... Людей убиваешь... Неизвестно для чего всю эту кашу... Да ить как тебе сказать? Не поймешь ты! В тебе одна бабья лютость зараз горит, а до того ты не додумаешься, что мне сердце точит, кровь пьет. Я вот и к водке потянулся. Надысь припадком меня вдарило. Сердце на кой миг возят встало, и холод пошел по телу... — Григорий потемнел лицом, тяжело выжимал из себя слова: — Трудно мне, через это и шарить, чем бы забыться, водкой ли, бабой ли... Ты погоди! Дай мне сказать: у меня вот тут сосет и сосет, картит все время... Неправильный у жизни ход, и, может, и я в этом виноватый... Зараз бы с красными надо замирился и — на кадетов. А как? Кто нас сведет с советской властью? Как нашим общим обидам счет произвести? Половина казаков за Донцом, а какие тут остались — остервелись, землю под собой грызут... Все у меня, Наташка, помутилось в голове... Вот и твой дед Гришака по Библии читал и говорит, что, мол, неверно мы свершили, не надо бы восставать. Батю твоего ругал.

— Дед — он уж умом рухнул! Теперь твой черед.

— Вот только так ты и можешь рассуждать. На другое твой ум не подымется...

— Ох, уж ты бы мне зубы не заговаривал! Напаскудил, обвиноватился, а теперь все на войну беду сворачиваешь. Все вы такие-то! Мало через тебя, чорта, я лиха приняла? Да и жалко уж, что тогда не до смерти зарезалась...

— Больше не об чем с тобой гуторить. Ежели чижало тебе, ты покричи, — слеза ваше бабье горе завсегда мягчит. А я тебе зараз не утешник. Я так об чужую кровь измазался, что у меня уж и жали ни к кому не осталось. Детву — и эту почти не жалею, а об себе и думки нету. Война все из меня вычерпала. Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодезе...

«Тихий Дон» начинается и кончается в хуторе Татарском. Первая фраза романа: «Мелеховский двор — на самом краю хутора». Последняя сцена: Григорий стоит «у ворот родного дома», держит на руках сына. И в его глазах навечно застыла печальная судьба России. Здесь, в отчем доме,

в семье, среди близких, на родной земле, на родине все начала и все концы жизни.

98. БУНИН **«ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»**

Лучшее произведение о любви в мировой литературе, созданное не в молодости или в зрелые годы, а в старости, на склоне лет. В этом, вероятно, и кроется секрет сборника новелл, написанных 70-летним Буниным в оккупированной фашистами Франции и изданных впервые крошечным тиражом — 600 экземпляров — в Нью-Йорке в 1943 году в самый разгар второй мировой войны. Писатель голодал, но предложений коллаборационистов о сотрудничестве не принял, предпочел жизнь затворника в приальпийском Грасе с ежедневной картофельной баландой и работу над последним шедевром в своей жизни посулам сытого достатка со стороны предателей Франции и врагов России. Казалось, позади осталось все — жизнь, молодость, Родина, друзья, литературная слава и всемирное признание (Нобелевская премия была присуждена Бунину ровно за десять лет до появления «Темных аллей»). Но сохранилось то, что, оказывается, никогда не умирает — Любовь.

Если отвлечься от конкретики сюжетов, бунинская проза — единое и неповторимое песнопение в честь любви. Жизнь — вечное возвращение. И возвращается она в любви. У Бунина — в памяти о любви. Память бессмертна. У писателя-эмигранта оставалась еще память о России и далекой молодости. «Темные аллеи» — книга о русской любви, хотя действие отдельных новелл происходит в Париже, Вене, Испании и даже в Палестине. Всего в окончательной версии сборника 37 рассказов; правда, среди них множество миниатюр — из тех, что принято именовать стихотворениями в прозе.

В наиболее впечатляющих новеллах Бунин рисует, как, правило, любовь роковую, неотвратимую, без остатка страстную. Нередко — с трагическим исходом: кто-то стреляется («Кавказ»), кого-то убивает обманутый любовник («Генрих», «Пароход «Саратов»»), а кого-то удавливает ревнивый муж («Дубки»), кто-то травится насмерть («Галя Ганская»), кто-то бросается! под поезд («Зойка и Валерия»). И разлуки, разлуки, разлуки, — оставляющие чувство щемящей тоски. И отдельные рассказы, и все они вместе напоминают импрессионистскую картину, сплошь составленную из следов былых впечатлений. Бунин пишет таю как будто сам пережил случившееся, и заставляет читателя переживать то же самое:

И мы сидели, сидели в каком-то недоумении счастья. Одной рукой я обнимал тебя, слыша биение твоего сердца, в другой держал твою руку, чувствуя через нее всю тебя. И было уже так поздно, что даже и колотушки не было слышно, — лег где-нибудь на скамье и задремал с трубкой в зубах старик греясь в месячном свете. Когда я глядел вправо, я видел, как высоко и безгрешно сияет над двором месяц и рыбьим блеском блестит крыша дома. Когда глядел влево, видел заросшую сухими травами дорожку, пропадавшую под другими яблонями, а за ними низко выглядывавшую из-за какого-то другого сада одинокую зеленую звезду, теплившуюся бесстрастно вместе с тем выжидательно, что-то беззвучно говорившую. Но и двор и звезду я видел только мельком — одно было в

мире — легкий сумрак и лучистое мерцание твоих глаз в сумраке.

А потом ты проводила меня до калитки, и я сказал:

— Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за все, что ты дала мне на земле.

(«Поздний час»)

Любая женщина, которую рисует Бунин (безразлично, к какому сословию она принадлежит — горничная или дворянка) — всегда неразгаданно таинственна и непередаваемо прекрасна именно в своей неповторимой женственности и красоте, о которой писатель еще и говорит — страшная, на самом деле имея в виду — колдовская, волшебная.

Он разъединил ее ноги, их нежное, горячее тепло, — она только вздохнула во сне, слабо потянулась и закинула руку за голову «...» Когда она зарыдала, сладко и горестно, он с чувством не только животной благодарности за то неожиданное счастье, которое она бессознательно дала ему, но и восторга, любви стал целовать ее в шею, в грудь, все упоительно пахнущее чем-то деревенским, девичьим. И она, рыдая, вдруг ответила ему женским бессознательным порывом — крепко и тоже будто благодарно обняла и прижала к себе его голову. Кто он, она еще не понимала в полусне, но все равно — это был тот, с кем она, в некий срок, впервые должна была соединиться в самой тайной и блаженно-смертной близости. Эта близость, обоюдная, совершилась и уже ничем в мире расторгнута быть не может, и он навеки унес ее в себе, и вот эта необыкновенная ночь принимает его в свое не постижимое светлое царство вместе с нею, с этой близостью...

(«Таня»)

Много прекрасного создала Природа. Но нет ничего в ней более прекрасного и гармоничного, чем обнаженное женское тело. Оно — живая музыка Природы. Бунин как никто другой сумел передать эту истину образными словами русской речи:

Через голову она разделась, забелела в сумраке всем своим долгим телом и стала обвязывать голову косой, подняв руки, показывая темные мышки и поднявшиеся груди, не стыдясь своей наготы и темного мыска под животом. Обвязав, быстро поцеловала его, вскочила на ноги, плашмя упала в воду, закинув голову назад, и шумно заколотила ногами.

Потом он, спеша, помог ей одеться и закутаться в плед. В сумраке сказочно были видны ее черные глаза и черные волосы, обвязанные косой. Он больше не смел касаться ее, только целовал ее руки и молчал от нестерпимого счастья. Все казалось, что кто-то есть в темноте прибрежного леса, молча тлеющего кое-где светляками, — стоит и слушает.

(«Руся»)

Она покорно и быстро переступила из всего сброшенного на пол белья, осталась вся голая, серо-сиреневая, с той особенностью женского тела, когда оно нервно зябнет, становится туго и прохладно, покрываясь гусиной кожей, в одних дешевых серых чулках с простыми подвязками, в дешевых черных туфельках, и победоносно-пьяно взглянула на него, берясь за волосы и вынимая из них шпильки. Он, холодея, следил за ней. Телом она оказалась лучше, моложе, чем можно было думать. Худые ключицы и ребра выделялись в соответствии с худым лицом и тонкими голеньями. Но бедра были даже крупны. Живот с маленьким глубоким пупком был

впалый, выпуклый треугольник темных красивых волос под ним соответствовал обилию темных волос на голове. Она вынула шпильки, волосы густо упали на ее худую спину в выступающих позвонках. Она наклонилась, чтобы поднять спадающие чулки, — маленькие груди с озябшими, сморщившимися коричневыми сосками повисли тощими грушками, прелестными в своей бедности. И он заставил ее испытать то крайнее бесстыдство, которое так не к лицу было ей и потому так возбуждало его жалостью, нежностью, страстью...

(«Визитные карточки»)

Булнина можно перечитывать бесконечно. Особенно — «Темные аллеи». И каждый раз остается ощущение: как будто выпил чистой воды из заветного источника. А можно сказать и словами самого Бунина: «Он поцеловал ее холодную ручку с той любовью, что остается где-то в сердце на всю жизнь...» Ведь у каждого есть любовь, которая остается где-то в сердце на всю жизнь!

99. АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ «ПЕТР ПЕРВЫЙ»

Это книга об эпохе петровских преобразований в России — великой и трагической эпохе, когда решалась судьба русского народа, его предназначение в мире, формировался окончательно национальный характер с его достоинствами и изъянами. Сейчас часто петровские реформы бранят. Вот, мол, хотел порушить традиции и привить европейские (англо — немецко — голландские) порядки и обычаи. И действовал жестоко, беспощадно, бесчеловечно. Вообще поломал нашу самобытность, неповторимость. Триста лет последующей истории вынесли Петру полностью оправдательный вердикт. Царь Петр — фигура вселенского масштаба. В его правление отсталая страна совершила огромный скачок вперед в промышленном развитии. Россия утвердилась на берегах Балтики, приобрела кратчайший торговый путь в Европу. Появилась первая печатная газета, были открыты первые военные и профессиональные школы, возникли первые типографии, печатавшие книги светского содержания. Первый в стране музей. Первая публичная библиотека. Первые публичные театры. Первые парки. Наконец первый указ об организации Академии наук. Детищем Петра по праву считается военно-морской флот, ранее отсутствовавший, в России, а также регулярная армия, великолепно обученная и хорошо вооруженная. При Петре и под его водительством они навеки прославили русское оружие.

Перечисленные новшества, вмещающиеся в емкое понятие Петровские преобразования, позволили России сокрушить первоклассную шведскую армию и войти в ранг великих держав.

Преобразования эпохи осуществлялись за счет огромных жертв трудового населения. Это его усилиями воздвигался Петербург, строились корабли, сооружались крепости, каналы и дворцы. На плечи народа легли новые тяготы: были увеличены налоги, введена рекрутчина, производились мобилизации на строительные работы. Русские воины проявляли чудеса храбрости в сражениях, овеянных славными победами у Лесной, Полтавы, Гангута. Тяжесть преобразований не исключает их громадной общенациональной значимости. Они вывели Россию на путь ускоренного экономического, политического и культурного развития и вписали имя

Петра — инициатора этих преобразований — в плеяду выдающихся государственных деятелей нашей страны.

И страна как могучий корабль — «громада двинулась и рассекает волны. Плывет...»

Надо сильно кривить душой или иметь очень корыстные замыслы, чтобы отрицать, что без деяний Петра Россия стала бы величайшей державой мира в XX веке, но еще раньше создала уникальную гуманистическую художественную культуру.

Повествование о первой половине царствования и деяний Петра I во всем мире признано лучшим историческим романом. Несомненно, это и вершина творчества Алексея Николаевича Толстого (1883–1945).

Он шел к нему всю жизнь. Огромное полотно «Хождение по мукам» вместе с совершенно необыкновенной повестью «Хлеб (оборона Царицына)», о которой большинство даже читающей публики никогда не слышало. А между тем ритм фразы в третьей части «Петра I» очень корреспондирует с упругим ритмом «Хлеба». Теперь и в следующие столетия люди будут видеть петровское время по образам А. Толстого. Чтение создает настолько яркие, динамические картины, что мне, например, прочитавшему роман в 12–13 лет, честно говоря, кинофильм не очень был нужен. А фильм по роману талантливый — сделан на пределе артистических возможностей. (Работа над романом затянулась на 16 лет — с 1929 по 1941 г.)

У Алексея Николаевича в автобиографических сочинениях и в публицистике тяжелейший, но сладостный процесс написания книги рассказан максимально подробно, откровенно, подобно исповеди. Сам автор считал, что «чудо словесной вязи» бытового русского языка рубежа XVII–XVIII веков перед ним открыли протоколы следственных дел «Слова и дела». Роман остался незаконченным. В черновиках и записных книжках можно было бы набрать еще до сотни страниц связного текста (и какого текста).

И в то же время есть свидетельства, что романист мучился: решаться на второй том или оставить своих героев молодыми. Ясно видел, что вторая половина царствования Петра — темнее и менее романтична нежели весна жизни.

Один недостаток у романа «Петр I» — после него невозможно читать другие исторические художественные повествования — явно видны белые нитки, коими шит сюжет.

100. ТВАРДОВСКИЙ «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

В глубь века уходит Та Война, уходят ее солдаты, и уже многие хотели бы, чтоб Поле Битвы «поросло травой забвенья» И уже на деньги какого-то Сороса издается миллионными тиражами учебник истории для школьников, где не упомянута даже Сталинградская битва, а решающим сражением второй мировой войны преподносится танковая баталия в Североафриканской пустыне.

По счастью, существует величайшая на земле русская литература, величие которой состоит прежде всего в том, что она литература высочайшей Правды. Эту правду не закрыть, не заглушить даже и миллиардными тиражами лжи и глупости. Хулители и злопыхатели все

равно стараются. Знают, что бесполезно, но стараются. Вот это и есть титаническая борьба Света и Тьмы, Добра и Зла.

*А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей.
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.
Что ж еще?
И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.*

Победа в 1945 году носила космический характер. Оказалось, что эту почти тривиальную мысль очень трудно осознать.

Вровень с этой Победой стоит величественный поэтический Эпос о Великой войне — поэма Александра Трифоновича Твардовского. Огромное творение — почти 6000 стихотворных строк. И грандиозна она не размерами, а силой слова, правдой жизни и величием народного духа. «Теркин» стоит рядом только с «Онегиным» Пушкина, «Русскими женщинами» Некрасова и поэмами Маяковского.

Язык поэмы прозрачный, живой, серебряный. Ни одного ненужного, лишнего слова, ни одной пошлой фразы:

*— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.
— Ас чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.
— Ну, пятьсот. Скажи почести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...*

Первые главы «Василия Теркина» были опубликованы в 1942 году, хотя имя героя книги было известно по военной печати значительно раньше. И вынашивая свой замысел «Теркина», Твардовский напряженно пытался уяснить сущность людей на войне:

Не эта война, какая бы она ни была, «...» породила этих людей, а то большее, что было до войны. Революция, коллективизация, весь строй жизни. А война обнаруживала, выдавала в ярком виде на свет эти качества людей. Правда, и она что-то делала. «...» Я чувствую, что армия для меня будет такой же дорогой темой, как и тема переустройства жизни в деревне, ее люди мне так же дороги, как и люди колхозной деревни, да потом ведь это же в большинстве те же люди. Задача проникнуть в их

духовный внутренний мир, почувствовать их как свое поколение (писатель — ровесник любому поколению). «...» Умонастроения читательской массы определялись не просто трудностями солдатской жизни, а всей огромностью грозных и печальных событий войны: отступление, оставление многими воинами родных и близких в тылу у врага, присущая всем суровая и сосредоточенная дума о судьбах Родины, пережившей величайшие испытания. Но все же и в этот период люди оставались людьми, у них была потребность отдохнуть, развлечься, позабавиться чем-то на коротком привале или в перерыве между огневым налетом артиллерии и бомбежкой.

О ходе работы над «Книгой про бойца» сам поэт рассказывал так. Перед весной 1942 года он приехал в Москву и, заглянув в свои тетрадки, вдруг решил «оживить» старые наброски. Сразу было написано вступление «о воде, еде, шутке и правде». Быстро дописал главы «На привале», «Переправа», «Теркин ранен», «О награде», лежавшие в черновых набросках. По мнению Твардовского, ни одна из его работ не давалась ему так трудно поначалу и не шла так легко потом. Правда, каждую главу он переписывал множество раз, проверяя на слух, подолгу трудясь над какой-нибудь строфой или строкой. И вот вывод:

Каково бы ни было ее [«Книги про бойца»] собственно литературное значение, для меня она была истинным счастьем. Она мне дала ощущение места художника в великой борьбе народа, ощущение очевидной полезности моего труда, чувство полной свободы обращения со стихом и словом в естественно сложившейся непринужденной форме изложения.

Да, Александр Трифонович, много было у тебя разных прегрешений перед самим собой, оставленной семьей и народом русским. Но, коли придется держать ответ за все содеянное на страшном суде, наверное, замолит все грехи автора русский солдат Василий Иванович Теркин. Этой надеждой и живем.

*Я мечтал о сущем чуде:
Чтоб от выдумки моей
На войне живущим людям
Было, может быть, теплей.
Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
— Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...*